
PIVS·IX·PON.
MAX·AN·XV
Коррадо Ауджиас
СЕКРЕТЫ
ВАТИКАНА

Секреты Ватикана

Corrado Augias

I segreti del Vaticano

Storie, luoghi, personaggi
di un potere millenario

Mondadori

Коррадо Ауджиас

Секреты Ватикана

Перевод с итальянского Игоря Левина

Москва
2012

УДК 272:179.8
ББК 86.375; 87.7
А93

На русском языке публикуется впервые

Ауджиас, К.

А93 Секреты Ватикана / Коррадо Ауджиас; пер. с итал. Игоря Левина. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. — 384 с.

ISBN 978-5-91657-396-1

Жизнь сильных мира всего, вернее, та ее часть, что скрыта от посторонних глаз – это всегда любопытно, не правда ли? Автор этой книги, ученый-историк, проведет читателя потайными ходами в самое сердце одной из могущественнейших организаций мира. Интриги, махинации, замыслы и преступления в стенах государства в государстве – великого и таинственного Ватикана.

Книга доставит огромное удовольствие как тем, кто интересуется мировыми религиями, так и тем, кто хочет узнать больше о влиянии Святого престола на ход мировой истории.

УДК 272:179.8
ББК 86.375; 87.7

ISBN 978-5-91657-396-1

Оглавление

Было время, когда я грезил о Церкви: той, что свершает свой путь в бедности и смирении, о Церкви, не зависящей от мирской власти… о Церкви, созидающей пространство для людей, способных мыслить шире, более открыто; о Церкви, что вселяет мужество, прежде всего в тех, кто ощущает свою незначительность, в тех, кто считает себя грешниками. Я мечтал о юной Церкви. Ныне сны рассеялись. По прошествии семидесяти пяти лет я решил молиться за Церковь.

Кардинал Карло Мария Мартини.
Ночные беседы в Иерусалиме

Введение
Другая сторона Рима

События и факты, о которых повествуется в этой книге, не затрагивают католическую церковь как зримое воплощение вероучения и жертвенности, сообщество священников и верующих. Здесь собраны некоторые показательные истории, имеющие отношение к Святому престолу (Ватикану), иными словами, к суверенному государству, обладающему органами власти, территорией (пусть и сугубо символической), флагом, гимном, валютой, армией (не менее символического свойства), а также сетью рассеянных по миру дипломатических представительств и послов (апостольских нунциев), аккредитованных согласно действующим правилам.

В данном случае выражение «показательные истории» несет двойную смысловую нагрузку. Более очевидная грань заключается в выстраивании событий таким образом, чтобы они отражали историко-политическую обстановку, их породившую. Менее явная сводится к тому, что рассказ, часто насыщенный жестокостью и даже откровенно кровавый, демонстрирует, насколько чудовищна цена, заплаченная католической церковью за стремление объединить свою духовную миссию с политической природой государства. Это можно было бы назвать попыткой примирить небо и землю, невинность святости и ухищрения власти, или же, цитируя Евангелие, Бога и Мамону.

Попытки подобного симбиоза много раз обличались в лоне самой Церкви — великими мыслителями и просвещенными умами. С тех самых пор, как христианство при императоре Феодосии (конец IV в. н. э.) стало общеимперской и государственной религией, не было эпохи, когда бы не раздавались голоса, предвещавшие, предостерегавшие, молившие Церковь отвергнуть золото и пурпур, вернувшись к своим истокам — святому смирению. Однако у политики мертвая хватка: единственный способ освободиться —

мужественный и окончательный разрыв, которого так и не случилось. Вот почему инакомыслящие остались в меньшинстве. «Обогащение диалога» — такая им была отведена роль. Причем вплоть до сегодняшнего дня это остается диалогом глухих.

Такая глубинная двойственность накладывает отпечаток на фигуру самого великого понтифика. Когда папа обращается с речью, почти всегда неясно, делает он это как верховный представитель одной из величайших религий, пастырь и наставник своей паствы или же как глава независимого государства, монарх, сосредотачивающий в своих руках контроль над всеми ветвями власти: законодательной, исполнительной, судебной. Впрочем, уже сам титул «Великий понтифик» фиксирует эту двойную сущность: правитель одной из немногих сохранившихся ныне абсолютных монархий, он царствует в течение всей жизни.

Тому, кто хотел бы более основательно изучить эту могущественную земную структуру, я рекомендую обратиться к заключительному приложению, где среди прочего уточнены необходимые различия между Ватиканом, Святым престолом и католической церковью.

Широким признанием пользуется утверждение, что влияние, периодически оказываемое церковью на светские дела, да и сама выживаемость этого института проистекают именно из его двойной идентичности. Разумеется, речь идет о настоящем феномене, сформировавшемся за двадцать столетий мировой истории — религиозной конфессии, сумевшей жестко структурироваться в форме государства. В классической античности были случаи, когда политическая власть принимала на себя и сакральные функции, но никогда не происходило обратного: чтобы религия приобретала конкретный политический образ. Столь же бесспорно и то, что, помимо безусловных материальных выгод, такая трансформация оказала тяжелое воздействие на собственно духовную деятельность церкви, поскольку, несмотря на любые попытки приладить их друг к другу, свести Бога и Мамону весьма трудно.

Как увидит читатель, все главы этой книги обращаются к разным сюжетам и персонажам в длинной временной перспективе — от начальных лет нашей эры до нашего времени. Первая глава вообще посвящена императору, царствовавшему в тот период, когда Ватикан еще не обрел привычный для нас облик. Строго говоря, это экскурсия за пределы выбранной темы; между тем, если охватить всю картину целиком, отклонения от данной темы представляются полезными, ибо помогают наметить координаты для лучшего

понимания последовательности событий, совокупности фактов, профиля и внутренних ориентиров действующих лиц.

Но говорить о Ватикане означает на деле рассказывать в основном о Риме; с IV века и практически до конца XIX столетия истории Ватикана и Вечного города совпадали. Ряд описываемых в книге событий и правда по многим аспектам сводится к тому, о чем заявляет введение, повествуя о «другой стороне Рима».

Книга не претендует на тематическую или хронологическую полноту. Скорее, можно сказать, что в ней собраны рассказы, продиктованные значимостью (исторической или актуальной) некоторых событий и фактом моего личного знакомства с местами, которые послужили им подмостками и вызвали мое искреннее изумление и восхищение, — другая сторона Рима, так и есть.

I. Золотой дом

Нерон, как сообщает Тацит (один из крупнейших античных историков), не просто обрек христиан на муки, но «их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона» (XV, 44)*.

Итак, жизнь христиан в Риме, будущем центре католицизма, поначалу шла по наихудшему сценарию. Гонения сменяли друг друга; некоторые, подобно устроенным Диоклетианом, отличались неслыханной свирепостью. Приверженцы новой религии повсеместно подвергались притеснениям. В *«Жизни Клавдия»* историк Светоний пишет, что в 41 году император изгнал евреев из Рима в связи с их постоянными мятежами, провоцируемыми идеями Христа. Когда апостол Павел приблизительно после 60 года н. э. прибыл в столицу империи, старейшины еврейской общины информировали его о том, что эта «секта» повсюду наталкивается на сопротивление. Все тот же Светоний, на сей раз в *«Жизни Нерона»*, отмечает, что на христиан были наложены взыскания: бытовали подозрения, что они практикуют черную магию.

* Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы и малые сочинения / под общ. ред. С. Л. Утченко. М. : Ладомир, 1993.

Во второй половине I века христианство — это всего лишь одно из ответвлений иудаизма, но уже обладающее собственными характерными особенностями, которые крайне непросто подвергнуть дешифровке. В *«Анналах»* (XV, 44) Тацит рассказывает, что по причине дурной славы христиан на них оказалось легко возложить вину за грандиозный пожар в Риме, устроенный, возможно, самим Нероном.

Дабы понять, чем объясняется такая репутация христиан, надо иметь в виду, что римская религия была, по сути, публичной, то есть политической. Уже текст архаического свода законов *«Двенадцати таблиц»* в обязательном порядке требовал, чтобы никто не содержал «за собственный счет ни новых, ни чужеземных богов, кроме как признаваемых государством». Соблюдая это условие, римляне беспощадно реагировали на ту или иную религию только в случае предположений о возможном политическом саботаже, который она за собою повлечет. Аспекты поведения христиан, не проповедовавших и не совершавших опасных ритуалов, казались непостижимыми. К примеру, на требование предоставить общие анкетные данные (воспользуемся современной терминологией) многие из них отказывались от самоидентификации, с тем же упорством отвергая и военную службу. Они ограничивались заявлением, что род их восходит к Иисусу Христу, но это, конечно же, воспринималось властями как недопустимый акт неповиновения.

Евреев и христиан обвиняли в ненависти к человечеству, поскольку те предпочитали жить автономными общинами, не принимали участия в общественной жизни и, более того, в религиозных церемониях, что в Риме считалось в определенной степени признаком гражданской лояльности; они отвергали идею включить их Бога в пантеон в дополнение ко всем прочим, неукоснительно придерживались недоступного пониманию римлян монотеизма, провозглашая своего Бога единственным и истинным. На сосуществовании религий держалась стабильность римского мира (Pax Romana), под сенью которого объединились бесчисленные народы и культы; претензия христиан и евреев подрывала всю конструкцию целиком, особенно если учесть, что фигура императора воплощала собой источник двойной власти и авторитета — религиозного и государственного. Религия евреев была чуждой традиционным римским культам. Однако христиане казались опаснее евреев, которые по крайней мере не пытались обращать в свою веру людей, а просто требовали дать им возможность отправлять иудейские храмовые обряды в рамках замкнутых общин.

Отсюда становится ясным, почему Нерон назвал их виновниками катастрофического пожара в 64 году. В каждой культуре непременно есть этническое, политическое или религиозное меньшинство, на которое проще всего взвалить ответственность за чужие преступления, воспользовавшись атмосферой злобы и неприятия, сгущающейся вокруг него.

Вместе с тем Нерон оставил глубокий след не только в истории раннего христианства.

В Риме есть одно место, исполненное особого очарования — пусть даже речь идет всего-навсего о голых стенах, — волшебный мир погруженных в безмолвие крытых кирпичных галерей-амбулакров, чей ныне весьма облезлый вид до сих пор оживляет фрагменты сохранившихся фресок и мозаик. Это Золотой дом (Domus aurea), гигантское жилое здание, возведенное по приказу Нерона.

Откуда же берется эта магия, захватывающая в плен любого, кто оказывается на месте самого пышного дворца из когда-либо задуманных? Быть может, все дело в Нероне, чье имя стало синонимом всевластия и разнузданного произвола? Во всяком случае, для меня это скорее связано с волнующими следами посетителей, которые в течение нескольких столетий, с VI по XVII век, проникали сквозь отверстия в расположенные ниже уровня земли и засыпанные землей залы. Примостившись на возвышениях в неровном свете факелов (полосы сажи все еще можно обнаружить), они напряженно разглядывали фрески, копируя орнаментальные мотивы, позднее ставшие знаменитыми «гротесками». Смешанные изображения растительных форм, фигурок людей и животных, редко переданных реалистично и почти всегда воображаемых, — фантастическая вселенная, где человек, флора и фауна сливаются в эксцентричных образах, балансирующих на грани шутки и галлюцинации. Естественно, слово «гротеск» происходит от слова «грот». Те самые подземные комнаты, заполненные почвой и отходами буквально до самого верха, превратились в гроты (их повторное обнаружение вызовет невероятный всплеск интереса, сформирует моду на памятники античности и римские руины, сравнимую с «египтоманией», которую спровоцировали наполеоновские кампании начала XIX века).

Чтобы осознать великолепие этого сооружения, достаточно представить себе, что статуя высотой 35 метров (что сопоставимо с уровнем двенадцатиэтажного дома) свободно помещалась в его вестибюле. Более чем вероятно, что от колоссальности этой фигуры и позаимствовал в Средние века свое название Колизей (Colosseo). Греческий скульптор Зенодор изваял императора

обнаженным, с солярными атрибутами; его правая рука простерта в приветственном жесте, согнутая левая — поддерживает державу. Водруженная на голову корона имеет шесть лучей (каждый длиной шесть метров), что символизирует безграничную власть и Солнце, с которым хотел бы отождествить себя человек.

Светоний уверяет, что дом имел три портика в милю длиной каждый, «пруд размером с море, обрамленный зданиями, огромными, точно города. Позади располагались виллы с полями, виноградниками, пастбищами и лесами, кишащими домашними и дикими зверями». Целая долина, в центре которой возникнет впоследствии амфитеатр Флавиев (Колизей), была покрыта водами озера — но все же Светоний явно преувеличивает, говоря о «размере с море». Изюминку добавляла многоцветность мрамора — в этом римляне превосходили всех. Материал доставляли из Испании, Нумидии, Триполитании, Египта, Азии, Греции, Галлии, Каппадокии. Все эти мраморные глыбы, различающиеся по оттенку и текстуре, уникальны по своей твердости и изяществу рисунка. В последующие века римские каменщики дадут им названия, сами по себе отсылающие к той эпохе: портасанта (святые врата), лумакелла ориентале (восточная улитка), павонацетто (павлинчик), серпентино (змеевидный, спиралевидный)... гранит обелисков, африканский гранит и — наиболее ценный сорт — красный порфир, прибрегаемый для императора.

Эти чудеса ненамного пережили своего владельца. Уже его преемники на троне позаботились о том, чтобы уничтожить как можно больше свидетельств величия Нерона. Домициан распорядился снести здания на Палатинском холме, другие засыпали озеро обломками, дабы подготовить фундамент для строительства Колизея, Адриан принял решение разрушить в районе Велии — пологой седловины на стыке Палатина и Эсквилина — парадный вестибюль Дома, чтобы воздвигнуть на его месте храм в честь богинь Венеры и Ромы. Павильон на Оппиевом холме, активно посещаемый туристами в наши дни, выстоял до 104 года, пока не был частично уничтожен пожаром. Когда же Траян пожелал, чтобы на этой территории были построены термы, архитектор Аполлодор Дамасский попросил дозволения полностью ликвидировать верхние помещения, а нижние утрамбовать землей, заложив тем самым основание для новых сооружений. Свет сменился сумерками и полумраком; позолота, фрески, пестрый мрамор были погребены под слоем грунта и отбросов. Роскошь уступила место разорению и упадку; выдающийся памятник был предан забвению на несколько веков,

хотя именно благодаря такой участи произошла его частичная естественная консервация.

Цепь событий, позволившая Нерону взойти на императорский трон, повлияла на жизнь каждого римлянина. Престол достался ему рано, уже на пороге юношества. Мать Нерона, Агриппина Младшая, родила его в возрасте 23 лет (15 декабря 37 года н. э.) от нелюбимого, навязанного ей в мужья Тиберием, высокомерного и развращенного патриция (разница в возрасте между ними составляла тридцать лет) по имени Домиций, прозванного Агенобарбом из-за рыжеватого цвета бороды (эта кличка перейдет по наследству и к его сыну). В своих воспоминаниях Агриппина — по свидетельству Плиния Старшего — написала, что ребенок появился на свет ножками вперед, что было расценено как дурное предзнаменование.

Прозвище Нерон (Nero) возникнет позднее. На сабинском языке, если придерживаться точки зрения в высшей степени сведущего Авла Геллия (см. «*Аттические ночи*»), оно означало «сильный, смелый»; лишь впоследствии его переосмыслят и император станет ассоциироваться с итальянским эпитетом nero — «черный», цвет мрака и преисподней.

Мать Нерона, приходившаяся сестрой Калигуле и дочерью прославленному полководцу Германику, была красива, соблазнительна, расчетлива, амбициозна, способна с блеском пользоваться всеми видами обольщения, как словесного, так и, наверное, более эффективного — своим сладострастным, полным неги телом. Агриппина, а точнее Агриппина Младшая (или Юлия Агриппина), дочь другой Агриппины — Старшей, супруги Германика, не отказывает себе ни в чем, в том числе и в кровосмесительной связи с братом Калигулой. Впрочем, в этот инцест были вовлечены и ее сестры.

В 41 году Калигулу убивают, и у кормила власти оказывается Клавдий, брат Германика и, соответственно, дядя Агриппины, считавшийся в кругу семьи и за ее пределами изрядным простофилей и марионеткой. Клавдию было уже почти пятьдесят, когда ему в жены отдали девушку пятнадцати лет от роду, за которой впоследствии протянулся шлейф непристойной известности. Мессалину, знаменитую своими гиперболическими эротическими забавами, постигнет преждевременная трагическая смерть.

Спустя всего пять месяцев после этого события Агриппина становится новоиспеченной женой Клавдия — неважно, что свершился очередной инцест, ибо император приходится братом ее отцу. Однако навязчивая идея Агриппины — Луций Домиций, причем вовсе не из-за нежной любви к своему почти уже подростку-сыну. Нет, она размышляет о целях, которых можно

было бы достичь, воспользовавшись им. Агриппина знает, что, манипулируя Луцием, сможет добраться до высот, для нее, женщины, в римском обществе недоступных.

Одним из ее первых шагов было возвращение из долгой, изнуряющей ссылки Луция Аннея Сенеки, самого блистательного из круга римских философов, тут же назначенного воспитателем и наставником Нерона. Одновременно она заставляет своего супруга и дядю, императора Клавдия, усыновить Луция Домиция, обретшего в этом качестве имя Тиберий Клавдий Нерон Друз Германик. Вслед за тем предстояло обеспечить Нерону сообразную его положению брачную партию. Едва юноше исполнилось шестнадцать, выбор пал на двенадцатилетнюю Октавию, дочь никем не оплакиваемой Мессалины. Насколько мы знаем, нрав девочки был далек от распутства ее матери.

Однако на пути к вожделенному трону Агриппина видит препятствия, которые никак нельзя сбросить со счетов. Во-первых, Клавдий, отметивший шестидесятилетний юбилей и хвастающийся завидным здоровьем. Во-вторых, Британник, робкий, замкнутый интроверт, которого вхождение Нерона в «семью» сразу же отодвинуло на вторые роли. Надлежало действовать быстро и решительно. Клавдий был отравлен грибами, до которых он был большой охотник. 13 октября 54 года семнадцатилетний Нерон был провозглашен императором с помощью толпы римлян и принимавшей участие в заговоре преторианской гвардии. Тацит сообщает, что, когда вечером того же дня, согласно военному уставу, трибун обратился к Нерону с просьбой назвать пароль для часовых, ответом ему было: *Optima mater*, то есть «лучшая из матерей» (Анналы, XIII, 2). В императорском дворце несчастный Британник теперь был совсем одинок. Там же вскоре он и погиб от яда, повторив судьбу своего отца.

Несмотря на юный возраст, император ведет себя с примерной скромностью. Достаточно упомянуть нашумевший эпизод, когда, будучи вынужденным подписать смертный приговор, Нерон воскликнул с горечью: «Лучше бы я никогда не научился писать!» Он поддерживает отношения с сенатом (у прежних императоров достаточно напряженные) на уровне безупречной корректности. В своей дебютной речи (мастерски написанной Сенекой) он заверяет патрициев, что согласился взвалить на себя императорскую ношу не только по воле армии, но и потому, что она (власть) была освящена сенатским авторитетом; говорит, что его молодость не была омыта кровью гражданских войн и семейных склок, отчего никаких обид он не питает;

добавляет с нажимом, что поставит заслон коррупции и интригам. Поистине, Нерона дней прекрасное начало.

Кроме того, наступивший в государстве мир благоприятствует торговле, способствует росту стоимости земли и недвижимости, обеспечивает солидные доходы предпринимателям, берущим подряды на большие общественные работы, снижает до минимума уровень безработицы.

Сильнейший кризис обрушивается на Рим после убийства бедного Британника. Поскольку труп юноши, быстро ставший свинцово-бледным, выдает пагубное действие отравы, Нерон заставляет своих приближенных распустить слух, будто причиной смерти стал один из эпилептических припадков Британника, и приказывает немедленно сжечь тело на Марсовом поле. На Сенеку, знающего правду, возложена особая миссия — он должен соблюсти приличия и объяснить сенату причину столь поспешных похорон. Выдающийся интеллектуал оказывается в очередной раз на высоте: «Традиция предков наших, — заявляет он, — скрыть как можно скорее от взоров скоропостижные смерти и не продлевать боль отбытия хвалебными некрологами и чрезмерно пышными похоронами».

Агриппина поражена лютым постановлением сына: убийство Британника было совершено на ее глазах, в том же зале, где она сама отравила Клавдия. Теперь она убедилась, что Нерон в состоянии принимать серьезные решения самостоятельно и более не нуждается в ее советах. Вдобавок ко всему Нерон, пренебрегавший своей женой Октавией, прельстился вольноотпущенницей Аттой, которая совратила его своими искусными эротическими трюками.

Буквально через пару месяцев вся эта ситуация становится нетерпимой как для сына, так и для матери. Император теперь больше прислушивается к требованиям народа, чем к мнению *лучшей из матерей*. Но Агриппина все никак не угомонится. Она организовала его восхождение на престол, отравила мужа, чтобы приблизить это мгновение, а теперь неблагодарный сын фактически пытается отодвинуть ее в сторону. Сначала она пробует организовать несколько заговоров, направленных на убийство Нерона; потом, увидев безуспешность всех козней, обращается к другим средствам: пользуясь собственным шармом, она пытается совратить молодого человека, ею же самой порожденного. В свои сорок лет она все еще привлекательна и желанна, слывет непревзойденной мастерицей в любовных утехах и, как отмечает Тацит, привычна к любому бесчестью (exercita ad omne flagitium):

> *Клувий передает, что, подстрекаемая неистовой жаждой во что бы то ни стало удержать за собою могущество, Агриппина дошла до того, что в разгар дня, и чаще всего в те часы, когда Нерон бывал разгорячен вином и обильною трапезой, представала перед ним разряженною и готовой к кровосмесительной связи: ее страстные поцелуи и предвещавшие преступное сожительство ласки стали подмечать приближенные* (Анналы, XIV, 2)*.

Сенека, обеспокоенный таким оборотом дел, советует Атте, официальной любовнице Нерона, предупредить императора, что солдаты не станут подчиняться нечестивому принцепсу, свершившему святотатство. Нерон мгновенно схватывает суть переданного ему послания — отныне само присутствие матери вызывает у него отвращение, а в голове крутятся вопросы, как лучше убить Агриппину: veneno an ferro vel qua alia vi — ядом, холодным оружием или с помощью какой-то иной формы насилия. Расклад, однако, совсем не так прост. Никогда еще выражение «любовь-ненависть» не было настолько насыщенным смыслами. В тот миг, когда Нерон отдаляет от себя мать и отказывается ее видеть, он продолжает испытывать к ней сексуальное влечение как к женщине.

Скорее всего, хитроумная идея убийства Агриппины пришла в голову Аникету, командующему флотом близ мыса Мизен. В марте 59 года ее приглашают на торжества в честь Минервы в Байю: вдали от Рима все будет гораздо проще. Агриппина предложение принимает и прибывает в город, где ее с радостным пылом встречает сын. Они вместе ужинают, и за столом Агриппине отведено почетное место по левую руку от императора. Закончив есть, они некоторое время беседуют на пустяковые темы, пока, наконец, женщина не просит разрешения отбыть на свой корабль. Проводив ее до трапа корабля, Нерон

> *долго, не отрываясь, смотрит ей в глаза и горячо прижимает ее к груди, то ли чтобы сохранить до конца притворство, то ли, быть может, потому, что прощание с обреченной им на смерть матерью тронуло его душу, сколь бы зверской она ни была* (Анналы, XIV, 4)**.

В ночи мерцают звезды, на море штиль, кругом спокойствие (Noctem sideribus inlustrem et placido mari quietam). Корабль, приводимый в движение

* Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы и малые сочинения / под общ. ред. С. Л. Утченко. М. : Ладомир, 1993..

** Там же.

каторжниками-гребцами, удаляется от берега, скользя по темной поверхности недвижных вод. Агриппина, сопровождаемая служанкой Ацеронией, вышла на корму и возлегла на роскошное ложе под балдахином, даже не подозревая, что на эту непрочную крышу давят несколько квинталов (центнеров) свинцовых брусков. По условному сигналу утяжеленная крыша обрушивается вниз, но в этот момент изголовье импровизированной кровати затормаживает ее падение, а резкое колебание судна сталкивает обеих жертв за борт, в море.

Рабыня Ацерония, не осознав, в какую драматическую игру она вовлечена, начинает звать на помощь, кричит, что здесь мать императора. В итоге ее забивают веслами и палками. Более хитрая Агриппина выбирает другой путь — она молча добирается вплавь через канал до озера Лукрино.

Последствия покушения незначительны: у Агриппины только царапина на спине. Большее беспокойство в сравнении с физическим состоянием внушает ей собственное положение, несмотря на то что, будучи искушенной притворщицей, она делает вид, будто не осознает происшедшего. Агриппина отправляет с нарочным вольноотпущенником послание Нерону, в котором сообщает, что благодаря милосердию богов ей удалось спастись после инцидента.

Император, ожидавший, разумеется, совсем другого исхода, со всей ясностью улавливает подтекст и всерьез начинает опасаться мести с ее стороны. Колеблясь и сомневаясь, Нерон вызывает к себе Сенеку и префекта преторианцев Бурра. Философ спрашивает Бурра, не стоит ли приказать солдатам сразу же убить женщину, однако тот отвечает, что его люди, преданные памяти Германика, вероятнее всего, не рискнут притронуться к его дочери. Он боится, что отказ преторианцев приведет к катастрофическим политическим последствиям, и предлагает иной вариант. Ведь это командующий флотом Аникет наломал дров? Вот пусть он все и уладит. Описание знаменитого матереубийства содержится в хронике Тацита:

> *Убийцы обступают тем временем ее ложе; первым ударил ее палкой по голове триерарх. И когда центурион стал обнажать меч, чтобы ее умертвить, она, подставив ему живот, воскликнула: «Поражай чрево!» — и тот прикончил ее, нанеся ей множество ран* (Анналы, XIV, 8)*.

Поговаривают, что, получив известие о смерти матери, Нерон воскликнул: «Только сегодня мне по-настоящему вручена власть». Правда это или

* Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы и малые сочинения / под общ. ред. С. Л. Утченко. М. : Ладомир, 1993.

ложь, но фраза в полной мере отражает весь гнет присутствия Агриппины, который ощущал на себе Нерон в первые пять лет своего принципата. Ныне с ним рядом оставался только Сенека — учитель, интеллектуал, философ, стремившийся удержать равновесие на тончайшей, словно лезвие ножа, нити нейтралитета. С одной стороны, он не перечит капризам молодого монарха, включая откровенно преступные; с другой — пытается увести устремления Нерона обратно — к общим благородным, далеким от подлости, идеалам. Сенека хорошо знает пути высокой нравственности: в одном из своих *Диалогов — «О милосердии»*, — и прежде всего в своих ста двадцати четырех *«Нравственных письмах к Луцилию»*, он на высочайшем уровне проводит анализ исторической этики, набрасывает концепцию философии, устремленной к поиску добродетели и к реализации человеческой свободы в мире, отталкиваясь от внутренней, духовной свободы. Сенека прямо-таки опережает свое время, постулируя уважение к каждому живому существу, сострадание ко всем обделенным и несчастным, включая рабов.

Но как объяснить, что столь талантливый человек, проникнутый гуманистическими идеями и великодушием, занимался презренным ростовщичеством, хоть оно и сводилось лишь к «банковским ссудам»? (Снова воспользуемся современным словосочетанием.) Что едко высмеивал недавно убитого императора Клавдия в своем труде *Apokolokyntosis*, который можно перевести как «Отыквление»*? Конечно, Клавдий имел репутацию глупца, что верно то верно, да и потом, именно он приговорил Сенеку к семи годам тягостного изгнания на Корсике, но издеваться над едва почившим принцепсом, так или иначе, подло. А чего стоило блестящее оправдание стремительной кремации бедняги Британника? Или поддержка, оказанная Нерону в деле убийства Агриппины? Если смотреть с императорской точки зрения, то всегда можно отыскать самому гнусному деянию подходящую политическую мотивацию. Остается только поручить эту работу величайшему (и самому озадачивающему) интеллектуалу, которым располагал в тот период Рим.

Как истолковать подобные противоречия? До некоторой степени понять это поможет старинная идея, встречавшаяся еще у Платона, — надо вознести философа на вершину государственной машины, дабы тот помогал монарху толковым советом. К тому же необходимо принять во внимание, что правление Нерона начиналось весьма безоблачно.

---

* Пародийный намек на традиционную церемонию обожествления (греч. Apotheosis) покойного императора, совершаемую римским сенатом. *Прим. ред.*

И не будь при нем Сенеки, все бы пошло по еще более худшему сценарию. Что касается иных обвинений в его адрес, то некоторые из них были продиктованы чистой завистью. Тем, кто упрекал Сенеку, что между его философскими сочинениями и реальной жизнью лежит пропасть, он заявлял: «Мудрец делает даже те вещи, которые сам не одобряет», — и далее, цитируя других философов, но обращаясь к самому себе, добавлял:

> *«Ты живешь не так, как рассуждаешь», — скажете вы. О злопыхатели, всегда набрасывающиеся на лучших из людей! В том же обвиняли и Платона, Эпикура, Зенона, ибо все они рассуждали не о том, как живут, а о том, как им следовало бы жить. Я веду речь о добродетели, а не о себе; и если ругаю пороки, то в первую очередь мои собственные: когда смогу, я стану жить, как надо* (XVIII, 1)*.

Сложные взаимоотношения ученика и воспитателя завершились крахом. Сенека, понимая, что его усилия тщетны, в 62 году решает удалиться на покой, чтобы вести жизнь частного лица. Он говорит своему повелителю: *«Но и ты, и я уже исчерпали меру того, что принцепс может пожаловать приближенному, а приближенный принять от принцепса» (XIV, 54)**.* Сенека предлагает, так сказать, компромиссную сделку, которой, увы, оказывается недостаточно для спасения. Через три года философ позволит впутать себя в одну из самых знаменитых и сложных интриг античности — тот самый заговор Пизона, в котором две группы — сенаторов и военных — планировали покушение на Нерона.

Сенека повел себя, как бывало не раз, с гениальным двуличием. Он не присоединился открыто к заговору. Но вместе с тем не отправил обратно и не разоблачил посланника Пизона. А вот Нерон воспользовался удобным случаем, чтобы избавиться от наставника, начинавшего доставлять ненужные хлопоты. Он послал офицера преторианской гвардии на виллу близ Аппиевой дороги, где в тот момент находился философ, с категорическим повелением императора лишить себя жизни. О смерти Сенеки Тацит написал одну из своих памятных страниц. Стоит прочесть ее целиком:

---

* Цит. по: Сенека. О блаженной жизни. XVIII, 1. Цит. по электронной версии с сайта: http://webreading.ru

** Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы и малые сочинения / под общей ред. С. Л. Утченко. М. : Ладомир, 1993.

> *Высказав это и подобное этому как бы для всех, он обнимает жену и, немного смягчившись по сравнению с проявленной перед этим неколебимостью, просит и умоляет ее не предаваться вечной скорби, но в созерцании его прожитой добродетельно жизни постараться найти достойное утешение, которое облегчит ей тоску о муже. Но она возражает, что сама обрекла себя смерти, и требует, чтобы ее поразила чужая рука. На это Сенека, не препятствуя ей прославить себя кончиной и побуждаемый к тому же любовью, ибо страшился оставить ту, к которой питал редкостную привязанность, беззащитною перед обидами, ответил: «Я указал на то, что могло бы примирить тебя с жизнью, но ты предпочитаешь благородную смерть; не стану завидовать возвышенности твоего деяния. Пусть мы с равным мужеством и равною твердостью расстанемся с жизнью, но в твоем конце больше величия». После этого они одновременно вскрыли себе вены на обеих руках. Но так как из старческого и ослабленного скудным питанием тела Сенеки кровь еле текла, он надрезал себе также жилы на голенях и под коленями; изнуренный жестокой болью, чтобы своими страданиями не сломить духа жены и, наблюдая ее мучения, самому не утратить стойкости, он советует ей удалиться в другой покой. И так как даже в последние мгновения его не покинуло красноречие, он вызвал писцов и продиктовал многое, что было издано; от пересказа его подлинных слов я воздержусь* (XV, 63)*.

Паулина, любимая супруга Сенеки, действительно выжила чудом, успев при этом заглянуть в лицо смерти. Впрочем, некоторые полагают, что она элементарно притворилась, будто жаждет умереть, изображая верность агонизирующему мужу. Быть может, это не более чем клевета. Между тем философ, увидев, что смерть от потери крови слишком медленна, принял цикуту в подражание Сократу и вошел в раскаленную парилку, где скончался от удушья. Ему было шестьдесят девять лет.

Еще многое можно поведать о Нероне. Хроники, посвященные ему, весьма колоритны. Они изобилуют жестокими, непристойными и анекдотическими деталями.

Из женщин наиболее заметное место в его жизни отводится Поппее Сабине, в том числе благодаря чисто авантюрному зарождению отношений

---

* Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы и малые сочинения / под общей ред. С. Л. Утченко. М. : Ладомир, 1993.

между ними. К началу этой связи Поппея, первым браком сочетавшаяся с Руфием Криспином, римским всадником и преторианским префектом при Клавдии, уже была супругой Марка Сальвия Отона. В результате запутанной интриги в духе Боккаччо ей удается стать хозяйкой императорского дворца и занять место рядом с принцепсом, который окончательно потерял от нее голову и был готов разойтись с Октавией. В дальнейшем это обернется отвратительной вереницей событий, замешанных на клевете и мести.

Судьба Октавии, как и всех прочих врагов Нерона, будет столь же незавидна и несчастна: изгнанная в затерянный городок, она будет задушена преторианцами после того, как ей вскроют вены рук и ног. Ее отрубленная голова будет отослана в Рим, дабы муж воочию смог убедиться в точном исполнении своих приказов. В это время Поппея уже вдохновенно царит при дворе, создавая там атмосферу беспрецедентной роскоши и великолепия (Август и Тиберий презирали любую пышность; Калигула умер ранее, чем сумел реализовать свои экстравагантные фантазии; при Клавдии повседневная жизнь дворца приобрела, как бы мы сказали сегодня, «буржуазный» облик; Октавия, отодвинутая на второй план не любившим ее супругом, не имела ни единого шанса попытаться придать двору отпечаток собственной индивидуальности).

Именно с появлением Поппеи рафинированность и блеск впервые войдут в жизнь Нерона. Император благодарен ей за это, он воспевает в стихотворных строфах ее длинные белокурые волосы и кожу лунного оттенка. Римские женщины не говорят ни о чем другом, кроме как об этих волосах и этой перламутровой коже; каждый пытается разгадать и выпытать секрет ее привлекательности, кругом кипят пересуды и сплетни. Одно только перечисление излишеств, которые позволяла себе Поппея, ввергает искушенных римлян в растерянность.

Плиний Старший в своей «Естественной истории» пишет, что в каждой поездке прекрасную и капризную императрицу сопровождал караван из четырехсот ослиц, в молоко которых она погружалась, чтобы вернуть эпидермису несравненную белизну и свежесть. Ювенал* уверяет, что она пользовалась маской, чтобы защитить лицо от прямого контакта с загрязненной внешней средой и воздухом. Наиболее правдоподобна версия, согласно которой Поппея вечерами накладывала на лицо припарки и жирные мази, регенерирующие клетки, предвосхитив тем самым косметические процедуры наших дней.

---

* Децим Юний Ювенал (ок. 60 — ок. 127 гг.), римский поэт-сатирик. *Прим. ред.*

Несмотря на такое явное самолюбование и на то, что уходу за своей внешностью Поппея уделяла колоссальное количество времени, она была женщиной умной и образованной. Иосиф Флавий в *«Иудейских древностях»* подтверждает, что она «боялась Бога», и описывает ее как человека, «симпатизировавшего» еврейской традиции. Согласно другим источникам, Поппея, будучи любознательной и проницательной, вроде бы интересовалась христианством. Ее привлекала странность этой религии, которая преобразила в Бога бродячего пророка, распятого, как преступник, в отдаленной провинции империи.

Нам уже никогда не узнать достоверно, каков процент истины во всех этих свидетельствах, распространявшихся с разными, в том числе продиктованными конъюнктурой целями. Но неопровержимо одно: христианство, пусть и в зачаточном состоянии, пробудило живое любопытство и глубинную обеспокоенность. Новая религия пришла, подобно многим другим, с Востока. В годы, о которых мы говорим, она еще не обрела законченных черт, не оформилась полностью, хотя уже обладала совокупностью характеристик, облегчающих ее проникновение и распространение в среде низших классов, рабов и солдат. Нечто подобное, впрочем, произошло и с религией бога Митры — митраизмом, имеющим по целому ряду аспектов сходство с христианством. Вместе с тем христианство параллельно затронуло и высшие страты* римского общества, а среди приближенных самого Нерона появились первые приверженцы этой религии.

Вскоре после своего тридцатипятилетия Поппея внезапно умерла. Ходили слухи, что либо она была отравлена мужем, либо сам Нерон в приступе ярости убил ее, нанося ей ужасные удары и жестоко пиная бедную женщину. (Если верить молве, именно это произойдет потом между императором Константином и его супругой.) Какова бы ни была настоящая причина смерти, принцепс распорядился, чтобы похороны были грандиозными: торжественная процессия доставила тело Поппеи на Форум, где Нерон лично возгласил laudatio (хвалебную речь) с той самой трибуны, где Антоний когда-то произнес некролог в честь Цезаря. Ее тело было забальзамировано, и, если верить Плинию, вся Аравия не смогла бы произвести того невероятного количества благовоний и ароматов, которые император хотел бы использовать, чтобы сохранить нетленной красоту Поппеи.

Знаменитый, во многом загадочный и непонятный пожар, который ужаснул весь Рим в 64 году н. э., — одно из ключевых событий не только

* Социальные слои, группы. *Прим. ред.*

в истории города, но и в жизни самого Нерона. Именно оно, как мы вскоре убедимся, связывает фигуру императора с зарождающимся движением христиан.

19 июля, между первым и вторым часом после полуночи, запыхавшийся гонец достиг виллы в Анции, где тогда находился Нерон, и сообщил ему, что горит Большой цирк и пламя угрожает императорскому дворцу. Примчавшись в Рим, Нерон видит, что вся территория представляет собой раскаленную жаровню, а часть его собственного жилища обратилась в пепел. Потребовалось шесть дней, чтобы усмирить огонь. В качестве превентивной меры пришлось даже снести здания в округе — этот шаг лишил огонь постоянной подпитки и возможности дальнейшего распространения. Сгорели дома и торговые лавки, храмы и святилища, включая посвященное Весте, где хранились Пенаты — символы домашнего очага и родины, символы всего римского народа, — шедевры греческого искусства и многие «античные творения». Более десяти процентов городской застройки обратилось в пепел, в том числе вся зона Форума к югу от виа Сакра.

Римляне все больше убеждались, что не кто иной, как Нерон, поджег город, и даже авторитетные свидетельства философов продолжали с упорством и настойчивостью поддерживать это мнение. В *«Естественной истории»* Плиний Старший фиксирует его, точно непреложный факт: «Нерон повелел спалить Рим». Той же линии придерживается и Дион Кассий: «Он захотел осуществить давно вынашиваемый им проект: разрушить еще при жизни весь Рим и империю в придачу». В VI веке моралист Боэций в *«Утешении философией»* напишет: «Сколько преступлений, сколько бед свершил Нерон, омерзительный монстр, сжегший столицу мира».

Однако наиболее интересующий нас в данный момент автор — это опять же историк Тацит, который в своих *«Анналах»* оставляет нам такое сообщение:

> *И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время, это зловредное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто*

открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, изобличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому (XV, 4)*.

«Мерзости», «ненависть к роду людскому»… эти характеристики великий историк прилагает к христианству и его последователям по причинам, которые он попытался разъяснить в начале указанной главы. Есть мнение, хотя и не доказанное полностью, что среди этих жертв был и Петр, признанный церковью «князем апостолов».

Тацит, описывая в своем труде события полувековой давности, провозглашает: «Мы не знаем, произошло ли бедствие по чистой случайности или же по злому умыслу императора», но ниже добавляет, что пытавшимся противостоять огню угрожали люди, которые метали горящие факелы и кричали, что они выполняют приказ. Светоний еще более недвусмысленно заявляет: Нерон поджег Рим с таким нахальством, что многие сановники, даже поймав с поличным в своих владениях собственных рабов с паклей и светильниками в руках, не посмели помешать им.

Почему же император, пусть и настолько неуравновешенный, как Нерон, запятнал себя преступлением таких масштабов, да к тому же чрезвычайно непопулярным? По мнению Тацита, его подтолкнуло к этому желание основать более совершенный город, чем уже существующий, и дать ему свое имя: Нерополис. Дион Кассий и Светоний разделяют эту гипотезу: в безумии своем, комментируют они, император завидовал Приаму, на долю которого выпало несравненное наслаждение присутствовать при разрушении своего города и царства. Эти хронисты не были прямыми очевидцами события, но убежденно пишут о том, что, в то время как разгорался пожар, император будто бы или «с театральной сцены своего дворца» (Тацит), или «с башни Мецената» (Светоний), или же «с вершины Палатина» (Дион Кассий), облаченный в одежды кифареда** и водрузивший на голову лавровый венок, воспевал разорение Трои, сравнивая «несчастья нынешние с тем далеким поражением», от которого и пошла история Рима.

Было это делом его рук или нет, но с тех пор император окончательно погрузился в безумие: он сочинял стихи и распевал их, он хотел, чтобы его запомнили как поэта и оратора, а не как вождя. Наконец, он переехал в новый

---

* Социальные слои, группы. *Прим. ред.*

** Древнегреческий музыкант, игравший на кифаре. *Прим. ред.*

Золотой дом, основная часть которого была уже завершена. Нерона не беспокоили известия о том, что под руководством Виндекса в Галлии и Гальбы в Испании против него восстали легионы. Подавив уже столько мятежей, разоблачив столько заговоров, действительных или мнимых, он полагал, что сумеет преодолеть и эту напасть.

Однако теперь все было не так. Раздача зерна практически сошла на нет из-за скудости и нерегулярности поставок, а Нерон потерял контакт с реальностью, что всегда является фатальным упущением для правителя.

В конце мая разражается бунт. Гальба идет маршем на Рим. Нерон снова замышляет отплытие в Египет, но верные преторианцы, всегда его сопровождавшие, на сей раз отказываются последовать за ним. Ему только-только исполнился тридцать один год, и вот впервые он остается совсем один. Он ложится в постель, но ночь полна кошмаров. Нерон встает и обнаруживает, что сбежали даже часовые, «прихватив с собой покрывала и украв все, вплоть до дароносицы с ядом». Тогда он посылает за кем-нибудь, кто мог бы помочь ему умереть, но найти никого не удается. Светоний пишет:

> *Вольноотпущенник Фаон предложил ему свою усадьбу между Соляной и Номентанской дорогами, на четвертой миле от Рима. Нерон как был, босой, в одной тунике, накинув темный плащ, закутав голову и прикрыв лицо платком, вскочил на коня; с ним было лишь четверо спутников* (Жизнь Нерона, XLVIII)*.

Жалкий отряд тайком прибывает на виллу Фаона. Не желая въезжать через главные ворота, Нерон находит тропинку в зарослях и, порвав плащ о колючие кусты ежевики, ложится на соломенный тюфяк. После короткого отдыха он велит вырыть яму, подходящую ему по размеру, и, пока его люди выполняют порученное задание, обессиленно восклицает несколько раз с убежденностью смирившегося: *Qualis artifex pereo!*, то есть «Какой артист погибает!» Он взволнован и раздражен, он плачет и призывает немногих присутствующих покончить с собой, чтобы подбодрить его своим примером и сподвигнуть поступить так же. Никто не подчиняется. Все ускоряется, низвергается в пропасть…

* Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М. Л. Гаспарова. М. : Наука, 1993. Цит. по электронной версии с сайта: http://www.ancientrome.ru

> *Уже приближались всадники, которым было поручено захватить его живым. Заслышав их, он в трепете выговорил: «Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает», — и с помощью своего советника по прошениям Эпафродита вонзил себе в горло меч. Он еще дышал, когда ворвался центурион и, зажав плащом его рану, сделал вид, будто хочет ему помочь. Он только и мог ответить: «Поздно!» — и: «Вот она, верность!» — и с этими словами испустил дух. Глаза его остановились и выкатились, на них ужасно было смотреть* (Жизнь Нерона, XLIX)*.

Нерон гибнет в то время, когда молодое вероучение — «христианство» — продолжает распространяться и укореняться. Христианский теолог Тертуллиан, живший и творивший в Карфагене на рубеже II и III веков, однажды, размышляя о гонениях на первых верующих, скажет так: *Semen est sanguis christianorum* — «Кровь христиан — это семя», из коего взрастут новые христиане.

* Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М. Л. Гаспарова. М. : Наука, 1993. Цит. по электронной версии с сайта: http://www.ancientrome.ru

II. Папские алебарды

Вечером 4 мая 1998 года на территории Ватикана в помещении, расположенном в непосредственной близости от личных апартаментов понтифика, были найдены три тела. Двое мужчин и женщина, убитые выстрелами из огнестрельного оружия.

Трое «превосходных мертвецов». Первый из них — полковник Алоис Эстерманн, сорок четыре года, командующий «ватиканской армией», предводитель знаменитых швейцарских гвардейцев. Полковник — мужчина примечательной крепости и представительности — получил новое назначение в тот же день. Женщина, осторожно уложенная вдоль стены, — его жена, Глэдис Меса Ромеро, сорок девять лет, венесуэлка по происхождению, занимала дипломатический пост в посольстве Венесуэлы при Святом престоле. Лежавшему навзничь на земле, как и его командир, самому юному из всех вице-капралу Седрику Торнею, родившемуся 24 июля 1974 года в городе Монтей (кантон Валлис, Швейцария), было всего двадцать четыре года.

Тройное убийство ввергает Ватикан в хаос. Однако всего лишь на пару мгновений: через несколько часов дело закрывают, хотя расследование с незначительной отдачей по результатам будет длиться девять месяцев. Между тем во всем мире, особенно вне Италии, множатся кривотолки, голоса не умолкают: слишком много лакун, многочисленные детали расходятся с официальной версией. Как следствие, появляются сомнения и вопросы, остающиеся без ответа.

Оба военных принадлежали к наиболее старинному и престижному корпусу папской гвардии: сто солдат, отобранных в швейцарских долинах, с давних пор гордящихся доблестью своих сынов. Еще Тацит признавал, что «гельветы — это племя воителей, прославленное мужеством своих солдат». По традиции как раз им вменено в обязанность гарантировать безопасность

Святого престола, обеспечивать неприкосновенность понтифика и нести караул у ватиканских стен. Кроме того, они сопровождают самые торжественные церемонии, будучи одетыми при этом в пеструю униформу, замысел и дизайн которой приписывается молвой самому Микеланджело.

Ватиканский детектив так никогда и не получил приемлемой разгадки. По поводу этой тройной смерти с определенностью можно сказать только о двух вещах. Во-первых, официальная версия точно не совпадает с реальной динамикой фактов. Во-вторых, мать Седрика Торнея, несмотря на ее неоднократные мольбы, обращенные к понтифику, так и не получила даже малого утешения и поддержки, кроме тех, что требовало элементарное милосердие. И уж конечно, никакого правдоподобного ответа синьоре Мюгетт Бода, так ее зовут, никто до сих пор не дал. Ей пришлось удовлетвориться преданным гласности вердиктом, согласно которому ее сын Седрик убил чету Эстерманнов, а после покончил с собой.

Данная версия была представлена средствам массовой информации пресс-секретарем Ватикана Хоакином Наварро-Вальсом, бывшим испанским журналистом, членом Opus Dei, в тот момент, когда не прошло и нескольких часов после этих загадочных событий. Реконструкция преступления в его изложении свелась к тому, что вице-капрал Торней, разозлившийся из-за того, что не получил долгожданную награду (медаль «За заслуги»), находясь в состоянии аффекта и утратив способность к самоконтролю, отомстил отказавшему ему командиру, убив его вместе с женой. Затем, потрясенный собственным преступлением, он совершил самоубийство. Пресс-секретарь добавил, что молодой человек страдал психическими расстройствами и принимал наркотики (*каннабис*); последующее вскрытие проверит наличие в его мозге патологии в виде кисты, которая могла бы усугубить шаткое душевное равновесие Торнея. Завершая свое выступление, Наварро-Вальс скажет дословно: «Я не думаю, что аутопсия сможет дать принципиально иные результаты, чем те, что я вам озвучил».

5 февраля 1999 года декрет за подписью адвоката Джанлуиджи Марроне, исполнявшего функции единственного судьи в Ватикане, постановил, что «на базе собранных в ходе расследования сведений выводы, к которым пришло следствие, представляются не подлежащими сомнению, тем самым снимается необходимость ведения уголовно-процессуальных действий в отношении смерти полковника Алоиса Эстерманна, синьоры Глэдис Меса Ромеро, в замужестве Эстерманн, и вице-капрала Седрика Торнея, что влечет за собой передачу дела в архив».

Относительно настойчивых ходатайств синьоры Бода пресс-секретарь заявит: «Я все понимаю и отношусь с почтением к ее горю, но мы не можем пренебречь уважением к истине, скрупулезно установленной в ходе длительного и тщательного изучения дела». Понадобилось девять месяцев, чтобы сформулировать вывод, идентичный тому, что был предвосхищен спичрайтером Ватикана через пару часов после трагедии.

В предыдущей главе, посвященной эпохе Нерона, первые христиане только-только начинали являть себя миру в качестве рьяных сторонников вероучения, зародившегося как течение иудаизма в земле Израиля и постепенно распространявшегося на Западе. Перелистнув страницу-другую, а на практике перешагнув через двадцать веков, мы сейчас оказываемся в ситуации совершённого государственного преступления, перед лицом размытых версий, противоречивых, внутренне полемичных и очевидно далеких от истины, как показали параллельные журналистские расследования, осуществленные органами печати и телевидением. Мы пытаемся исследовать «секреты Ватикана», что, в частности, означает попытку осознать астрономическую дистанцию, разделяющую верующих, которые шли на мученическую смерть с гимнами во славу Господа на устах, и те зловещие механизмы, что регулируют жизнь политических организмов и государств.

Карта, приложенная к пакету Латеранских соглашений, подписанных Муссолини и кардиналом Гаспарри 11 февраля 1929 года, наглядно демонстрирует, что государство Ватикан фактически замыкается в границах так называемых «львиных» стен (Leonine City). Первое их кольцо возведено папой Львом IV между 848 и 852 годами в целях защиты Ватиканского холма и базилики Святого Петра. По замыслу христиан эти укрепления должны были послужить преградой и заслоном против вторжений сарацин, разграбивших Рим в 846 году, в период понтификата Сергия II. Папа Лев IV разработал идею барьера фортификаций, скопировав по большей части схему, созданную его предшественником Львом III.

К реализации проекта приступили незамедлительно. Рабочую силу, необходимую для проведения работ, поставляли domuscultae — укрепленные поместья, созданные в эпоху позднего Средневековья для повторного заселения пустующей сельской местности. Но к строительству привлекли и рабов-сарацин, захваченных в битве при Остии в 849 году. Стены были воздвигнуты всего за четыре года благодаря финансовой поддержке императора Лотаря и короля лангобардов Лиутпранда. Кроме того, активно использовались строительные материалы, полученные после разрушения

и сноса античных зданий. Папа Лев был неутомим: он лично надзирал за ходом работ, отдавал приказания рабочим, благословлял, молился. В последующие столетия внешнее кольцо стен было много раз перекроено и расширено. Настоящие стены Ватикана, ныне очерчивающие границы государства, появятся намного позже, по воле Пия IV, Павла III и Урбана VIII.

Небезынтересно отметить, что в результате этих переделок и увеличений общей площади прославленный Пассетто ди Борго оказался не составным элементом пограничного кордона, а военным переходом, включенным в городской комплекс. Свое назначение он сохранил вплоть до наших дней, хотя его функциональное назначение все же изменилось — и довольно значительно. На самом деле расположенный таким образом Пассетто (или Коридор) превратился в дорогу беглецов, соединявшую папские дворцы с неприступным замком Святого Ангела.

Этот «запасный выход», словно из рыцарского романа по внешнему виду и очертаниям (последняя реставрация была проведена по случаю Юбилея 2000 года*), поспособствовал возникновению народных легенд и мифов. Американец Дэн Браун, не бог весть какой писатель, но наделенный богатейшим воображением сценарист, сделал именно его местом действия целого ряда динамичных эпизодов своей книги «Ангелы и демоны». Джоаккино Белли воспел его в сонете (Er Passetto de Castel Sant'Angelo, 17 декабря 1845 года), который завершается так:

В том замке, за стеною, с пылом-жаром
Святой отец играет роль, где надо
Быть виночерпием и знатным кулинаром.
Флаг желто-белый для него отрада, —
Он привечает каждого бесценным даром:
Благословений вал и пушек канонада.

Я слегка смягчил римское диалектальное по происхождению написание строф, чтобы дать возможность лучшего восприятия разящей иронии этого произведения. Поэт, в общем-то, попал в яблочко, ударив по больному месту.

* В католической церкви с 1300 года так называется особый Святой год, в течение которого католики могут получать особое отпущение грехов. Традиция берет начало в Книге Левит Ветхого Завета (25:10). В Великом Юбилейном 2000 году впервые в истории христианства папа Иоанн Павел II в своей Mea Culpa принес покаяние от имени католической церкви за грехи, совершенные Церковью на протяжении 2000 лет истории. *Прим. ред.*

Этот мост-коридор длиной около восьмисот метров гарантировал в случае необходимости безопасное перемещение папы и его свиты из ватиканских дворцов в крепость по защищенному и вознесенному ввысь переходу. Папа Николай III придумал использовать стены, сооруженные его далеким предшественником Львом IV, для такого рода прикладных задач. Одна из самых драматических чрезвычайных ситуаций возникла, как мы увидим, в мае 1527 года.

Контур стен — как до различных расширений, так и после — имел форму лошадиной подковы; беря начало от замка, он опоясывал базилику, взбирался по склонам Яникула, чтобы в итоге опять спуститься к Тибру. Мощные стены толщиной четыре метра у основания перемежались, в соответствии с римской моделью, сорока четырьмя башнями и несколькими воротами, существующими, за некоторыми исключениями, и поныне.

Снос центральной части района Борго* (так называемого хребта Борго) и открытие улицы Кончилиацьоне значительно изменили оригинальный облик этих мест. Но, несмотря на многочисленные модификации и демонтаж домов, продиктованные потребностями городского транспорта, стены все еще способны рассказать о выпавших на их долю приключениях и происшествиях тем, кто остановится прочесть бессчетные таблички, памятные доски и надписи с украшающими их папскими гербами.

«Львиная» цитадель (Civitas Leonina) на протяжении многих веков служила папскому Риму бастионом, нерушимо стоявшим на страже монархии понтификов. По возвращении из авиньонского плена, длившегося с 1309 по 1377 год, папы быстро осознали, что Ватикан проще всего защищать со стороны Латерана, их первой резиденции, как минимум благодаря исключительно выгодной позиции замка Святого Ангела. Поэтому началось активное возведение и укрепление новых дворцов внутри «львиного» пояса стен, которые были, в свою очередь, отреставрированы. Наряду с этим были усилены все фортификации и созданы дополнительные ворота, что отвечало растущим потребностям военного и бытового плана.

На карте XVIII века Мариано Вази (Vetus Planum Urbis Romae) отмечены ключевые ворота, среди которых Порта Туррионис, к настоящему моменту снесенные и замененные новыми Порта Кавалледжери, что получили свое название за счет близости к казармам: через них в 1527 году в город вступили ландскнехты Карла V.

* В 1936–1950 гг. *Прим. пер.*

В конце Пассетто, напротив площади Святого Петра, берет начало виа ди Порта Анджелика, которая в прошлом вела прямиком к воротам Порта Анджелика. По конкордату* 1929 года, известному как «примирение» (conciliazione), вдоль левой стороны улицы была построена современная стена, выступающая в виде пограничной линии между двумя государствами. Сейчас здесь находятся ворота Порта Санта Анна, единственный вход для посетителей, да и для многих граждан Ватикана. Караул у ворот несут уже свыше полувека солдаты понтифика, папские алебарды. Точнее, швейцарская гвардия.

О необычайных приключениях этой самой старинной армии мира, к тому же уникальной тем, что рекрутский набор в нее производится в соответствии с вероисповеданием, мы и поговорим. В длительной истории Ватикана встречались и другие «армейские соединения»; к примеру, два из них были учреждены в XIX веке (дворянская гвардия и папская дворцовая, или палатинская, гвардия) и впоследствии распущены; а к далекому VI веку относится эпизод с появлением в Ватикане корсиканской гвардии, тоже ликвидированной примерно через сто лет.

Напротив, швейцарская гвардия продолжала свое существование в стенах этого государства с далекого 1506 года, когда папа Юлий II делла Ровере (заказчик и спонсор Микеланджело) обратился к государствам Конфедерации Верхней Швабии (Confederatis Superioris Allemanniae) за разрешением завербовать на ее территории десяток юношей и сформировать из них свою личную гвардию. Его предшественники — папы Сикст IV, Иннокентий VIII и Александр VI — уже пытались организовать армейский корпус, но лишь при Юлии гвардейский полк был создан официально.

22 января 1506 года контингент из ста пятидесяти наемников, прибывший пешком из Люцерна по Дороге франков (via Francigena), вошел в Рим. Перемещением руководил капитан Каспар фон Силенен, сопровождаемый прелатом Петером фон Хертенштайном. Сто пятьдесят алебардщиков (Gwardiknechthe) сделали остановку в Милане, где Хертенштайн получил в качестве задатка из суммы будущих вознаграждений пятьсот дукатов в местном филиале банка Фуггеров. В Аквапенденте, на юге Тосканы, швейцарцы получили наличными еще двести дукатов. 21 января они, наконец, достигли Рима и на следующий день, вступив в Вечный

* Договор между папой римским как главой католической церкви и каким-либо государством. *Прим. ред.*

город, промаршировали от Порта дель Пополо до холма Ватикан, пройдя по Кампо дей Фьори. Достигнув цели после бесконечного путешествия (примерно 750 километров) в самой середине зимы, они выстроились в ряд для представления понтифику, после чего были расквартированы в казармах.

Эльзасский прелат Джованни Бушар, церемониймейстер папского двора и вдобавок педантичный хронист, отметил в своем дневнике: «К вечеру 22 января 1506 года группа из ста пятидесяти швейцарских солдат под командованием капитана Каспара фон Силенена достигла Порта дель Пополо и вошла в Рим».

Юлий II был папой-воином, каких до той поры еще не встречалось. Главными среди его стратегических целей были усиление церковного государства и повторная аннексия отколовшихся мятежных земель. В отношении создания собственной гвардии он взял за образец короля Франции, доверившего в 1497 году охрану своей персоны роте из ста вооруженных мужчин. Юлий II хотел иметь вдвое больше, но ему пришлось удовлетвориться количеством в 150 человек, которых удалось набрать.

В наши дни наличный состав гвардии — это сто десять человек, включая командующего полковника, офицеров, унтер-офицеров и рядовых алебардщиков. Престиж и театрализованная привлекательность службы в этой ее части подкрепляется и униформой, по легенде изобретенной, как уже было сказано, Микеланджело. В действительности броское ренессансное одеяние из отрезов ткани желтого, синего и оранжевого оттенков, повторяющее геральдические цвета династии Медичи, — это плод кропотливого труда полковника Жюля Репонда (командира гвардии в 1910–1921 гг.), которого при создании эскизов вдохновляло творчество Рафаэля. Парадная униформа включает в себя латы и шлем испанского образца, называемый «морионом», с гребнем из страусиных перьев и характерными приподнятыми полями. Вместе с тем предусмотрена и более строгая рабочая одежда в виде штанов и камзола голубых тонов, которые сочетаются с белым колетом, не стесняющим движений. Мундир швейцарцев уже давно и прочно интегрировался в ватиканский, а стало быть, и в римский фольклор.

Однако критических отзывов тоже предостаточно: к примеру, Стендаль, мало того что не выказал особого энтузиазма на этот счет, так еще и съехидничал в своих «*Прогулках по Риму*», а именно в заметке, датированной 7 марта 1828 года:

...у правого края колоннады я заметил несколько гротескных фигур, напяливших на себя полосы желтой, красной и синей материи; это были не кто иные, как бравые швейцарцы, вооруженные копьями и одетые на манер XV века.

Через пару десятилетий, в 1864 году, Ипполит Тэн наблюдает швейцарских гвардейцев в Сикстинской капелле и пренебрежительно отзывается о них как о людях, облаченных в пестрые (barioles) бутафорские костюмы, словно взятые напрокат из оперы (vetus d'un costume opera).

Истинным крещением кровью и испытанием верности (а гвардейцы приносили клятву пожертвовать, если потребуется, жизнью) для маленького корпуса стало 6 мая 1527 года — роковой день для Рима, которому тогда пришлось перенести одно из самых опустошительных вторжений в своей истории. После нескольких часов кровопролитных столкновений орда, состоявшая почти из 14 тысяч ландскнехтов во главе с Георгом фон Фрундсбергом, сломив сопротивление у ворот Санто Спирито и Торрионе, ворвалась в город (слово «ландскнехты» является калькой с немецкого Landsknechte, состоящего из двух элементов: land — земля и knecht — слуга. Так в Европе XVI века назывались прославленные соединения профессиональных наемников-пехотинцев). Эти внушающие ужас полки из Баварии и Тироля, разбавленные испанцами, и были протагонистами «разграбления Рима».

Ландскнехты вторглись в город в районах Борго Санто-Спирито и Сан-Пьетро, в то время как швейцарская гвардия отчаянно сопротивлялась, сомкнув оборону у обелиска, тогда еще не установленного и лежавшего рядом с базиликой. Стычки врукопашную, на шпагах и алебардах вынудили швейцарцев, находившихся в явном меньшинстве, отступить до самого алтаря Святого Петра, но даже этого оказалось недостаточно. Непрерывно скрещивая клинки и наседая на гвардейцев, противники достигли Сикстинской капеллы и Станц Рафаэля, где в знак оскорбления кто-то из них вырезал кончиком шпаги на фреске «Диспут о Святом Причастии» имя Лютера, а другая надпись-граффити воспевала императора Карла V.

В ту эпоху мародерство признавалось неотъемлемым правом наемных армий, не получавших регулярного жалованья. Такой безграничный произвол не обходился, разумеется, без изнасилований, что тоже было в порядке вещей. В Риме «ланды», как их называли, не гнушались выламывать ворота монастырей и насиловать там затворниц. Ретивость в совершении этих

преступлений и их продолжительность объясняются тем, что в немецких войсках служили преимущественно убежденные лютеране (Реформация началась всего за десять лет до описываемых событий), для которых папа был воплощением Антихриста, а Рим — Великой Блудницей. Иными словами, важным импульсом к притеснениям и грабежам, привычным для солдат удачи, был губительный порыв к возмездию, последствия которого для городского населения и остатков памятников прошлого были чудовищными. Папская гвардия была обречена: основная часть людей полегла, прикрывая отход папы Климента VII и ряда ватиканских сановников по Пассетто в замок Святого Ангела, где они и нашли убежище. Сто сорок семь алебардщиков были убиты, лишь сорока двум удалось выжить в той мясорубке.

Ландскнехты и испанцы, просачивавшиеся в Рим по мостам Сикста и Сант-Анджело, буйствовали и грабили в течение восьми дней. Были осквернены и ограблены даже папские гробницы, в том числе захоронение Юлия II, умершего немногим ранее (1513 год). В итоге жертвами набега стали свыше десяти тысяч человек, а трофеи и добыча, попавшие в руки к захватчикам, оценивались в несколько миллионов дукатов. Злоупотребления сопровождались антипапистскими насмешками. Так, напротив замка Святого Ангела, то есть на глазах у папы Климента VII, забаррикадировавшегося в его стенах, была организована процессия, в ходе которой издевательски пародировались римские ритуалы, а солдатня долго орала на все лады: *Vivat Lutherus pontifex*, то есть «Да здравствует Лютер — наш понтифик!»

5 июня, через месяц после вторжения в город вражеской армии, папа, наконец, подписал акт о сдаче и капитулировал с весьма обременительными условиями: уступкой крепостей Остия и Чивитавеккья, передачай Модены, Пармы и Пьяченцы, выплатой четырехсот тысяч дукатов компенсации, а также гигантским выкупом за освобождение многочисленных пленных. И что еще, в частности, представляет интерес для нашей истории — швейцарская гвардия расформировывалась и заменялась двумястами ландскнехтами: четырьмя отрядами по пятьдесят человек, которые должны были состоять из испанцев и немцев. Папа добился того, чтобы выжившим швейцарцам было позволено примкнуть к новой гвардии, но только двенадцать человек согласились смешаться в строю с ненавистными ландскнехтами. Так продолжалось более двадцати лет, пока Павел III в 1548 году не принял решение воссоздать корпус папских алебардщиков в его изначальном виде.

В память о тех трагических днях и сегодня на виа дей Пенитенциери можно увидеть бюст Бернардино Пассери, под которым видна надпись:

6 мая 1527 года,
Обернувшись знаменем,
Вырванным рукою его
У вторгшихся реакционных банд,
Здесь погиб, защищая родину,
В крови собственной и вражеской
Бернардино Пассери, римлянин,
Златых дел мастер, отец семейства.
Дабы сей пример служил назиданием
И вызывал подражание потомков,
Гильдия ювелиров города Рима
Возлюбленному собрату по ремеслу
Посвящает новый мемориальный дар
25 октября 1885

Еще одно воспоминание о событиях тех дней выражается в том факте, что новобранцы швейцарской гвардии до сих пор присягают на верность папе в тот самый день, когда их собратьями была принесена эта страшная жертва, то есть 6 мая каждого года. Рекрутов в новеньких парадных мундирах собирают во дворе Сан-Дамазо, где они выслушивают текст присяги, произносимой капелланом: «Клянусь служить верой и правдой и честью понтифику и его законным преемникам, посвятить им все силы мои, где потребуется, положить жизнь во имя их защиты. Равно принимаю эти обязательства в отношении Священной коллегии кардиналов на весь период, пока длится конклав. Кроме того, обещаю капитан-коменданту и прочим моим офицерам уважение, верность и послушание. Клянусь. И да помогут мне Господь и святые заступники». Одно за другим эти слова звучат из уст новоиспеченных гвардейцев, при этом левой ладонью они прикасаются к штандарту корпуса, а правую вскидывают в особом жесте с тремя разомкнутыми пальцами, символизирующими Троицу.

После кровавой бани 6 мая 1527 года на долю корпуса выпадали уже менее значительные испытания, пожалуй, за исключением одного эпизода, достойного быть упомянутым: речь идет о «резне в Перудже» 1859 года. В разгар Второй войны за независимость крупный контингент перуджинцев, численностью около восьмисот молодых людей, на добровольной основе вошел в состав сардинской армии. Одновременно в самом городе был создан повстанческий комитет, который после провала посреднических

переговоров с папским легатом провозгласил создание временного правительства и передал власть над городом Виктору Эммануилу II*. Тотчас стало ясно, что Пий IX был вовсе не расположен терять эту часть своих территориальных владений. Напротив, он намеревался воспользоваться брожением в городе как предлогом для показательного подавления мятежа. Понимая это, временное правительство отдало приказ населению готовиться к обороне Перуджи.

20 июня папские войска численностью около двух тысяч человек, преимущественно швейцарцы под командованием полковника Антона Шмидта, сосредоточились у городских стен. Слабо обученные и плохо вооруженные ополченцы попытались оказать сопротивление, которое было быстро сломлено в ходе сражения, унесшего жизни десяти папских солдат и тридцати перуджинцев. Швейцарцы наводнили город, насилуя и бесчинствуя, чем напомнили «ландов», разоривших Рим за три столетия до того.

Стоит отметить достойное поведение Плачидо Акуакотты, аббата монастыря Сан-Пьетро, укрывшего десятки напуганных жителей в подземных лабиринтах и подвалах обители и тем спасшего их от неминуемой смерти. И это лишь один из многих примеров, описанных в книге, когда деяния простых священников отличались гораздо более «христианским» духом в сравнении с представителями церковной иерархии, от которых они зависели. Исследователь Паскуале Виллари в своем труде *«Общая история Италии»* пишет:

> *Тридцать домов были полностью разграблены, а обнаруженных в них женщин, по признанию самого Шмидта, убили; захвачены монастырь, две церкви, больница и сиротский приют, где две юные воспитанницы были изнасилованы прямо на глазах преподавательниц и подруг. Неизбежным следствием учиненного мародерами разгрома стало восстановление государственного правления в Перудже, провозглашенное Шмидтом. Самому полковнику и его сподвижникам от имени понтифика были вручены награды и оказаны почести, включая торжественные и пышные похороны, назначенные кардиналом-архиепископом Печчи [позднее папа Лев XIII], причем катафалк украшала дьявольски двусмысленная надпись: Beati mortui qui in Domino moriuntur**.*

* Виктор Эммануил II (1820–1878) — король Сардинии (Пьемонта) с 1849 года, представитель Савойской династии, первый король объединенной Италии с 1861 года.

** «Блаженны мертвые, умирающие в Господе» (лат.), Откровение Иоанна Богослова, 14:13.

Чудовищное кровопролитие не обошел вниманием поэт Джозуэ Кардуччи, который, придя в ярость от случившегося, за несколько дней написал страстный, полный негодования сонет, включенный в сборник *Juvenilia* (Юношеские стихи, XCII), где швейцарцы названы «псами католицизма» и «бандитской шайкой»:

Нет, не обманы, а трусливую лишь злобу
Рим вскормит, копошась в своем борделе,
И кровь струится в ту распухшую утробу,
И псы католицизма себя явят в мерзком деле,
Для мрака путь распахнут, и ведет он к гробу.
Осанну скотобойне и разврату там пропели
Все позабывшие пред миром страх и робость,
Что лик Христа на знамени поднять посмели.
Христа, кто возгласил свободу по дороге к раю.
По слову Иисуса апостол свой меч убирает;
Убийства отринув, прощает Он нас, умирая;
Шайку разбойников с неба Господь покарает.
Предателей, грешников, вместе их всех собирая,
Навек заклеймит, в Преисподнюю, в ад низвергая.

Позабытая ныне история вызвала тогда заметный международный резонанс, в том числе потому, что волна жестокости коснулась и американской семьи Перкинсов, гостившей в городе. Газета «Нью-Йорк таймс» 25 июня того же года под заголовком «Резня в Перудже» среди прочего сообщала: «Озверевшие войска, казалось, отреклись от любых законов и норм, врывались по собственному усмотрению во все дома, совершая леденящие душу убийства и иные преступления в отношении беззащитных жителей, будь то мужчины, женщины или дети».

Спорным является вопрос, какова реальная доля ответственности папы Пия IX за произошедшую бойню. Иначе говоря, не до конца ясно, получали ли швейцарцы, помимо приказа подавить восстание, дозволение предаться после победы насилию и грабежам в Перудже.

Однако неоспорим тот факт, что последующие репрессии и казни перуджинцев — на его совести. Такой вывод можно сделать из распоряжения, переданного полковнику Шмидту кавалером Мацио, заместителем папского министра:

Нижеподписавшийся Уполномоченный Заместитель Министра возлагает на Ваше Превосходительство поручение вернуть Провинции, совращенные на путь мятежа наущением немногих фанатиков, под длань Его Святейшества, в связи с чем Вам рекомендуется действовать с непреклонностью, что послужит уроком остальным и тем самым воспрепятствует революционному брожению. Кроме того, дарую Вашему Превосходительству право обезглавить бунтовщиков, застигнутых в жилищах, и призываю не заботиться о затратах Правительства, ибо расходы на постой и обеспечение текущей экспедиции должны быть покрыты самой Провинцией.

В дальнейшем жизнь папской армии была более спокойной. Швейцарцы обеспечивали безопасность светской власти Ватикана вплоть до 20 сентября 1870 года, когда берсальеры генерала Ламармора, проломив брешь в стене вблизи ворот Порта Пиа, вошли в Рим и присоединили его к вновь образованному за девять лет до того королевству Италия. Сутки спустя папские войска были распущены, исключение было сделано лишь для швейцарской гвардии.

Так завершается многовековой период, в течение которого понтифик нуждался в собственной армии, чтобы защищать территорию своего государства, то есть сугубо мирскую власть. С того момента за швейцарской гвардией была закреплена единственная задача: гарантировать личную неприкосновенность папы, а также обеспечивать безопасность ватиканских дворцов и папской виллы в Кастель Гандольфо.

Важным этапом в существовании корпуса стали Латеранские соглашения между итальянским государством и католической церковью, подписанные 11 февраля 1929 года. Пакет документов включает в себя договор и неотъемлемый от него конкордат. По договору за Святым престолом признается суверенитет, а также исключительная и безусловная юрисдикция над Ватиканом, сферы компетенции которого скрупулезно уточняются. Так, статья 3 гласит:

Италия признает за Святым престолом право полной и исключительной собственности, абсолютной власти и суверенной юрисдикции над Ватиканом в том виде, в каком он сейчас существует, со всем ему принадлежащим и полученным в виде пожертвований имуществом, рассматривая город Ватикан подобным образом, исходя из специальных целей и порядка, вытекающих из настоящего Договора.*

* Текст договора приводится по электронной версии, размещенной на сайте: http://worldconstitutions.ru/archives/156

Другой пункт разъясняет и фиксирует все, что имеет отношение к допуску в Ватикан и к его государственным границам:

Остается, однако, установленным, что площадь Святого Петра, даже будучи частью города Ватикана, продолжает оставаться открытой для публики и подчиняется силам полиции итальянских властей, которые, даже если они были направлены для охраны публичного отправления культа, останавливаются на парадной лестнице Собора и не поднимаются в Собор, чтобы не создавать напряжения, если только они не должны вмешаться по просьбе компетентной власти.

Когда Святой престол для своих особых целей решает временно закрыть свободный проход на площадь Святого Петра, представители итальянской власти, если они не были приглашены компетентной властью, остаются за внешней линией колоннады Бернини и ее продолжением.*

Создание нового государства Ватикан выявило весьма деликатную проблему, возникшую перед Швейцарской конфедерацией, поскольку отныне ее граждан формально вербовали на службу в иностранной «армии». Щекотливая тема была закрыта решением Федерального совета Швейцарии, который спустя четыре дня после подписания Латеранских пактов постановил:

Затруднительно считать папскую гвардию иностранным военным соединением в том смысле, какой вкладывается в это понятие статьей 94 военного уголовного кодекса; поскольку гвардия выполняет простые караульные функции, каждый [гражданин] может нести службу, не запрашивая разрешение на этот счет у Федерального совета.

В том же 1929 году были начаты работы по строительству жилых помещений для офицеров и унтер-офицеров гвардии и завершилась реставрация маленькой церквушки Сан-Мартино и Сан-Себастьяно, воздвигнутой Пием V в 1568 году внутри пространства, отведенного под казармы швейцарцев.

В наши дни на сайте римской курии с максимальной четкостью перечислены все необходимые требования, которым должен отвечать любой, кто хотел бы стать папским солдатом:

---

* Текст договора приводится по электронной версии, размещенной на сайте: http://worldconstitutions.ru/archives/156

Я гражданин Швейцарии. Я исповедую римский католицизм. У меня безукоризненная репутация. Я выпускник швейцарской школы для рекрутов. Мне от 19 до 30 лет. Мой рост не менее 174 сантиметров. Я холост. Я обладаю сертификатом о профессиональной подготовке или свидетельством об окончании средней школы.

Короче говоря, мужчина, швейцарец, среднего роста, холостой, католик, обладатель диплома. Минимальный срок службы составляет два года. Ежемесячная зарплата — около 1350 евро. Жениться можно только по достижении двадцати пяти лет, обладая трехлетним стажем и званием капрала и принимая на себя обязательство служить Римской церкви по крайней мере еще три года.

Каковы на практике повседневные задачи «швейцарца»? Две трети штата определено к охране различных входов в апостолические дворцы. В этот список входят дворики Сан-Дамазо и Бельведер, этажи лоджий, Царская зала (Sala Regia), помещение напротив кабинетов Государственного секретариата и частные апартаменты папы. Также гвардия контролирует внешние входы: Ворота Святого Петра (Cancello Petriano), Колокольную арку (L'Arco delle Campane), Бронзовые двери (il Portone di Bronzo) и Врата Святой Анны (Porta Sant'Anna).

Швейцарцы участвуют в протокольных мероприятиях и охраняют понтифика во всех случаях его появления на публике: во время религиозных церемоний и празднований на площади Святого Петра, на общих аудиенциях и во время визитов глав зарубежных государств. Помимо этого, остаются инспекционные смотры, марши, упражнения в стрельбе, репетиции полкового оркестра, хор.

Сто десять солдат разделены на три отряда, которые сменяют друг друга на посту каждые восемь часов: первый находится в карауле, второй является подкреплением, третий остается свободен. Полковник-комендант осуществляет руководство тремя офицерами и группой унтер-офицеров. Офицеры и старший сержант, как правило, несут службу в гражданской одежде. Капеллан корпуса приравнен по рангу к подполковнику. Прием пищи происходит во внутренней столовой, а на кухне хозяйничают монахини из конгрегации сестер-альбертинок (Suore albertine serve di Dio).

Полковое знамя папской гвардии разделено белым крестом на четыре равных поля. В первом квадрате (верхнем, у древка) изображен герб царствующего понтифика, в четвертом (нижнем, у края) — герб Юлия II, оба

на алом фоне. Второй (верхний, у края) и третий (нижний, у древка) квадраты представляют собой горизонтальные полосы в цветах корпуса — синем, желтом и красном. В точке пересечения лучей креста, ровно посередине, размещена эмблема действующего командира.

Когда в мае 2006 года швейцарская гвардия отмечала пятисотлетие с момента основания, папа Бенедикт XVI в своей проповеди среди прочего упомянул и вот о чем:

Многочисленны примеры присутствия мирян в католической церкви, но в их числе есть один — исключительного порядка: швейцарские гвардейцы понтифика, молодые люди, вдохновленные любовью к Христу и Церкви на служение преемнику Святого Петра. Для некоторых из них принадлежность к этому корпусу гвардии ограничена во времени, для других же она превращается ни много ни мало в экзистенциальный выбор. Кого-то, и я говорю об этом с чувством глубокого удовлетворения, служба в Ватикане укрепила в склонности к религиозному и священническому призванию. Однако для всех быть швейцарским гвардейцем — значит безоговорочно воссоединиться с Христом и Церковью, быть готовым отдать за них свою жизнь.

Итак, быть готовыми отдать жизнь или же потерять ее загадочным образом, как в случае Алоиса Эстерманна, его жены Глэдис Меса Ромеро и юного вице-капрала Седрика Торнея.

В 20:46 4 мая 1998 года в доме Эстерманнов, в небольшой и элегантно меблированной квартире неподалеку от Порта Санта Анна, раздается телефонный звонок. Мы находимся в узловом «нервном» центре Ватикана, где бьется его пульс — рядом с казармами швейцарцев и в двух шагах от головной башни, где размещается Банк Ватикана, пресловутый IOR (L'Istituto per le Opere di Religione, буквально — Институт религиозных дел).

На другом конце провода старый приятель полковника Эстерманна, который рад поздравить его с назначением командующим гвардией, обнародованным всего лишь девять часов назад. В своих свидетельских показаниях от 7 мая друг Эстерманна заявляет:

Мы обсудили церемонию присяги и погоду. Внезапно я почувствовал, что связь нарушена, — так бывает, если приложить трубку к груди или положить на что-то мягкое. Потом я услышал в отдалении какие-то голоса,

один из которых напоминал голос его супруги, затем какое-то шуршание и, наконец, отчетливый хлопок, за ним, через короткий промежуток, еще один и другие, уже издалека, неразборчивые.

Как раз именно в это мгновение монахиня, жившая на том же этаже здания, слышит, как что-то с грохотом падает. Обуреваемая любопытством, она выходит на лестничную площадку и видит, что входная дверь Эстерманнов распахнута. На часах 21:04. Она робко заглядывает внутрь и в ужасе кричит. Ее взору предстает душераздирающая сцена: кругом кровь, брызги на стенах и лужи на полу. Там же три трупа: двое мужчин, лежащих ничком, лицом вниз, и женщина, сидящая на полу, прислонившись спиной к стене. Все трое убиты из огнестрельного оружия.

Алоис Эстерманн никогда не был заурядным офицером. Его карьера оказалась стремительной и блестящей, особенно после покушения на папу Кароля Войтылу 13 мая 1981 года. В тот день тогда еще капитан Эстерманн делом подтвердил верность присяге, заслонив понтифика, как щитом, собственным телом. Героический поступок для многих; для прочих — запоздалый жест, ведь пуля, выпущенная в Святого Отца, на тот момент уже достигла цели.

Спустя пару минут после чудовищной находки, в 21:30, маленькие апартаменты супругов Эстерманн оживляются беспрестанными передвижениями множества высокопоставленных прелатов, ватиканских чиновников и сотрудников корпуса охраны (внутренней полиции Папского государства). В 22 часа прибывает Джанлуиджи Марроне, главный и единственный судья Ватикана. Все три тела до сих пор находятся на полу. Между тем в адрес итальянских властей так и не поступило ни одного запроса о помощи или сотрудничестве. В Апостолическом дворце папа погружается в глубокую молитву. А страшная новость уже просачивается сквозь ватиканские стены, и напротив Порта Санта Анна собирается толпа журналистов, фотографов и операторов телевидения.

В путанице первых часов нет места какой-либо определенности, за исключением сразу же установленной личности жертв. Несмотря на это, вскоре после полуночи (точнее, в 00:10) пресс-секретариат Святого престола рассылает бюллетень № 184, датированный 5 мая: «Командир корпуса швейцарской папской гвардии, капитан-полковник Алоис Эстерманн, — читаем мы в нем, — был найден мертвым в своем доме вместе с супругой Глэдис Меса Ромеро и вице-капралом Седриком Торнеем… Все трое убиты

из огнестрельного оружия. Под телом вице-капрала найдено его табельное оружие… Данные, имевшиеся в нашем распоряжении до этого момента, позволяют выдвинуть предположение о приступе безумия (raptus di follia) у вице-капрала Торнея».

Чуть позже директор пресс-службы Хоакин Наварро-Вальс уточняет журналистам динамику преступления: вице-капрал, вероятно, убил из своего пистолета супругов Эстерманнов, а после этого покончил с собой. В подтверждение данной версии официальный представитель Ватикана объясняет, что Торней за полтора часа до двойного убийства якобы доверил сослуживцу передать родственникам его прощальное письмо. «У Ватикана есть моральная убежденность в том, что события разворачивались таким образом», — безапелляционно заключает доктор Наварро-Вальс.

Играя на опережение и не дожидаясь результатов вскрытия, допросов и баллистической экспертизы, уже через три часа после смерти троих человек Святой престол распространяет базирующуюся на «моральной убежденности» официальную версию, позволяющую закрыть дело еще до его открытия. Три трупа «ошпаривают», торопят, давят самим фактом своего существования: не только из-за того, кем они были при жизни, но и по причине места их обнаружения.

5 февраля 1999 года судья Марроне скрепляет подписью, как сказано в начале главы, декрет об архивации: не требуется никаких уголовно-процессуальных действий в отношении смерти полковника Алоиса Эстерманна, синьоры Глэдис Меса Ромеро и вице-капрала Седрика Торнея. Конечно, дело формально уже закрыто, но на месте отсутствующего судебного приговора продолжает зиять вызывающая пустота наряду с предельно ясным обвинением в адрес бедного Торнея.

Святой престол улаживает этот вопрос и бюллетенем № 55 от 8 февраля 1999 года заполняет пустоту, созданную декретом об архивации. На девяти страницах (которые являют собой коллаж из выжимок и отрывков того доклада, что был представлен судье Марроне судебным следователем Никола Пикарди) заклеймен молодой вице-капрал: он и убийца, и самоубийца, и сумасшедший, и больной, и пристрастившийся к наркотикам.

В информационном сообщении Ватикана зафиксировано: «Аутопсия показала наличие субарахноидальной кисты размером с голубиное яйцо в черепе Торнея, которая деформировала переднюю часть лобной доли левого полушария головного мозга». Читаем далее: «Химико-токсикологические исследования организма Торнея выявили следы метаболита индийской

конопли-каннабиса». И вдогонку: «Третья привходящая причина [преступления] заключается в активной фазе бронхопневмонии». Итак, безумец, наркоман и больной.

Однако все еще неясен мотив, положительный или отрицательный, который подтолкнул бы на это злодеяние человека, пусть даже находившегося в столь плачевном состоянии.

Вот он: «Весть о том, что ему было отказано [полковником Эстерманном] в признании его заслуг в виде награждения медалью Бенемеренти». Торней, лишившийся рассудка и кипящий обидой, был, следуя логике текста, поражен «острой психической реакцией, механизмы торможения которой не сработали и ликвидировались».

Гипотетически ход совершения преступления реконструируется по такой схеме: Торней звонит в дверь, входит в квартиру, «два раза стреляет в полковника Эстерманна… третий раз впустую, пуля застревает в левом косяке двери лифта… четвертый настигает синьору Эстерманн… в конце концов, вице-капрал обращает оружие против себя самого».

В совокупности все пять выстрелов произведены из табельного пистолета юного вице-капрала. «Под его телом, — гласит бюллетень, — был найден пистолет марки SIG, модель 1975 года, швейцарского производства, калибр 9 мм, реестровый номер A-1-101-415, в комплекте обойма с шестью, как правило, патронами, один из которых остался неиспользованным… это табельный пистолет вице-капрала». Пять гильз, собранных на месте преступления, полностью соотносятся с этим пистолетом. Стрелял, вне всякого сомнения, Торней: эксперты обнаружили на его правой руке «присутствие остаточных гранул пороха». Для Святого престола все решено, резонов не доверять отчету нет. Между тем какие-то сомнения остаются, лучше даже сказать так: сомнений масса.

Тот самый судья Марроне в интервью ежедневной газете «Ла Нацьоне» от 9 июня 2002 года признает: «Когда случаются такие серьезные происшествия, по которым не все сомнения рассеяны, необходимо попытаться с минимальной степенью приблизительности докопаться до истины». И это еще не все. В письме, отправленном матери Торнея 1 марта 2000 года, Марроне пишет по поводу ватиканского бюллетеня № 55: «Документы, разработанные Святым престолом, не могут быть подкреплены формальной гарантией судебного органа».

Этого было достаточно, чтобы убедить синьору Мюгетт Бода, что реальные события отличались от того, как их описывают должностные лица Ватикана, и что ее сын, бедный вице-капрал, стал безвинной жертвой жестокой

инсценировки: его несправедливо обвинили в убийстве, дабы скрыть настоящие причины бойни. «Я получила только лживые выдумки и нахожусь в полном отчаянии», — признается мадам Бода журналу «Панорама» 18 июня 1998 года. «Слишком много замалчиваний и вранья со стороны Ватикана».

6 июля 2000 года при содействии двух парижских адвокатов — Жака Верже и Люка Броссоле — она формализует требование о повторном проведении расследования. Двое юристов неоднократно пытаются получить аккредитацию при судебной инстанции Ватикана, но ответ всегда одинаков: это невозможно.

Тогда 11 апреля 2002 года адвокаты направляют «ходатайство Его Святейшеству Иоанну Павлу II о возобновлении следствия», где изложены все те пункты, правдивый анализ которых ставится под сомнение. Прежде всего, входная дверь дома Эстерманнов была распахнутой, словно кто-то, в спешке удаляясь, оставил ее открытой. Потом еще эта загадка четырех грязных бокалов, обнаруженных в помещении, — данное обстоятельство заставляет думать о том, что там присутствовал кто-то четвертый. Кроме того, имеются результаты второй аутопсии вице-капрала, проведенной в Швейцарии, согласно которым никакой кисты в черепе найдено не было. И еще: «Табельный пистолет, из которого вроде бы застрелился Торней, — сообщают юристы, — имеет боезапас с точным калибром 9,41 мм… в то время как диаметр отверстия в затылке Седрика составляет только 7 мм». Как возможно, чтобы дыра на выходе из черепа имела меньший калибр, чем пуля, от которой она образовалась? Значит, был второй пистолет? Именно из него покончил с собой Торней?

Но и это еще не все. Траектория вхождения пули в череп вице-капрала, линия слома верхних резцов и позиция орудия преступления под трупом юноши — все это заставляет двух французских адвокатов предположить, что в данном случае присутствовало «насильственное введение дула пистолета в рот жертвы». Если Седрик действительно покончил с собой, то по причине эффекта отдачи пистолет был бы найден на расстоянии метра-полутора от тела. В общем, Торнея «вынудили к суициду». Он тоже жертва, как Алоис и его жена. Жертва, а не убийца.

Что же до письма, врученного вице-капралом на хранение алебардщику Клоду Гугельманну за пару часов до смерти, то французские адвокаты уверены: речь идет о громкой подделке. В этом послании Торней обращается к матери, прося у нее прощение за «то, что я сделал» (без дальнейших уточнений) и жалуясь на то, сколько несправедливости ему пришлось вынести.

Проведя стилистико-графологический анализ текста, адвокаты заявляют: «Эта фальшивка была состряпана очень быстро… неким человеком, по меньшей мере приближенным к Ватикану, чей родной язык — итальянский и кто плохо осведомлен о карьере Седрика Торнея в швейцарской гвардии, о его семье и его намерениях».

Странности продолжаются: письмо адресовано матери Седрика, но его автор по ошибке указывает на конверте фамилию Шаморель, которую Мюгетт Бода носила в предыдущем браке, закончившемся много лет назад разводом. Обратите внимание, что эту фамилию ее сын никогда не употреблял в переписке. Вызывает беспокойство одна деталь: фамилия Шаморель фигурирует в одном из бланков Ватикана, когда-то заполненном Седриком и сохраненном в архиве корпуса. В классической детективной истории этот момент подорвал бы прочность всей конструкции и привел бы к дальнейшему расследованию дела. Но в условиях Ватикана пришлось довольствоваться тем, что очередная подозрительная неувязка пополнила и без того внушительный список недостоверных предположений и сомнительных выводов.

Еще больше усложняет ситуацию появление на сцене загадочного персонажа, очень близкого к Торнею: дьякона Жан-Ива Берторелло, именуемого «падре Иван». В ходатайстве адвокатов к Святому Отцу читаем следующее: Берторелло «6 мая 1998 года встречался при свидетелях с синьорой Бода и несколько раз настойчиво повторил, что Седрик был убит, что у него есть письменные доказательства этому, да и он сам был под угрозой смерти… Святой престол, просто-напросто отвергнув сам факт его существования, после этого позаботился продемонстрировать, что [Берторелло] не имел ни малейшего отношения к Ватикану».

Для прояснения всех обозначенных пунктов французские юристы требуют проведения повторного расследования. Их запрос 17 апреля 2002 года снова отвергнут президентом Апелляционного суда Ватикана монсиньором Франческо Бруно. «Обструкционизм ватиканской юстиции» возмущает адвокатов и, по их мнению, окончательно ставит точку лишь в юридической плоскости, но не в человеческой. Действительно, среди достойных сожаления моментов этой темной истории нужно отметить проникнутое абсолютным безразличием поведение Святого престола перед лицом страданий матери Седрика, которой отказывают даже в получении копии медицинского заключения о вскрытии сына. В оправдание приводится тот довод, что Ватикан никогда не ратифицировал международные нормы, регулирующие такого рода вопросы.

Естественно, невозможность докопаться до истины напрямую не помешала тому, что отовсюду стали раздаваться голоса, предлагающие альтернативные версии событий, не совпадающие с официальным заключением. Уже 7 мая 1998 года немецкая ежедневная газета «Берлинер Куриер» написала, что Алоис Эстерманн с 1980 года являлся будто бы шпионом Штази, разведывательной службы бывшей Восточной Германии — ГДР. Это обстоятельство Ватикан отрицает категорически.

Сенсацией стали две книги. В первой, *Verbum dei et verbum gay* («Слово Господа и слово гея»), авторство которой принадлежит Массимо Лаккеи, читателя подталкивают к гипотезе преступления на почве страсти, подкрепляемой слухами (так никогда и не подтвержденными) о мнимой гомосексуальной связи Седрика и полковника Эстерманна. Лаккеи будет вызван в суд по обвинению в клевете, выдвинутому синьорой Бода (впоследствии его оправдают в ходе разбирательства по причине несоблюдения формальностей).

Вторая книга, *Bugie di sangue in Vaticano* («Ложь на крови в Ватикане»), написанная группой духовных лиц и мирян, которые называют себя «Учениками истины», повествует о губительной схватке за власть, скрытой за священными стенами Ватикана. Полковник, его жена и вице-капрал, вероятно, стали жертвами на поле битвы между «Opus Dei и масонскими кланами в сердце римской курии». Согласно этой реконструкции, Алоис Эстерманн, многие годы примыкавший к Opus Dei (о чем написал, не получив опровержения, еженедельник «Эпока» в мае 1996 года), был влиятельным человеком, которого могущественная организация, основанная доном Хосемария Эскрива де Балагером, поставила во главе папской армии, дабы лучше контролировать апостолические дворцы и перемещения Святого Отца. Вдобавок ко всему «план опусдеистов» якобы был нацелен на превращение швейцарской гвардии в сверхэффективное военное подразделение, способное нейтрализовать колоссальную силу и политический вес корпуса охраны, неизменно оказывающегося «инструментом в руках масонства». Убийство Эстерманна, таким образом, позволило бы заблокировать гегемонистские устремления Opus Dei. Выходит, Торней был только «ритуальной жертвой», необходимым прикрытием, сгодившимся для того, чтобы быстро предать забвению этот случай.

Если принять на веру тезис «Учеников истины», то динамика тройного убийства может быть описана так: «Вице-капрал Торней подвергся нападению по окончании караульной службы… его “самоубили” в подвальной

комнате из пистолета с глушителем калибра 7 мм, а его табельное оружие использовали, чтобы застрелить супругов Эстерманн в их квартире… Далее тело Торнея было перенесено в жилище Эстерманнов, чтобы подготовить там инсценировку убийства-самоубийства».

Гипотезы, подозрения, догадки — все это детектив, который и сегодня во многом остается неразрешенным. Тройное преступление в стенах Ватикана, таинственное сплетение интересов и круговой поруки, богатый деталями и крайне запутанный сюжет, заслуживающий быть воплощенным в мастерском триллере. Вполне вероятно, что правду мы никогда не узнаем, по крайней мере в ближайшие годы точно, даже если отныне сможем с уверенностью здравомыслящих людей утверждать, что правда эта, какой бы она ни была, не соответствует официально рассказанной.

III. Крест и меч

Один из наиболее знаменитых и наименее известных монументов Рима — это арка Константина, установленная рядом с Колизеем. За нею начинается прелестная улица, которая тянется по склонам Палатина к площади Порта Капена (Porta Capena), название которой происходит от просеки, существовавшей вдоль античных сервиевых стен. Здесь в древности и находился нулевой километр Аппиевой дороги. Неподалеку располагался чистейший источник, Fons Camenorum (Capena — это варваризированное искажение латинского слова), откуда девственные весталки черпали воду для своих ритуалов. Но нам предстоит поговорить именно об арке и о том человеке, которому она посвящена, — императоре Константине (ок. 280–337 гг. н. э.). Именно он изменил облик и судьбу Римской империи, узаконил христианство и основал Константинополь, новую имперскую столицу. Персонаж, достойный жалости с человеческой точки зрения… Но о какой исторической личности можно судить исключительно по степени ее гуманности? А Константин, помимо этого, был выдающимся политиком; по мнению ряда историков, его смело можно отнести к числу величайших правителей.

Триумфальная арка, восхваляющая его деяния, занимает отличную стратегическую позицию, она огромна и хорошо видна, но, повторюсь, принадлежит к числу наименее изученных объектов. Именно поэтому — как и две украшенные спиралевидными барельефами колонны Антонина Пия и Траяна — арка Константина должна быть внимательно «прочитана», чтобы можно было на самом деле расшифровать ее смысл.

Территория, на которой она воздвигнута, была посвящена культу «вечного Рима»; там возвышался большой храм Венеры и Ромы, построенный Адрианом и отреставрированный Максенцием. До наших дней от той громады, созданной из греческого мрамора, сохранилась только кирпичная

сердцевина сооружения с абсидой в честь богини Ромы, а позади нее еще одна, на сей раз Венеры. Жалкие остатки одного из самых колоссальных творений античного мира. Рядом стояла гигантская бронзовая статуя, изображавшая Нерона, пока ее не превратили в Аполлона, бога Солнца, чья голова, увенчанная короной с исходившими от нее лучами, символизировала бессмертие города (Urbs). В Средние века, в годы борьбы баронов за господство над городом и папством, эта часть Рима превратилась в неприступную крепость, античные памятники были снесены до основания, растолчены в известь, а их металлические части расплавлены с целью изготовления монет и холодного оружия.

«Прочтение» арки затруднено, поскольку она явилась результатом «оголения», то есть была создана с использованием деталей и частей других монументов. Однако историк искусства Федерико Дзери весьма продолжительное время занимался ее изучением — и как раз результаты его исследований легли в основу моих кратких заметок.

Каждый из двух главных фасадов арки ритмизован четырьмя высокими колоннами. Сам памятник создан из белого мрамора, а колонны, напротив, из желтого, нумидийского (пусть сегодня оба вида мрамора и не отличить друг от друга из-за общей загрязненности). В каждом из прямоугольных участков над боковыми арками в канву рисунка вписаны по два круга (итого их восемь). Изначально прямоугольники были сделаны из порфира, невероятно твердого и ценнейшего камня красного оттенка. Их цвет напоминал пурпур, прибегаемый исключительно для императорской четы. Итак, красный порфир и желтый мрамор колонн (пурпур и золото) представляли (как и сегодня) цвета города Рима (и его футбольной команды). Необходимое уточнение: античные скульптуры и монументы были пестрыми, да и статуи не были столь белоснежными, как сейчас, — их раскрашивали в натуралистической манере.

На вершинах колонн как раз и установлены статуи: восемь варваров-даков*, плененных в завоевательных походах. Восемь круглых щитов относятся к адриановскому периоду, то есть Константин повелел снять их с монумента Адриану для украшения собственного. Во внутренней части главной арки видны две сцены: император на коне принимает знаки уважения и дары от коленопреклоненного варвара; император победно вступает

* Даки (лат. Daci) — группа фракийских племен. Центральная область расселения даков располагалась севернее нижнего течения Дуная (на территории современной Румынии).

в Рим через вышеупомянутые ворота Порта Капена. Причем император этот вовсе не Константин, а Траян. Перед нами очередной случай «раздевания» и расхищения прежних сооружений.

Если приглядеться к первому квадрату наверху слева, на фасаде, обращенном к Палатину, то там можно увидеть вознесенного на пьедестал императора, к которому подводят вождя племени варваров. Скульптура когда-то изображала Марка Аврелия, но позже его голова была заменена головой Константина. Еще один пример грабежа. Одна из немногих сцен непосредственно константиновых времен — та, что прославляет победу у моста Мильвио, — расположена под кругами, тоже со стороны Палатина, а неподалеку видна другая, на тему осады Вероны. Историки искусства подчеркивают их вульгарную, по-солдатски грубую фактуру, особенно в сравнении с рафинированными рельефами предыдущей эпохи.

Закономерен вопрос: почему Константин без колебаний разбирал имевшиеся монументы для декорирования своей арки? Мнения ученых разделились. По одной из версий, это было вызвано прогрессирующим упадком скульптуры в IV веке, что, впрочем, опровергается качеством ряда значительных творений этого столетия, например четырехсторонней «арки Януса» (Arco di Giano Quadrifronte). Вторая гипотеза приписывает масштабное расхищение памятников необходимости в короткие сроки возвести арку и прославить императора, вызвавшего настоящее смятение своим решением внедрить новую религию, став ее покровителем и защитником. Согласно третьей теории, поддерживаемой Дзери, процесс носил идеологический характер: рельефы с монументов Траяна, Адриана и Марка Аврелия сбивались и заменялись портретами Константина, потому что именно он воплощал обновленный имперский дух.

Вполне возможно, что в каждой из трех гипотез есть зерно истины. Нельзя исключать, что император и в самом деле спешил увидеть завершенной свою арку, льстивая надпись на которой (в центре наверху, фасад по направлению к Колизею), по его замыслу, должна была освятить его образ в глазах римлян, встревоженных религиозными нововведениями. Эта надпись, при появлении отливавшая бронзой букв (сохранились даже отверстия от штырей, которыми они крепились к камню), напоминает нам, что сенат и народ римский преподнесли монумент императору Цезарю Флавию Константину Максимуму Пию Феликсу Августу, разгромившему врагов величием ума и божественным побуждением, instinktu divinitatis. Из предосторожности имя божества опущено.

В Риме есть и другие реликвии Константина. Самые броские и безвредные — две его головы. Первая, колоссальных размеров, с давних пор находится на Капитолии, во дворе Палаццо дей Консерватори. Она была частью двенадцатиметровой статуи, установленной в абсиде базилики Максенция. Императора изобразили сидящим, что символизировало идеал политической власти, смыкающейся с властью божественной. Обратный смысл тоже присутствует: небесное владычество нисходит через него на землю, облекая смертных благодатью.

Другая голова, весьма напоминающая предыдущую, была удачно обнаружена во время раскопок 2005 года на форуме Траяна. Изображение из мрамора, около шестидесяти сантиметров в высоту, застряло в системе канализационных стоков. Когда и почему оно там очутилось — неизвестно. Быть может, кто-то хотел таким образом избавиться от ставшего ненавистным императора или, что более вероятно, округлая форма черепа идеально подошла для прочищения засоренной отходами клоаки.

> О, Константин, каким злосчастьем миру
> Не к истине приход был твой чреват,
> А этот дар твой пастырю и клиру!*

Так Данте в *XIX песне Ада (строки 115–117)* клеймит «дар», который Константин, первый император, назвавший себя христианином, якобы вручил папе Сильвестру I, обогатив его (ит. facendolo ricco). Он повествует легенду о том, как накануне решающей битвы со своим политическим противником Максенцием, то есть буквально за пару мгновений до сражения у моста Мильвио, Константин узрел в небе крест (или же облако в форме креста) и знамение, гласившее: *In hoc signo vinces* — «Сим победиши», или, точнее, *Hoc signo victor eris*, то есть: «Под знаком этим победишь, станешь победителем». Битва с Максенцием, павшим на поле брани или утонувшим в Тибре при попытке к бегству, была выиграна. Этот успех ознаменовал собой следующий этап истории, который перевернул существование всего античного мира и привел к последствиям, проявляющимся прежде всего в Италии и по сей день.

Однако по другой легенде события разворачивались иначе. Незадолго до битвы император будто бы излечился от поразившей его проказы,

* Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М. : Правда, 1982.

окунувшись, по указанию будущего папы Сильвестра I, в чудодейственные воды. Каков бы ни был посыл, но факт остается фактом: Константин был первым императором Рима, провозгласившим христианство religio licita — признаваемой религией, допущенной в круг культов империи, тем самым открыв путь к ее распространению и популяризации. До глубины души признательный за победу над соперником либо же за избавление от омерзительной болезни, он даровал папе и его преемникам полномочия и власть, которые были равны, если не сказать больше, его собственному императорскому могуществу.

Эпизод, ставший истоком бесконечных споров, полемики, борьбы и страданий, вместе с тем послужил импульсом к созданию выдающихся монументов и бесценных творений пропаганды, облагороженных искусством. Он коснулся даже топонимики Рима: стоит вспомнить одну только виа делла Кончилиацьоне (улицу Примирения), название которой, сколь бы странно это ни звучало, тоже отдаленное последствие дара, вмененного молвой Константину. История, в которой смешиваются легендарные мотивы, серьезные политические соображения, схватки за власть, порывы и побуждения, далекие от христианской веры.

Первый вопрос, который неизбежно возникает у всех: почему Константин принял решение поддержать христианство? Ведь речь шла, в сущности, о новом вероучении, явно контрастирующем с римской традицией и вызывающем враждебность многих, поскольку оно угрожало единению религиозного и гражданского духа, «патриотизму» римского образца, который был одной из несущих конструкций Рима, опорой его могущества. Может быть, император, будучи хитрым и коварным политиком, отдавал себе отчет в живительной силе новой веры и намеревался воспользоваться ею для укрепления культурной и политической сплоченности империи. Не исключено, что он считал Христа одной из ипостасей Sol invictus — «непобедимого Солнца». Поэтому повелел сделать так, чтобы самые важные христианские праздники совпадали по календарю с датами солнечного культа: воскресенье (la domenica), то есть «день Господа», или «день Солнца» (ср. англ. Sunday); 25 декабря, день рождения Солнца (праздник зимнего солнцестояния) и бога Митры, стал также днем Рождества Христова. В новой столице на Востоке, в Константинополе, были возведены христианские церкви, но рядом с ними продолжали, как и прежде, функционировать языческие святилища. Сам Константин, впрочем, всю жизнь сохранял за собой титул pontifex maximus (верховного понтифика) и официально обратился в христианство только на смертном одре.

В Риме есть маленькая часовня, где поступок императора иллюстрируется в развернутом виде, а значит, она тоже связана с памятью о Константине и его миссии. Эта молельня, посвященная святому Сильвестру, — необыкновенно притягательное место, находящееся внутри монастырского комплекса Санти-Куаттро-Коронати (Четырех Коронованных Святых). Цикл фресок на ее стенах наглядно изображает знаменитый акт «дарения», согласно которому император уступал папе верховенство над Римом, Италией и Западом, о чем я подробно рассказывал в моей книге «Секреты Рима»*, в главе «Башни страха». Здесь же достаточно сказать, что эти фрески, которые мы сегодня определили бы как «пропагандистские», заказал в XIII веке папа Иннокентий IV в период противоборства с императором Фридрихом II Гогенштауфеном.

Как сказано выше, согласно легенде император чудесным образом излечился от лепры благодаря праведному епископу Сильвестру. Святой заставил Константина три раза подряд погрузиться в воды латеранского баптистерия (крещальни); по завершении очищающего ритуала симптомы и отметины гнусной болезни исчезли. Император, безмерно изумленный и признательный за избавление от хвори, зафиксировал в письменной форме, в документе, известном как Donazio и Constitutum Constantini (Дарение, Константинов дар, Установление Константина), главенство римского папы над всеми царствующими монархами Земли. Именно на это ссылается Данте, когда упоминает о «даре» и богатстве.

Однако величайший из поэтов, создавая свою «Комедию», не ведал о том, что в реальности никакого дара Сильвестру пожаловано не было. Дарение удостоверялось апокрифическим документом — одной из самых знаменитых фальшивок в истории, наряду с *«Протоколами сионских мудрецов»*, состряпанными царской охранкой** в подкрепление антисемитских настроений. В кратком латинском тексте император провозглашал свое желание даровать папе и всем его преемникам «до скончания времен» Рим, Италию и Запад, а всем нарушившим его волю наказанием будет вечное проклятие. Следовательно, римский понтифик получал все царские права на территориях, перешедших в его владение, что вкупе с духовным авторитетом статуса викария Иисуса Христа на Земле превращало его в самого могущественного

* Еще одна книга из авторского цикла, опубликованная на русском языке издательством «Рипол» в 2011 году.

** Имеется в виду российская царская охранка. *Прим. ред.*

человека на планете, императора императоров; более того, в суверена, помазанием которого все прочие обретали легитимность — и не иначе.

Так возникала светская власть понтификов, так определялось их положение в империи. В частности, из этого поддельного документа проистекает вечный итальянский вопрос, мучивший нас столетиями и обернувшийся для целого ряда поколений источником многих бед, на что указывали самые блестящие умы нации: от Данте до Макиавелли и Гвиччардини, от Ариосто до Алессандро Мандзони и графа Кавура.

Неизвестна дата составления этого документа, хотя традиция относит его к 324 году, то есть за год до Никейского собора, созванного самим Константином. Подавляющее большинство историков полагает, что он появился приблизительно между серединой VIII и серединой IX веков. Эпоха служила питательной средой для изобретения текста, который мог подтвердить легитимность папской власти, настойчиво оспариваемую варварскими королями, часто нетерпимыми к Римской церкви. В тех бурных условиях папы стали опираться на франкскую монархию, чьи правители перешли в католичество.

В 753 году папа Стефан II направился в аббатство Сен-Дени в предместье Парижа, где хранились мощи святого Дионисия, считавшегося, по легенде, первым епископом города. В Сен-Дени папа помазал на трон короля Пипина, прозванного Коротким, который в обмен уступил понтифику обширные территории на Апеннинском полуострове, ориентировочно совпадающие в рамках современного регионального деления с Эмилией, Романьей и частью Марке. Следствием подобного альянса стала коронация Карла Великого (Carlus Magnus), сына короля Пипина, получившего титул императора Священной Римской империи. Торжественную церемонию провел лично папа Лев III в римской базилике Святого Петра в рождественскую ночь 800 года. Впервые с 476 года, когда произошло памятное отречение Ромула Августула, европейский монарх принимал этот императорский титул. Присутствовавшая в базилике толпа, надлежащим образом проинструктированная, стройно хором трижды ликующе прокричала здравицу «Карлу, благочестивейшему Августу, коронованному Богом, великому императору, несущему мир, жизнь и победу!»

Династию Каролингов у руля Священной Римской империи сменил род Оттонов. Между тем оставалось неизменным и неоднократно подтверждалось верховенство пап над властью императоров, сосредоточивших в своих руках исключительно политические и военные полномочия. Шаткое

равновесие с переменным успехом поддерживалось вплоть до того момента, как разразилась знаменитейшая борьба за инвеституру между энергичным папой Григорием VII (в миру Гильдебранд из Соаны, Тоскана) и императором Генрихом IV, присовокупившим к общему списку противоречий одно важнейшее решение, которое позволяло не только папе, но и императору рукополагать епископов и наделять их епископатами. Острота распри и накал страстей подпитывались деятельностью натур обоих протагонистов, каждый из которых пытался усилить собственную роль. 22 февраля 1076 года Григорий VII отлучил Генриха от церкви и объявил его низложенным. Однако, играя на опережение, чуть ранее Генрих сам заявил о смещении папы и добавил, что титул rex romanorum (римского короля) давал ему право вмешиваться в процесс избрания понтификов.

Препирательство закончилось (ненадолго) душераздирающей сценой. В течение трех дней, с 25 по 27 января 1077 года, император босиком стоял на морозе, ожидая у стен замка Каносса, пока папа Григорий согласится его принять. Историки до сих пор спорят относительно трактовки этого сюжета, а именно о том, действительно ли Генрих ощущал себя униженным или же он просто предпринял ловкий дипломатический маневр, безусловно, стоивший ему репутации, но позволивший вновь обрести свободу действий. Но тут уже совсем иная история, мы же должны вернуться к Константинову дару.

Непреклонность, продемонстрированная папой в Каноссе, была в определенном смысле подготовлена отточенным и содержательно крайне жестким документом, написанным, быть может, самим Григорием VII в 1075 году и оставшимся в истории под названием *Dictatus papae* («Диктат папы»). Вне зависимости от степени аутентичности (некоторые опровергают его достоверность) документ, несомненно, отражает принципы так называемой «григорианской реформы», декретируя без обсуждений главенство понтифика. Подразделенный на 27 пунктов, он, к примеру, устанавливает, что только папе все князья должны целовать ноги (п. 9) и что лишь ему позволено свергать императоров (п. 12). Столь же впечатляют, если абстрагироваться от абзацев, касающихся церковных порядков и компетенций, следующие три правила: «никто не может судить папу» (п. 19); «Римская церковь еще никогда не ошибалась, она, согласно свидетельству Писания, вечно будет непогрешимой» (п. 22); «папа может освободить подданных от присяги верности лицу, совершившему грех» (п. 27). Обозначенные принципы со всей очевидностью базируются на юридическом

фундаменте Константинова дара, сфабрикованного, согласно наиболее часто встречающейся исторической гипотезе, в той же ватиканской канцелярии. Другое предписание, включенное в документ (п. 23), гарантирует папам почти автоматическую святость: «Римский папа, если он был избран в соответствии с канонами, с учетом заслуг святого Петра, безусловно, станет святым».

Почти три столетия документ, охраняющий светскую власть понтификов, оставался неизменным, пребывая в замороженном состоянии в том плане, что не было ни малейшей необходимости повторно, с чистого листа доказывать верховенство, которое и так никто не подвергал сомнению.

В напряженные и неспокойные периоды требовалось еще более настойчиво доказывать юридические основания папского господства. Так, Иннокентий IV, чей понтификат длился с 1243 по 1254 год, пришел к выводу, что не Константин, а непосредственно Христос пожаловал Петру и его преемникам власть любого рода, включая мирскую. Среди тех, кто с блеском и энергией критиковал это «дарение», был не только Данте, в чем нас убедила процитированная выше терцина. Еще один великолепный ум той эпохи — Якопоне да Тоди, францисканец, принадлежавший к самой строгой ветви ордена нищих во Христе, был, подобно Алигьери, врагом Бонифация VIII (Бенедетто Каэтани, 1294–1303), папы, ненавидимого всеми поборниками справедливости.

Сегодняшнее суждение о Бонифации не особенно отличается от того весьма негативного, которое было высказано его современниками. Однако сейчас у нас есть возможность более взвешенно оценить многообразие и сложность политической обстановки, с которой пришлось столкнуться этому понтифику. Он точно был человеком злым и коварным, который взобрался на престол Святого Петра, сперва отстранив, а потом, вероятно, и устранив физически своего предшественника Целестина V. Однако более важным было то, что он оказался совершенно не способен уловить происходящие перемены. Он просто не видел, что времена изменились, причем кардинально. Сколько раз в предыдущие годы случалось так, что понтифики элементарно не осознавали анахронический характер тех или иных собственных убеждений и взглядов. Казалось, будто вознесенность на недосягаемую вышину и изолированность от внешнего мира делали их невосприимчивыми к нуждам верующих и глухими к требованиям проводить политику терпимости, которой от них ждали. Бонифаций VIII видит, что Сицилия перешла к арагонской короне, а король Англии отвергает

его требования относительно Шотландии. Он обнаруживает, что король Франции Филипп IV Красивый претендует на то, чтобы облагать поборами галликанский клир и, ко всему прочему, удерживает выручку от налоговых поступлений. Бонифаций протестует, король же в ответ выставляет вон из страны папских сборщиков податей и конфискует денежные средства.

Яростная схватка воспроизводит пусть в меньшем масштабе, но с удивительной свирепостью борьбу по вопросу инвеституры между Григорием VII и Генрихом IV. Как гласит легенда, посланники Филиппа Красивого прибывают в городок Ананьи, чтобы публично дать пощечину папе — жест, влияние которого на ход событий окажется драматическим. Не будь в ситуацию вовлечен «наследник святого Петра», все выглядело бы простым столкновением двух монархов, оспаривающих не только деньги, но и клочки политической власти. Но одним из двух участников был глава церкви, пастырь веры, не желающий уступать под предлогом того, что Господь лично наделил его полномочиями. Живой портрет Бонифация приводит нам историк XIX столетия Фердинанд Грегоровиус в своем монументальном труде «История города Рима в Средние века». Вот описание коронационного шествия:

> *Бонифаций восседал на белоснежном иноходце, покрытом попоной из кипрских перьев, с короной Св. Сильвестра на голове, облаченный в торжественные папские одежды. По обеим сторонам от него ехали одетые в красное два вассальных короля, Карл и Карл Мартелл*, держа под уздцы лошадь папы* (X, V, 3)**.

Роскошь кортежа Бонифация разительно контрастировала с процессией, которая за пару месяцев до того сопровождала его предшественника. Бедный Целестин V (Пьетро да Морроне из Молизе) направлялся принять пастырское служение верхом на осле в одеяниях отшельника. Как водится, он не задержался надолго на троне Святого Петра, что регулярно происходило с теми из пап, кто намеревался блюсти смирение и бедность, дабы приблизиться к евангельским заветам. Целестин вынужден был отречься

* Здесь имеется в виду малоизвестный тезка легендарного Карла Мартелла (Молота) Каролинга — Карл Мартелл Анжуйский (1271–1295), претендент на венгерский трон, упомянутый Данте в третьей сфере Рая. *Прим. ред.*

** Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века. М. : Альфа-Книга, 2008.

(совершив, по словам Данте, «великий отказ», *Ад, III, 59–60*). Позже, с большой долей вероятности, он был убит по приказу Бонифация VIII. Папа Каэтани — полная его противоположность: уверенный в себе, надменный, спесивый, не гнушающийся преступлениями и подтасовками во имя собственной выгоды. Так, именно он придумал объявить 1300 год Святым Юбилейным годом, что в итоге и стало его самым значимым успехом на ватиканском престоле. Вновь обратимся к Грегоровиусу:

> *Прилив паломников был беспримерный. Рим день и ночь представлял зрелище армии входящих и выходящих богомольцев. Наблюдатель этой знаменательной сцены, поместившись на каком-нибудь высоком месте в городе, мог видеть, как с юга и севера, с востока и запада по старинным римским дорогам шли, как во время переселения народов, толпы людей, а смешавшись с ними, он был бы в затруднении определить их отечество. Шли итальянцы, провансальцы, французы, венгерцы, славяне, немцы, испанцы, даже англичане. Италия предоставила странникам свободу движения по дорогам и установила Божий мир. Они приходили в плащах пилигримов или в национальных одеждах своих стран; они передвигались пешком, верхом или на телегах, на которых рядом с пожитками везли усталых и больных путников; встречались столетние старики, сопровождаемые внуками, и юноши, которые, как Эней, несли в Рим на плечах отца или мать. Они говорили на разных языках, но пели молитвенные песнопения на едином языке церкви, и их страстные стремления имели одну и ту же цель. Когда в освященной солнцем дали показывался им темный лес башен священного города, они поднимали радостный крик «Рим, Рим!», как мореплаватели, открывавшие после долгого путешествия выступающую из моря землю* (X, VI, 1)*.

Юбилей не только укрепил позиции и престиж Бонифация — он помог этому предприимчивому человеку до отказа набить деньгами свои карманы. Хронисты той эпохи подсчитали, что приток паломников составил два миллиона человек. Давка была такова, сообщает один из них, что «нередко я видел мужчин и женщин, растоптанных толпой, да и мне самому пару раз с трудом удалость избежать этой участи». Данте тоже наблюдал Рим в те дни, поэтому вовсе не случайно зачин его поэмы

* Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века. М. : Альфа-Книга, 2008.

хронологически приходится на пасхальную неделю 1300 года. Грегоровиус отмечает:

В эти дни он [Бонифаций] мог в излишестве чувствовать такую полноту божеской власти, как едва ли какой-нибудь из бывших до него пап. Он занимал высший престол Западной Европы, украшенный добычей, взятой у империи; он был «наместником Бога» на земле, догматическим верховным главой мира, державшим в своих руках ключи благословения и погибели; он видел тысячи людей, приходящих издалека к его трону и повергающихся перед ним в прах, как перед высшим существом. Он не видал только королей. Кроме Карла Мартелла, ни один монарх не явился в Рим, чтобы в качестве верующего получить отпущение грехов (X, VI, 1)*.

Логично предположить, что вопиющее отсутствие сильных мира сего обеспокоило Бонифация. Нам не суждено узнать, отдавал ли преисполненный гордости понтифик себе отчет в том, что за три года до окончания своего понтификата и своей жизни взлелеянный им юбилей стал апогеем папства и началом его упадка. Смерть папы прервала не только его существование, но и целую эпоху истории престола Святого Петра. Грегоровиус рассказывает нам о том, что конец Бонифация был страшным:

Дни, которые несчастный старик прожил в Ватикане, были сверх всякой меры ужасны. Скорбь о совершенном над ним насилии, чувство бессилия, недоверие, страх, мщение. Одиночество и отсутствие друзей волновали его страдающую душу… Рассказывали, что он заперся у себя в комнате, отказывался от пищи, впал в неистовство, бился головой об стену и наконец был найден мертвым на своей постели… Он стремился к цели, которая стала уже фантастической; он был последним папой, столь же смело высказавшим идею миродержавной иерархии, как Григорий VII и Иннокентий III. Но Бонифаций VIII был только бледной тенью этих пап: он никогда не совершал ничего великого, и высокий полет его стремлений вместо удивления возбуждает лишь ироничную улыбку (X, VI, 3)**.

Сделав необходимое отступление о Бонифации, вернемся к Установлению Константина. Невзирая на существование оппозиции в кругах курии

* Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века. М. : Альфа-Книга, 2008.
** Там же.

и зачастую беспристрастное использование документа, голоса о его возможной подложности раздаются все громче и все настойчивее. Хор критических голосов слышен и со стороны тех, кто, не опровергая достоверность завещанного, утверждает, что прибыль и барыши от своего доминирующего положения папе не следует присваивать себе или целиком пускать на нужды церкви. Деньги эти нужно отдавать беднякам, следуя примеру апостолов Иисуса Христа.

Снова и снова в своих бессмертных строфах Данте обращается к этой скандальной ситуации: озолоченная с головы до пят церковь, пребывающая в юдоли нищеты и лишений, коим предстает современный ей мир. В *XVI кантике Чистилища (строки 127–129)* он пишет:

Не видишь ты, что церковь, взяв обузу
Мирских забот, под бременем двух дел
Упала в грязь, на срам себе и грузу?*

А в XXVII песни Рая (строки 40–42) он вкладывает в уста святого Петра такие слова:

Невеста Божья не затем взросла
Моею кровью, кровью Лина, Клета,
Чтоб золото стяжалось без числа**.

Среди тех, кто с пылом клеймит коррумпированность церкви на стыке XIII и XIV столетий, и философ Марсилий Падуанский, осмелившийся сравнить папу с ветхозаветным змием, под чешуей которого в Эдеме скрывался сам Сатана (Ille magnus, serpens antiques, qui digne vocari debet diabolus et sathanas). Марсилий одним из первых разглядел в светской власти понтификов источник многих итальянских бед. В свою очередь, в начале XV века великий гуманист германского происхождения Николай Кузанский впервые предпримет попытку доказать саму историческую невозможность того, что Установление аутентично. Николай Кузанский формулирует свои выводы исключительно на основе филологического анализа, то есть ориентируясь на тщательное и скрупулезное научное исследование, выявившее, что в античных источниках нет ни единого следа этого документа и даже упоминания о нем.

* Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М. : Правда, 1982.

** Там же.

Высокопоставленный прелат вплетает блистательную нить своих рассуждений в общую картину глобального видения церкви, которой вменено в обязанность объединить все христианские течения: именно этот тезис он и изложит на Базельском соборе 1433 года в своей работе *«О католическом согласии» (De concordantia catholica)*. К тому моменту поддельность Установления превратилась в актуальную, злободневную, как мы бы определили ее сегодня, тему. И действительно, проходит пара лет, и в 1440 году другой гениальный гуманист, римлянин Лоренцо Валла публикует столь же короткий (чуть более ста страниц), сколь и неопровержимый труд под названием *«Рассуждение о подложности так называемого Константинова дара» (De falso credita et ementita Constantini Donatione declamation)*.

В дополнение к продуманной, изящной и неоспоримой аргументации историко-лингвистического свойства, подтверждающей фальшивость документа, Валла с присущими ему диалектическим подходом и глубиной суждений обвиняет католическую церковную иерархию в том, что она способствовала упадку и краху Италии. По его мнению, жажда господства послужила причиной составления «подложных бумаг», а стремление доминировать привело к тому, что было сфабриковано Установление. Валла настаивает, что это недостойно религии, которую церковь притязала оберегать и защищать. Была оскорблена память о древних понтификах и ранних христианах, среди прочих, и тем фактом, что духовная составляющая папства оказалась скрыта мишурой земных благ и богатства, что умаляло учение Иисуса. Одним из самых знаменитых свидетельств роскоши и властолюбия является «троецарствие» — тиара понтифика в форме высокого куполообразного колпака, увенчанного тремя коронами, — внелитургический головной убор, который каждый папа надевает во время церемонии интронизации. Коронами подчеркивается его тройной статус: отца монархов, правителя мира, викария Христа на земле.

Сочинение Валлы в те годы получает широкое распространение, но, будучи опубликовано в Страсбурге в марте 1506 года, оно вызывает в целом весьма слабый отклик. Однако жребий уже брошен, что подтверждают дальнейшие события и исторические даты. В 1506 году заложен первый камень новой базилики Святого Петра. 31 октября 1517 года Мартин Лютер, прибив к воротам кафедрального собора Виттенберга свое воззвание со знаменитыми *«Девяноста пятью тезисами»*, становится застрельщиком движения протеста против коррумпированности Римской курии, которому предстоит расколоть христианство и Европу. Это было самым суровым

предостережением, наихудшим из возможных, какое Церковь, понимаемая как сообщество верующих, могла получить в свой адрес. Но эффект был минимален: развращенные нравы церковной иерархии не претерпели особых изменений.

Несколькими годами ранее, в мае 1493 года, папа Александр VI Борджиа по просьбе монаршей четы Испании вмешался в территориальный спор этой страны с Португалией по вопросу разделения захваченных островов в Атлантике. Дабы оправдать свою позицию, он в очередной раз сослался на положения Установления, несмотря на то что уже никто не считал его подлинным документом. Он издал буллу *Inter caetera*, юридически санкционировавшую рождение европейского колониализма и положившую начало идеологической и культурной экспансии римского католицизма в завоеванных землях по ту сторону океана. Кстати, здесь очень важна дата. Предметом распри двух католических держав были вновь открытые и завоеванные территории на американском континенте. Папа Борджиа, чей духовный облик был более чем сомнителен, продемонстрировал образцовое геополитическое чутье: он стал первым главой государства, сумевшим понять, что те «острова» с пока еще не определенными границами имели гигантский потенциал для будущего. И будь это трактовка мирянина, а не священника, пастыря душ человеческих, ею, безусловно, можно было бы восхищаться.

Так или иначе, фальшивость Константинова дара, признаваемая подавляющим большинством людей, не скомпрометировала и не подвергла риску светское владычество понтификов. Вопросы власти не регламентируются верой или документами, для них главное — сила и кровь. Первое ограничение мирского влияния церкви ознаменовали отнюдь не филологические штудии Лоренцо Валлы. Власть Святого престола существенно урезал знаменитый Аугсбургский мир, или «религиозный мир»* (сентябрь 1555 года), положивший конец борьбе католиков и лютеран. С того момента немецкие князья были свободны в выборе между двумя конфессиями, который автоматически в добровольно-принудительном порядке распространялся и на их подданных (cuius regio, eius religio, буквально «чья власть, того и вера»).

Если придерживаться точки зрения одного из авторитетных течений исторической науки, то этот мир был первым шагом на пути к светскому характеру государства и общества. Одна из статей договора утверждала,

* Точное название документа — «Аугсбургский религиозный мир» (Augsburger Religionsfrieden). *Прим. ред.*

что в случае перехода католического князя-епископа в лютеранство ему запрещалось отчуждать имущество епископства или аббатства и передавать его по наследству своему потомству. В том же, что касалось «обращений», свершившихся до 1552 года, принцип наследственности церковных владений и ценностей оставался неизменным. Разумеется, князья-лютеране посчитали этот пункт неприемлемым и отвергли его в ходе голосования. В итоге клаузула* была внесена распоряжением римского короля, наследника престола Священной Римской империи, что делало ее более уязвимой для критики по сравнению с прочими. Надо сказать, подобная сущностная двойственность стала одной из причин Тридцатилетней войны.

Столетием позже мы наблюдаем возникновение следующей вехи медленного и кровавого процесса обретения социумом светских черт — Вестфальского мира (1648 год), который, завершив Тридцатилетнюю войну, утвердил то устройство Европы, что оставалось в силе практически вплоть до эпохи Наполеона. Иными словами, формировалось международное сообщество, концептуально близкое к сегодняшнему, — светское и аконфессиональное, нерелигиозное. Начала оформляться идея суверенитета государства.

Высшая католическая иерархия сразу же осознала возможные последствия такого принципа, поэтому Вестфальский мир был воспринят ею как поражение. Папство потеряло многие диоцезы и огромное число монастырей, но прежде всего ему пришлось столкнуться с серьезным ослаблением своей политической роли и с необходимостью ее переоценки. Папский посланник Фабио Киджи изо всех сил пытался противостоять положениям трактата; в итоге, разбитый в пух и прах, он отказался поставить свою подпись под ним, заявив: «Позорным миром мы идем на чрезмерные уступки еретикам». Семь лет спустя, в 1655 году, тот же Киджи станет понтификом под именем Александра VII. Этот папа будет покровительствовать Бернини, который соорудит для него изысканный мавзолей в соборе Святого Петра; вложит немало энергии в дело украшения Рима и попутно обогатит своих многочисленных родственников.

Среди всех масштабных трансформаций, выпавших на долю XVI века, должна быть упомянута и эта, причем она затронула Италию в первую очередь хотя бы потому, что светское господство понтификов сконцентрировалось главным образом в границах Апеннинского полуострова. Многие великие умы — интеллектуальный цвет Европы — пришли к выводу, что

* В данном случае имеется в виду определенный пункт договора. *Прим. ред.*

расширение политического измерения власти, которой надлежит функционировать исключительно в духовной плоскости, представляет собой опасный феномен. В «Истории Флоренции», созданной в 1520 году по заказу кардинала Джулио де Медичи (с 1523 по 1534 год — папа Климент VII), Никколо Макиавелли с большими предосторожностями пишет:

Все войны в Италии, ранее от варварских орд происходившие, ныне возникают большей частью по причине того, что понтифики сами в большинстве случаев взывают к варварам, дабы те наводнили страну. Такое поведение видим мы и в наши времена, из-за чего Италия была и остается разъединенной и немощной.

Франческо Гвиччардини в «Истории Италии» (1539 год) тоже ярко и показательно демонстрирует, каков ущерб, какова степень внутреннего разложения церкви из-за прямого осуществления ею политических полномочий:

Заботы и попечение их [понтификов] более не относились к святости жизни, усилению религии, ревностному служению и милосердию к ближним, но к армиям и войнам против самих же христиан, к тому, чтобы в мыслях и руками кровавыми свершать жертвоприношения, заполнять казну, новыми законами, козням да интригами собирать отовсюду богатства; для этой лишь цели бессовестно применяется ими духовное оружие, продаются бесстыдно предметы священные и мирские.

Ясные и безжалостные формулировки читаются как обвинительный акт, который Гвиччардини еще более недвусмысленно воспроизведет в *«Воспоминаниях о себе самом»*, где церковная иерархия будет названа «ватагой негодяев и мерзавцев», а автор пожелает самому себе дожить до того дня, когда она лишится «либо своих пороков, либо власти».

Естественно, далеко не все великие умы того времени мыслили в таком ключе. Например, философ Томмазо Кампанелла, живший во второй половине XVI столетия, высоко оценивал «славу Италии, возвеличенной понтификатом», и надеялся на непосредственное верховенство римских пап над монархами всей земли.

Однако прочие, в том числе иерархи самой церкви, уже поняли, что битва за Константинов дар принадлежит прошлому. Так, кардинал Роберто

Беллармино, иезуит, проницательный и беспощадный инквизитор, понял, что официальное отречение от документа не нанесет ни малейшего вреда светскому владычеству пап, которое в свое время уступил им Константин, поскольку они располагали инвеститурой совсем иного порядка, не имеющей отношения к зафиксированному на бумаге. А его предшественник, кардинал и историк церкви Чезаре Баронио, утверждал, что поддельность документа может быть не столько недостатком, сколько достоинством. Ход его рассуждений сводился к тому, что апостол Петр и его преемники получили власть любого рода лично от Христа, соответственно, факт ее признания в императорском эдикте со стороны смертного в конечном счете человека в соотнесении с самим Христом терял свою весомость и им, в общем-то, можно было пренебречь.

В данной главе перед нами не стоит задача подробно рассмотреть все перипетии истории Константинова дара, ибо на эту тему имеются превосходные исследования. Здесь же предлагается только ограниченная панорама, позволяющая встроить этот фальшивый документ в перспективу итальянской национальной истории, на которую мнимое завещание Константина оказывало и продолжает оказывать заметное воздействие.

Начиная с XVII века политическая мощь Святого престола постепенно ослабевает — это период упадка, обусловленный, впрочем, вовсе не топорными манипуляциями с кусочком бумаги, а скорее иными причинами, которые все чаще противопоставляли ватиканский клир ходу времени. Просветительская философия ускорила этот процесс, а в стане непримиримых противников двух крупнейших революций XVIII столетия (американской и французской) Римская церковь относилась к тем, кто использовал в борьбе как оружие, так и идеологическую машину. Тайные общества, и прежде всего масонство, обнаружили, что Ватикан является их противником; высшая католическая иерархия обрушилась и на сторонников эгалитаристских учений (к примеру, социалистов), квалифицировав их как врагов Господа. В течение двух веков виднейшие интеллектуалы, философы, историки и ученые стремились доказать, что организованные религиозные учения — это одно из главных препятствий, мешающих достичь социального обновления, равенства и признания людей в качестве полноправных граждан.

Настолько глубоким был разрыв с прошлым, свершившийся в эти годы, что даже реставрационный энтузиазм Венского конгресса (1815 год), прошедшего после бури наполеоновских войн, был не в состоянии восстановить

существовавший ранее расклад и вновь соединить разрозненные элементы картины. Ни много ни мало, но целых четыре раза за истекший период мир слышал вести о падении светского владычества пап. Впервые это случилось в феврале 1798 года, когда французская оккупационная армия провозгласила Римскую республику и арестовала Пия VI, умершего год спустя в плену в Валансе, в Юго-Восточной Франции. Эксперимент продлился недолго, однако после тысячелетия стабильности был настоящим новаторством. Святой престол получил четкий сигнал, но не воспринял его должным образом. Вторая весть пришла в 1809 году, когда вследствие ухудшения отношений Наполеона и Ватикана французский император своим декретом упразднил светскую власть понтифика и аннексировал Папскую область. В третий раз это произошло в 1849 году, когда благодаря отваге итальянских патриотов возникла другая Римская республика, которой была суждена эфемерная, но триумфальная жизнь (с февраля по июнь), памятная среди прочего одной из самых прогрессивных конституций тогдашней Европы. В четвертый и последний раз это случится 20 сентября 1870 года, когда Рим наконец-то воссоединится со вновь рожденным королевством Италия и станет его столицей.

Все упомянутые эпизоды демонстрируют, что эволюция политической ситуации в Европе трансформировала Константинов дар и светское господство понтификов в проблему сугубо итальянскую, связанную с борьбой за контроль над полуостровом. Конечно же, это вопрос власти, к тому же осложняемый вековой традицией, боязнью перемен, страхом увидеть, как пошатнется в итоге вместе с верой и духовная свобода церкви.

Тщетно граф Камилло ди Кавур, архитектор единой Италии, пытался в последние месяцы перед смертью успокоить и переубедить понтифика. Не что иное, как интерес духовного свойства, убеждал он, мог бы подтолкнуть папу отказаться от анахронической претензии на мирскую власть. Будучи председателем Совета министров, он неоднократно возвращался к этой теме, предлагая понтифику щедрые гарантии: «Святой отец, мы дадим Вам ту свободу, каковую Вы безуспешно вот уже три века просите у всех католических держав… Мы готовы провозгласить в Италии этот великий принцип: свободная церковь в свободном государстве».

Ничто не могло перебороть недоверие Пия IX и его окружения: мотивация была скорее психологического толка, чем политического. Лозунг «свободная церковь в свободном государстве» звучал не столько заверением, сколько скрытой угрозой. Не говоря уже о том, что антиклерикализм, частично за-

тронувший движение Рисорджименто*, только способствовал росту таких опасений. К примеру, Джузеппе Гарибальди не скрывал своего враждебного отношения к церкви. Быстро усвоив аргументацию Гвиччардини, он писал своей английской приятельнице: «Папская теократия — самый чудовищный бич, обрушившийся на мою бедную страну; восемнадцать веков лжи, гонений, костров инквизиции, союза со всеми тиранами Италии сделали эту рану неизлечимой».

Кстати, внутри католицизма имелось течение, представители которого, разделяя установку Кавура, отчетливо видели, как опасно было светское господство для свободы самой церкви и для эффективной проповеди ее учения. Они в полной мере осознавали, что политика влечет за собой тяжелые компромиссы с совестью и духовностью. Об этом неоднократно писал священник и философ Антонио Розмини, а его точку зрения всецело разделял классик итальянской литературы, писатель-католик Алессандро Мандзони: «Я считаю, что в тот миг, когда во Франции с религии сбросили внешнюю мишуру и блеск, когда у нее не осталось иной силы за плечами, кроме Иисуса Христа — именно тогда она начала вещать с высоты своего авторитета и была услышана».

Противоречия сохранятся надолго. Как уже было упомянуто, лишь 11 февраля 1929 года глава итальянского правительства Бенито Муссолини подпишет Латеранские соглашения и конкордат с церковью. Государство Ватикан в обмен на это признает легитимность королевства Италия. Оценки данного соглашения были неоднозначными: многие полагали, что оно содержит чрезмерно много статей, невыгодных для нации, — особенно это касалось финансового приложения к договору. Правивший в эпоху подписания этого пакта папа Пий XI прокомментировал данное событие так, будто речь шла об одолжении с его стороны: «Мы полагаем, что [с пактом] Господь обратит свою милость к Италии, а Италия снова вернется к Господу». Особой трезвостью на фоне разноголосия толпы отличалось суждение мыслителя-коммуниста Антонио Грамши, отметившего в своих *«Тюремных тетрадях»*:

Капитуляция современного государства, удостоверяемая в конкордатах, вербально маскируется под международные трактаты. Но конкордат — это не какой-нибудь международный договор: в конкордате утверждается наложение суверенитетов только на одной государственной территории,

* Итальянское национально-освободительное движение, завершившееся образованием единого итальянского государства. Общепринятая датировка Рисорджименто — конец XVIII века — 1861 год. *Прим. ред.*

поскольку все его статьи относятся к гражданам лишь одного государства-подписанта, в отношении которых оправдывается и отстаивается определенное право юрисдикции зарубежного государства. Конкордат, таким образом, — это эксплицитное признание двойного суверенитета на одной и той же государственной территории. Что́ на практике в новом мире означает ситуация, возникшая в государстве в результате заключенных соглашений? Публичное признание за кастой граждан того же государства конкретных политических привилегий. Формат, разумеется, больше не средневековый, но суть неизменна.

Именно от пакта 1929 года происходит название улицы Примирения (виа делла Кончилиацьоне), о чем я упоминал выше. По окончании Второй мировой войны содержание соглашений было подтверждено и зафиксировано статьей 7 Конституции Итальянской республики (вступившей в силу 1 января 1948 года), которая гласит: «Государство и католическая церковь независимы и суверенны в принадлежащей каждому из них сфере. Их отношения регулируются Латеранскими соглашениями. Изменения этих соглашений, принятые обеими сторонами, не требуют пересмотра Конституции»*. Тогда против данной формулировки проголосовали 149 депутатов, за — 350, включая голоса коммунистов, возглавляемых Пальмиро Тольятти, что, впрочем, не избавило компартию от внутренней полемики. Статья 7 в общем и целом противоречила духу и букве Конституции, в частности пункту 3: «Все граждане имеют одинаковое общественное достоинство и равны перед законом независимо от пола, расы, языка, религии, политических убеждений, личного и социального положения. Задача Республики — устранять препятствия экономического и социального порядка, которые, фактически ограничивая свободу и равенство граждан, мешают полному развитию человеческой личности и эффективному участию всех трудящихся в политической, экономической и социальной организации страны»**. Свою лепту в общий процесс внесла Итальянская коммунистическая партия (ИКП) во главе с Тольятти, которая в те послевоенные годы всеми силами способствовала обесцениванию светских основ государства для облегчения собственного пребывания в составе правительственных коалиций. Так или иначе, но такой

* Конституция Итальянской республики от 22 декабря 1947 года / пер. с итал. Л. П. Гринберга // Конституции государств Европейского союза / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : Издательская группа ИНФРА-М—НОРМА, 1997. С. 423–450.

** Там же.

конформистский подход оказался ошибочным. После поражения на выборах 1948 года коммунисты были вынуждены уйти в оппозицию на долгие тридцать лет.

Много воды утекло под мостами Тибра за восемнадцать веков, прошедших с начала этой истории. Подложный Константинов дар оказался в конечном счете насмешкой судьбы, забавной историей, которая, увы, имела немало трагических последствий, растянутых на столь длительное время, что мало какие иные события смогли бы встать с ними в один ряд. Тяжким бременем легло на историю Италии то самое «наложение суверенитетов», о котором говорил Грамши.

Во всей этой истории тесно переплелись друг с другом наглость и спесь, безудержная жажда обладания и власти, искреннее беспокойство за судьбу церковных институтов и вопиющее лицемерие, двусмысленные поступки и невнятные действия, полуправда и недомолвки — все те трюки, что неизбежно сопровождают политическую деятельность. Но сюжет о Константиновом даре и по сей день остается ценным инструментом познания, особенно после того, как была доказана подложность документа. Само Установление, все его ближайшие и долгосрочные эффекты помогают нам увидеть, как хотя бы одной организации, претендующей на боговдохновенность, удалось избавиться от слабостей, недостатков, страхов и паутины вранья, присущих любым иным учреждениям. Все это показывает человеческое, очень человеческое измерение Святого престола. Быть может, даже слишком.

IV. Цена славы

Ватиканская базилика Святого Петра, домовая церковь понтификов, — это один из величайших храмов, возведенных в честь божества. В мире мало примеров подобной консолидации человеческого гения и духовного порыва. Превратности запутанной и непростой истории этого почтенного здания, в своей ранней версии задуманного еще императором Константином и окончательно оформившегося в эпоху Ренессанса, обозначают, в том числе благодаря сопутствующей им символике, некоторые фундаментальные моменты католической веры.

Собор огромен, он может вместить в себя порядка двадцати тысяч человек. Его длина составляет 194 метра, а высота на вершине купола — более 130 метров. Занимаемая им площадь — более двух гектаров земли. Тринадцать шестиметровых статуй на фасаде, в нефах 148 устремленных к потолку прямых колонн высотой 44 метра. В четырех центральных пилястрах установлены пятиметровые статуи работы Бернини, неподалеку от которых гигантские двухметровые ангелочки-путти поддерживают кропильницы. Помимо этого, в соборе имеется 30 алтарей и 147 папских гробниц. Грандиозная по размерам и структуре базилика несравнима ни с чем подобным, стоит только подумать о богатствах, которые в ней находятся, и немеркнущем таланте художников, скульпторов и архитекторов, ее украшавших.

Образ собора настолько растиражирован, что уже даже несколько истрепан интенсивностью его визуального потребления. Вплоть до того, что подавляющее число людей, рассматривающих его, на самом деле перестают «видеть» собор по-настоящему. Они не испытывают ни удивления, ни ослепления, которые, казалось бы, должны иметь место в данном случае. И если распространение изображения базилики «в профиль» всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами массовой информации обеспечивает ценную для церкви пропагандистскую функцию, то оно же, несомненно,

притупляет осознание архитектурной и художественной уникальности этого сооружения. Мало-помалу собор Святого Петра превратился в Святого Петра, и на этом довольно, словно он был там всегда, неизменный в веках, вечный архетип, антономазия, «эмблема по аналогии» католицизма, резиденция Его Святейшества папы.

История базилики полна сменяющими друг друга событиями, порой весьма драматическими. По каждому элементу ее декора разворачивались продолжительные дебаты, каждая архитектурная деталь досконально изучалась и, наконец, создавалась в том виде, который предстает нашим глазам сегодня, чтобы воплощать в себе максимум концептуальности и символического значения, содержать заряд предостережения, напоминания и очарования, служить знаком безраздельной власти.

Однако эта глава не повествует об истории собора, по крайней мере не обо всей его истории. На данную тему уже написано много великолепных книг. И не зря, ведь история эта долгая, сложная и щедрая на эпизоды, почти всегда заслуживающие того, чтобы быть воспроизведенными. Но я вижу свою задачу в другом — рассказать о тех причинах, по которым произведения искусства и предметы, характеризующие или обогащающие базилику, находятся именно здесь, а не где-либо еще, с какой целью субсидировалось их создание, какие выгоды приносило и во сколько обходилось заказчикам, причем речь не только о денежном эквиваленте. В остальном же в разговоре о соборе Святого Петра и о работавших над его созданием мастерах нам придется вернуться в предыдущие главы. Ведь базилика — это не только список произведений искусства и перечень достопримечательностей. Она сгусток богатейшей истории, она взывает к небесному блаженству, она хранит монументы и могилы, отсылающие нас к невероятным, порой очень спорным человеческим деяниям, к сказаниям о грешниках и святых, о королях и королевах, выдающихся мужчинах и женщинах, многое испытавших в своей жизни, но явно не экстаз святости. Поэтому да будет дозволено нам задать себе вопрос, чем же все эти люди заслужили честь покоиться в главном храме христианского мира (или почему им было в этом отказано).

В древности Ватикан был местностью нездоровой и практически заброшенной. Заканчивалась она скромным холмом неподалеку от берега Тибра. В первые десятилетия после Рождества Христова Калигула, а за ним и Нерон, как мы помним, построили здесь цирк, который размещался с левой стороны от сегодняшней базилики. Это был один из многих существовавших тогда в городе цирков — мы можем называть их «стадионами» в современном

значении слова, то есть местами развлечений и азарта, толп и криков, где атлетическое состязание нередко превращалось из спортивной игры в мероприятие публичное, если не сказать политическое. Эти сооружения почти всегда выделялись смелостью архитектурных решений и большой вместимостью. Цирк Калигулы и Нерона, к примеру, был ровно по центру украшен иглой египетского обелиска из красного гранита (как раз того, что сейчас установлен на площади перед собором), для его транспортировки в 37 году понадобилось сконструировать и снарядить в Рим специальное судно. Что же до вместимости, то на лестницах и трибунах Чирко Массимо (цирка), к примеру, могло разместиться примерно 250 000 зрителей.

За год до смерти Нерона, в 67 году н. э., на арене этого цирка, согласно легенде, был казнен апостол Петр, Цефа-рыбак*, глава христианской общины Рима, осужденный на смерть через распятие. Причем по его собственной просьбе он был распят вниз головой, то есть противоположно положению подвергнутого тем же мучениям Учителя. Вероятно, его тело было погребено где-то на боковой улочке, тянувшейся вдоль цирка, в наспех вырытой могиле для бедняков. Несколько веков спустя император Константин, первым признавший за новой религией всю полноту прав, моральный авторитет и достоинство, весьма охотно воспользовался указаниями, предоставленными ему христианами, которые хотели иметь на этом самом месте базилику в память о крестной жертве.

Так, около 320 года императорские архитекторы принялись разрабатывать проект базилики и намеревались возвести ее таким способом, чтобы центр (являющийся основанием и причиной самого ее существования) совпал с участком земли, где, согласно молве, и покоился апостол. Чтобы получить именно такой результат, потребовалось сориентировать ключевую ось всей конструкции по линии восток — запад. В связи с тем, что уровень почвы понижался с севера на юг, нужно было предварить закладку фундамента кропотливыми земляными работами. Затею мгновенно назвали «безумием».

На деле это влекло за собой необходимость выравнивания значительной части Ватиканского холма, осушения почвы, усеянной многочисленными заболоченными водоемами и лужами, подготовки крепкой базы, которая сможет выдержать огромный вес будущего здания. Кроме того, следовало

* На арамейском Цефа означает «камень», его калькой является латинское имя Петр. В русском тексте Евангелия — Кифа.

снести античный некрополь, занимавший часть планируемой территории, — там язычники и христиане многие годы лежали рядом друг с другом. В 326 году, ровно через год после памятного Никейского собора, сам Константин, как и прочие лидеры государств, жившие после него, дал старт работам, взяв в руки заступ и начав рыть яму под фундамент.

Артефакты, обнаруженные в ходе недавних археологических раскопок, вроде бы свидетельствуют о том, что работы продвигались в быстром темпе. Ранняя базилика, как и та, что ее когда-то заменит, уже во времена Константина имеет внушительные размеры. Длина ее фасада — 64 метра, длина каждого из пяти нефов, на которые разделена базилика, — 90 метров, причем ширина центрального нефа — 24 метра, а высота — более 30 (тот же параметр применительно к боковым нефам — 18 и 15 метров соответственно). Величественный монумент, под которым находится могила с останками Петра, сознательно или же из-за ошибки вычислений на чертеже получился на полметра ниже пешеходной площадки; так или иначе, но все заключено в роскошный трехметровый саркофаг, а сама гробница покрыта пластинами из кипрской бронзы.

К той константиновой базилике вел просторный двор, прозванный «раем» и окруженный аркадой. Посередине (по крайней мере с тысячного года) был установлен фонтан, откуда через отверстие в виде еловой шишки ключом била вода. Ныне он расположен в одноименном дворике Ватикана (cortile della Pigna, то есть дворик Сосновой/Еловой шишки). Перед тем как очутиться в стенах базилики, верующие совершали акт очищения, ополаскивая этой водой хотя бы лицо и руки. И сегодня в католическом мире существует традиция совершать крестное знамение пальцами, смоченными в освященной воде, — символический отголосок тех античных омовений. Так убогая могила Петра, погребенного в голой земле, превратилась в драгоценный мавзолей.

К сожалению, практически одновременно стали возникать и первые любопытные отклонения от нормы: нашлась масса желающих вырезать свое имя на примыкающей к гробнице стене. Все они должны были предложить сделку дьяконам, которые заведовали данной услугой. Такого рода привычка вошла в обыкновение, укоренилась и получила дальнейшее развитие в грядущие века, породив много болезненных травм в душах верующих.

Затраты на строительство были громадными, тем более что император для сбора христиан, созерцания, медитаций и молитв, обращаемых к апостолу — первому понтифику (pontifex), приказал обустроить именно место

его мученической кончины: пример Петра должен был подпитывать веру каждого человека. Что же до Константина, то его приверженность новому вероучению и признательность новому Богу были со всей очевидностью подчеркнуты торжественной надписью с посвящением, выгравированной на арочном своде между нефом и трансептом: *Quod duce te mundus surrexit / in astra triumphans / hanc Costantinus victor tibi condidit aulam*, что означает «Под предводительством Твоим мир воскрес, триумфом вознесся к звездам, поэтому победоносный Константин посвящает Тебе этот храм»*.

Действия Константина, направленные на пользу новой религии, крайне энергичны. Кроме Святого Петра, в те же годы и с тем же имперским размахом по его распоряжению возводятся и другие базилики, — все они располагаются, в соответствии с лучеобразным принципом дорожной сети, вне плотной городской застройки Рима. В их числе: базилика Сан-Джованни-ин-Латерано, заложенная даже ранее Святого Петра, длиной немногим менее ста метров; базилика Санта-Кроче-ин-Джерусалемме (Святого Креста в Иерусалиме), построенная по желанию матери императора Елены (поговаривали, будто она привезла из Святой земли кусочек того самого креста, на котором был распят Иисус); базилика Сан-Себастьяно на Аппиевой дороге, длиной 75 метров; мавзолей дочери императора Констанции на виа Номентана, сегодня известный как базилика Санта-Костанца, — одна из самых красивых и впечатляющих протохристианских церквей.

Рим классической эпохи был городом, заполненным статуями и памятниками: скульптуры облаченных в тоги людей на форумах, императоры верхом на лошадях, грандиозные термы и нинфеи (священные гроты нимф), храмы языческих божеств, украшенные колоннами, мозаикой, искусными изображениями людей, флоры и фауны. С IV по VI столетие, после возведения больших христианских базилик, прежний Рим как город античных монументов претерпевает трансформацию. Многие скульптуры снесены или уничтожены, одни по небрежности, другие — по вполне определенным идеологическим соображениям. Христианство стремится к сублимации своих символов, избегая материализации объектов, к чему были склонны римляне. Предпринимаются первые попытки наглядно иллюстрировать сферу сакрального через живопись и мозаику, а не посредством скульптуры. В V веке процесс замены римских аул и святилищ христианскими церквями начнет набирать обороты и переместится в центр города. Именно тогда

* Aulam — букв. «зала, дом, пространство, дворец» (лат.).

возникнут церкви Санти-Джованни-э-Паоло на холме Целий, Сан-Марко-аль-Кампидольо (на Капитолийском холме), Сан-Лоренцо-ин-Лучина, Санта-Мария-ин-Трастевере (древнейшая из сохранившихся в честь Мадонны), Санта-Сабина на Авентинском холме, Сан-Клементе неподалеку от Колизея, Санта-Мария-Маджоре на холме Эсквилин.

Христианский Рим, наследуя Риму классическому и постепенно замещая его, фактически ликвидирует его физическое присутствие и обнуляет память об античном городе. Место языческих статуй и алтарей занимают христианские, божества-покровители различных областей человеческой жизни и деятельности вытесняются святыми, старинные обряды — ортодоксией: хватило всего нескольких десятилетий, чтобы от античных религий не осталось какого-либо видимого следа. Конечно же, сохранились тексты, посвященные философии и естественным наукам, а также литературные шедевры и драматургические произведения, — терпеливые и изобретательные монахи-переписчики, сами нередко искусные художники и графики, будут скрупулезно копировать их в монастырях для тех немногих, кто окажется в состоянии прочесть их. Но истинно народные культы и суеверия, прежде защищаемые широко трактовавшейся римской религиозной терпимостью, исчезнут безвозвратно.

Пожалуй, наиболее горячий сторонник христианства, Савл из Тарса (апостол Павел) осыпает бранью древние обычаи и поносит культы, с ними связанные:

Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы.*

* Новый Завет. Послание к Римлянам апостола Павла. 1, 26–31. Цит. по электронной версии на сайте: http://days.pravoslavie.ru/Bible/B_rim1.htm

Безжалостный портрет, обнажающий, помимо сути порока, всю мощь гнева, на который был способен неофит, наделенный пылающим умом и безмерной страстью.

И все-таки не что иное, как Рим императорский (и языческий), имеет в виду Константин, когда инициирует строительство новых базилик и покровительствует ему с ясным намерением сделать очевидным для всех тот факт, что христианство отныне — религия государственная. Мавзолей, сооруженный на берегу Тибра по приказу императора Адриана, благодаря своей внушительности и торжественному облику, на который и была сделана ставка, рассматривается как прототип раннехристианской архитектуры. Константин воспользуется им в качестве опытного образца. С течением времени имперская модель будет взята на вооружение папами, что придаст их статусу и роли легко опознаваемую коннотацию. Размеры зданий, пышность облицовки и убранства, великолепие обрядов, всепроникающий аромат ладана, чарующая сила гимнов, реверберация света в золоте мозаик — все призвано подтолкнуть человека к идее о могуществе, превосходящем императорское, ибо христианские папы обладают верховной властью судить земных правителей, отпускать им грехи и обеспечивать вечную жизнь в чертогах райских. Так церковь наследует империи, возлагая на себя универсальную цивилизаторскую миссию, в чем-то равную ей, но в целом даже более значимую, чем та, что в классическом мире осуществлял Рим.

На раннехристианских мозаиках Христос часто предстает в образе императора, сидящего на троне в позолоченной тоге, — Dominus dominantium (Господина и Повелителя), окруженного апостолами, которые своим обличьем напоминают римских сенаторов. Вселенский идеал новой церкви отталкивается от Римской империи, чье солнце клонится к закату, и подчеркивает континуитет, неразрывность с ней. Если же вести речь о папах, то общепринятой является точка зрения, что первым принявшим титул понтифика (Pontifex Maximus) был Дамас (366–384), хотя выражение в форме аббревиатуры (Pont. Max.) появится на фронтонах церквей и фасадах зданий несколько позже.

Избрание Дамаса было довольно драматичным и бурным, поскольку римский клир разделился на две фракции, враждовавшие друг с другом как по вопросам доктрины, так и в сфере властных притязаний. В результате получилось так, что предпочтение было отдано сразу двум претендентам — Урсину и Дамасу, — непримиримо и резко конкурировавшим между собой.

Историк Аммиан Марцеллин, один из крупнейших позднелатинских авторов, оставивший исключительные свидетельства упадка империи, в своем труде *Rerum gestarum* («Деяния») пишет об этом так:

> *Дамас и Урсин горели жаждой захватить епископское место. Партии разделились, борьба доходила до кровопролитных схваток и смертного боя между приверженцами того и другого. Не имея возможности ни исправить их, ни смягчить, Вивенций [префект] был вынужден удалиться за город. В этом состязании победил Дамас благодаря усилиям стоявшей за него партии. В базилике Сицинина [Санта-Мария-Маджоре], где совершаются отправления христианского культа, однажды найдено было 137 трупов убитых людей, и долго пребывавшая в озверении чернь лишь тогда исподволь и мало-помалу успокоилась. Наблюдая роскошные условия жизни Рима, я готов признать, что стремящиеся к этому сану люди должны добиваться своей цели со всем возможным напряжением своих легких. По достижении этого сана им предстоит благополучие и возможность обогащаться добровольными приношениями матрон, разъезжать в великолепных одеждах в собственных экипажах, задавать пиры столь роскошные, что их блюда превосходят царский стол*.*

В конце концов Дамасу удалось одержать верх над соперником, хотя метод, каким была достигнута победа, повредил его репутации религиозного человека. Но важность этого понтифика в контексте нашего рассказа состоит в том, что он стал первым епископом Рима, который обосновал свое главенство не решением церковных соборов или эдиктами иной природы, а непосредственно Евангелием, знаменитым «наречением Петра» (Матфей: 16, 18): *«и Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее».* Такую прокламацию можно с полным успехом считать важным шагом на пути утверждения самой что ни на есть настоящей династии последовательно восходивших на ватиканский престол пап. В дальнейшем данный принцип окончательно сформируется и закрепится.

Вернемся к христианским базиликам, имитирующим общественные сооружения классического Рима, которые ввиду римской тенденции к унификации одновременно являлись и сакральным, и гражданским пространством.

* Аммиан Марцеллин. Деяния. XXVII, 3. Цит. по электронной версии на сайте: http://www.alanica.ru/library/Ammian/text.htm

Подобно Ромулу и Рему, которые стояли у истоков старого города, в новом Риме, осененном знаком креста, эти функции принимают на себя святые апостолы Петр и Павел. Постепенно, с отходом от первоначального строгого иудейского монотеизма, новая религия воссоздает собственный пантеон. Нет больше одного-единственного библейского Яхве: перед нами целая божественная фамилия, родители и их сын. Вокруг них собираются многочисленные божественные и полубожественные фигуры, их количество за столетия приблизится к паре тысяч. Любое место, поступок или орган человеческого тела — у всего отныне появился святой защитник-покровитель. Сходство с античным сонмом языческих богов вполне очевидно.

В медленно умирающем городе, чьи дворцы, дома, аулы, акведуки и храмы были к тому или иному моменту разграблены, заброшены или разрушены, блеск и просторность новых базилик, особенно главной из них, сразу же рождали в душе каждого посетителя — хоть римлянина, хоть паломника — отчетливое, неизгладимое ощущение того, что прежнюю власть сменила новая и теперь именно к ней надлежит обращать взоры и чаяния, касающиеся как земной, так и загробной жизни.

Поэтому было крайне необходимо, чтобы собор Святого Петра соответствовал столь неподъемным задачам укрепления веры и политического господства. Нужно было, чтобы каждый, вне зависимости от того, простой это верующий или царствующий монарх, входя в пределы базилики, без промедления почувствовал силу власти, от которой зависела порой не только его легитимность, но и само его существование. Еще ни одна религия не осмеливалась замахнуться на что-то похожее.

Однако со временем базилика, отличавшаяся при Константине броской пышностью, приходит в упадок. Приблизительно в середине XV века гениальный архитектор и гуманист Леон Баттиста Альберти обращает внимание папы Николая V (в миру Томмазо Парентучелли) на тот факт, что стены центрального нефа накренились уже более чем на метр. Между тем Флоренция лишь недавно обрела новый собор Санта-Мария-дель-Фьоре, увенчанный прекрасным куполом работы Брунеллески. Гармонично вписавшись в окружающий равнинный пейзаж, обрамленный цепью холмов, он горделиво вознесся над городом. Николай V, тосканец по происхождению, с особой остротой воспринимает брошенный вызов. Он избрал Ватикан в качестве папской резиденции и теперь думает, как укрепить его статус. Понтифик велит построить четыре дозорные башни по углам замка Святого Ангела, добавить высокие бастионы к прежним «львиным» крепостным стенам,

мелиорировать и привести в порядок улочки и переулки городского района Борги — настоящего притона бандитов, убийц и воров. Кстати, флорентийский священник Розелло Розелли в письме к Козимо де Медичи от 1450 года весьма красноречиво описывает нравы той части Рима: «Эта земля не иначе как гнездо ворья и сброда: каждый норовит обчистить и прирезать ближнего, словно не люди это, а бараны; ладно бы просто убили, так они еще и искромсают на кусочки, точно репу».

Папа Николай — фигура спорная и противоречивая, насчет него в Риме сразу же начинают циркулировать дерзкие шутки и непочтительные куплеты, надолго вошедшие в городской фольклор. Его слава человека, крутого на расправу с врагами и большого любителя выпить, саркастически обыгрывается в таком анонимном двустишии: «С тех пор как в папах Николай — убийца он давно, / Обилен Рим на кровь и скуден на вино». Во второй главе XIII книги «Истории Рима в Средние века» Фердинанд Грегоровиус отзывается о папском дворе этого времени сухо и хлестко:

> *Папский Рим в ту эпоху морально разложился, коррумпированный клир был ненавидим народом. Кардиналы жили в шелках и злате, словно князья в миру; их расточительность и легкомыслие оскорбляли чувства не только республиканцев, но и простых горожан. Многочисленные члены курии и прелаты кичились доходами от имущества, коих им вечно не хватало, но всегда желали заполучить все больше и больше. Их отталкивающее поведение казалось спектаклем высокомерия, жадности и нравственного упадка*.*

Многое удалось сделать папе Николаю, но отнюдь не все, что было им задумано. В заслугу ему стоит поставить то, что проблема почтенной константиновой базилики была обозначена так, что пренебрегать ею далее было нельзя. Воспользуется этими замыслами и разовьет проект по восстановлению собора другой папа, наделенный не меньшим темпераментом, — Сикст IV (Франческо делла Ровере), царствовавший добрую дюжину лет — с 1471 по 1484 год. Его ключевым деянием была реконструкция Capella magna, главной капеллы папского дворца, которая с тех пор и носит его имя — Сикстинская. Важность этой капеллы заключается в том, что она

* Русское переиздание книги, которое цитировалось ранее, доводит события только до конца XIV века. Поэтому данный отрывок является прямым переводом текста, присутствующего в книге автора.

станет площадкой для художественных экспериментов, чему стоит посвятить отдельный, более подробный рассказ в одной из следующих глав.

Кроме того, Сикст приказал проложить новые дороги и заменить старинный мост Сант-Анджело более просторным (мост Сикста), чтобы в периоды притока паломников там не возникали ужасающие пробки и стычки (к примеру, в Святой 1450 год верующие столпились на входе и выходе с моста, перегрузив его так, что в результате около двухсот человек погибли в давке, утонули в Тибре или получили смертельные ранения под копытами лошадей). В лихорадочном темпе работ плечом к плечу с папой везде находился молодой кардинал, оказавшийся, как это часто водилось, его племянником, — Джулиано делла Ровере.

Кардиналу Джулиано тоже суждено стать понтификом; более того, он относится к числу тех, кто сумеет наложить на всю эпоху отпечаток своего характера и непомерных амбиций. В людях подобного склада и закалки нет ничего религиозного; они, по сути, кондотьеры, с одинаковой ловкостью носящие церковную рясу и рыцарские латы, совершенно убедительно размахивающие и кропилом, и шпагой. Джулиано избрали папой в 1503 году на конклаве, длившемся всего сутки. Его понтификату надлежало остаться в истории и памяти, недаром принятое новым папой имя — Юлий II — прямо и недвусмысленно намекало на Юлия Цезаря. Папа — политик и воитель, вдохновитель и инициатор грандиозных проектов, создатель национальной монархии, в структуре которой преемник Святого Петра, pontifex maximus, является неоспоримым лидером с императорскими полномочиями. Его идеал — модель правления Октавиана Августа; его безграничная энергия обрушивается на все области, включая искусство, рассматриваемое им исключительно как эстетическое выражение одного из возможных инструментов политики — и не более того.

Именно он твердой рукой завершит неоконченные проекты Николая V и даст старт реализации новых. Уже через три года после вступления на престол, в 1506 году, он возложит на одного из лучших архитекторов того периода, Донато Браманте, миссию спроектировать новый собор, который заменил бы находящуюся в аварийном состоянии базилику Константина. Воплощение проекта в жизнь растянется на столетие с лишним, станет задачей множества сменяющих друг друга понтификов. Внешние конструкции обретут сегодняшний вид к 1621 году, еще дольше продлится внутренняя отделка. Римляне даже поговаривали, что затея такого размаха никогда не будет доведена до финальной точки.

Доверенная Браманте стройка продвигалась в быстром темпе: 18 апреля 1506 года заложили первый камень. Ключевой идеей было не разрушать сразу до основания старую церковь, а начать с переделки существовавших внешних конструкций. В следующем году приступили к сносу, что вызвало немало критики и полемических выпадов в отношении методики, прежде всего потому, что античные сооружения через пару месяцев выглядели столь же неприглядно, как и любые стройплощадки: отдельные части изуродованы, структура и опоры деформированы, а крыша почти полностью демонтирована.

В 1513 году семидесятилетний Юлий умирает, вслед за ним папский престол занимают двое его преемников из дома Медичи, а в 1534 году, после кончины Климента VII, на троне Святого Петра оказывается Павел III (Алессандро Фарнезе). Этот папа оставил по себе хорошую память, если не брать в расчет его неприкрытый непотизм — к примеру, он сделал кардиналами двух собственных юных внуков от прижитого когда-то сына. Именно он, папа Фарнезе, в конце 1546 года предложит Микеланджело взять на себя ответственность за «стройку Святого Петра». Художнику семьдесят два года, его здоровье подорвано, а задача сложна; сперва он прибегает к уловкам, стараясь уклониться от работы, которая даже ему, непревзойденному мастеру, кажется чрезмерно тяжелой. Однако папа настаивает. Вазари считает, что в этом выборе понтифик и правда «был вдохновлен Богом». В итоге Микеланджело уступает и соглашается, но при одном условии: если уж ему предстоит руководить процессом, то только он и должен принимать решения, без вмешательства с чьей-либо стороны.

Это неслыханная просьба, имевшая не только профессиональные, но и политические последствия; вообразим, что Микеланджело выдвинул ее в надежде получить отказ. Нам с вами, знающим о том, каковы будут результаты, легко рассуждать, что папа сделал наилучшую ставку из возможных; а вот тогда никто в столь очевидном результате не был уверен, к тому же возведение собора продолжалось уже не один десяток лет и стоило «многих средств». А ведь именно этому собору надлежало стать духовным центром религии, чьи основы сотрясали невиданные события: лютеранская реформа и схизма короля Англии Генриха VIII. Буонарроти был прославленным художником, его предыдущие произведения чудесны и достойны восхищения, однако выступить в роли архитектора и прораба — даже для него это в новинку, особенно принимая во внимание титанические усилия, необходимые для реализации такой затеи. Невероятно, но факт: папа согласился.

1 января 1547 года motu proprio (по собственной воле) понтифик доверил проект Микеланджело практически с неограниченными полномочиями, вручив ему в письменной форме «любую власть, которая потребуется, чтобы сделать или переделать, увеличить или уменьшить либо изменить всякую вещь на его усмотрение».

Вариации не заставили себя ждать. Микеланджело забраковал чертеж, предложенный Сангалло, посчитав его слишком перегруженным и запутанным, чрезмерно дорогим и чересчур «немецким», то есть готическим; он укоротил некоторые уже имеющиеся стены трансепта и внес модификации в эскиз купола, созданный Браманте за сорок лет до этого. Нетрудно представить себе, сколько протестов, обид и зависти вызвали эти резкие меры. Судачили о тщеславии, выброшенных на ветер деньгах, бесстыдных амбициях.

Был даже сформирован специальный орган — Конгрегация депутатов, — которому делегировались функции надзора за строительством храма и связанными с ним затратами. Именно из стен Конгрегации раздавалась самая яростная критика тех, кто, считая себя сведущим и компетентным в данном вопросе, полагал, что их задвинули в тень. В марте в замке Святого Ангела состоялось заседание, на котором председательствовал лично папа Фарнезе. Многие из его участников жаловались, что для удовлетворения всех требований флорентийского мастера придется уничтожить две трети сделанного ранее. Разве в этом есть хоть какой-то смысл? И где это видано, чтобы так бездумно распылялись денежные ресурсы и усилия? К тому же именно нужда в звонкой монете для возведения собора и спровоцировала среди прочих причин лютеранский бунт. Вдобавок все помнят, что ранее сам папа утвердил план Сангалло, от которого теперь отказывались напрочь.

Однако Павел III был непреклонен: воспользовавшись своей суверенной властью, он подтвердил, что среди всех рассмотренных чертежей лучшие принадлежат Буонарроти, а потому ими отныне и далее и следует руководствоваться во всем.

Микеланджело вернулся к первоначальной идее Браманте о вписанном в квадрат греческом кресте (с четырьмя равными по длине рукавами) в основании собора, над которым в точке пересечения двух осей вознесется огромный купол. Логичным был и следующий шаг: усиление несущих стен, превратившихся в те циклопические, что мы видим сегодня, за счет чего пространство внутри базилики «испарялось», разреживалось

спроектированными Браманте колоннами и кольцевыми коридорами, задуманными Сангалло. Микеланджело разработал и конструкцию купола, который в год его смерти (1564) находился на стадии создания цилиндра: мощные двойные колонны («близнецы»), чередующиеся с большими оконными проемами.

Папа Сикст V (Феличе Перетти, 1585–1590) сразу после своего избрания придаст новый импульс всему проекту, а также станет инициатором многих других начинаний. При Юлии II были проложены виа Джулиа и виа Лунгара по обоим берегам Тибра; Лев X и Павел III придумали знаменитый Трезубец (Триденте) — расходящиеся лучеобразно от Порта дель Пополо (Народных ворот) в сторону центра улицы Бабуино, Корсо и Рипетта. При Григории XIII была проложена виа Мерулана, соединившая Латеранский холм с базиликой Санта-Мария-Маджоре.

Сикст V («нет большего самодура и более черствого безумца, чем папа Сикст», отметит Джоаккино Белли) за отведенную ему пятилетку успеет сделать почти все. Например, при нем на вершинах двух колонн с рельефной резьбой по спирали — Траяна и Антонина Пия — установят статуи святых Петра и Павла; реставрируют двадцатикилометровый участок акведука (l'Acqua Felice, буквально «Счастливая вода», альтернативные названия — «Священная» и даже «Тухлая»); наметят пару прямых, как стрела, улиц, невероятных для той эпохи. Кроме того, у Сикста V родился замысел строительства настоящей четырехкилометровой магистрали (нареченной по названию последнего ее отрезка улицей Сикста — виа Систина), которая от Санта-Кроче-ин-Джерусалемме мимо Санта-Мария-Маджоре огибала Квиринал (поблизости от виа делле Кваттро Фонтане, то есть улицы Четырех Фонтанов) и тянулась к Тринита дей Монти. Что же до нашей истории, то тут важнее всего сказать, что в январе 1588 года неутомимый папа вызывает к себе архитекторов Джакомо делла Порта и Доменико Фонтана и приказывает, чтобы в максимально короткие сроки базилика, все еще не покрытая куполом, наконец обрела его.

Архитекторы составили смету и планировали это сделать за десять лет; но понтифик потребовал завершить работу за двадцать два месяца. Делла Порта изучает несколько вариантов, стремясь в срок исполнить волю папы. Он нанимает команду почти из восьмисот ремесленников, которые, трудясь денно и нощно, успевают разобраться со всеми техническими сложностями: 15 июня 1590 года уложен последний камень. Сиксту V семьдесят лет, через два месяца он умрет. Однако он успевает увидеть всю впечатляющую

конструкцию целиком: купол, венчающий собор Святого Петра, станет примечательной деталью облика всего города.

Деятельный понтифик, занимавший престол лишь пять лет, был инициатором еще одного поразительного мероприятия — переноса египетского обелиска. Цельный монолит был переправлен из Александрии в Рим в I веке н. э. по приказу императора Калигулы. К концу XVI столетия он лежал на земле, заброшенный и бесхозный, там, где когда-то располагался цирк Нерона. Речь шла о том, чтобы перетащить этот обелиск в неровное угловое пространство, на площадку неправильных форм, образовавшуюся между вечной стройкой собора и сырыми опасными улочками квартала Борги, что упираются у самой реки в замок Святого Ангела.

Предприятие создавало немало трудностей, причем не столько по причине горизонтальной транспортировки, сколько из-за необходимости поднять его на такую высоту, чтобы обелиск смог строго перпендикулярно встать на базу. В распоряжении исполнителей имелась единственная энергия — мускульная сила людей и животных, усиленная, насколько возможно, лебедками, которые благодаря системе тросов снижали нагрузку. Для того чтобы достичь приемлемого уровня безопасности, понадобилось семь месяцев предварительного анализа, несколько сотен людей и коней, десятки лебедок. На подготовку исполнения замысла ушло четыре месяца, с апреля по сентябрь 1586 года. Была сконструирована настоящая подвесная дорога, по которой монумент должны были перевезти в горизонтальном состоянии. Кроме того, для поднятия обелиска на надлежащую высоту возвели два деревянных помоста. Специальный эдикт угрожал смертной казнью любому, кто рискнет проникнуть на площадь и помешать крайне рискованной операции.

Племянник Доменико Фонтаны Карло Мадерно, тоже архитектор по профессии, занятый на стройке Святого Петра, почти век спустя после описываемого события оставил нам обстоятельный рассказ о нем. Вот что он пишет:

Фонтана рассчитал, какой вес мог бы приподнять, удержать и переместить на прочных веревках из пеньки каждый ворот, приводимый в движение четырьмя крепкими лошадьми и страхуемый приставленными людьми так, чтобы от натяжения не порвался даже самый толстый канат. Он выяснил, что каждая лебедка поднимала груз весом около двадцати тысяч фунтов, стало быть, для подъема восьмисот тысяч фунтов*

* 1 фунт равен 453,6 грамма.

нужно было сорок лебедок, а также два длинных рычага, действующих под давлением лебедок и поднимающих вверх оставшуюся часть обелиска, опоясанного тросами, весом в миллион сорок три тысячи пятьсот тридцать семь фунтов.

Синхронность и скоординированность действий всех лебедок была непременным условием того, чтобы мероприятие прошло без сучка без задоринки. Руководителю операции требовался панорамный обзор местности и тотальный контроль над всеми задействованными в деле механизмами и людьми, которые должны были отчетливо слышать команды, поданные голосом, — разумеется, никаких микрофонов и громкоговорителей не было и в помине. Поэтому все должны были молчать (впрочем, онемение от нахлынувших эмоций и так было всеобщим), а звуки трубы подавали сигнал приступить к различным фазам работы.

Благодаря скрупулезной подготовке и гигантским усилиям заключительный этап операции обошелся без инцидентов:

Каждый [пришедший] на место внимательно и с тщанием исполнил отведенную ему роль. Сперва все преклонили колени и вновь обратились за помощью к Господу. Главным распорядителем был архитектор, сидевший на специальном возвышении, по его знаку заиграла труба; тогда все единым движением пришпорили 140 лошадей, тащивших 44 лебедки, а всего участвовало восемьсот работников. Они следили за тем, чтобы машины работали слаженно и были в полном порядке, отчего поднятие получилось таким быстрым и легким, что привело всех присутствовавших в изумление. Он [обелиск] встал перпендикулярно в предназначенном для того месте в 23 часа того же дня [10 сентября 1586 года], и в ознаменование окончания такого поразительного дела было много гуляний и ликования.

Самым опасным моментом стала кульминация, когда напряжение канатов было таким, что они начали дымиться; несомненно, еще чуть-чуть — и от трения они загорелись бы, что могло привести к самым пагубным последствиям, какие только можно себе представить. По народному преданию, в толпе тогда находился один генуэзский моряк, нарушивший категорическую инструкцию о тишине криком: «Воды на канаты»!» — что было тотчас исполнено. Операция была спасена.

Через пару десятилетий папа Павел V (Камилло Боргезе) вознамерился вернуть базилике форму латинского креста, который он предпочитал греческому, с одинаковыми рукавами, взятому на вооружение Микеланджело. Он поручил Карло Мадерно удлинить неф, слегка передвинув вперед фасад, в том числе с целью увеличения вместимости собора. На практике это означало возврат к ранней концепции продольного, «вытянутого» храма Сангалло, которую исправил Буонарроти. Мадерно исполнил это с похвальной проницательностью и удивительным чутьем: тот, кто сегодня смотрит на Святого Петра, может легко уловить ритмику всей конструкции, обеспечиваемую наравне с куполом анфиладами окон, перемежающихся огромными колоннами. Шесть из них сгруппированы в центре и будто служат подпорками для опирающегося на них тимпана; вместе с тем они акцентируют внимание зрителя на выдающейся вперед центральной лоджии, предназначенной для важнейших церемоний: провозглашения нового понтифика, торжественных папских благословений народа на площади и других мероприятий.

Первый эскиз Мадерно не пришелся по вкусу папе, который нашел чрезмерной разницу между высотой здания и ее длиной. Поэтому понтифик посоветовал архитектору расширить фасад с обоих концов, чтобы уравновесить и стабилизировать продольность всей структуры. Тогда же вне пилястров, замыкавших ансамбль, были добавлены два дополнительных окна, которые расположили над остающейся на уровне земли аркой. Их верхние части были декорированы в конце XVIII века двумя часами, автором которых стал Джузеппе Валадьера.

Получившееся здание в 1656 году будет окаймлено площадью, которую уже немолодой к тому времени Бернини сделает гармоничным элементом всей композиции. Результат до сих пор у нас перед глазами, и сложно вообразить, что у площади мог быть другой автор. Разве найдется тот, кто сумел бы лучше Бернини исполнить в мраморе восхитительную двойную колоннаду, обнимающую обширное пространство с фонтанами, обелиском и толпой верующих, что регулярно его заполняет?

Сколько же стоила новая базилика? Цифра, без сомнения, невообразима, но вполне соразмерна объему строительных работ и тем амбициям, которые проект должен был символически воплощать в камне. Однако стены и огромный купол — это мелочь в сравнении с обстановкой, убранством, бесчисленными художественными и декоративными элементами, количество которых в соборе постоянно увеличивалось. Если размеры собора

делали очевидной исключительность и безраздельность власти, которая сумела воплотить в жизнь такое великолепие, то окончательное устройство нефов и облицовки добавляло этой самой власти отблеск вечной славы.

Когда Бернини (в очередной раз ему — и никому другому) было поручено при помощи золота и света придать ликующе-радостный облик престолу Святого Петра в глубине абсиды, он наиболее подходящими средствами интерпретировал ту монархическую идею, которую кропотливо вынашивали столетиями папы, приписав себе императорские прерогативы. Великий мастер создал картину из феерических позолоченных лучей, дымки и облаков, четырех колоссальных статуй учителей латинской и греческой церкви, ангелочков-путти, поддерживающих ключи от врат небесных и папскую тиару… В центре грандиозной композиции располагался престол, принадлежавший, по легенде, святому Петру, хотя реально этот трон был подарен папе Карлом Лысым в 875 году.

Именно так слава воспевается предельно ясно, она лучезарна и торжественна. Впрочем, нет ни одной организации в мире — будь то королевская династия или правительство, государственное учреждение или иной институт, — которая могла бы соперничать с Римско-католической церковью в пышной красочности церемоний: похорон, интронизаций, беатификаций. Поэтому, задаваясь вопросом, в какую сумму обходится Святому престолу создание, поддержание и сохранение такой роскоши, мы должны помнить, что не все в этой жизни можно свести к денежному измерению. Разумеется, деньги были нужны, и, чтобы раздобыть их в достаточном количестве, никто не стеснялся опускаться до самой бессовестной симонии и скандальной торговли индульгенциями, что явилось одной из причин лютеранского движения.

В 1507 году, в понтификат Юлия II, была выпущена булла *Salvator noster* («Спаситель наш»), из текста которой следовало, что всем предлагающим церкви финансовую помощь или денежный взнос в виде пожертвования будут отпущены грехи; сбор звонкой монеты делегировался епископату. То, что прозвали «святой коммерцией», становилось своеобразным внеземным помилованием, воспользовавшись которым верующие могли скостить себе многие годы чистилища; дополнительной опцией была возможность перевести деньги своим покойным родственникам. Расходы папского двора приводили к бюджетным дырам, поскольку полученные деньги шли не только на стройку Святого Петра, но и на сведение платежного баланса, так как европейские банкиры, финансировавшие Ватикан,

время от времени, по истечении условленных сроков, начинали требовать возврата кредитов.

Вероятнее всего, раскол христианства произошел бы и сам по себе, но, несомненно, недостойная спекуляция такого типа усугубила и ускорила эту ситуацию. В конце октября 1517 года монах-августинец Мартин Лютер, немец крестьянского происхождения, профессор библейской экзегетики, прибил, как гласит легенда, к вратам кафедрального собора Виттенберга воззвание со своими *«Девяноста пятью тезисами»*, то есть пунктами, которые оспаривали и опровергали практику индульгенций. Одним из поднятых вопросов был следующий: «Почему папа, будучи намного богаче триумвира Красса, не оплачивает из собственного кармана работы по возведению базилики Святого Петра, а взимает милостыню с бедных верующих?»

Впервые со дня своего основания церковь, называемая католической, иными словами, универсальной, подвергалась риску именно со стороны этого заложенного в ней значения. Проблема уже не сводилась к наличию маленьких или больших «ересей», что сопровождали, особенно поначалу, ее развитие. Это был настоящий и драматический разлом, к которому добавилась схизма англикан, твердо проводимая в жизнь честолюбивым Генрихом VIII, утвердившим положение о том, что премьер-министр Англии католиком отныне быть не может. Только в 1829 году герцог Веллингтон (победитель Наполеона в битве при Ватерлоо) добился того, чтобы король Георг IV санкционировал Акт об эмансипации католиков — закон, уравнивавший в политических правах католиков с англиканами и снимавший все препятствия к тому, чтобы католики могли быть избранными в парламент или руководить правительством Его Величества. Однако британские монархи и поныне украшают себя титулом Defensor fidei («Защитник веры»), который Генрих VIII заработал непримиримым трактатом *«В защиту семи таинств»*, направленным против Лютера. Подобные противоречия часты, когда в религии сверх меры смешиваются вера и политика.

Почти через полтора столетия после возникновения протестантизма, в 1656–1657 годах, иезуит Пьетро Сфорца Паллавичино, кардинал и историк, написал «Историю Тридентского собора», примечательный своей объективностью труд, несмотря на то что он был заказан и субсидировался напрямую папой. Полное название этого опуса — «История Тридентского собора, написанная П. Сфорца Паллавичино, принадлежащим к Обществу Иисуса, где авторитетными свидетельствами отвергается ложная история,

распространенная на ту же тему Пьетро Соаве Поллано». Это не что иное, как католический ответ на полемически острое произведение, опубликованное несколькими годами ранее. Тем не менее автор еще раз уточняет свою позицию: «Материальное сооружение Святого Петра уничтожило основную часть его духовного фундамента; ибо с целью собрать многие миллионы скудо, каковые поглощала необъятность работ над этой церковью, преемнику Юлия пришлось предпринять то, что стало истоком ереси Лютера, истощившей церковь на многие миллионы душ».

В любом случае, прав был иезуит Сфорца Паллавичино или нет, и если да, то в какой степени, никто не знает. Но подводить итог и оценивать смету всей этой истории каждый будет по-своему.

V. Безгласная церковь

Избрание свершилось при плохом предзнаменовании. Шел август 1978 года, несколько дней назад скончался Павел VI, чей понтификат длился пятнадцать лет. Конклав, задачей которого было возвести на престол его преемника, прошел очень быстро: четыре раунда голосования за сутки, меньше двадцати четырех часов. Итог следующий: 101 голос «за» из 111 участников. В борьбе двух течений — консерваторов (сплотившихся вокруг архиепископа Генуи Джузеппе Сири) и прогрессистов (поддерживающих архиепископа Флоренции Джованни Бенелли) — в конце концов победил он, Альбино Лучани, венецианец шестидесяти шести лет, кроткий и благочестивый, быть может, даже слишком для такой должности.

Повторюсь, все видели плохое предзнаменование: традиционно дым, которому надлежит быть белым в случае, если конклавом сделан выбор, в этот раз взвился серым и вскоре обратился в черный, несмотря на практически полное единодушие коллегии кардиналов. Через пару мгновений Радио Ватикана объявило граду и миру радостную весть, и короткий промежуток времени спустя распахнувшееся центральное окно на фасаде собора Святого Петра развеяло все сомнения: Иоанн Павел I смог предстать перед верующими, преисполненными восторга. Между тем черный дым уже совершенно рассеялся в прозрачном воздухе Рима. Новый папа с удовольствием обратился бы к верующим и, не мешкая, охотно раскрыл бы им свое сердце. Но главный церемониймейстер настоятельно порекомендовал ограничиться обычным благословением, предусмотренным программой.

Однако то, что это был особенный папа, всем стало ясно сразу. Говорил он скорее в манере приходского священника, чем царствующего монарха, часто улыбался, использовал деликатные выражения, легко краснел и допускал это. Он признался также, что испытал страх от осознания того, что ему отведена роль преемника Святого Петра (*Tempestas magna est super me*,

то есть «Буря великая надо мной разразилась»). Правдоподобно, что именно по этой причине он первым в тысячелетнем ряду понтификов остановился на двойном имени — Иоанн Павел I, — как бы взывая к защите и поддержке сразу двух своих незаурядных предшественников.

Все знают, что его понтификат стал одним из самых коротких — всего тридцать три дня, а его смерть была внезапной. Но чтобы попытаться понять, почему же вокруг истинных причин этой смерти осталось так много сомнений и загадок, нужно по крайней мере резюмировать весь объем дел, которые мягкий Альбино Лучани сумел исполнить или хотя бы наметить за тот месяц с небольшим, что был ему отведен. С ходу он начинает порывисто и пылко пересматривать детали некоторых процедур или церемониала, отнюдь не ничтожные и бурно обсуждаемые во всех средствах массовой информации. Подумать только — папа отменяет принцип pluralis majestatis* (множественного поименования монарха), хотя газета «Оссерваторе Романо»** упорно корректировала его тексты перед публикацией. Далее он избавляется от папской тиары, подтверждая тем самым волю Павла VI, равно как и от папского кресла, переносимого на плечах пажами и сопровождаемого позади двумя опахалами: сценография египетского типа, пригодная больше для оперных постановок. Новый понтифик отказывается от коронационной мессы, заменяя ее «торжественной церемонией в честь начала апостольского служения», и отвергает возможность сидеть на троне во время церемониальных мероприятий.

Странными, неслыханными были и его первые речи. Он заявил, что Господь был Отцом, да, но еще более Матерью: папа апеллировал к Ветхому Завету, нарушая вместе с тем давно сложившуюся и устоявшуюся традицию. Действительно, нынешний папа Ратцингер, возглавлявший в то время Конгрегацию доктрины веры, без промедления подкорректировал его слова, восстановив незыблемость тезиса «Бог — это только Отец». Лучани часто говорил о себе простыми, близкими обычному человеку словами, рассказывая о своем опыте и прошлых обязанностях, не скрывая ничего и признаваясь в собственных слабостях. Тотчас стало понятно, что он смиренный, скромный папа, и вскоре раздались мнения (я в качестве современника и хрониста отчетливо помню это), что, возможно, он не соответствует возложенной на него ноше и что его избрание было ошибкой. Предполагали

* Ср. для примера: «Мы, Николай Второй…»

** Официальный печатный орган Святого престола. *Прим. ред.*

с большой долей вероятности, что его понтификат не продлится долго. Так и случилось. В далекой древности папа Целестин V отправился на свою интронизацию верхом на муле или осле, и Бонифацию VIII не составило труда его свергнуть. Иоанн Павел I назвал себя слугой Иисуса и Церкви — и на своем посту надолго не задержался.

После его неожиданной смерти стало известно, что на столе папской опочивальни был обнаружен экземпляр еженедельника «Иль Мондо», открытый на странице журналистского расследования, озаглавленного «Его Святейшество… Верно ли это?». Обращаясь непосредственно к понтифику, газета вопрошала, правильно ли, что «Ватикан оперирует на рынках всего мира в качестве обычного спекулянта? Насколько корректно иметь в распоряжении Святой церкви банк, фактически покровительствующий экспорту капитала и уходу от налогов части итальянских граждан?».

Далее мы увидим, насколько показательным могло быть наличие «Иль Мондо» в комнате. Но в чем нет сомнения, так это в том, что проблема богатств, то есть ватиканских финансов, которыми распоряжались беззастенчиво, не гнушаясь произволом, доставляла папе Лучани огромное огорчение, была для него настоящим кошмаром. За молниеносные тридцать три дня своего понтификата он много раз касался этой темы; хотел даже написать энциклику о нищете в мире, но не хватило времени; предвещал (мечтая) возврат церкви к истокам — евангельской бедности — и намеревался хотя бы один процент доходов клира передавать в пользу бедных. Церкви претит обладание властью и сокровищами, повторял он.

У папы были и другие идеи. Он полагал, что маргинальное положение женщины в обществе и в самой церкви должно быть пересмотрено и истолковано по-новому. Считал, что нельзя sic et simpliciter (так, и именно так; волевым решением) запрещать контрацептивы и противозачаточные средства, поскольку иногда обстоятельства, подчас драматические, диктуют такую необходимость или подталкивают к их использованию. Он настаивал, что любому банку, и в частности Банку Ватикана, всегда надо помнить о целях этического порядка, служить инструментом поддержки малоимущих классов (почти через двадцать лет после его смерти, в 2006 году, бенгальскому экономисту Мухаммеду Юнусу будет вручена Нобелевская премия мира за реализацию идеи, не столь далекой от папской: микрокредит — система небольших займов для предпринимателей, слишком несостоятельных, чтобы получить кредит у нормальных банков). Папа Лучани был почти революционером, он просто не мог пробыть на троне долго, будучи окружен

курией, находясь под давлением обстоятельств, ответственности и памяти о предшественниках. Так что ничего удивительного.

Еще одним тревожным сигналом, на сей раз крайне серьезным, стала публикация списка сотни духовных лиц, принадлежащих к масонству, которая появилась спустя пару дней после конклава в журнале «Оссерваторе политико». Автором списка был Мино Пекорелли, убитый через год. Само издание воспринималось читателями преимущественно как инструмент итальянских спецслужб (или их части) для передачи адресных посланий разного рода, не исключая предупреждения и угрозы.

Между тем было известно о связях Пекорелли с Личио Джелли, руководившим подпольной масонской ложей «П-2». Какой тогда смысл был в том, чтобы предать гласности список? А ведь в нем значились, среди прочих, госсекретарь Ватикана (эквивалент председателя Совета министров) Жан Вийо, ватиканский «министр иностранных дел» Агостино Казароли, викарий Рима Уго Полетти, могущественный управляющий Банка Ватикана Поль Марцинкус, заместитель директора «Оссерваторе Романо» дон Вирджилио Леви, директор Радио Ватикана Роберто Туччи.

Альбино Лучани, должно быть, ощущал, что он окружен и загнан в ловушку. Секретный ассоциативный пакт, который, как поговаривали, связывал воедино всех этих людей, был призывом папе Иоанну Павлу I к осторожности, приглашением внимательно следить за поступками, не делать резких движений, не мутить во́ды, давно стоячие, не нарушать хрупкое равновесие выгод и интересов. Одним словом, если опубликованный список перевести на язык бытовых повседневных бесед, то он, казалось, говорил: ну же, Ваше Святейшество, будьте спокойнее, осмотрительнее, а лучше бросьте совсем это дело!

Таковы предпосылки, заставляющие подозревать, что внезапная кончина Альбино Лучани была насильственной. Гипотеза, облегчаемая (опять!) многочисленными нестыковками и непоследовательностью в реконструкции и трактовке фактов. Время смерти сперва было зафиксировано в 23 часа, а позже смещено почти на утро — в 04:45. Обнаружение тела приписывалось папскому секретарю Джону Мэги, однако днем ранее было заявлено, что ужасное открытие сделано преданной понтифику монахиней сестрой Винченцей Таффарел. Третий слух, циркулировавший весьма настойчиво, выдавал за несомненный факт то, что первым в комнату вошел не кто иной, как Жан Вийо. Шептались, что в момент кончины руки понтифика сжимали (по порядку) книгу «Имитация Христа» Томаса де Кемписа, несколько

листочков с заметками, лист назначений, которые следовало сделать назавтра, и черновик речи. Естественно, из его спальни незамедлительно были убраны все личные вещи: очки, тапочки, записи, медицинская смесь — лекарство от пониженного кровяного давления.

Достаточно ли этих элементов, чтобы выстроить модель убийства? Или по меньшей мере выдвинуть такое предположение? В этом уверен английский писатель, специалист по расследованиям Дэвид Яллоп, много занимавшийся Ватиканом и написавший на тему смерти папы Лучани книгу, пронизанную обличительным пафосом, — *«Во имя Господа».* Стоит отметить, что этот опыт оказался успешным, поскольку книга разошлась по миру тиражом шесть миллионов экземпляров. Что же утверждает Яллоп? Папа Лучани затронул два чрезвычайно опасных вопроса: один — доктринальный, другой — совершенно практического свойства.

Первый был связан с откровенной враждебностью церкви к любому типу контрацепции, что хотел подвергнуть сомнению Иоанн Павел I. По мнению ряда сановников курии, в том числе госсекретаря Вийо, любые инновации в этой области означали предательство твердой линии, проводимой папой Павлом VI в его энциклике от июля 1968 года *Humanae vitae («Человеческие жизни»).*

Другой аргумент более обязывающий, нормативного порядка: финансовое управление маленьким государством, в частности функционирование такого банка, как ИОР (Банк Ватикана), с его транзакциями, денежными и безналичными потоками, его спорной клиентурой, стратегическими целями, в большинстве случаев не связанными с религиозными проектами. Как станет яснее из главы, посвященной непосредственно ИОРу, никогда не было понятно, использовался ли глава банка монсеньор Марцинкус своим окружением, или же, наоборот, именно он исподволь добивался максимальной отдачи от обширной сети своих знакомств в Италии, Европе и США. За несколько дней до смерти Иоанна Павла I в прессу просочилась весть о том, что папа пожелал провести отчуждение большей части финансовых средств Ватикана, чтобы направить их на возведение домов и школ в тех частях мира, где это было наиболее необходимо. То есть в странах, где нищета выглядела абсолютно оскорбительной в сравнении с нередкими случаями бесстыдного изобилия и вызывающей роскоши Запада.

В общем, казалось, папа Лучани вознамерился вернуть церковь к истокам бедности и смирения. Сама мысль об этом для многих была неприемлемой, к тому же это повлекло бы за собой удаление от дел некоторых влиятельных

членов курии. Хроника той эпохи передает сплетни о сильнейших разногласиях папы с госсекретарем Вийо, вылившихся в неприкрытый конфликт.

Перед лицом такой неожиданной смерти было бы правильно развеять все подозрения, проведя вскрытие тела. Но такое предложение было отклонено. Необъяснимый отказ в аутопсии возбудил еще больше враждебных подозрений среди тех, кто строил догадки о насильственной причине смерти понтифика. Ситуацию обострила еще одна деталь. Официальный бюллетень объявил, что смерть последовала в результате острого инфаркта миокарда. Разумная версия, принимая во внимание, что инфаркт может поразить и внешне здорового человека. Однако этому противоречит тот факт, что на лице мертвого папы не были заметны следы страданий, которые неизбежно спровоцировал бы сердечный приступ. Из этого вкупе с прочими обстоятельствами английский писатель Яллоп вывел свою гипотезу: смерть вызвана сердечным приступом, но привело к нему действие яда. Столкнувшись с такой вереницей слухов, воспроизведенных крупнейшими мировыми СМИ, было бы логично на месте церкви более подробно изучить причины трагедии, прояснить их и предать огласке. Однако, как и всегда, Святой престол избрал путь тревожного молчания.

Оставим Ватикан с его тайнами и переместимся из соображений аналогии, которые скоро объясним, к одному из чудес Рима — базилике Сан-Паоло-фуори-ле-Мура.

Летними вечерами на закате мозаика фасада вспыхивает в косых лучах солнца, ненадолго задерживающегося на горизонте. В такие мгновения базилика Сан-Паоло излучает удивительное сияние и блеск: в ее глубине становится видна фигура благословляющего Христа между святыми Петром и Павлом; чуть ниже Агнец Божий и почтенные стены Рима на заднем плане; на ближайшем к земле ленточном карнизе четыре античных пророка обрамляют три окна, как бы скрепляя связь между Библией евреев и Новым Заветом христиан.

Многовековой истории этой базилики с лихвой хватило бы, чтобы заполнить все страницы нашей книги. Построенная, согласно легенде, на том месте, где был погребен после обезглавливания Павел из Тарса, освященная в 324 году папой Сильвестром I, перестроенная и переосвященная в 390 году, превратившаяся в эпоху Средневековья в центр небольшого феодального района, возникшего вокруг крепостных стен и обитаемого вплоть до 1348 года, когда в результате землетрясения обрушились колокольня и часть прилегающих к ней ветхих сооружений… Впоследствии была вновь

декорирована и отреставрирована, пока в середине июля 1823 года ужасающий пожар практически полностью не уничтожил ее. За пару дней до того царствующий понтифик Пий VII (папа Кьярамонти) сломал ногу. Незначительный инцидент, однако из-за тогдашнего слабого развития медицины это оказалось неизлечимым. Агония папы была длительной и мучительной. Когда загорелась базилика, ему ничего не сообщили, чтобы лишний раз не тревожить. Он умер месяц спустя, в августе, а посмертным утешением ему стало захоронение в изумительном мавзолее, созданном датским скульптором Бертелем Торвальдсеном.

Вновь с похвальным упрямством реконструированная, Сан-Паоло не таит в своих стенах такого же изобилия предметов искусства, как иные базилики, к примеру Санта-Мария-Маджоре или Сан-Джованни. Но она имеет особую ауру; вольно или нет, но все переделки XIX века приводят к двойному синтезу. Мы входим в эту церковь и оказываемся между суровой строгостью раннего христианства и пышным католицизмом Отточенто (XIX в.); между Западом и Востоком, европейским континентом и родной землей еврея Шауля из Тарса; Римом как городом Европы и окраинным ответвлением Ближнего Востока, расположенным вдоль «дороги Солнца». Четверной портик, встречающий каждого посетителя, в этом смысле очень эмблематичен. Ослепительная мозаика заднего фасада, гигантская статуя Святого Павла в центре (в руках он сжимает свои символы: книгу и меч), пальмы, гранитные колонны, вздымающиеся тройным рядом на десятиметровую высоту, — базилика одновременно величественная и по-домашнему семейная, очень римская и экзотическая.

И еще. В ее стенах нас ждут великолепная дароносица XIII века, выплавленный для пасхальной свечи канделябр, огромное мозаичное панно абсиды со стилизованными изображениями, позволяющими перенестись в переходную эпоху медленного оформления новой «христианской» религии. Помпезный трансепт, богато изукрашенные книги и свитки, потолок с вырезанными на нем папскими гербами и вензелями, темно-лиловые пилястры, которые разделяют между собой стены, два алтаря, покрытые малахитом и ляпис-лазурью (дар российского царя Николая I), — роскошь, трубящая о королевском статусе понтификата, унаследовавшего славу имперского Рима.

Можно попытаться вообразить самую первую базилику, оригинальную по форме и положению, в то время когда это место было еще затерянным в полях, в двух- или трехкилометровом отдалении от пояса городских стен,

на голой равнине, окаймляющей берега одного из изгибов Тибра, где воды текут медленно и лениво. Река, море, империя, провинции, беспокойная земля Палестины со своими экстравагантными пророками и духовидцами, несгибаемая вера в единого Бога. Так все начиналось. Нужно помнить и о человеке, в честь которого возведена эта церковь. С его образом посетитель сталкивается при входе и затем еще множество раз внутри, в скульптуре и живописи, а фрагменты его гробницы и то, что сохранилось от тела с отрубленной головой, находятся под алтарем, в крипте, тут и там выходящей на поверхность пола густой латунной решеткой.

Кем был на самом деле Павел из Тарса, святой Павел католической церкви, Савл или Шауль, если вспомнить его настоящее еврейское имя? Кем он был вне рамок агиографии, вне своих бесспорных способностей и во многом революционной деятельности, благодаря которой он, последним вступивший в узкий круг ранних христиан, стал первым среди всех? Он оказался самым активным? Он был человеком, справедливо прозванным «апостолом язычников», который сумел распространить проповедь Иисуса за пределы иудейских общин? Человеком, которого без обиняков считают «истинным основателем христианства»?

Шауль родился в Тарсе, в Киликии, между 5 и 10 годами н. э., в семье эллинизированных фарисеев; его отец получил римское гражданство. Сам апостол пишет: «Я тоже еврей, потомок Абрама из племени Беньямина». Отучившись в Иерусалиме при школе Гамалиеля, он отправляется в Дамаск по поручению — в том изложении фактов, что мы имеем, — первосвященника, который поручил ему восстановить порядок в одной из общин, потрясенной явлением Иисуса как Мессии и стихийным обращением людей в новую веру. По другой и, вероятно, более обоснованной версии, путешествие в Дамаск было его личной инициативой.

Сосредоточимся на первом из озвученных вариантов. Деликатность миссии позволяет понять, что первосвященник распознал в юноше особые дарования. Задача и правда сводились к тому, чтобы отыскать выход из кризиса; сегодня мы сказали бы, что потребовалось найти разумный баланс между методами полицейских репрессий и призывами к более ортодоксальной линии поведения. С молодых лет Павел зарекомендовал себя мотивированным и целеустремленным человеком, наделенным недюжинной энергией, четким осознанием целей, а также необходимыми пылом и усердием для их достижения. Он предстал на сцене гонителем приверженцев Христа, утвердил избиение камнями святого Стефана и сам при

этом присутствовал. Возможно, его изображают более жестоким, чем он был в реальности. Однако зерно истины здесь есть, возьмем хотя бы его несгибаемый волюнтаризм.

Итак, Шауль уезжает, и в пути у него происходит видение, болезненно расколовшее надвое его собственную жизнь и оставшееся одним из самых поразительных эпизодов истории протохристианства. «Внезапно окутал его свет небесный, и, упав на землю, услыхал он глас вопрошающий: “Савл, Савл, почто преследуешь ты меня?” Тот в ответ: “Кто ты, о Господин мой?” Голос: “Я есмь Иисус, которого гонишь ты. Поднимись и войди в город, и будет сказано тебе то, что надлежит тебе делать”».

Сияние ослепило его, и прозрел он только тогда, когда ученик Христа по имени Анания возложил на него руки и вернул утраченную способность видеть. Так уже позднее Савл или Павел повествует о событиях, хотя и не исключается, что «видение» и слепота были последствием эпилептического припадка. Стоит отметить, что рассказ об этом обращении по дороге в Дамаск, три раза приведенный в *Деяниях Апостолов*, в письмах самого Павла едва затронут.

Поскольку он прибывает в Дамаск в облачении вероятного преследователя, новоиспеченные «братья», конечно же, не доверяют ему и направляют в Тарс, где в течение нескольких лет он обучается и медитирует. Между тем прочие христиане, в числе которых мы видим Петра, успешно проповедуют в разных регионах страны. В этот период именно Петр совершает отважный поступок, приняв приглашение на обед от римского центуриона по имени Корнелий. Для ревностного иудея сидеть за одним столом с *гоем* означало вкушать некошерную, то есть религиозно нечистую, пищу. Но у Петра было виде́ние, в котором Господь собственной персоной уполномочил его нарушить Моисеев завет о еде. Интерпретировав событие в расширительном смысле, Петр делает вывод о божественном дозволении посещать отныне и язычников.

Этот эпизод, упомянутый в *Деяниях Апостолов,* предоставляет Петру нечто вроде первенства в проповеди учения вне замкнутого еврейского пространства. И все же данную ситуацию можно трактовать как «прецедент», который ему приписали, чтобы легитимизировать задним числом слишком энергичные действия Павла, совершенные им впоследствии. Среди ученых оживленные дискуссии по этому вопросу ведутся много лет, и поставить окончательную точку не так легко. Но что определенно ясно, так это острота распри, возникшей между евреями, желавшими хранить верность наставлениям Моисея, и теми, кто с благосклонностью принимал новое течение как альтернативу, в русле которой Павел обещал манящее облегчение

предписаний по части пищи, и прежде всего отмену обрезания, провозглашенного необязательным для перешедших в христианство язычников.

Павел был наделен большой физической силой, высоким уровнем интеллекта и темпераментом холерика, он был вспыльчивым и раздражительным; естественно, комбинация таких качеств только ожесточила спор, который касался важной дилеммы — что именно требовалось от человека для спасения души: соблюдение Моисеева закона или вера в Иисуса Христа? Очевидно, что Петр был согласен с ним относительно превалирования веры над послушанием. Однако, несмотря на это, он уступил, скорее всего, давлению какого-то иудеохристианина и опять стал придерживаться старых правил.

В *Послании к Галатам* мы видим, что Павел приступает к делу с убежденностью и решительностью. Отдавая себе отчет в том, что многие намеренно искажали его проповеди, подталкиваемые теми, кто «сеет смятение и жаждет извратить евангельскую весть Христа», он в ярости пишет: «Но если бы даже мы или Ангел с неба благовествовал вам вопреки тому, что мы благовествовали вам, — да будет анафема. Как мы прежде сказали, и теперь я снова говорю: если кто вам благовествует вопреки тому, что вы приняли, — да будет анафема» (I, 8–9). Откуда в нем возникла подобная уверенность в своей правоте, он сообщает тут же: «Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа» (I, 11).

Пусть Павел и не говорит об этом открыто, но намекает и ясно дает понять, что Петр не соблюдает иерусалимское соглашение, согласно которому именно ему предоставлялось исключительное право обращать необрезанных язычников-римлян.

Апостол требует признания своего главенства. Он вещает: обратите внимание, я и только я, а не другие, самый преданный толкователь Иисуса. Исследователи акцентируют внимание на том факте, что после ассамблеи в Иерусалиме и горячей ссоры, последовавшей за ней, Петр исчезает из *Деяний*. Оставшийся текст почти целиком сосредотачивается на Павле.

Одной парой фраз у нас, конечно, не получится резюмировать сложную доктрину Павла, породившую несметное количество комментариев и интерпретаций. Чтобы сориентировать читателя, упомяну о нескольких пунктах. Павел развивает теорию, согласно которой Иисус Христос должен был умереть и потом воскреснуть, принеся спасение как иудеям, так и язычникам-римлянам. Он превозносит культ Воскресения и считает важнейшим актом человека обязанность хранить память о Страстях Христовых.

В *Первом Послании к Коринфянам* апостол пишет: «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, то есть мертвые не воскресают; ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес» (XV, 13–16). Нужно обладать поистине поразительной необъятностью веры, чтобы считать правдоподобными такие слова, явно противоречащие повседневному опыту, который учит воспринимать смерть как путешествие без возврата.

Чтобы добиться вожделенного результата, Павел вынужден провести еще одну операцию доктринального свойства: деполитизировать фигуру Иисуса, заменить пророка, проповедовавшего только «заблудшим овцам Израиля», предвестником всеобщего спасения. Так, «освободитель» (liberatore) земли израильской становится «спасителем» (redentore) человечества. Распространив свое послание на язычников, основав его на вере в Спасителя, а не на соблюдении Пятикнижия, то есть Закона («Никогда не сможет кто-либо оправдаться перед Богом Пятикнижием»), он переводит учение Христа во вселенское измерение, оглашает Слово Господне всем людям на земле, превращая новую веру в *katholike* — универсальную.

Это больше не религия одного избранного народа; отныне навсегда упразднены узы, навязывающие каждому новорожденному вероисповедание отцов и предков, и теперь выбор конфессии зависит от самосознания и души индивида. Веры достаточно, чтобы спастись. Возможно, не стоит поддерживать разделяемое рядом ученых убеждение в том, что Павел — истинный основатель христианства. Но безусловно, именно он придает новой вере доселе неизведанный масштаб и закладывает предпосылки ее дальнейшей трансформации в религиозную систему.

Какое отношение может иметь Альбино Лучани, умерший после тридцати трех дней понтификата, к базилике в честь Павла из Тарса? Связь тут скорее косвенная, но от этого не менее значимая. Как раз в этой базилике когда-то под давлением Ватикана вынужден был отречься от своих взглядов и уйти с кафедры молодой аббат, воспринимавший «церковь как демократическую ячейку общества, обращенную к социальной проблематике» и обвиненный в «регулярном непослушании». Аббата звали Джованни Баттиста Францони, он был одним из многих представителей той самой «безгласной церкви», всегда сопутствовавшей истории католицизма. Миноритарная церковь, церковь меньшинства, иногда встречала терпимое к себе отношение, но чаще

всего блокировалась ватиканской иерархией; ей никогда не удавалось одержать верх, и лишь с Альбино Лучани на короткий промежуток она смогла пробраться на престол Святого Петра.

Пьер Паоло Пазолини в своих *«Корсарских записках»* от 1975 года утверждал, что «церковь не может не быть реакционной: она не что иное, как часть власти; ей не остается ничего иного, кроме как принять авторитарные и формальные правила человеческого сосуществования». Или же, как написал 9 февраля 2007 года в газете «Ла Репубблика» католический историк Пьетро Скоппола, «есть народная религиозность, которая, пусть порой и в форме суеверия, консервирует глубинные запасы человечности и солидарности. Перед нами любопытный феномен добровольной позиции христианского образца, абсолютно чуждый в плане культуры и практики любой тенденции к гегемонии. Есть нравственные резервы и культурные учреждения, незаметные и подспудные, но прочно укорененные в социальной ткани и всегда распахнутые к диалогу и сотрудничеству… здесь уже церковь “молчания”, страдающая от некой официальной эмаргинации, которой она подвержена, однако в ней и есть искомый источник альтернативного пути».

Все знают, кто был идеалом этой самой церкви «молчания»: Франциск Ассизский, поборник мистического христианства, чьи «подрывные» убеждения оппонировали религии, понимаемой как институт. Франциск взбунтовался против отца, отказался от состояния, чтобы посвятить себя Богу и стать слугой самых обездоленных на земле. «Святой революционер», как уже упомянуто, вызывал подозрения в Риме. Его орден в XIII веке интегрировался в широкое движение пауперизма*, осуждавшее коррупцию в рядах духовных лиц, вовлеченных в кровавые схватки за инвеституры и прочие материальные блага.

Франциск был первым, но не последним голосом-выразителем мистического христианства. Несколько лет спустя после его смерти (1226 год) другой францисканец, Якопоне да Тоди, создал самый прекрасный гимн-секвенцию Мадонне: *Stabat Mater* («Скорбящая Мать»). Он примкнул к ордену в 1278 году в качестве брата-послушника, выбрав для себя ригористичное течение спиритуалов, или братьев-миноритов (fraticelli), в противоположность доминирующей фракции конвентуалов. Эти последние, опираясь на поддержку папы Бонифация VIII, пытались смягчить строгость францисканского устава. Бросая вызов законно установленной власти и отстаивая истинный дух францисканства, Якопоне отказался признать

* Нищенствующие монашеские ордена, ассоциации и тому подобное.

легитимность избрания этого понтифика, за что сперва был отлучен от церкви, потом приговорен к пожизненному тюремному заключению и брошен в темницу монастыря Сан-Фортунато в Тоди. На свободу он вышел только после смерти Бонифация в 1303 году.

Не избежал мести церкви и другой защитник идеалов пауперизма, еретик-монтаньяр (из горных районов Пьемонта), пропагандировавший равенство, бедность, избавление женщин от гнета, восстание против притеснений со стороны феодалов и церковного клира. Даже сегодня его имя порой всплывает в перепалках соперничающих пьемонтских движений. От Ивреи до Вальсезии на стенах иногда встречаются граффити: «Дольчин жив».

В 1291 году фра Дольчин Торниелли из города Новары присоединился к апостоликам («апостольским братьям», одной из расцветших в тот период нищенствующих сект), ведомым Герардо Сегарелли. Это движение было подавлено церковью как еретическое, а сам Сегарелли сожжен на костре 18 июля 1300 года. Тогда руководство и принял на себя фра Дольчин. Проповедуя в окрестностях Тренто, он познакомился с юной Маргеритой Буонинсенья — красивейшей девушкой, как сообщают хронисты, — которая стала ему подругой и сопровождала его повсюду.

В 1304 году апостолики бежали в Вальсезию, где тогда назревал мятеж против бесчинств ленников; сторонники Дольчина объединились с восставшими, но против них была брошена внушительная армия епископов Новары и Верчелли. Дольчинианцы, измотанные осадой и нехваткой продовольствия, сопротивлялись отчаянно, но в итоге были разбиты и взяты в плен в Святую неделю* 1307 года. Почти все захваченные пленники были казнены; фра Дольчин после краткого и поспешного судебного процесса был приговорен к смерти. Его провезли на телеге по улицам Верчелли, подвергая пыткам, раскаленными щипцами оторвали нос и пенис. Он вынес эти муки, не крича и не жалуясь. Потом его привязали к столбу и живьем сожгли на берегу реки Сезия.

Имя Дольчина стало легендарным. В 1907 году, в ознаменование шестисотой годовщины его страшной смерти, на вершине горы Массаро был воздвигнут двенадцатиметровый обелиск, на открытии которого присутствовали около десяти тысяч человек, преимущественно рабочие. В 1927 году, в начале фашистской эры, бригады чернорубашечников расстреляли его из орудий. Должно было пройти еще пятьдесят лет, чтобы в 1974 году чуть меньший по размеру монумент вернулся на прежнее место.

---

* Страстная предпасхальная неделя. *Прим. ред.*

Итак, францисканство и его нищенствующие ответвления были усмирены Ватиканом; их революционный заряд сломлен силовыми методами. И все же антагонистическое, миноритарное течение католицизма полностью не исчезло. Католическое диссидентство столетиями существовало автономно и подпольно, развиваясь параллельно с ростом власти Рима. «Католики из катакомб» никогда не пропадали насовсем, пусть веками их присутствие и не было столь очевидным, ведь они жили в ожидании менее враждебных времен. Только в XX веке эта церковь обездоленных возродилась с новой силой, во многом благодаря Второму Ватиканскому собору.

Однако этому предшествовало появление дона Милани со своими постулатами («Послушание не есть более добродетель») и утверждениями («Я требую права сказать, что и бедняки могут и должны бороться с богачами»). Его зачислили в категорию так называемых католико-коммунистов и судили за апологию преступления (он отстаивал сознательный отказ от несения воинской службы). Он умер прежде, чем был вынесен вердикт.

Второй Ватиканский собор (1962–1965) открыл новый период в истории церкви. Это был реванш прогрессистов, выразивший необходимость отказа от вековых авторитарных традиций. В Латинской Америке многие приходские священники, последователи теологии освобождения, симпатизировали марксистской борьбе. В Европе возникли координирующие организации «священников-рабочих». В Италии расцвели низовые христианские приходы. В рамках этого разнородного и разностороннего движения функционировала община Сан-Паоло, сложившаяся в конце шестидесятых годов; предстоятелем ее и стал дон Джованни Баттиста Францони.

Пьер Паоло Пазолини писал о нем в 1974 году: «Ни одна проповедь дона Францони не обходится без того, чтобы, почерпнув условный тезис из Евангелия или Посланий апостола Павла, не обрушиться неумолимо на власть».

Его точка зрения против конкордата и войны во Вьетнаме, как и солидарность с участниками стачек и забастовок рабочих в 1969 году, обеспечила дону Францони неприкрытую враждебность Ватикана. Мало того: в июне 1973 года своим пастырским посланием «Земля Господа» он разоблачает тайный сговор ватиканских кругов со строительными спекулянтами в Риме. Немного погодя он складывает с себя полномочия аббата, но многие верующие не покидают его, прокладывая тем самым собственную дорогу к Богу — так рождается церковная община.

В 1974 году дон Францони заявляет, что выступает за свободное голосование католиков на референдуме по вопросу разводов. Большинством голосов

(около 60 процентов) это право граждан было подтверждено. 27 апреля дон Амброджо Порку, прокуратор бенедиктинцев, уведомляет дона Францони о временном отстранении от должности *a divinis, latae sententiae* (божественной волей заранее вынесенное решение; терминология канонического права). Тот, в свою очередь, называет наказание незаконным; двести священников подписывают воззвание в его поддержку, генеральные викарии некоторых диоцезов тоже отправляют письма солидарности с опальным священником. Но на следующий день кардинал Уго Полетти выражает «полное согласие» с этим решением, — дон Францони смещен.

По случаю электоральной кампании 1976 года экс-аббат заявляет о намерении голосовать за компартию Италии. 2 августа того же года его официально лишают духовного сана — он становится мирянином, причем в специальном декрете кардинал Полетти мотивирует это тем «сильнейшим волнением, которое поведение дона Францони спровоцировало и продолжает вызывать в католической пастве»; его «повторяющимися актами неповиновения», а также отказом в течение двух лет после отстранения *a divinis* продемонстрировать «знаки искреннего раскаяния».

Ответ Францони лаконичен и сух: «В лоне церкви нас оттеснили на задний план, изгнали и подвергли подозрениям; мы вернемся туда во всей полноте должностей, титулов и полномочий, лишь когда церковь перестанет навязывать нам политический выбор, диктуя отказ от наших идей… Мы вновь станем частью церкви, мы одни, преследуемые священники, но приведем с собой товарищей, повстречавшихся за эти годы в битвах на фабриках и полях, в квартальных стычках и акциях солидарности с народами третьего мира. И когда в церкви мы сможем быть все вместе, во весь голос провозглашая наши политические взгляды, тогда и на нашей улице будет праздник».

В феврале 2007 года «настойчивый интервентизм итальянской Епископальной конференции», возглавляемой кардиналом Камилло Руини и ориентированной на противодействие проекту закона о правах сожительствующих вне брака пар (Dico) подтолкнул общину Сан-Паоло вмешаться в ситуацию и опубликовать открытое письмо к итальянской католической церкви (Possumus, Lettera aperta alla Chiesa cattolica italiana), «оппозиционное той линии, что проводится католической иерархией»: «Мы убеждены, что ни одна церковь или религия не могут указывать гражданам и парламенту верную интерпретацию естественного закона. Впрочем, в таком русле римская церковь уже не раз противоречила самой себе в ходе исторического развития и может совершить эту ошибку сегодня. Ее миссия, плечом к плечу с церквами-сестрами, — возвещать

Евангелие Христово… Будучи благочестивыми католиками и по соображениям теологического свойства, мы объявляем о нашем откровенном несогласии с позицией, занятой Епископальной конференцией, которая, по нашему мнению, далека от евангельских принципов».

Твердое сопротивление официальной политике церкви не изолировало общину Сан-Паоло. Напротив, противодействие наставлениям Ватикана в сфере брачных отношений фактически сплотило вокруг нее все базовые христианские ячейки. 20 марта 2007 года национальный секретариат христианских общин издает документ, который стоит прочесть хотя бы частично:

Долгие годы мы, как и многие другие, брали на себя обязательство отождествиться с человеческим шлаком, рыться на свалке человеческих отходов, произведенных «городом обычных семей». И там мы нашли зачатых на стороне и брошенных детей; несовершеннолетних матерей, демонизированных общественным мнением и погрузившихся в черную пучину одиночества; инвалидов, от которых все отвернулись; заключенных без родных и близких; гомосексуалистов без надежды на лучшее; пары, которым отказано в достоинстве только потому, что они не вписываются в общепринятую норму; детей, над которыми измываются их собственные родители; женщин, насилуемых за ширмой супружеского долга. Сегодняшние девочки-матери сами шествуют с гордо поднятой головой к повивальным бабкам или отказываются от детей ради чести семьи, их уже не принуждают к этому ни родители, ни священники на исповеди. Неполноценные люди перестали быть позором семьи, их больше не скрывают в училищах или приютах только потому, что на них будто бы отпечатался знак какого-то греха. Геи при свете дня проживают свою жизнь, а молодежи больше нет нужды лицемерно утаивать отношения друг с другом. И скрытое насилие в семье все чаще выходит на поверхность. Необходимо опять раскрыть пути к всепланетарной открытости семьи, насыщенной евангельской историей, к опыту молодых поколений и новых социальных организмов, не замалчивая пределы, издержки и опасности любой устремленности к новому, но отвергая любую демонизацию этого процесса, ибо мы полагаем, что в подобной открытости и содержится залог спасения человеческой семьи и института брака.

У низовых ячеек есть и другой видный глашатай — дон Энцо Мацци, основавший общину Изолотто в одном из кварталов на юго-западной периферии Флоренции. Этот квартал возник в ноябре 1954 года, когда в ходе

реализации государственной программы расселения очередников первая тысяча ключей от квартир была вручена жителям вновь спроектированного города-сателлита тосканской столицы: в нем были народные дома, необходимая инфраструктура, церквушка и приход. Именно здесь в конце 60-х годов и сложилась община дона Мацци. «Беспрекословное подчинение католической иерархии означает почти всегда игнорирование глубинных, истинно евангелических требований народных масс», — провозгласил он.

Под этим призывом подписывается еще один «неудобный» священник — дон Франко Барберо, учредитель базового христианского сообщества в Пинероло, что в Пьемонте. 25 января 2003 года «падре, благословляющий гомосексуальные пары», лишен духовного статуса распоряжением Конгрегации доктрины веры, тогдашним префектом-председателем которой был кардинал Йозеф Ратцингер. Неудовольствие Римской церкви вызвали не только свершаемые им бракосочетания среди людей нетрадиционной сексуальной ориентации, но и его сочинения (более двадцати христологических текстов), в которых дон Франко утверждает, в частности, что догмат о непогрешимости папы — это не более чем идеологический постулат, не имеющий соответствующего подтверждения в Библии; лишение женщин допуска к священнослужению — это плод мачизма и сексистских воззрений Ватикана; непорочное рождение Иисуса у Марии — это легендарное измышление, поскольку у Христа были братья и сестры из плоти и крови; целибат есть поразительный выбор, но решение о нем не может быть навязано автоматически; у гетеро- и гомосексуалистов должны быть равные права и возможности.

Сегодня около пяти миллионов итальянцев (12 процентов взрослого населения) вовлечены в обширную сеть католических ассоциаций. Целая армия верующих, периодически несогласная с официальной позицией церкви, наделенная чувством единения, принадлежности к определенному кругу и самостоятельностью, если не сказать критичностью, взглядов по отношению к Ватикану. Pax Christi («Мир Христа»), «Мы есть Церковь», «Белая Роза» — вот лишь несколько примеров прогрессистских католических объединений, требующих церковного обновления. Движения различной природы, варьирующиеся по числу приверженцев и организации, — все они тем не менее сильно мотивированы на теологическом и социальном уровнях.

Другой достойный внимания пример — это, вероятно, Читтаделла, комплекс зданий в самом сердце Ассизи, задуманный как «перекресток и пространство праздничного общения, лаборатория слияния различий, образец твердого убеждения в том, что любая культура и любая религия —

носительницы аутентичных ценностей». Духовные и светские лица Читтаделлы заняты тем, что стимулируют рефлексию и молитвенное созерцание, творческий диалог и диспуты со свидетелями века, нашими современниками: художниками, режиссерами, учеными, теологами, психологами, философами — всеми, кто отстаивает честь и достоинство человека.

В сентябре 1961 года Пазолини, принимавший участие в одном из этих собраний, был приглашен погостить там пару дней. В своей комнате он, как и все посетители, обнаружил экземпляр Евангелия. Поначалу Пазолини заподозрил в этом хитроумную провокацию дона Росси и его волонтеров, пусть даже он и приехал в Ассизи для того, чтобы обсудить фильм об Иисусе. Название его будущей киноленты — «Евангелие от Матфея» — пришло в голову Пазолини как раз в эти часы. В *«Правилах иллюзии»* режиссер вспоминал:

> *Инстинктивно я протянул руку к ночному столику и взял лежавшее на нем издание всех четырех Евангелий, эта книга была в каждом номере. Само собой, я принялся читать с самого начала, то есть с Евангелия от Матфея. С первой до последней страницы я не мог оторваться, очень хорошо это помню; с радостью я укрылся в них от грохота и криков ликующего за окном города. В итоге, вернув книгу на прежнее место, я обнаружил, что не успели утихнуть гуляния и смолкнуть колокола в честь отъезда странствующего папы [папа Ронкалли находился там тогда с визитом], а я уже прочел целиком тот суровый, но нежный и хрупкий, такой иудейский по характеру и яростный текст апостола Матфея. Идея фильма на евангельские сюжеты не раз у меня возникала, но окончательно она оформилась в тот день, в те мгновения.*

Эта «церковь пограничья», близкая сирым и убогим, открытая дискуссиям и далекая от власти Римской курии, нашла незаурядного представителя в лице дона Луиджи Чиотти, священника, рукоположенного в 1972 году кардиналом Микеле Пеллегрино, поручившим ему в качестве епархии улицы городов и селений. Точкой отсчета общественной деятельности дона Чиотти стал 1966 год, когда была создана «Группа Авеля», помогавшая заключенным тюрем для несовершеннолетних преступников и жертвам наркотической зависимости. В 1982 году дон Чиотти способствует образованию CNCA (Coordinamento nazionale delle comunita’ di accoglienza) — структуры, объединяющей 260 благотворительных и правозащитных организаций, которые действуют во всех социально неблагополучных сферах, борются против любых видов

эмаргинации и маргинализации, строго придерживаясь принципа «светскости и плюрализма». В 1995 году он основывает сеть ассоциаций Libera (букв. «Свободная»), призванных бороться с мафией и распределяющих на благо общества конфискованное у боссов преступного мира имущество. Но даже ему не удалось избежать трений с государственными органами и церковью. Почему? «Потому что до тех пор, пока ты помогаешь попавшим в переплет, ты молодец, — признался он Марко Полити, автору книги *“Возвращение Бога”*. — Однако стоит тебе начать задавать вопросы или обличать несправедливость, вот тогда ты и превращаешься в помеху».

Католицизм как христианская конфессия может гордиться богатейшим опытом евангельских инициатив, которые не всем знакомы и проявляются только спорадически. Я ограничился лишь несколькими именами, в реальности их бессчетное множество. От великого теолога (диссидента) Ханса Кюнга до кардинала Карло Мария Мартини, от священников в латиноамериканских фавелах до настоятелей приходов в Южной Италии, противостоящих мафии, каморре и ндрангете.

Даже если папа Альбино Лучани был преданным и послушным слугой церкви, уже первые его поступки и постановления со всей очевидностью показали, к чему склонялась его душа, кто и что вызывали его симпатии и какой была бы направленность его понтификата, если бы обстоятельства (или люди) позволили ему сосредоточиться на своем служении. Возможно, Альбино Лучани был убит, а может, и нет. Так или иначе, несомненно одно: отмеренные ему короткие дни понтификата были мучительным осознанием пропасти, разделявшей Евангелие и должность, всем своим весом обрушившуюся на его плечи. Завершились чествования, и он оказался в полном одиночестве в необъятных покоях Ватикана, окруженный хитросплетениями интересов и интриг курии, не имеющей с ним ничего общего, более того, порой неприкрыто враждебной его намерениям и чистоте веры. Отныне он был замкнут в дворцовых стенах, отделен этим заслоном от надежд, чаяний и стремлений множества христианских общин, ведомых простыми священниками. Архиепископ Генуи Джузеппе Сири в частной беседе поведал, что причину смерти папы Лучани стоит, вероятно, искать в его излишней эмоциональности, в том лихорадочном возбуждении, которое не покидало его ни на минуту со дня избрания на престол.

Можно также предположить, что убила его безотчетная, глубокая скорбь — синдром, в просторечии называемый «разрывом сердца». То, что он был так резко доведен до кульминации ядом, — это не более чем гипотеза, мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть, ни исключить ее.

VI. Соперничество двух гениев

В Риме есть один чудесный перекресток, которым, к несчастью, можно полюбоваться, только рискнув жизнью и здоровьем; во многом именно поэтому его обычно все обходят вниманием. Если бы я сказал, что имею в виду развилку, образуемую пересечением улиц Пиа (букв. Благочестивая) и Феличе (букв. Счастливая), меня поняли бы далеко не все. Современная топонимика позволяет с точностью до миллиметра распознать его положение на карте города: это развязка виа XX Сеттембре и виа делле Кваттро Фонтане. Первую из них римляне издавна называли Альта Семита (Alta Semita), она вьется вдоль хребта холма, ведя от Порта Пиа к Квириналу, где ныне на заднем плане с одной стороны видны чудесные ворота в стилистике Микеланджело, а с другой — прекрасный египетский обелиск и комплекс Диоскуров.

Вторая улица, перпендикулярная первой, тянется от Санта-Мария-Маджоре до Тринита дей Монти; она была проложена, как мы помним, Сикстом V, и фоном для нее тоже стали два обелиска. Впрочем, по чистой случайности перспектива в сторону Порта Пиа не завершается таким же обелиском. И действительно, так случилось, что в 1822 году папа Пий VII задумал установить в районе Пинчо маленький изящный девятиметровый обелиск, с незапамятных времен лежавший плашмя в ватиканском дворике Пинья. Однако аббат Канчелльери давно уговаривал папу расположить его на крепостной башне Порта Пиа таким образом, чтобы, стоя на указанном перекрестке, можно было одновременно восхищаться всеми четырьмя обелисками. В конце концов, точка зрения понтифика возобладала и этот обелиск воздвигнут на небольшой площади в саду Пинчо рядом с виллой Казина Валадьер. Монумент был создан по приказу императора Адриана в память о его погибшем любовнике Антиное, что всегда навевало при взгляде на него легкую грусть. А Элий Спартиан* уверяет, что после получения

---

* Элий Спартиан. Властелины Рима. Жизнеописания цезарей. *Прим. ред.*

известия о смерти красивого юноши, утонувшего в Ниле, Адриан «рыдал, словно какая-то бабенка».

Печально, что нет возможности без спешки остановиться посреди этой развилки: днем и ночью здесь непрерывное движение и транспортный хаос. Все четыре луча достойны самого пристального изучения как минимум по причине событий, составивших вековую историю этих мест. Менее поразительны фонтаны, которые все тот же папа Сикст повелел воздвигнуть в четырех углах, чтобы визуально сгладить их, но скромная облицовка этих фонтанов не идет ни в какое сравнение со многими иными, бесподобными внешне, что существуют в Риме. Если же ненадолго замереть на тротуаре, то удастся провернуть менее рискованную, но заслуживающую того операцию. Нужно зафиксировать взгляд на фасаде церкви Сан-Карло алле Куаттро Фонтане, ласково называемой — и отнюдь не только из-за своих скромных размеров — Сан-Карлино. Это один из шедевров Франческо Борромини, который спроектировал ее в 1634 году для испанского ордена босоногих тринитариев (trinitari scalzi), нищенствующего монашеского братства со строгим уставом. Как известно, их главной целью был сбор денежных средств на выкуп попавших в плен к «туркам»* христиан.

Борромини важен для Рима, и его значение было бы еще более заметным, доведись ему жить и творить в другую эпоху или в ином городе. Но в папской столице его подавляло мощное, всепроникающее присутствие гениального Джан Лоренцо Бернини. Вышло так, что этим великим мастерам своего дела приходилось работать бок о бок друг с другом (а нередко вопреки и в противовес), оставив последующим поколениям возможность сравнить два различных видения религиозности, в обоих случаях родившейся под сенью Ватикана и под знаком кошмарных лет Контрреформации. Бернини был обращен к миру и старался охватить своим гением всю Вселенную; напротив, Борромини постоянно замыкался в себе, вплоть до своего трагического конца, о котором нам вскоре предстоит узнать.

Бернини использовал свой талант во всех областях, не чураясь и сферы, говоря языком наших дней, «связей с общественностью». В сущности, он всегда делал то, чего хотел сам, но преподносил это как то, что может осчастливить заказчика. Борромини и в этом был полной противоположностью сопернику: он не терпел возражений, демонстрировал несговорчивость

* Под «турками» понимались как собственно подданные Оттоманской Порты, так и арабы, берберы, пираты-мусульмане и все остальные, кто мог представлять угрозу для христиан.

и строптивость, никогда и пальцем не пошевелил, чтобы доставить миру удовольствие, выставляя напоказ свою независимость. И это происходило в ту чудовищную эпоху, которая требовала исключительно повиновения! Зато сегодня каждый человек, посещающий Рим, получает шанс полюбоваться, помимо прочего, двумя бесценными творениями этих архитекторов, которые разделены всего парой сотен метров, — Сан-Карлино Борромини и Сант-Андреа-аль-Квиринале Бернини.

Обратимся для начала к Сан-Карлино. На небольшом участке земли, которым распоряжались церковные власти, тридцатипятилетний Борромини сумел расположить дортуар для двадцати братьев ордена и трапезную, а чуть поодаль — библиотеку, внутренний дворик и, наконец, церковь, включая ее подземную крипту. К работам над монастырским двориком приступили в феврале 1635 года. Через три года был заложен фундамент церкви, строительство которой прерывалось неоднократно, что повлекло за собой значительное отставание в графике, особенно в отношении фасада: он долго будет оставаться «голым», пока архитектор не вернется к нему, будучи уже в весьма почтенном возрасте, но по иронии судьбы к моменту его смерти будет завершен только нижний ярус; задача довести проект до финальной стадии выпадет племяннику Борромини — Бернардо.

Фасад слегка выступает вперед по центру, изгибается по крыльям двумя вогнутыми крыльями и взмывает ввысь заостренной верхушкой позади крошечной колоколенки. Движение линий стремительно, неистово, нет ни одного отрезка, даже самого микроскопического, для которого не были бы спроектированы или предусмотрены ниши, статуи, орнаментальное обрамление, символические детали. По краям входных ворот расположены два овальных окна, под каждым из них — скульптурная голова оленя, рога которого образуют полукруг, куда вписан крест тринитариев. Под оленьими головами видны фестоны в форме гирлянд или венков.

Над главным входом установлены три статуи, инициатором создания которых был Бернардо Борромини. Центральная фигура, изображающая святого Карло Борромео, находится в нише, над которой распахнуты два больших крыла, а чуть ниже мы видим их обладателей — двух ангелов, рядом с которыми — две колонны с капителями смешанного ордера и сложной орнаментальной вязью. Антаблемент* посередине отворяется подвижным

---

* От франц. entablement — верхняя горизонтальная часть сооружения, стены или колонны, составной элемент классической архитектуры ордера. *Прим. ред.*

абрисом балюстрады; далее опять идут ниши, выемки, колонны, панно, скульптурные элементы (пальмовые листья, кресты), оконный проем под своеобразным балдахином, еще два ангелочка, поддерживающие медальон в том месте, где когда-то была фреска Троицы, позднее утерянная. Такое описание фасада, приблизительное и неполное, уже дает представление о том невероятном объеме информации, аллюзий и подсказок, которые мастер разместил на столь ограниченной по размерам поверхности.

Переступив порог церкви, мы оказываемся в эллипсоидном пространстве, где превалируют светлые оттенки, почти белый цвет, перемежаемый золотистым свечением, льющимся из окон, и позолотой алтарных карнизов. Линия стен так же неровна, резка, как и снаружи. Мы видим чередующиеся вогнутые и выпуклые изгибы, колонны и ниши, некоторые с трехлопастным сводом либо покрытием в виде сдвоенной ракушки; а порой они просто украшены отточенными листочками. Везде видны профили, выступы, рамы и лепнина, наклонные плоскости, игра кривых и изогнутых линий. Потолок (точнее, внутренняя полость купола) — сам по себе вершина всего сооружения, с ритмичной мозаикой алебастровых кессонов, намеренно создающих рельефный эффект чересполосицы шести- и восьмиугольников, с непременными вставками из крестов тринитариев. В антрвольтах расположены четыре гипсовых медальона.

В проеме стен архитектор выкроил небольшое пространство для лестничного пролета, ведущего в ризницу, и две маленькие капеллы, расположенные справа от входа и слева от главного алтаря. Там, в ларце-реликварии, хранятся мощи блаженной Элизабет Канори Мора, монахини третьего (терциария) ордена тринитариев, женщины несчастной и благочестивой, имевшей за плечами опыт насыщенной семейной жизни, к тому же отмеченной многими милосердными деяниями. В коридоре монастыря выставлены две плети (одна из бечевок, другая из железных прутьев), которые служили ей орудием жестокого самобичевания при замаливании грехов.

В нескольких десятках метров от церкви, если двигаться к площади Квиринале по той же стороне улицы, высится церковь Сант-Андреа, один из множества шедевров Джан Лоренцо Бернини. Ее реконструкция началась в 1658 году, через двенадцать лет после освящения Сан-Карлино (1646 год).

Хотя Сан-Карлино поражает обилием декора и бурной фантазией в орнаментах, из этой церкви выходишь под впечатлением глубинной, пропитавшей ее суровости. Пусть художественные замыслы и были конвульсивны, однако само сооружение остается строгим, даже аскетичным, особенно

если учесть, что все стены церкви внутри покрыты простой штукатуркой. Но едва вступаешь в пределы Сант-Андреа, как на тебя обрушивается внезапный удар: этот эффект достигается из-за того, что на смену известковой белизне приходят изысканность, сияние, пестрота цветов: полихромный мрамор, великолепие живописи и блеск красок, перегруженные орнаментальными украшениями капеллы, ангелы в волнообразных, взволнованных невидимым порывом ветра одеяниях, их позы, жесты, весь облик… Все театрально, напыщенно, высокопарно, призвано пустить пыль в глаза. Ни Борромини, ни Бернини не требовали денег за свои труды, но оба претендовали в качестве компенсации на то, чтобы им была предоставлена полная свобода самовыражения. Именно по этой причине обе церкви как будто слегка разоблачают своих создателей: этих двух произведений вполне достаточно, чтобы проникнуть в самую суть личности их авторов, понять, кем же они были на самом деле.

Форма прежде всего: обе церкви овальны по контуру, но заметна разница между эллипсоидной конструкцией, взятой на вооружение Борромини, и идеальным овалом у Бернини. Различается свет, проникающий в здания, окутывающий и затапливающий их своими лучами: белый и холодный — в Сан-Карлино, золотистый, теплый, успокаивающий, утонченный — в Сант-Андреа. То же и с декоративностью, ибо в первом случае заказчиками были бедные тринитарии, во втором — всемогущие иезуиты. И действительно, в Сант-Андреа самая пышная капелла посвящена святому Игнатию.

Оба шедевра столь радикально не схожи друг с другом, что впору подумать о двух разных религиях, если бы некоторые символы все-таки не сближали их. Но именно подобные отличия позволяют нам осознать, что же понималось под словом «барокко» и каким был политический подтекст этого стиля, так долго характеризовавшего церковь и искусство в целом.

Слово «барокко» относится к конкретной стилистике? Указывает на определенные пространственно-временные координаты или на общую культурную среду? В реальности барокко задает вектор той самой чрезмерной, вычурной, изобильной витальности, которую проще всего интерпретировать через отрицание: барочно все то, что не «классично». Пусть философ Бенедетто Кроче и был неправ, когда посчитал барокко «отсутствием стиля», иначе говоря, «дурным вкусом», однако он справедливо указал на то, что оно служит индикатором узнаваемой культурной и духовной атмосферы эпохи.

Сказанное в полной мере можно оценить и почувствовать в обеих церквях. Их нашумевшее несходство отсылает исследователей не только

к полярности темпераментов двух архитекторов, но и к противоположным духовным концепциям.

Любой художник знает о накладываемых его ремеслом ограничениях и неразрывных путах, которые для архитекторов становятся фактически приговором, они сковывают полет фантазии самой необходимостью преобразовывать не поддающиеся модификациям элементы — материалы и пространство. Когда молодой Борромини появился на стройплощадке Сан-Карлино, он знал, что обязан возвести все затребованное суровыми монахами, а в его распоряжении оказались всего двадцать четыре квадратных метра напротив виа XX Сеттембре, где и должны были поместиться монастырь с церковью. Более того, территория под застройку имела неправильную форму: один из углов участка был срезан фонтаном. Принужденный или, возможно, побуждаемый этими трудностями к оригинальным решениям, он тщательно изучил каждую деталь и находчиво реализовал в Сан-Карлино множество интересных решений. Его подход отличался тонкостью и элегантным воплощением задумок: от фундамента до балюстрад, от ниш до колокольни — вплоть до необычной полости купола. И, естественно, фасад: идеи настолько смелые, что они наложили отпечаток чего-то фантастического на это суженное пространство, артикулировали его, придали ему беспримерный размах.

Помещение, мимо которого пройти нельзя, — это монастырский дворик; в него можно попасть через маленькую дверцу сбоку от главного алтаря. Его прямоугольная форма смягчается срезанными углами и колоннами, разделяющими пространство на два уровня. Балюстрада верхнего этажа подпирается элегантными колонками, часть из них, в отличие от прочих, перевернута. В центре — восьмиугольный колодец; специально для него Борромини спроектировал крышу из кованой стали. На такой ограниченной площади особенно важная роль отведена игре света, в тот или иной час дня то прихотливо выхватывающей из темноты все эти арки, перила и колонны, то укрывающей их благословенной тенью. В эпоху Борромини поговаривали, что эта церквушка целиком могла поместиться на одном пилястре купола собора Святого Петра. Это близко к истине, но столь же верно, что мы совершим ошибку, заключив творческий полет мастера, невзирая на его сокровенную религиозность, в тесные рамки церковного искусства.

Вот что действительно имеет значение, так это дух сердечности и сосредоточенного уюта, царящий в этих крошечных комнатках, — чудо, сотворенное очарованием этого места и ощущением кроткой умиротворенности перед лицом священного. Если говорить о биографии создателя церкви, то

Сан-Карлино стала первым заказом, принесшим Борромини в небольшом кругу его поклонников славу архитектора, способного сочетать чутье и смекалку в осуществлении проекта с экономией средств, на него отпущенных. Строительство не принесло ему лично ни одного кваттрино прибыли, что подтверждают и документы тех времен: «Мы можем смело заявить, что от нашего сооружения он [Борромини] никогда не требовал ни единого гроссо», — пишет фра Хуан де Сан Бонавентура, приор ордена, зорко контролировавший ход работ. В восхищении он замечает также, что эта церквушка настолько красива, что, «по мнению многих, редко где в мире можно встретить нечто подобное: искусное, оригинальное, необычное».

Еще одно проницательное наблюдение принадлежит брату-тринитарию, написавшему, что «творение сие основано на сочинениях людей эпохи Античности и лучших архитекторов». В завершение он сообщает, что многочисленные иностранцы, даже гости из Индии, часто обращались к монахам с просьбой показать чертежи церкви. Финальные похвалы он приберегает для профессионального мастерства и опыта Борромини, распоряжавшегося поденщиками и направлявшего те или иные этапы стройки, поскольку

> *он так ловко обращался с ремесленными делами, что сложнейшая работа, которая должна была отнять много дней, у него спорилась, будто была совсем обычной и привычной; ибо названный Франческо сам руководил каменщиком, занятым кладкой, поправлял кельму штукатура и пилу столяра, резец каменотеса, молоточек кирпичника и напильник кузнеца; поэтому и велика ценность усилий его и малы траты, как бы ни вещали злопыхатели и завистники.*

В Риме до той поры не встречали архитектора, который был бы в состоянии создать что-то похожее.

В общем, хроника тринитариев показывает нам человека большого таланта, жаждавшего говорить с ремесленниками на их языке и направлять их мастерство туда, куда звала его собственная творческая фантазия. Он напоминал дирижера оркестра, способного подсказать любому из оркестрантов динамику или тональность музыкальной фразы, которую можно исполнить на его инструменте. «Франческо» — так зовет его монах. В действительности это и было имя того, кого привычно зовут Борромини. Франческо Кастелли родился в Швейцарии, в Биссоне, кантон Тичино, в скромной рыбацкой деревушке у озера Лугано 27 сентября 1599 года. О Джан Лоренцо

Бернини мы знаем гораздо больше, поскольку о нем было многое написано даже современниками, а его произведения предстают взору каждого из нас в самых выгодных и прославленных местах Рима уже несколько столетий подряд. С Борромини все иначе, еще при жизни хроники им пренебрегали, поскольку молва не сообщала почти никаких занятных эпизодов, которые расцвечивали бы его существование и привлекли к нему биографов. Хронистам нужна плоть и кровь, чтобы будоражить как собственную фантазию, так и воображение тех, кто прочтет их книги.

В этом смысле сверкающий гений Бернини на десятилетия заполняет собой творческую сцену Рима XVII века, которая без него показалась бы пустыней. Впрочем, ничего удивительного, ведь свой путь он начал очень рано, когда кардинал Шипионе Боргезе, племянник папы Павла V, безошибочно определил в нем вундеркинда (enfant prodige). Бернини трудится безостановочно, не жалея себя, и во многом накладывает заключительные штрихи на современный нам облик города. Он фаворит сильных мира сего, он доминирует при папском дворе, заполняет знаками своего присутствия большие и пышные пространства, постоянно получает заказы, как государственные, так и частные. Проворный и обольстительный, он очаровывает своих слушателей. Он полностью осознает степень своего таланта, он разносторонен, непостоянен, креативен, гибок и при этом ничуть не скрывает своих многогранных творческих способностей. Он художник, скульптор, архитектор, декоратор, сценограф, театральный костюмер, специалист по пиротехнике. Позднее скажут, что он был последним универсальным гением Ренессанса. Станут сокрушаться, что он, точно Вагнер или Бетховен, не оставил наследников и последователей. Будут осуждать смехотворные попытки тех, кто пытался ему подражать, имитируя его стиль.

На самом деле вовсе не деятельный Бернини, а другой — меланхолик Борромини — посеет зерна архитектуры будущего, пусть всходов и придется ждать долго. Борромини — настоящий соперник, в некоторых обстоятельствах даже враг, осмелившийся бросить вызов самому Бернини и сумевший однажды даже разрушить одно из его творений, чтобы заменить собственным. Бернини естествен в своей театральности, но именно Борромини, внешне немногословному и непритязательному, удастся изобрести беспрецедентные, невероятные изгибы, узоры, орнаменты и иные декоративные элементы, пусть даже не всегда функциональные. Как точно подметил монах Сан-Карлино, он ориентировался на классические модели, которые потом искривлял, преобразовывал и заставлял буквально вибрировать

в соответствии со своими личными вкусами, потребностями конструкции или духом времени, и получалось у него «на редкость необыкновенно».

Франческо Кастелли был девятилетним ребенком, когда ему пришлось покинуть не слишком дружелюбные берега своего озера и переехать в Милан. В качестве ученика каменотеса он подвизался на стройке Дуомо, где и освоил все секреты резьбы по камню. А ведь это тончайшее ремесло, изысканное искусство, и при должном уровне квалификации оно не менее благородно, чем профессия столяра-краснодеревщика, кузнеца или ювелира. Когда годы спустя он приступит к возведению фасада оратория (молельни) Сан-Филиппо Нери, стоящего рядом с Кьеза Нуова на проспекте Витторио, желанием Борромини будет вылепить его стены так, словно «это цельный кусок терракоты».

Не имея возможности реализовать свое стремление, он ухитрится найти аналогичное решение. Римский кирпич, как можно видеть на примере античных строений, имеет правильную форму, ровную поверхность и малую толщину. Взяв его за основу, Борромини приказывает изготовить точно такие же кирпичи и между двумя блоками поместить смальту, что минимизирует практически и зрительно сочленения и стыки. Таким образом удается приблизиться к идее «терракоты», которая занимала его мысли, и одновременно с этим исполнить волю заказчиков, требовавших от него «стыдливости и скромности», дабы фасад оратория был «бедным» и не затмевал собой великолепие соседней церкви Кьеза Нуова ди Санта-Мария-ин-Валличелла. То, что в итоге получился шедевр, признавал — про себя — даже Бернини. Единственным его возражением было то, что внешний вид здания скорее приличествовал «дому свиданий или помещению для игры в карты на какой-нибудь вилле», но уж никак не религиозному сооружению.

Едва преодолев деликатный период юности, Франческо решает перебраться в Рим. Итак, он покидает Миланский собор и пешком отправляется в столицу католицизма. Ночами спит на монастырских подворьях, питается где придется. Этот молодой человек снедаем огнем двойственной природы: религиозным и профессиональным. В Риме он находит пристанище у своего двоюродного брата по материнской линии, некоего Леоне, который проживает в переулке Аньелло (букв. Ягненок; ныне переулок Орбителли) недалеко от церкви Сан-Джованни-дей-Фьорентини на набережной Тибра. Вскоре Борромини находит работу — он становится, как мы сказали бы сегодня, прорабом на стройке собора Святого Петра. Леоне, тоже каменотес, родом из той части кантона Тичино, где широко распространено искусство

резьбы и моделирования камня. Кстати, оттуда, помимо Борромини, вышла еще пара выдающихся архитекторов; достаточно упомянуть крупнейших из них — Карло Мадерно (Леоне женился на его племяннице Чечилии) и Доменико Фонтана.

Короче говоря, Франческо, как и другие иммигранты, попадает в новый для себя семейно-родственный круг. В зарплатных ведомостях Святого Петра он проходит под новым именем — Франческо Бромино, или Борромино. Вероятным мотивом было чувство почтения (его и всей семьи) к святому архиепископу Карло Борромео: Биссоне и некоторые районы Ломбардии входили в состав «борромейских» провинций (топонимический след обнаруживается и сейчас, если вспомнить Борромейские острова на Лаго Маджоре). Возможна и более банальная версия: это прозвище позволяло ему выделиться из массы прочих Кастелли, трудившихся на стройплощадках, верфях и в забоях.

Первым безоговорочное доверие оказывает ему именно Мадерно, призвавший юного земляка помочь ему в «анализе», как бы мы сказали сегодня, то есть в изготовлении чертежей и придумывании тех или иных конструктивных деталей. Иногда, давая задание привести в порядок и отшлифовать свои проекты, он позволяет Борромини привнести в них что-то свое, предложить иной вариант. Мадерно весьма резок с учеником, но за маской ворчливости и раздражительности прячется уважение к благоприобретенному родственнику, которое порой граничит с привязанностью. Он выглядит старше своих шестидесяти пяти лет (а мы с вами сейчас где-то в 1620 году), страдает от камней в почках и отложения солей, передвигается с таким трудом, что его приходится транспортировать «в портшезе». Хоть Мадерно и не показывает вида, но этот немногословный и находчивый молодой человек, целыми днями кружащий по мастерской и всегда умело упреждающий его желания, для него большое утешение.

Двадцатилетний Борромини молчалив. Когда у него нет работы, он учится. В перерывах между строительными работами все развлекаются, он же погружается в книги, выводит на бумаге необычный изгиб или округлость, ищет неожиданное архитектоническое решение. Его библиотека переполнена томами по самым различным научным сферам: математике, гидравлике, физике. Но видны здесь и произведения классиков, что-то вроде трактатов по химии, науке, к основам которой в те времена примешивались сверхъестественные материи и магия: алхимические трансформации, символы и свойства, закодированные в природе вещей и слов. Впрочем,

не исключено, что Борромини состоял в гильдии каменщиков, предшествовавшей масонству (возникшему официально лишь в 1717 году).

Борромини, по крайней мере в молодости, весьма симпатичен; его биограф Филиппо Бальдинуччи описывает архитектора как «рослого и приятного мужчину, с крупными и сильными конечностями, крепкого духом, проникнутого благородными и высокими побуждениями». Напротив, анонимная гравюра, запечатлевшая Борромини в зрелом возрасте, показывает нам человека сурового и беспокойного, иссушенного очевидным неврозом. «Меланхолия» его так никогда и не покинет, что вкупе с мрачной религиозностью, которую обстоятельства его жизни лишь укрепят, и приведет Борромини к фатальному поступку, совершенному им на излете жизни. Любой психиатр сегодня с легкостью диагностировал бы у него «маниакально-депрессивный психоз» — душевное заболевание, о котором в ту эпоху и не подозревали: каждый догадывался о синдромах, но никто не мог предложить эффективного лечения.

Как бы то ни было, душевный недуг мастера выражался и в его одежде, всегда черной и сшитой по старинному испанскому крою, по моде его юности. По мнению другого его биографа — Пассери, — он «хотел всегда появляться в одном и том же облачении, с одинаковой наружностью, позой и осанкой, избегая принятого обыкновения менять что-то в ежедневном обиходе». Между тем ничего странного: Борромини начинал свою деятельность в Ломбардии, в которой два столетия (до 1714 года) сохранялось испанское владычество, о чем повествует Мандзони в своем романе*.

Ясно, что меланхолия Борромини сродни другой тоске — знаменитого Торквато Тассо. Однако признаки безумия у автора «Освобожденного Иерусалима» были гораздо более явными: он переходил все границы, его поведение становилось настолько скандальным, что его покровители были вынуждены прибегнуть к крайней мере и держать поэта под надзором. Борроминиевская же печаль была полностью обращена в себя, ее внешние симптомы сводились к жесткости и некой черствости темперамента, сложностям в межличностных отношениях и, если хотите, к странному, даже противоестественному целомудрию. К моменту рождения Борромини Тассо уже четыре года был в могиле: два художника жили в принципиально различных социумах, хотя в их поведенческих установках и взглядах на жизнь

---

* Речь идет о романе «Обрученные» *(I promessi sposi)* классика итальянской литературы XIX века Алессандро Мандзони.

можно найти немало схожего. Более серьезным было помешательство Торквато Тассо, но более безжалостным оказался невроз Борромини, которого судьба уберегла от принудительной госпитализации или помещения в приют для умалишенных, но, насколько мы знаем, в отличие от поэта ему так никогда и не довелось познать любовь женщины и искренность дружбы.

Единственной «женщиной» его жизни была преданная служанка Маттеа, долгие годы бывшая у него в услужении. По окончании рабочего дня Франческо возвращался к себе в жилище, где компанию ему составляли только книги и проекты, над которыми он корпел вплоть до поздней ночи в дрожащем свете порядочно дымившей масляной лампы. Вечерами, в редкие часы досуга, он шел в молельню (oratorio) при больнице Санто-Спирито, чтобы послушать органные композиции Джакомо Кариссими. В этих произведениях, родоначальником которых был Палестрина, постепенно выкристаллизовывалась музыкальная форма, в наши дни называемая «ораторией»* и ставшая одной из характерных черт Контрреформации.

Джан Лоренцо, или, точнее, Джованни Лоренцо Бернини, совершенно случайно родился в Неаполе. Его отец Пьетро, скульптор, происходивший из Сесто Фьорентино, нашел работу на строительстве картезианской обители Сан-Мартино. В Неаполе, кстати, он пробыл недолго. В 1605 году, когда Джан Лоренцо было всего семь лет, семья Бернини осела в Риме. Всем тем, чего недоставало Борромини, который был к тому же почти на год младше, Бернини был наделен чрезмерно: симпатией, признанием, наградами, репутацией, деньгами, славой.

На заре XVII столетия в Европе блистало несколько гениев, наложивших отпечаток на свою эпоху: Шекспир, Рембрандт, Галилей, Декарт, Ньютон. Рим тоже переживал исключительную фазу расцвета искусств: именно там бок о бок творили Караваджо, братья Аннибале, Агостино Карраччи и Рубенс — для иллюстрации моей мысли достаточно сослаться и на них. Однако в Риме по сравнению с другими папскими областями царили самые крутые законы и нравы в сфере художественного творчества, введенные церковью после травматического опыта лютеранской реформы.

Основная часть созданных в этот период произведений отражает со всей четкостью те культовые и назидательные цели, ради которых они

* Оратория как жанр крупного музыкального произведения для хора, солистов и симфонического оркестра зародилась в середине XVI века в Риме. Первые произведения исполнялись в церковных молитвенных залах — ораториях (oratorium). В дальнейшем музыкальный жанр получил название этого помещения. *Прим. ред.*

и заказывались. Более того, за неимением в Риме буржуазии, или третьего сословия, что было, например, характерно для Нидерландов, князья церкви являлись почти эксклюзивными заказчиками произведений искусства. Чаще всего это были образованные и обеспеченные кардиналы, желающие украсить свои дворцы, резиденции, виллы, сады. Пьетро Бернини был приглашен в Рим папой Павлом V, ставшим понтификом благодаря компромиссному решению конклава; на деле это был человек широкого кругозора и неординарного темперамента. Он был известным меценатом и, в частности, спонсировал создание семейной капеллы «Паолина» в базилике Санта-Мария-Маджоре, где хранится шедевр Пьетро — горельеф «Успение Пресвятой Богородицы», на котором скрученные и удлиненные фигуры ангелов-музыкантов сопровождают мать Иисуса на небо, а несколько апостолов с некоторым беспокойством наблюдают за свершающимся на их глазах чудом. Становление многих художников, включая Бернини, происходило в боттегах: Джан Лоренцо был сыном искусства, он рос и обучался в мастерской отца, постигая там все секреты и тонкости, дыша упоительным воздухом творчества. В общем-то, так случалось и до и после него: младшему Бернини, подобно Россини или Моцарту, Пикассо или Стравинскому, не пришлось осваивать свое искусство с нуля: оно было у него в крови.

Папа Павел V возвел в кардиналы и назначил на должность личного секретаря своего обожаемого племянника Шипионе. И как раз этот человек, преисполненный любопытства и осведомленный о слухах, циркулирующих вокруг необыкновенного подростка, вызывает его к себе на беседу. Сын Джан Лоренцо, Доменико, в биографии отца пишет, что на этой ответственной встрече мальчик выступил мастерски: «Его поведение было смесью живости, скромности, покорности, сообразительности и готовности к службе, так что он завоевал сердце этого князя очень быстро; кардинал захотел немедленно представить его понтифику». Вторая и наиболее обязывающая аудиенция станет для Джан Лоренцо триумфальным пропуском в будущее.

Действительно, случилось так, что Павел V, с целью испытать Бернини, попросил его не сходя с места и в его присутствии нарисовать голову. Ничуть не оробевший Джан Лоренцо с самой медоточивой невинностью задал понтифику вопрос, какая именно голова ему требовалась: мужчины или женщины, какого возраста и с каким выражением лица. Голова святого Павла, ответил папа. Не прошло и получаса, как рисунок головы был готов. Его фактура была такова, что изумленный понтифик заявил столпившимся вокруг него кардиналам: «Этому ребенку суждено стать Микеланджело своего времени».

Фразу приводит все тот же Доменико, разве что из сыновней любви он слегка преувеличил. Однако восхищение Павла V, вложившего в детские ручки Джан Лоренцо двенадцать золотых монет, неоспоримо. Это был первый гонорар, заработанный им благодаря своему феерическому таланту.

Суть этой книги — не история искусства, а папская политика, в том числе в сфере искусства. Поэтому я ограничиваюсь тем, что воспроизвожу те или иные эпизоды, дающие возможность проиллюстрировать отношения между двумя архитекторами и их обоих — с властью, от которой они зависели. Историк и художник XVII века Филиппо Бальдинуччи одной убедительной и эффектной формулой так резюмирует все существование Борромини: «Он был воздержан в еде и прожил непорочно. До крайности ценил свое искусство, из любви к которому не скупился на усилия и тяжкий труд».

Разумеется, до такой степени скромная, обделенная не только излишествами, но и элементарно необходимыми вещами жизнь не могла пойти ему на пользу. Рим, как всегда, оставался тем городом, в котором исступленная и чисто показная религиозность отражалась в зеркале всепроникающей коррупции; если не мздоимство, то колоссальная изнеженность или же отрезвленный, разочарованный взгляд на окружающую действительность, нередко граничивший с цинизмом. Даже не обладай Борромини своей знаменитой склочностью, все равно ему хватило бы неподатливого упрямства вкупе с кристальной честностью и высоконравственностью для того, чтобы предстать перед Римом в неприглядном свете. Его соперник Бернини знал, как поставить себя в центр сцены, как обратить на себя внимание, как привлечь к себе симпатии и благосклонность присутствующих, кем бы они ни были. Напротив, Борромини производил впечатление человека надменного и неприступного, одним словом, «неприятного».

Даже в том, как они обращались с деньгами, проявились их разительные отличия. Если верить биографу Леоне Пасколи, Борромини «в плане собственных материальных интересов был достаточно деликатен, никогда не запрашивал цену своих трудов у кого-либо, равно как не желал объединяться с ремесленными старшинами, дабы ничто не кинуло тень подозрения на его знания и участие в работе». Несложно вообразить, насколько эксцентричным казалось подобное поведение в Риме той эпохи.

Едва получив должность на «фабрике» Святого Петра, Бернини зовет его на помощь, прежде всего для консультаций по техническим вопросам строительства, в чем Борромини общепризнанный эксперт. Сотрудничество не складывается, идет со скрипом. Судя по всему, Бернини пользуется своим

начальственным положением, чтобы присвоить достижения коллеги, восхваляя его на словах, но не сопровождая свои восторги надлежащей компенсацией. Бальдинуччи свидетельствует:

Борромини довел до конца строительные работы этого понтификата, а Бернини, получая большие выплаты и жалованье и за фабрику Святого Петра, и за палаццо Барберини, а также деньги за измерения и расчеты, так никогда за долгие годы и не выделил Борромини ничего, кроме добрых слов.

В феврале 1631 года Борромини исполняется тридцать два года, он уже не тот юный каменотес, что прибыл в Рим пятнадцатью годами ранее. Тем не менее за все работы, выполненные им на посту «помощника архитектора» на стройплощадке дворца Барберини, ему было выплачено 25 скудо. Когда до Борромини дошла весть об этом, он, по версии биографа, будто бы воскликнул: «Мне не нравится не сумма денег, а то, что кто-то приписывает себе честь сделанного мною». И все же он продолжает сотрудничать с Бернини еще и потому, что, похоже, по-другому поступить было просто нельзя. Однако враждебность нарастает и прорывается, иногда в шутливой форме, но порой — самой настоящей яростной злобой.

Три понтифика оказывают влияние на профессиональную карьеру Борромини. Наиболее благожелателен к нему, безусловно, Иннокентий X (Джамбаттиста Памфили), взошедший на трон в 1644 году, наследуя Урбану VIII Барберини. Это был человек довольно-таки способный, хотя и невежественный. Хронист описывает его так: «Он не был другом ни литераторам, ни ораторам, ни поэтам, посему тщетно пытались многие представить на суд ему свои писания, кои не вызывали у него ни удовольствия, ни какого-либо отклика».

Помимо грубого характера, папа Памфили мгновенно впадал в гнев, а то и вообще в неистовство. В придачу к этому он имел откровенно безобразную внешность. Поговаривали, что единственным человеком, который мог утихомирить и умаслить его, была Олимпия Памфили, урожденная Майдалькини, властная женщина и искушенная интриганка, вторым браком сочетавшаяся с братом понтифика (и принявшая, стало быть, династическую фамилию), официальная фаворитка (en titre) и любовница папы, способствовавшая его избранию на престол. Бедный Иннокентий скончался в январе 1655 года после продолжительной агонии, во время которой его родственники и донна Олимпия вынесли из папского дворца все, что представляло хоть какую-то ценность. Трое суток всеми заброшенный труп

лежал бесхозно на складе позади ризницы Святого Петра. Местные рабочие ночами несли там караул, чтобы мыши не растерзали разлагающееся тело. Впоследствии Камилло, племянник бедного Иннокентия, возвел в его честь памятник в церкви Сант-Аньезе-фуори-ле-Мура на площади Навона.

Слава донны Олимпии была настолько продолжительной и устойчивой, что, когда французский импрессионист Эдуард Мане в 1863 году написал знаменитый портрет обнаженной женщины, лежащей на постели и бесстыдно взирающей прямо на зрителя (отдаленный отзвук «Венеры» Тициана), он назвал полотно «Олимпия», имея в виду, по всей вероятности, именно великую куртизанку римской Контрреформации. Художник намекал на то, что кокотки были такими же королевами парижского общества Второй империи, как Олимпия Памфили при папском дворе.

Так вот, именно папа Иннокентий X, лишенный какой-либо галантности и любезности, почувствовал стойкое расположение к Борромини. Успеху способствовало и то, что тайным советником, ведающим распределением пожертвований и милостыни, был назначен Вирджилио Спада. Падре Спада, высокообразованный священник, в период работы Борромини в оратории являлся приором ордена филиппинцев. Укрепившись в новой должности, он уведомил папу о мастерстве и доблести архитектора, а также о примечательной праведности его личной жизни.

Папа, мечтавший избавиться от фаворитов своего предшественника, поручает Борромини завершить палаццо делла Сапьенца и возвести церковь. Великодушный жест, само собой, но Борромини в который раз приходится не создавать что-то с нуля, а модифицировать проект, частично реализованный другими. Однако он вновь одерживает верх. Хронист той эпохи отмечает, что кавалеру Борромини «не доставляло ни малейших огорчений смешение углов, прямых и кривых линий или же недостаток яркого света, ибо он знал, что важнейшим трофеем для подлинного архитектора было преодоление всех этих трудностей».

Бернини тоже не смущали никакие сложности. О нем поговаривали, что, будучи вынужден в силу обстоятельств нарисовать портрет, не имея модели перед глазами, он воскликнул: «Кто познать желает, на что способен человек, тому надобно поставить его в безвыходное положение». Джан Лоренцо был почти в постоянном фаворе в Ватикане, хотя, разумеется, и его окружала атмосфера зависти. Самым благосклонным к нему папой был Урбан VIII Барберини, амбициозный человек, желавший после болезненного кризиса Реформации сделать искусство привилегированным

инструментом демонстрации триумфа церкви, ее светской и военной мощи. Папа Барберини был покровителем и защитником Бернини: в Риме из уст в уста передавалась ехидная сплетня, что «пока Джан Лоренцо не подоткнет ему одеяло, папа не засыпает». Были и те, для кого Бернини ассоциировался с «комнатной собачкой понтифика». Их близость была такова, что в определенный момент папа, дабы умолкли злые языки, заставил архитектора жениться.

В 1627 году папа Урбан заказал свою гробницу Бернини, который посвятил этому проекту многие годы, интерпретируя по-своему конструктивно-декоративные элементы микеланджевской могилы Медичи во Флоренции. Величественно восседающая четырехметровая статуя понтифика, более чем вдвое больше его настоящего роста, рука вытянута в благословляющем жесте, исполненная торжественности фигура облачена в тяжелые церемониальные одежды. У его ног две женщины, Милосердие и Справедливость, а в центр композиции водружен саркофаг, на крышке которого в завуалированной форме изображен скелет, подпирающий картуш с надписью URBANUS VIII BARBERINUS PONT. MAX. (Урбан VIII Барберини, понтифик). Для монумента использовались разноцветный мрамор, полированная и позолоченная бронза; в нем акцентировано архитектоническое членение и явно ощущаются живописные эффекты. Одной лишь этой гробницы хватило бы, чтобы понять, к чему сводилось римское барокко и какой коннотацией наделил этот стиль самый гениальный из его творцов.

Если для Бернини почти все практически всегда было просто, то трудности Борромини, по контрасту, были многочисленны, и первой из них была, конечно же, работа по созданию палаццо делла Сапьенца. Когда вступаешь во дворик этого здания через ворота со стороны проспекта Ринашименто, сразу отдаешь себе отчет в том, сколько уловок потребовалось изобрести архитектору, чтобы поправить конструкцию, брошенную другими на полпути. Предыдущий архитектор, Джакомо делла Порта, уже возвел вогнутую стену, замыкавшую двор, намереваясь разместить в оставшемся пространстве круглую церковь, вписанную в четырехугольник.

Борромини все изменил, заложив в основу схему из двух равносторонних треугольников, перекрещивающихся таким образом, чтобы образовалась шестиконечная звезда: maghen David, щит, еврейская звезда Давида, символ мудрости, особенно подходящий церкви делла Сапьенца (Sapienza, букв. знание, мудрость). Помимо этого, он разработал централизованную планировку, напоминающую Сан-Карлино, которая в данном случае была

предназначена для наилучшего восприятия проповеди с амвона, что, несомненно, важно для церкви, чьими прихожанами были студенты и профессура городского университета (Studium Urbis)*.

В планировке зашифрована сложнейшая символика, хотя бы потому, что совмещенные в звезду Давида треугольники являются печатью Соломона, а в ней, в свою очередь, заключен синтез герметической и масонской мысли. Комбинация и пересечение линий представляют четыре базовых элемента вселенной: огонь, воздух, землю и воду. Звезд на купольном своде 111 — число, которое может быть написано как 1 + 1 + 1, что дает нам в сумме 3, то есть символ неба и совершенства (Omne trinum est perfectum — в любой троичности есть совершенство), Троицы, других магических компонентов, включая три ступени мистического преображения: очищение, просветление, единение с Богом.

В творениях Борромини — отсылки к магическим, масонским, эзотерическим и мистическим символам нередки. Молельня филиппинцев также изобилует ими: пылающие сердца и лилии относятся к символико-знаковой системе святого Филиппа Нери; короны и пальмовые ветви (в стилизованной форме) связаны с вечной жизнью и царствием небесным, но могут намекать и на келью «Святая святых» храма Соломона, особенно когда сопровождаются головками херувимов и соломоновыми колоннами. Восьмиконечная звезда, использованная Борромини в библиотеке, символизирует Отцов Церкви. И так далее.

В церкви Сант-Иво самый любопытный и бросающийся в глаза символ — это причудливое спиралевидное завершение фонаря в виде штопора или иглы, и сегодня возносящееся над крышами Рима. Какую смысловую нагрузку несет этот единственный в своем роде грациозный шпиль? Вавилонская башня? Виноградная лоза? Ракушка? Огненная корона? Или же прав историк искусства Маурицио Фаджоло, написавший: «Спираль, теорема и эмблема бесконечной божественной Мудрости, закручивается в пространстве змеей вечности». Среди бесчисленных объяснений лично мне ближе всего версия Вавилонской башни, часто изображаемой (начиная с зиккуратов** Месопотамии) в виде усеченного конуса с восходящими террасами-уровнями (самый известный из сохранившихся и поныне существующих зиккуратов — это, пусть и искореженный войной, минарет

* Прославленный атенеум Италии — римский университет Ла Сапиенца.

** Многоступенчатых башен Древнего Междуречья. *Прим. ред.*

Мальвийя (араб. Улитка) в иракском городе Самарре. Высота — 52 метра, сложена в XIII веке из глиняных кирпичей; является шедевром исламского искусства).

Купол Сант-Иво доставил своему создателю неприятности практического свойства, скажем так, угрожал санкциями по контракту. Заказчикам показалось, что архитектор неверно рассчитал распределение нагрузки и потому «огромный вес, водруженный на купол», мог причинить серьезный ущерб всему зданию. Ректор Studium Urbis направил ему официальное предупреждение, согласно которому «вышеназванный синьор ректор намеревается предъявлять архитектору претензии за любой урон в течение пятнадцати лет, как то определяется городскими регламентами». С ледяным спокойствием, уверенный в своем опыте и знаниях, Борромини ответил ему, гарантируя в письменной форме стабильность конструкции:

> *Я, нижеподписавшийся, признавая обязательство, по всеобщему мнению возложенное на архитекторов, поддерживать пятнадцать лет в надлежащем состоянии построенные ими сооружения, не имею намерения от него уклониться… и обязуюсь собою, наследниками и имуществом, как то установлено Апостолической камерой, нести ответственность за любую порчу купола Сапьенцы и иные убытки и повреждения, от строительства капеллы проистекающие.*

Спустя три с половиной столетия, как можно убедиться, купол по-прежнему цел и невредим.

Даже Бернини, чей успех был постоянным, порой сталкивался с унижениями. Например, особенно тяжкое спровоцировала идея папы Урбана возвести две колокольни по краям фасада собора Святого Петра. Распоряжением папы в 1637 году этот проект был поручен Бернини. Попытки такого архитектурного дополнения уже предпринимались в прошлом, но тогда было решено отложить эту затею по причине проблем с «песчаной» почвой и непрочностью фундамента. Самого Мадерно подвергли критике за то, что он «удлинил» базилику, в результате чего купол был виден со стороны площади лишь частично (как и сегодня). Несмотря на это, папа потребовал построить обе колокольни, чтобы усилить величественность облика всей конструкции.

Бернини принял предложение, спроектировал две большие трехэтажные башни совокупной стоимостью в семьдесят тысяч скудо, — гигантская

цифра по сравнению со сметой Мадерно, которая была в два раза меньше. Прежде чем приступить к выполнению замысла, он подстраховался, собрав авторитетные отзывы специалистов, в частности двух опытных «бригадиров» из Конгрегации священной фабрики Святого Петра. По общему согласию пришли к выводу о достаточной надежности фундамента и его способности выдержать давление новых конструкций. Филиппо Бальдинуччи сообщает: «Отчего осмотрительный мастер мог на этом месте взяться за дело с полной уверенностью».

Но это было не так. Бернини сохранил опоры фундамента, уже построенные Мадерно, с мыслью реализовать на их основе собственный проект, как обычно, тщательно разработанный. В конце июня 1641 года папа лично прибыл к собору, чтобы проинспектировать ход работ. Увиденное ему не слишком понравилось, хотя бы из-за возникших на фасаде трещин и разломов. Публично высказав свои замечания и недовольство архитектору, он повелел в сжатые сроки снести построенное. Бернини воспринял унижение столь остро, что, как говорили, даже заболел. А вот понтифик, скончавшийся в июле 1644 года, оставил казну государства в катастрофическом состоянии, как из-за непомерных трат на базилику, так и в связи с расходами на войну, которую вел с династией Фарнезе за обладание герцогством Кастро.

Между 1646 и 1649 годами Борромини трудится над реставрацией почтенной базилики Сан-Джованни-ин-Латерано, mater et caput (матери и главы) всех церквей мира. Степень ее ветхости была такова, что, едва к ней притронулись, она осыпалась целиком, и пришлось все переделывать снизу доверху. Причем требовалось разобраться с этим в спешке, учитывая приближавшийся Святой год (1650). Но во время проведения работ произошла трагедия: в декабре 1649 года, за несколько дней до торжественного открытия базилики, был найден мертвым юный служка по имени Марко Антонио Буссони, на теле которого имелись недвусмысленные следы побоев.

Началось расследование, активность которого подкреплялась полученным органами юстиции анонимным письмом, в котором выдвигалось требование непременно раскрыть предумышленное убийство. Следствию удалось разрешить загадку. Буссони был пойман с поличным, когда занимался порчей мраморной облицовки базилики, «выламывая кромку и угловые выступы». Проинформированный об этом Борромини повелел рабочим наказать его. Был ли это опрометчивый приказ? Или приказ был сформулирован недостаточно ясно? Или рабочие перегнули палку? Факт остается фактом: этот несчастный скончался от полученных ударов и тумаков, а его брат

Джузеппе обвинил Борромини в убийстве; публичность акта влекла за собой превентивное тюремное заключение подозреваемого. Это была обида, которую архитектор снести не мог. Чтобы избежать позора, он направил ходатайство понтифику, попросив его разобраться в деле и вынести вердикт в качестве последней инстанции, аннулируя тем самым любые иные. Борромини напомнил о своих заслугах в реставрации базилики, о своей неопровержимой нравственности, а также о том, что Буссони застали за совершением преступления: повреждение храма считалось святотатством.

Папская оценка случившегося по смыслу соответствовала ожиданиям архитектора, хотя юридически приговор был противоречивым: Борромини ex speciali gratia (по особой милости) был оправдан, а обвинения были сняты, однако при этом его сослали на три года в Орвието. В дальнейшем благодаря вмешательству Вирджилио Спада срок ссылки был существенно сокращен. Через два года, в 1652-м, папа на публичной церемонии в соборе Святого Петра даровал Борромини крест ордена Христа и право именоваться кавалером.

По меньшей мере пару раз двое заклятых соперников трудились вместе или хотя бы напротив друг друга. Первый случай имел место при сооружении балдахина Святого Петра, одного из шедевров Бернини, в процессе чего сотрудничество с Борромини было длительным. Во время выполнения этого заказа Бернини было двадцать шесть лет, но он уже так хорошо осознавал ценность своего таланта, что за это произведение выставил счет в двести тысяч скудо. Тут следует вспомнить, что Борромини подписал свой первый профессиональный контракт только в тридцать пять лет.

Словом «балдахин» обозначается, согласно трактовке словаря Дзингарелли, «передвижной навес в форме полога или шатра, удерживаемый на особых шестах, под которым процессии несут Святые Дары по церковным праздникам». В практике католической церкви было принято, чтобы понтифик, сидя на папском престоле и благословляя толпу верующих, был укрыт балдахином. В более широком смысле балдахин — это нарядный навес из дорогой ткани, помещенный над алтарем, троном, спальным ложем аристократа. Этимологически слово происходит от «Бальдак(ко)», античного названия Багдада — города, откуда импортировались ценные ткани.

Бернини, обратившись к семантическим истокам слова, создал из камня, дерева и бронзы самый роскошный балдахин, который только можно было представить. Захватывающий творческий вызов даже для художника его полета: речь шла о том, чтобы заполнить более чем значительный по размеру

участок под громадным куполом Микеланджело. Проектирование и исполнение замысла заняли почти десять лет, но лишь после неоднократных исследований и доработок удалось сформулировать окончательный вариант. Четыре спиралевидные колонны, поддерживающие венец, что придает всему сооружению восточный привкус, намекая на колонны константиновой базилики, а также в символическом смысле — на ордер колонн храма Соломона в Иерусалиме, словно обвитых виноградной лозой. Впрочем, архитектор охотно «приводил в движение» все используемые материалы, будь это камень или бронза, как в данном случае. Эту бронзу, если верить хронике, он раздобыл, демонтировав кое-что в покрытии Пантеона. Именно по этому поводу папский медик Джулио Манчини разразился импровизированной эпиграммой: *Quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini*, то есть «Чего не сделали варвары, то оказались способны свершить Барберини».

На верхушках колонн четыре ангела, за плечами которых видны такие же большие волюты в форме дельфиньего хребта, сходящиеся к центру композиции и подпирающие шар, увенчанный крестом. Результатом предпринятых усилий стала ярко выраженная декоративная, театрализованная броскость и зрелищность — иными словами, была достигнута одна из целей, которую Бернини ставил перед собой.

Полог воспроизводит идею движения и легкости, как и его боковые орнаменты, которые, будучи украшены филигранными узорами и кисточками, имитируют фактуру ценной материи. Бернини обожал такие виртуозные зрительные обманы, дававшие выход его склонности к показной театральности; именно эти приемы лягут в основу эстетики барокко. Однако он никогда не забывал о сути. Его балдахин соревнуется с куполом высотой более ста метров, располагаясь вдобавок ко всему под главным нефом высотой сорок четыре метра. Со всей своей строгой вертикальностью и тридцатиметровой высотой, что почти сравнимо с десятиэтажным домом, будучи интегрирован в окружающий интерьер, балдахин, по мнению наблюдателя, предстает в пропорциях базилики скорее изящным, чем внушительным. Борромини неоднократно вмешивался в длительный процесс разработки и изготовления всех деталей этой структуры, прежде всего покрытия, которое Бернини хотел завершить громадного веса статуей. Наконец, он выбрал позолоченную сферу, схожую с той, что венчает внешний купол; а поддерживают ее деревянные завитки, напоминающие о дельфинах, — гармоничное решение, по большей части придуманное и осмысленное именно Борромини.

В 1653 году папа Иннокентий X повелел Борромини взять в свои руки руководство строительством церкви Сант-Аньезе на пьяцца Навона, — здесь судьбы двух архитекторов пересеклись вновь, пусть и косвенно. Первым делом Борромини приказал снести все, что было создано его предшественниками, добился их увольнения и вывода за рамки проекта. Естественно, за этим шагом последовали досада и яростное возмущение отстраненных от дела мастеров, тем более что через два года понтифик умер и обстоятельства его смерти были чудовищны, как мы помним. После чего Камилло Памфили восстановил контроль над строительством на пьяцца Навона, из-за чего его отношения с Борромини резко ухудшились и стали крайне бурными.

Вероятнее всего, подрядчики начали подстрекать на неповиновение нанятых рабочих, в то время как дон Камилло, преисполненный вызывающей спеси из-за вновь обретенного главенства, докучал Борромини критикой: то стены ему казались не слишком прочными, то фундамент якобы был подготовлен неудовлетворительно. Вскоре атмосфера стала просто невыносимой. Тичинский биограф Борромини, Пьеро Бьянкони, рисует ее весьма выразительно:

Каменщики не знали, как им поступать и что делать, они целыми днями праздно слонялись вокруг, пока архитектор выглядел неуверенным, нерешительным, непостоянным… солнечные лучи ласкали круглый свод и розоватый шпиль, вздымавшийся посреди площади; белоснежные гиганты жестикулировали над грохотом воды из фонтанов и напоминали ему [Борромини] о ненавистном Бернини.

«Белоснежные гиганты», упомянутые Бьянкони, — это великолепные статуи Фонтана Четырех Рек, над которым возвышается обелиск, поставленный Бернини в центре площади (1648–1651). Одно из многих его удивительных творений, безупречно декорационное, может, самое прекрасное в Риме, — концентрированный импульс, порыв, идеальные для площади пропорции, роскошные театрализованные детали, придающие красоте целого некую завершенность. Буквально пара примеров: морской змей, лев, высунувшийся из логова, чтобы утолить жажду, согнутая порывом ветра пальмочка. Борромини (за много лет до того) участвовал в конкурсе на проект по прокладке канализационной сети, которая позволила бы доставлять воду из античного акведука Аква Верджине («Вода непорочной Девы») на пьяцца Навона. Однако его проект, отвергнутый как «слишком бедный,

скудный и строгий», был просто раздавлен размахом бернинииевского. Четыре изображенные реки представляют четверное членение познанного тогда мира: Дунай (Европа), Нил (Африка; с покрытой верхушкой, так как истоки его были еще неизвестны), Ганг (Азия) и Рио де ла Плата (Америка). Над утесами воздвигнут египетский обелиск, собранный воедино из обломков, найденных в цирке Максенция на Аппиевой дороге, и отреставрированный Бернини.

Как бы там ни было, даты соответствующих работ опровергают легенду, согласно которой жесты скульптур фонтана полны негодования, отвращения или отрицания в адрес борроминиевского фасада Сант-Аньезе: будто бы Рио де ла Плата тревожно вздымает руку, словно фасад вот-вот обрушится; у Нила покрыта голова, только бы не смотреть на подобную мерзость. Истина в том, что, когда Борромини работал в Сант-Аньезе, Фонтан Четырех Рек уже занимал свое место, то есть порочащее намерение Бернини — это не более чем фольклорное предание.

Приход к власти нового папы Александра VII (Фабио Киджи) вновь поставил Бернини в центр римской жизни и вернул ему статус придворного архитектора. От этого понтифика художник получил множество грандиозных заказов, среди которых колоннада площади Святого Петра, Царская лестница в Ватикане, церковь Сант-Андреа-аль-Квиринале, которой мы и открыли наш рассказ. Напротив, Борромини было позволено лишь завершить ранее данные ему поручения. Ясно, что Александр VII его не любил, поэтому все проекты Борромини продвигались медленно и с большими трудностями, прежде всего из-за недостатка наличных средств. В ряде случаев они так и не были окончены.

На первый взгляд нелегко полюбить Борромини, особенно профанам, от внимания которых ускользают многие технические находки его проектов. Бернини более обходителен, нет ни одного произведения, где бы его гений не заявлял о себе громко, порой прямо-таки нахально. А вот главное качество Борромини состоит в том, что, однажды открытый, он остается незабываемым, даже в малых своих работах. Один из примеров — панорамная галерея палаццо Спада на площади Капо ди Ферро. Борромини внес массу коррективов в облик этого здания, ныне являющегося резиденцией Государственного совета. В одном из закоулков двора он наткнулся на тесный «коридор» длиной немногим более восьми метров, практически непригодный к использованию, и превратил его в галерею более чем двадцатиметровой длины, создающую впечатление объемности. Такой эффект достигается

только путем вдумчивого манипулирования перспективой. Это одно из тайных сокровищ Рима и вместе с тем маленькое безошибочное свидетельство того, что рационализированная достоверность Ренессанса постепенно исчезала, сменяясь, как в данном случае, иллюзорной игрой несуществующих пространств.

Не только полярные судьбы. Абсолютно всем разнился мир двух великих соперников. Темперамент, взгляд на мир, поиск наслаждений и любви в целом, отношение к чувственности, понимаемой предельно широко как умение наслаждаться жизнью с помощью ощущений. Все творения Бернини говорят о его сенсуальной распахнутости вовне. Все творения Борромини ее отрицают. Первый — католик и язычник; второй, пусть формально и католик, но, кажется, стоит ближе к протестантским реформаторам Европы — Лютеру, Кальвину, Цвингли. Бернини заигрывает, распыляет аллюзии, шутит со своей работой; Борромини размышляет, подсказывает, предвещает. В первом заключен и художник, и скульптор, и архитектор, и иллюзионист, и литератор. Борромини же непреклонно и исключительно архитектор; человеческие фигуры его не интересуют, точно так же как и женщины. Бернини создает их из мрамора, и под его резцом камень обретает шелковистую изнеженность и мягкость кожи.

В искусстве Контрреформации единственным способом отразить красоту женщин было изображение святых и мифических героинь. Скульптура «Похищение Прозерпины Плутоном» (Рим, Галерея Боргезе) — это, по сути, стоп-кадр, уведомляющий о неизбежном изнасиловании. Пальцы похитителя погружаются, врезаются в плоть девичьих бедер и спины, отчаянность жеста, которым она пытается защититься, лишь делает очевидным приближение акта насилия. Неприкрытая сексуальность «Экстаза святой Терезы» (Рим, Санта-Мария-делла-Витториа) была описана и изучена бессчетное число раз. Менее известна, но столь же красноречива другая статуя: блаженная Людовика Альбертони (Рим, Сан-Франческо-а-Рипа), воссозданная скульптором в момент, когда она извивается и, пожалуй, даже стонет от невыносимого удовольствия.

На закате своих дней Борромини все реже доводится жить в лихорадочном ритме и творческом беспорядке строительной площадки. Это способствует тому, что постепенно одерживает верх латентная маниакальность его темперамента. Он обитает в небольшом, бедно меблированном доме в переулке Анджело, близ церкви Сан-Джованни-дей-Фьорентини. Его внешний вид в полной мере отражает внутренний душевный хаос; он пред-

стает очевидцам «изнуренным телесно с обезображенным лицом». Вновь обратимся к Бальдинуччи:

Он всегда очень страдал от приступов меланхолического настроения, или, как говорили некоторые его близкие, от ипохондрии. По причине такой болезни, совмещенной с непрерывным созерцанием своего искусства, с течением времени он погружался в постоянные оцепенелые размышления, избегал, насколько это было возможно, общения с людьми, запирался в одиночестве дома и не занимался ничем иным, кроме как постоянным блужданием в своих смутных мыслях.

Его племянник Бернардо неоднократно приглашал на консультации медиков, но психиатрия, вплоть до сегодняшнего дня сомнительная и рискованная, тогда была еще в зачаточном состоянии. Единственный разумный совет, который могли дать доктора, заключался в том, чтобы за поступками Борромини внимательно наблюдали и не давали ему причинить себе какой-либо физический вред. В остальном же лучше доверить лечение священникам, считали эскулапы. Бальдинуччи пишет:

За несколько дней до смерти он сжег все свои чертежи различных видов резьбы и гравировки, которые так и не удалось воссоздать. Он сделал это из боязни, как бы через родственников они не попали к его врагам, которые бы их присвоили или исказили.

Ночью 2 августа 1667 года, после долгих часов сильнейшего беспокойства и волнения, он вставляет в поперечину кровати шпагу клинком вверх и наваливается на нее всем телом. Лезвие пронзает его, на вопли бедного безумца прибегает Франческо Массари, один из мастеров-строителей, прислуживавших по дому. Рана была ужасной, но не смертельной. Примчавшиеся на помощь люди извлекают смертоносный металл из обессилевшего тела, в доме появляются представители правопорядка. Поспешившему для последнего причастия духовнику Борромини успевает вовремя сообщить, что вина за случившееся лежит всецело на нем, рассказывает о своем раздражении и тревоге:

Наконец, вспомнив, что у меня была шпага в комнате, у изголовья кровати, подвешенная к канделябру с благословенными свечами, почувствовав

растущую во мне озабоченность из-за темноты кругом, в отчаянии я выхватил эту шпагу из ножен, рукоятку ее прикрепил к кровати, острием к себе, и кинулся на него со всей силы так, что оно вошло в мое тело спереди и вышло сзади.

Страшная рана спустя сутки мучений сводит его в могилу. Беспокойный, неугомонный Борромини испускает последний вздох в шесть часов утра 3 августа 1667 года. Газеты сообщают эту весть вкратце: «Покончил с собой кавалер, архитектор Франческо Борромини». Церемония похорон скромна и непритязательна. Его, как он и желал, похоронили под куполом Сан-Джованни-дей-Фьорентини, рядом с Карло Мадерно.

Борромини умирает в возрасте шестидесяти восьми лет; Джан Лоренцо Бернини — в восемьдесят два года. То есть он переживет своего соперника на четырнадцать лет и трех понтификов. Смерть Борромини придется на тот же год, что и кончина Александра VII Киджи; а Бернини между тем успел послужить Клименту IX, Клименту X и еще года два — Иннокентию XI. Борромини гибнет трагически. Бернини же умирает так, как и приличествует его возрасту. Его сын Доменико написал, что отец в 1680 году «страдал от затянувшейся лихорадки, после чего произошло кровоизлияние в мозг, лишившее его жизни». Он пытался сопротивляться апоплексическому удару, хотя был парализован на всю правую сторону, включая руку. Как сообщает Доменико, он даже удовлетворенно шутил над этим обстоятельством: «Пусть немного отдохнет рука, которая трудилась так много». Он боролся с недугом пару недель, но, пока силы неуклонно покидали его тело, ни разу не изменил свойственной ему трезвости суждений и некоторой эксцентричности. Бернини скончался в собственном доме 28 ноября 1680 года. К месту упокоения в базилике Санта-Мария-Маджоре его сопровождала огромная толпа народа.

Разные во всем, вплоть до пути в вечность.

VII. Авантюрная история одного дворца

Пьяцца дель Квиринале — одна из самых пленительных в мире, с трех сторон закрытая, с четвертой — обращенная к бельведеру, едва видимым вдали контурам холмов и огромному куполу, что выделяется в небе к западу. С этой террасы летними вечерами можно наблюдать закат в вихрях лазури, индиго, розовых и синих красок, который не осмелился бы вообразить ни один художник, боясь показаться избыточным, чрезмерным. Впечатляющая, трогательная красота, порождаемая не только тем, что в состоянии объять взгляд, но и тем нагромождением событий, которые разворачивались на вершине этого холма, как на сцене, имматериальным присутствием, волнами памяти, страницами недавней и древней истории, часто драматической, порой двусмысленной и ускользающей, в иных случаях определяющей, решающей, каким быть грядущему. Можно сказать, что повествование о Квиринале — площади, дворце, точнее дворцах, фонтанах и садах — отражает целиком историю Рима и папства, правившего им на протяжении столетий.

Говорят, что название восходит к Куресу — старинному городу сабинян, первыми поселившихся на этом холме. Здесь по велению Константина были построены термы, носившие его имя и довольно быстро окруженные роскошными виллами, так что вскоре эта зона стала престижным районом жилых резиденций. Заброшенная в Средние века, она была вновь обнаружена только в XVI веке, когда на месте прежних терм на свет божий вытащили статуи Диоскуров — Кастора и Поллукса, которых приняли за укротителей лошадей. Отсюда и пошло народное название Монте Кавалло (букв. Гора Лошади), сделавшее известной эту возвышенность. При папе Сиксте V оба колосса были установлены на площади, по бокам фонтана. Скульптурная группа с вздымающимся за ней обелиском вносит заключительные штрихи в облик площадки. Что же до Диоскуров, то речь идет о двух прелестных

статуях, искуснейших по исполнению копий с греческих оригиналов V века до н. э., приписываемых Фидию и Праксителю. Ошибочная атрибуция увековечена надписью на цоколе, породившей целый ряд недоразумений — что-то среднее между насмешкой и политкорректностью, — о чем непременно вспомнит любой, кто сумеет ее рассмотреть.

Действительно, во второй половине XVIII века Пий VI поручил архитектору Джованни Антинори передвинуть статуи, разместив между ними обелиск, взятый из мавзолея Августа, близнец того, что сейчас стоит на Эсквилине. Первая попытка в 1783 году провалилась, и народ иронически перефразировал надпись OPUS FIDIAE («Творение Фидия») в звучащую насмешкой OPUS PERFIDIAE PII SEXTI («Гнусное дельце Пия Шестого»). Вторая попытка, предпринятая тремя годами позже, напротив, была успешной, и всеобщий энтузиазм в связи с этим мероприятием (трудным, учитывая скудный инструментарий той эпохи) обернулся сочинением высокопарной фразы, в которой обелиск от собственного лица рассказывал о своей тысячелетней истории, завершая так: INTER ALEXANDRI MEDIUM QUI MAXIMA SIGNA / TESTABOR QUANTO SIT MINOR ILLE PIO («Поставленный между этими великими статуями Александра, я удостоверяю второстепенность его в сравнении с Пием»).

Когда в 1798 году французы провозгласили якобинскую республику, такого рода отзыв, принижающий Александра Великого, мог показаться провокационным в отношении Наполеона, поэтому пафос последней строчки был смягчен: TESTABOR SEXTI GRANDIA FACTA PII (удостоверяю великие деяния Пия). Однако торопливый каменотес забыл стесать одну деталь, из-за которой под буквой S в слове SEXTI все еще читается черточка от Q из прежнего слова QUANTO. Наконец, в 1818 году установка грандиозного монумента была закончена. Раффаэле Стерн задумал там новый фонтан, для которого использовал большой сосуд, добытый на римском Форуме, где его в свое время приспособили под поилку для волов.

Диоскуры, обелиск и фонтан сами по себе подсказывают мысль об исторических событиях, свидетельницей которых была эта площадь. Можно было бы также упомянуть и сад, располагающийся на улице Квиринале, напротив палаццо, — для того чтобы его разбить, были снесены две церкви и столько же монастырей. Хотели, чтобы германский кайзер Вильгельм, гостивший у короля Италии в 1888 году, из окна своих апартаментов мог любоваться максимально широкой перспективой. Если заглянуть внутрь, то стоит вспомнить капеллу Паолина, равную по размерам Сикстинской

в Ватикане, или же Лоджию Благословений над главным входом, спроектированную Бернини, или мощную крепостную башню в правом секторе, служившую оплотом обороны и укрепленную артиллерией. Здесь тоже пришлось разрушить часть примыкающей к зданию виллы Колонна, чтобы у пушек появилось достаточное пространство для прицельной стрельбы.

Окончательным оформлением площади по воле папы Пия IX занялся маститый архитектор и инженер середины XIX столетия Вирджинио Веспиньяни. Необходимо было адаптировать узловую дорожную развязку к условиям прогрессирующей урбанизации и к потребностям возникающих новых столичных кварталов. Веспиньяни выровнял и сгладил поверхность площади, создав парадную лестницу, спускающуюся к улице Датария, и соединительный отрезок, который двойным поворотом на 90 градусов подступает вплотную к западному склону холма. Дабы проложить его, архитектору потребовалось разрушить уступчатую подъездную дорогу к конюшням (Скудерие) и возвести укрепляющую внешнюю стену, украшенную особыми нишами со статуями. Эффект чудесен, как отмечали уже тогда, поскольку при подъеме к площади «почти внезапно перед твоим взором предстают величественные громады Апостолического дворца, совещательной консульты, восхитительная скульптурная группа лошадей, обелиск, фонтан».

Отдельного упоминания заслуживают покои, приготовленные по случаю приезда Наполеона, который в Риме так и не побывал, но всегда мечтал иметь здесь второй по значению дворец-резиденцию после парижского. В частности, именно поэтому он и дал своему сыну титул римского короля. Париж и Рим должны были стать столицами его империи. Судьбой ему не было дано реализовать свой проект, поскольку на смену стремительному взлету через десять лет пришло падение, а финалом всего правления оказалось унизительное заключение и агония на острове Св. Елены.

Летом 1809 года французская армия вновь оккупировала Рим, и папа Пий VII, подобно своему предшественнику, был пленен и вывезен во Францию. Если ориентироваться исключительно на эффективность, абстрагируясь от любых иных соображений, то наполеоновская администрация продемонстрировала свою открытость и продуктивность в бытность префектом города барона Камиля де Турнона, который мог полагаться, помимо всего прочего, на сотрудничество с Кановой, Камуччини, Валадьером, Стерном. К примеру, была приведена в порядок зона между мостом Мильвио и Порта дель Пополо, что позволило заложить прямую, как стрела, улицу, параллельную виа Фламиния (ныне бульвар Тициано), и разработать

берегоукрепительные сооружения для того участка Тибра, что расположен в сердце города, между двумя высокими крепостными стенами. Барон приложил руку и к осушению зловонных Понтийских болот, что было начато еще при Пие V в XVI веке и доведено до победного конца только при фашистах. Образовались площадки для баров, ресторанов, гимнастических залов-палестр, театров и забав на открытом воздухе. Подумали и о мертвых, отведя территорию под кладбище Верано.

Для нас здесь наиболее интересно то, что были предприняты усилия для трансформации палаццо дель Квиринале в самый настоящий монарший дворец. 28 февраля 1811 года императорским архитектором был назначен Раффаэле Стерн, лелеявший в уме идею дворца, в котором бы «объединились характерная стилистика и роскошь обиталища Цезарей, внушительными остатками коего мы поражаемся и по сию пору». Между тем ситуация, в которой пребывал упомянутый объект, оставляла желать лучшего. С грустным чувством он пишет:

> *То, что ныне существует и где проживал папа, слишком мало и неподходяще, чтобы принять нашего августейшего монарха… здание нуждается во всем, у окон косые рамы и витражи, полы из обожженного кирпича пришли в негодность, вся обстановка Папы состояла из ветхих камчатых обоев, пары-тройки столов и деревянных лавок.*

Корреспонденция и отчеты в Париж непрерывны; следует примирить два основных требования: оборудовать покои с предельной пышностью и провести реконструкцию как можно скорее. За строительство взялись в ноябре того же года. Объем работ гигантский, привлечены три тысячи рабочих. Проводится реставрация сводов, фризов, дверей, мраморных вставок, извлеченных из кусков античных колонн, сооружаются критически необходимые бытовые помещения, например ванные комнаты и туалеты (как отмечает Марина Натоли, автор качественной монографии о дворце, опубликованной издательством «Либрериа делло Стато» в 1989 году, «ванны Квиринала — первые из возникших в Риме после купальни Люсьена Бонапарта в палаццо Нуньеж»). Марциал Дарю, интендант имущества короны, кажется неудовлетворенным темпом и ходом работ, он находит, что римские рабочие менее усердны и старательны в сравнении с парижскими, пусть их мастерство и непререкаемо. Но именно их искушенность и профессионализм поражают префекта Камиля де Турнона, который в своих «*Мемуарах*» пишет:

> *Бесчисленные скульпторы, занимающиеся в Риме обработкой блоков мрамора для своих произведений, нанимают большое количество простых каменотесов, наделенных живым умом и способностями… резьба, гравировка, ваяние из твердого камня или раковин, будь то полости или рельефы, — это целая индустрия по экспорту замечательных изделий в Европу. Было время, когда на работу туда набирали до восьмидесяти человек, и это не считая управлявших ими блестящих художников.*

Военные кампании Наполеона не позволили завершить строительство. После победы при Липсии австро-прусские войска в конце марта 1814 года вступают в Париж. 4 апреля император отрекается от престола и месяц спустя высаживается на острове Эльба. 24 мая в 19 часов папа Пий VII въезжает в Рим через Порта дель Пополо; его сопровождают высокопоставленные приближенные — кардиналы Маттеи и Пакка.

Палаццо дель Квиринале ожидает самая грандиозная реконструкция в его жизни, осуществленная к тому же с невиданным пылом. Стерн продолжает оказывать свои услуги, но наличные средства, имеющиеся в распоряжении папского правительства, уже совсем не те, что раньше. Положение усугубится после смерти Пия VII в 1823 году, достигнув кульминации упадка при Пие IX. Как написал Джулиано Бриганти в своем очерке о Квиринале, «все, что было сделано, это лишь бесполезные добавления или, хуже того, непочтительное и неряшливое искажение архитектонической целостности».

Многие из вещей, созданных специально для Наполеона, были разобраны и демонтированы; ситуация не улучшилась и после 1870 года, когда во дворце поселилось королевское семейство из Савойской династии. К примеру, постыдным решением был снос (по случаю визита в Рим Гитлера) того крыла дворца, где располагались очаровательные апартаменты французской императрицы. По мнению Марины Натоли, то немногое, что сохранилось до наших дней, — «это почти археологические артефакты и фрагменты», лишь тени художественной культуры, не имевшей равных в мире.

Эта книга посвящена некоторым эпизодам политической истории Святого престола, к которым сейчас и следует вернуться. Сикст V был первым понтификом, умершим в Квиринале (1590 год), но на «постоянное место жительства» туда перебрался в 1592 году лишь его последователь, Климент VIII. Дворец оставался папской резиденцией вплоть до трагической ночи 5 июля 1808 года, положившей начало событиям, упомянутым ранее в этой главе. Цепочка фактов была такова: 2 февраля 1808 года корпус генерала

Миоллиса оккупирует Рим от имени императора французов. Неслыханное происшествие, особенно если учесть, что царствующий папа Пий VII 2 декабря 1804 года присутствовал в соборе Парижской Богоматери на церемонии коронации Наполеона, который на прославленном полотне Давида уже с лавровым венком на голове изображен возлагающим тиару на чело императрицы Жозефины. Папа примостился в углу, с грустным выражением лица, а порядок размещения гостей и поза понтифика сами по себе выразительно свидетельствуют о шаткости взаимоотношений между двумя монархами.

Они не наладились и в дальнейшем. 17 мая 1809 года император издает в Вене декрет об аннексии Римского государства Францией, что влекло за собой крах светского владычества понтифика. Юридическая мотивация, назовем ее так, сводилась к тому, что влияние, оказываемое иностранным правителем на внутренний курс империи, может служить угрозой ее безопасности; соответственно, рекомендуется аннулировать дарение Карла Великого римскому епископу. В документе можно прочесть, что,

> *когда Карл Великий, император французов и наш августейший предшественник, вручил в качестве дара епископам Рима несколько графств, сделано это было во благо этих территорий, но Рим все же не переставал быть неотъемлемой частью его империи. Впоследствии подобное сочетание власти спиритуальной и мирской превратилось в источник разногласий и остается таковым, ибо нередко понтифики прибегали к воздействию первой власти для подкрепления претензий второй. Таким образом, интересы духовные и дела небесные, суть которых неизменна, смешивались с земными заботами, а они по самой своей природе изменчивы в зависимости от обстоятельств и политики конкретного времени.*

Обоснования в чем-то частично взвешенные, в чем-то претенциозные, но в целом не слишком отличающиеся от тех, за которые ухватится несколько десятилетий спустя Кавур в своей попытке миролюбиво разрешить острый и щекотливый римский вопрос: «дела небесные» и политические интриги редко согласуются между собой, наоборот, они часто подталкивают к рискованным компромиссам. Впрочем, по этому пункту с ним охотно соглашались и представители церкви из числа наиболее либеральных католических теологов.

Реакция понтифика тверда: Наполеон предан анафеме, и в булле *Quum memoranda* от 10 июня 1809 года Пий VII заявляет: «Да поймут в очередной

раз монархи, что подчинены они Престолу нашему и приказам нашим по закону, данному Господом нашим Иисусом Христом. Коим мы суть хранители самого благороднейшего суверенитета».

Незадолго до рассвета 5 июля сотня французских солдат при помощи горстки римских «якобинцев» пробирается во дворец через окна, обращенные к церкви Сант-Андреа на виа дель Квиринале. Оскорбительный поступок. Наполеон потом скажет, что это была личная инициатива генерала Миоллиса, опасавшегося народного мятежа, или же приказ генерала Раде. В любом случае мандата на это он им не давал. Солдаты вламываются во дворец, швейцарская гвардия не реагирует и позволяет себя разоружить. Пока Наполеон на равнине под Ваграмом, к северо-востоку от Вены, готовится к одной из своих лучших битв, в Риме генерал Раде предстает перед Пием VII и именем императорского правительства требует подписать отказ от притязаний на светскую власть.

Папу не запугать, напротив, его ответные реплики отважны: «Мы не можем ни уступить, ни бросить то, что нам не принадлежит. Император может разорвать нас в клочья, но все равно ничего не получит. Разве после всего сделанного нами для него мы должны были ожидать подобного поведения?» Генерал в ответ сообщает, что его долг — переправить папу в другое место. Понтифик просит два часа на подготовку, в чем ему отказывают; тогда он требует, чтобы ему разрешили покинуть Рим в обществе его доверенных лиц, но тоже безрезультатно. В итоге Пий VII совершает возвышенно театральный жест: он берет с собой только требник и распятие и, сев в карету, отправляется в изгнание.

Скверное приключение после многих мытарств завершается благополучно. Падение наполеоновской империи погасило конфликт, а Пий VII сумел, наконец, возвратиться в Рим из ссылки в Фонтенбло. При содействии ловкого госсекретаря Эрколе Консальви (рукоположенного кардинала, то есть никогда не являвшегося священником) папа посвятил себя упорядочению собственного государства, которое решением Венского конгресса 1814 года было восстановлено практически полностью в прежних границах. Какая изысканная ирония! Ведь вся эта история началась в том же городе, где спустя шесть промелькнувших как один миг лет в ней была поставлена финальная точка.

Через несколько десятилетий, в 1848 году, в еще более трагических условиях дворец был осквернен вновь. В церковном государстве, как и по всей Италии, 1848-й — это год восстаний и бунтов. В Риме положение особенно

запутанное. Как всегда случается, когда потребность в переменах не находит выхода в политическом поле, импульс толпы, не сконцентрированной на конкретной цели, распространяется во все стороны, порождая сумятицу; в годину смуты разумные и справедливые требования чередуются с самыми абсурдными претензиями. Экстремисты любого толка играют на струнах всеобщей нетерпимости, подпитывая и усугубляя ее. В сентябре папа вверяет правительство заботам Пеллегрино Росси, дисциплинированного, скрупулезного человека, пэра Франции и профессора политэкономии, который был направлен в Рим в качестве французского посла. За тонкое дипломатическое искусство его возвели в графское достоинство.

Росси следует попытаться вернуть былой авторитет и имидж понтифику и одновременно сформировать менее ретроградную администрацию, запустив неизбежные социально-экономические реформы. Вероятно, ему удалость бы решить поставленные задачи, но не хватило времени даже попробовать. Однажды, через два месяца после своего назначения, 15 ноября, Росси поднимается по парадной лестнице дворца Апостолической канцелярии на торжественное открытие парламентской сессии, но внезапно двое или трое преступников бросаются ему наперерез и убивают, полоснув кинжалом по горлу. А ведь Росси едва начал двигаться к своей цели по приданию светского характера царству понтифика, к тому же он симпатизировал концепции «Итальянской лиги», то есть федерации государств полуострова, в условиях которой каждое из них сохранило бы свою автономность. Его реформаторские действия были осмотрительными и осторожными, насколько позволяла обстановка, за это его и ненавидели самые яростные карбонарии, охваченные революционной манией, — извечная трагедия любого политического процесса. В своей первой речи с трибуны итальянского парламента Кавур отнесет Росси к числу величайших фигур Рисорджименто.

В результате его смерти мятежный дух, до того выплескивавшийся спорадически, перерос в открытое восстание. Пий IX затворился в палаццо Квиринале, осажденном взбешенной толпой. Бунт, беспорядочный и невнятный, имел вполне опознаваемую политическую ориентацию. Манифестанты потребовали, чтобы папа объявил войну Австрии, упразднил дворянские привилегии, созвал общеитальянское Учредительное собрание, провел радикальные преобразования. На площади разглагольствуют, кричат, распускают слухи, сплетничают, беснуются, наседают на ворота. Швейцарцы, скорее испуганные, чем грозные, дают залп; мятежники, сперва обескураженные, быстро реорганизуются; в их рядах тоже есть солдаты

и гражданские гвардейцы, то есть люди, обученные обращению с оружием. Интенсивная перестрелка сменяется попытками штурма. Убитые и раненые есть с обеих сторон, застрелен папский секретарь.

Это несчастье подтолкнуло понтифика к решению покинуть Рим. Его бегство в короткие сроки подготавливается при помощи баварского посла Карла фон Спаура. Ночью 24 ноября, переодевшись простым священником и выдав себя за гувернера семьи Спаур, Пий IX устремляется в Гаэту под защиту короля обеих Сицилий.

Пий IX, Джованни Мария Мастаи Ферретти (1792–1878), сыграл видную роль как в истории католической церкви, так и в политической истории Италии прежде всего благодаря двум взаимосвязанным причинам: долгое тридцатидвухлетнее царствование и необычайные перемены, с которыми мало-помалу ему приходилось сталкиваться. Достаточно подумать, что его детство выпало на годы Французской революции, а юность — на эпоху Наполеона и Реставрацию. В зрелом возрасте он застает революционные волнения 1848 года и утверждение рисорджиментских идеалов, которые поставят под вопрос легитимность его монархии. Стариком он будет наблюдать, как пьемонтские солдаты хозяйничают в его резиденции, а Квиринал превратится в королевский дворец «узурпаторов» из Савойской династии. Исключительная парабола жизни, взбудораженная, истерзанная эпоха, которую нужно было встречать лицом к лицу, имея определенный интеллектуальный и политический горизонт, гибкость, сговорчивость, широту воззрений. Всего этого в арсенале у него не было.

Уже в тридцать пять лет Джованни Мастаи Ферретти был назначен архиепископом Сполето, в 1840 году произведен в кардиналы. Шесть лет спустя, 16 июня 1846 года, в четвертом раунде голосования большинством в тридцать шесть голосов из пятидесяти участников конклава его избрали папой. В заключительном круге он обошел кардинала Ламбрускини, беспощадного реакционера; это давало надежду на то, что его понтификат будет ориентирован на умеренный реформизм. Действительно, итальянские патриоты выказали ему свое расположение, кто-то даже разглядел в нем воплощение «неогвельфского» идеала, о чем писал священник Винченцо Джоберти в своем труде *«О духовном и гражданском превосходстве итальянцев»*. Джоберти придерживался концепции федерализма как фундамента итальянского единства и политической программы, сконцентрированной на идеях, распространенных и во Франции: примирение религиозности и духа нации, католицизма и либерализма.

В специфически итальянском контексте папа, относившийся к проекту благожелательно, мог бы послужить для него важнейшей точкой опоры. Мандзони, Розмини, Пеллико, Томмазео с энтузиазмом восприняли успокаивающую мысль о переходе к федеральной системе в Италии во имя устойчивого равновесия и без пролития крови. В стане противников оказались некоторые католические иерархи, а также иезуиты, опасавшиеся, и не напрасно, противоречивого смешения политического режима и религиозных порядков.

Среди тех, кто, пусть лишь поначалу, загорелся этими идеями, был Джузеппе Монтанелли (дед знаменитого журналиста и историка Индро Монтанелли), писатель, чиновник, депутат, яркий представитель течения романтизма. В «Итальянских мемуарах» он поведает о своей увлеченности этими идеями на раннем этапе: «Да, мы все были охвачены порывом, и ошибка была благодетельна; поскольку без возгласа “Да здравствует Пий IX” кто знает, когда бы еще массы итальянцев смогли ощутить свою принадлежность к национальной жизни, образ которой сегодня, вольно или невольно, бережно хранят их души; именно он рано или поздно приведет нас к единству». Суждение трезвое, лишенное иллюзий, вероятнее всего, реалистичное относительно поводов, предлогов и причин, способных разжечь из искры пламя народного энтузиазма.

На первых порах папа проявил себя неплохо: объявлена амнистия по политическим преступлениям, учреждены залоговые органы и институт поручительства, гарантирована ограниченная свобода прессы. В Риме, где до 1815 года публиковался лишь один вестник «Диарьо бисеттиманале» (букв. «Двухнедельный журнал») и напрочь отсутствовали ежедневные издания (до 1846 года), внезапно расцвели частные газетные предприятия умеренно-либерального толка. Пий IX отменил меры, дискриминирующие евреев, равно как и требование их принудительного проживания в гетто; санкционировал прокладку короткой железнодорожной ветки в Лацио; 14 марта 1849 года позволил сформировать и, что принципиально с политической точки зрения, направить отдельные армейские полки на фронт военных действий с Австрией, в эпоху знаменитой Первой войны за независимость. Она продлилась недолго; уже к концу апреля папа недвусмысленно выразил желание покинуть ряды борцов за итальянское дело: «На земле поручено замещать нам Того, кто является творцом мира… и отеческая любовь наша обращена ко всем народам и нациям, без изъятия». Практическим и непосредственным следствием этого шага было то, что его войска, походным маршем продвигавшиеся к северным границам церковного государства, были отозваны.

Почему это произошло? Дебаты вокруг такой молниеносной перемены взглядов были долгими и упорными, мнения разделились. Заявляли о «предательстве Рисорджименто», намекали о настойчивом давлении иезуитов, противников объединительного процесса, и о том, что папа ощутил себя марионеткой, «инструментом» в руках «итальянцев», поэтому и решил дать обратный ход. Возможно, истина лежит где-то на стыке этих доводов, среди которых есть один фундаментальный: папе надлежит быть политиком. Это и подтолкнуло его к осознанию, что на посту главы церкви и главы государства, воплощая двойную власть, духовную и мирскую, будучи понтификом и королем, ему придется подчиняться требованиям осмотрительности и благоразумия, причем его собственная воля в данном случае не сможет разорвать узы возложенной на него ответственности.

Крутой поворот, низкое предательство, отказ от идеи, понимание подспудных течений… Как бы мы ни называли этот факт, но он оказался самой что ни на есть убедительной предпосылкой трагических событий последующих месяцев. Не исключено, что более дальновидный или же менее скованный традицией и доктриной политик сумел бы извлечь совершенно иной эффект из такого рода препятствий, например, проанализировать и взвесить вопрос светской власти, которая достигла высшей точки своего развития и клонилась к закату. Легче сказать, чем сделать, — всяк задним умом крепок. Так или иначе, но реакция папы была совсем другой.

О том, что случилось в Риме после его бегства в Гаэту, о краткой и славной авантюре Римской республики рассказано мною в главе «Братья Италии» книги *«Секреты Рима»*, к ней я и отсылаю всех интересующихся этим периодом. Напротив, здесь мы проследим за Пием IX в изгнании, которое, впрочем, не было слишком длительным: семнадцать месяцев, с ноября 1848-го по апрель 1850 года.

Папская политика по восстановлению контроля над государством протекает по двухчастному сценарию. С одной стороны, он дезавуирует деятельность республиканского правительства, с другой — побуждает к вмешательству и интервенции европейские католические державы. В феврале в речи, обращенной к дипломатическому корпусу, папа призывает:

Мы обращаемся к вам, дабы довели вы до сведения дворов и правительств ваших чувство Нашего глубокого возмущения и протеста. Низвергнуты подданные понтифика в бездонную пропасть нужды, и сподвигнуты они на это все той же дерзновенной сектой, извечной противницей

человеческого общежития; Мы, как светский князь и еще более как понтифик католической религии, выражаем стоны и мольбы большей части означенных подданных, алчущих избавиться от сковывающих их цепей. В то же время просим, чтобы соблюдено было священное право светского владычества Святого престола, принадлежащее нам столетиями, повсеместно признанное и легитимное.

В апрельском (через год) торжественном обращении к Святой коллегии кардиналов он предостерегает:

Кто не ведает того, что город Рим, средоточие католической церкви, сейчас (увы, о горе нам!) превратился в непроходимую сельву с рыкающими животными, изобилующую людьми разных народностей, отступниками, еретиками или, как принято говорить, наставниками коммунизма или социализма? Вдохновлены они самой чудовищной ненавистью к догматам католической веры, изустно или письменно, любым доступным способом изыскивают они пути распространить и рассеять по свету зловредные ошибки любого рода, совратить сердце и душу каждого, дабы в самом Риме стало возможным замарать святость католической религии, незыблемые принципы вероучения.

Параллельно с этим госсекретарь кардинал Антонелли направляет в правительственные канцелярии Испании, Франции, Австрии и Королевства обеих Сицилий послание, где среди прочего пишет:

Ситуация в Папском государстве подобна опустошающему пожару, вызванному деятельностью партии, стремящейся подорвать социальные устои. Под обманчивыми, иллюзорными предлогами национализма и независимости она не гнушается никакими средствами, чтобы довести до кульминации свои низость и подлость. Так называемый фундаментальный декрет есть не что иное, как акт, коим повсюду порождается самое мерзкое вероломство и отвратительное безбожие.

И завершает: «[Папа] вновь обращается к державам, прежде всего к католическим, которые с таким благородством и великодушием явили свою твердую убежденность… в уверенности, что они сумеют действовать быстро и осуществить нравственное вмешательство с целью возвращения Ему престола». Кардинал пишет о «нравственном вмешательстве», но намекает

при этом на вооруженную интервенцию. И действительно, послание, интерпретируемое в таком ключе, станет основанием для военной операции.

Политическая активность папы непрерывна, лишена всяческих нюансов и оттенков. Он ведет наступление по всему фронту, идет в лобовую атаку, бросает вызов, отвергает любое посредничество. Из Гаэты он провозглашает республиканское правительство незаконным и запрещает «добрым христианам» под угрозой отлучения от церкви участвовать в выборах, определяемых им как «святотатство». Фактически это приводит к тому, что умеренные манкируют голосованием, в результате чего (а процент голосующих высок: всего около 50 процентов, в ряде районов эта цифра доходит до 70) формируется ассамблея, где доминирующие позиции занимают радикалы, не чурающиеся экстремизма.

Как расценивать такой поступок? Как политическую ошибку? Или же это была хитроумная уловка? Не допустив к урнам для голосования последователей умеренных течений и предоставив всю политическую сцену экстремистам, новорожденная республика оказалась под контролем несбалансированного кабинета министров с сильным креном влево (в сегодняшних терминах). Тем самым создавалась питательная среда для эксцессов и крайностей, что, безусловно, сделало бы ее мишенью для критики. Нечто похожее опять произойдет с буллой *Non expedit* от 20 сентября 1870 года, появившейся после вступления итальянцев в Рим через брешь в Порта Пиа; она станет очередным подтверждением близорукости в отношении фанатичной непримиримости.

Можно себе представить, в каком душевном состоянии папа вернулся в Рим, как только обстановка позволила это сделать. Если на первом этапе понтификата его поведение в глазах многих казалось двойственным, то сейчас любые сомнения были развеяны. Он приступил к самой настоящей, аутентичной и скрупулезной реставрации прежних порядков, включая восстановление смертной казни, отмененной Римской республикой. Пий IX концентрируется на пастырской деятельности (конгрегации, семинарии, миссии для обращения «неверных», семинары и церковные службы), а также на некоторых социальных вопросах, которые пробудившееся народное сознание не позволяет больше игнорировать. Но по доктринальным и непосредственно теологическим темам его воззрения остаются абсолютно реакционными. 8 декабря 1854 года он объявляет догматом тезис о непорочном зачатии, а булла *Ineffabilis Deus* («Невыразимый Господь») уточняет:

Оглашаем, обнародуем и определяем, что доктрина, согласно которой Пресвятая Дева Мария в миг своего зачатия, единственно по воле всемогущего Господа, даровавшего сие ввиду заслуг Иисуса Христа, Спасителя человечества, осталась непорочна и была спасена от первородного греха, открыта нам Богом, отчего каждому католику надлежит верить в нее постоянно и неукоснительно.

Этот жест, несомненно, наложил печать на весь его понтификат и вызвал бурные эмоции в католическом мире, пусть многие верующие в наше время уже и утратили точное понимание его значения, более того, нередко этот постулат смешивают с другим — о девственности и целомудрии Марии.

Десять лет спустя Пий IX издает энциклику *Quanta cura* («Заботы наши»), приложением которой был пресловутый Силлабус, иначе говоря, нечто вроде каталога ошибок и заблуждений современности.

Время движется галопом, новости сменяют друг друга во всех сферах, промышленный переворот и инновации в самом разгаре, стремительно и неудержимо идет обновление политической жизни, социальной борьбы и средств коммуникации. Тот старый, привычный мир, служивший ориентиром для папы и идеалом для всего его поколения, клонился к закату, исчезал на глазах. Будучи духовным лидером, Пий IX боялся, что этот процесс опасен для церкви, рискующей очутиться за бортом, утратить функцию точки опоры и осевого стержня человеческой морали. Тревога подталкивает его к написанию печальных слов осуждения

злодейских махинаций и преступных козней тех, кто извергает, точно бушующее море, обломки, пену фальши и несостоятельности, кто обещает свободу, хотя сам является рабом развращенности и гниения. Обманчивыми суждениями и пагубными сочинениями вознамерились они ниспровергнуть основы католической религии и гражданского общества, устранить из мира любую добродетель и справедливость, совратить души и умы людские… и в наибольшей степени испортить несведущую молодежь, утянуть ее в западню ошибок, чтобы, в конце концов, вырвать ее из лона католической церкви.

Силлабус резюмирует беспокойство понтифика. Это документ, в котором решительно, без половинчатых фраз и экивоков осуждается прогресс и все то, что он несет с собой: либерализм, современную цивилизацию, свободу,

в том числе печати и совести. Пий IX считает тяжелейшими грехами развод, низложение светской власти папства — гипотезу, в рамках которой католицизм больше не является единственной религией государства, — да и саму идею о возможности отделения от него церкви. Он полагает неприемлемым публичное отправление прочих культов, демонстрацию плюрализма мнений, мыслей и воззрений. Социализм характеризуется как «роковая ошибка». Понтифик обрушивает проклятия на либеральные принципы устройства социума, которые постепенно и повсеместно укрепляются на Западе, он словно одержим этим, опасаясь (прозорливо), что такой современности непременно будет сопутствовать религиозная индифферентность. В той же энциклике его жалобы пропитаны грустью:

Разве не видно и не понятно каждому, что тот, кого полностью устраивает человеческое общество, избавленное от уз религии и истинной справедливости, конечно же, не может стремиться ни к чему иному, кроме как к добыванию и накоплению богатств, и нет для него иного закона, помимо необузданной алчности души, потакающей собственным желаниям благоустроенности и удовольствий?

Эти слова, вне всякого сомнения, точно схватывают суть одного из главных аспектов современности. И в самом деле, все это свойственно массовому обществу; безусловно, жадность и ниспровержение нравственных ценностей характеризуют многие современные культуры, где превалирует неистовая мания денег и потребления. Предугаданное папой, запертым в цитадели Святого Петра, точно совпадает с тем, что было предсказано крупнейшими мыслителями нашей эпохи, в частности во второй половине XX века. Вывод в том, что папа Мастаи видит возможное зло, но пренебрегает всем остальным: социальными завоеваниями, преимуществами свободы, распространением знаний, прогрессивным вкладом научных исследований, ускользнувших из силков насильственного подчинения доктрине. Прежде всего, человек, претендующий на роль политика, предлагает неверные управленческие средства, отстаивая возврат к беспримесному абсолютизму, уже неактуальному и элементарно невозможному в текущей повестке дня.

6 декабря 1864 года, за два дня до публикации Силлабуса, Пий IX уведомляет Конгрегацию ритуалов о своем намерении созвать в кратчайшие сроки Вселенский собор, то есть совещание всех католических епископов мира, дабы обсудить всю ту тематику, касающуюся церковной жизни, которую

само время выдвинуло на первый план. Он будет двадцатым в истории церкви и впервые пройдет в базилике Святого Петра, отсюда его название — Первый Ватиканский. Потребуются месяцы подготовительных работ и согласования повестки, прежде чем он будет официально открыт. Между тем в 1866 году вспыхивает война между Италией и Австрией, в связи с чем французские войска, дислоцированные в Риме для защиты папства, будут выведены из города. В том числе и поэтому только 29 июня 1868 года булла *Aeterni Patris* («Вечного Отца») ознаменует сбор всех делегатов собора.

Первая сессия ассамблеи пришлась на 8 декабря 1869 года, на ней присутствовали почти восемьсот кардиналов из всех уголков земли. Какие же цели преследовало столь торжественное событие? Историки выделяют две ключевые цели, полностью соответствующие важнейшим решениям, принятым собором. Первая сводилась к утверждению иерархами церкви тех положений, что были прописаны папой в Силлабусе. В этом документе, как мы помним, понтифик осудил современность, акцентируя свое порицание на самых негативных моментах. Ныне речь шла о том, чтобы обернуть неприятные перспективы к пользе Римской церкви, доктрина которой должна была противостоять рационализму, либерализму, материализму и особенно «губительному» политическому учению социалистов.

24 апреля 1870 года было единогласно одобрено (667 присутствовавших членов «за») установление *De fide catholica* («О католической вере»), утверждающее догматическую природу этой религии и уточняющее среди прочего, в каком именно смысле Библия считается вдохновленной Богом.

Однако наиболее болезненные столкновения вызвало другое, более обязывающее решение, затрагивающее примат папы и его непогрешимость в случаях, когда ex cathedra (с амвона) он высказывается по вопросам веры. Пусть этот аргумент и не числился в распорядке дискуссий на момент открытия собора, все знали, что он будет затронут. Уже первая, предваряющая дебаты фаза довольно резко поделила участников собора на фракции. Многие епископы, преимущественно французские, австро-германские и частично североамериканские, считали утверждение такого типа чрезмерно ответственным и, более того, потенциально опасным как по отношению к иным религиям, так и в контексте внутреннего церковного устройства, учитывая концентрацию в руках папы гигантской власти, способной задушить в зародыше любую коллегиальную фронду.

На практике эта мера предусматривала следующее: понтифик, укрепляемый или прямо вдохновляемый Святым Духом, не может ошибаться,

прокламируя новый догмат или окончательно фиксируя какие-либо элементы доктрины. Недаром установление о непогрешимости (от 18 июля 1870 года) получило название *Pastor Aeternus* («Вечный пастырь»), а его «распорядительная часть» гласит:

Провозглашаем догмат, возвещенный Господом: каждый раз, как римский понтифик говорит ex cathedra, то есть исполняет функции пастыря и наставника всех христиан, и апостолическим авторитетом объявляет, что какая-либо доктрина, касающаяся веры или нравственной жизни, должна восприниматься непреложно всей церковью, тогда он, в силу Божественного присутствия и содействия, пожалованного святым Петром, обладает во всей полноте непогрешимостью, коей Спаситель наш пожелал наделить церковь свою в решениях, связанных с вероучением, обычаями и нравами. Тем самым подобные декреты и заветы римского понтифика не подлежат каким-либо изменениям… Тот же, кто присвоит себе право, вопреки Господу, перечить этому решению, да будет предан анафеме.

Оба постановления — о вере и непогрешимости — в тех или иных плоскостях неразрывны. Например, и по сей день животрепещущими остаются отношения веры и разума. Тайны веры, как удостоверял документ, не могут быть постигнуты человеческой натурой, но, взаимообратно, явленная истина никогда не может противоречить умопостигаемым результатам. Отсюда, в очередной раз сокрушая перспективу, следует вывод, что любое утверждение, опровергающее подсказанные верой истины, должно быть ложным. Однако вера, как вытекает из установления, не сравнима ни с одной философской системой, развиваемой и совершенствуемой с ходом времени. Истины веры определены раз и навсегда. Доверенные защите, протекции и непогрешимой интерпретации церкви, они не могут быть модифицированы под предлогом более углубленного толкования. В целом в заключительных разделах доктринальное учение смыкается с папской непогрешимостью.

Этот догмат был проведен под сильнейшим давлением понтифика, подталкиваемого, в свою очередь, иезуитами. Против него выступали светские круги и наиболее либеральные слои католиков. Уже в ходе дискуссии по Ватикану начали циркулировать анонимные листовки, которыми разоблачалась невозможность свободного обсуждения и высокомерная наглость папы, претендовавшего на абсолютизацию власти, что расходилось, как поговаривали в кулуарах, с буквой и духом Евангелия.

Между тем если в 1866 году была в разгаре итало-австрийская война, то сейчас над Европой сгущались тучи гораздо более серьезного конфликта — между Францией и Германией. Воспользовавшись этим несчастьем, воспринятым почти всеми как неизбежное, и прибегнув к нему в качестве удобного повода, многие епископы покинули Рим. В реальности это была группа, представлявшая оппозиционное догмату о непогрешимости меньшинство, и ее отъезд был способом избежать голосования, влекущего за собой одобрение, к чему епископы были не готовы. В те дни возникла даже маленькая секта центральноевропейских епископов под названием «Церковь старокатоликов», что породило настоящую схизму. Результатом всех волнений стало итоговое голосование в понедельник 18 июля 1870 года, накануне франко-прусской войны, в ходе которого папа добился прерогативы верховенства и непогрешимости одобрением только 433 епископов из первоначального списка, насчитывавшего 800 человек. Результат был достигнут, но весьма высокой ценой — глубоким расколом внутри самого католицизма.

Полученной благодаря установлению о непогрешимости экстраординарной властью воспользовался, к примеру, Пий XII, когда в 1950 году провозгласил догмат об Успении Пресвятой Богородицы при помощи торжественной формулы, продиктованной как раз намерением выбить почву из-под ног любых интерпретаторов-диссидентов: «Оглашаем, объявляем и определяем догмой, открытой нам Господом, что чистая и непорочная Мать Христова, Дева Мария, по завершении земной жизни была вознесена духом и плотью к славе небесной».

Однако критические выпады теологов не утихали. Среди них были Ханс Кюнг и его ученик Август Бернард Хаслер, который, в частности, сфокусировал свое расхождение во взглядах с церковью на размытости и нечеткости границ мнимой непогрешимости, принимая во внимание и гибкость выражения ex cathedra: «Концептуальная неопределенность позволяет как экстенсивное применение догмата, расширяющего папскую власть, так и более узкое толкование, которое перед лицом неверных заветов прошлого всегда будет допускать положение, что данное утверждение не вписывается досконально в рамки так называемого “непогрешимого учительства” церкви». Впрочем, ни догма о непорочном зачатии Мадонны, ни пункт о непогрешимости никогда не были признаны другими христианскими конфессиями по мотивам как доктринального свойства, так и напряженности двусторонних отношений.

Восемьдесят девятая и последняя сессия собора была проведена 1 сентября 1870 года. Через неделю пьемонтские войска вступили в пределы Папской области, и 20-го числа, за несколько минут до восьми часов утра, пробив брешь в Аврелиановой стене, в ста метрах от Порта Пиа, они вошли в Рим, свергнув светское владычество пап. Пий IX затворился в Ватикане, объявив себя добровольным узником; интендант священных дворцов отказался вручить победителям ключи от Квиринала, путь к которому преграждали баррикады. Поэтому пьемонтцам пришлось взломать ворота, чтобы войти в него: понтифик хотел, чтобы учиненное над ним насилие было очевидным. Ровно месяц спустя, 20 октября, буллой *Postquam Dei munere* Пий IX отсрочил закрытие собора на неопределенный срок. И действительно, он был официально завершен только в 1960 году папой Иоанном XXIII в ходе подготовки к созыву Второго Ватиканского собора.

Тем временем в Европе продолжались потрясения. Разгром при Седане, как и многие другие поражения, привел к полному краху хрупкую империю Наполеона III и позволил королю Пруссии Вильгельму провозгласить себя в зеркальной галерее Версальского дворца германским императором. А вот последствия прорыва у Порта Пиа имели большое значение прежде всего для вновь образованного королевства Италия, поскольку конфронтация папы и короля оказала тяжелое и длительное воздействие на жизнь итальянцев. В сентябре 1874 года Апостольская пенитенциария, верховный трибунал и политический орган Ватикана, выпустила знаменитый документ *Non expedit* («Не дозволяется»), согласно которому всем католикам искренне советовали не участвовать в общественной жизни государства. Италии придется ждать 1905 года, когда другой папа, Пий X, смягчит запрет, и 1919 года, ознаменованного тем, что Бенедикт XV аннулирует его и разрешит священнику дону Луиджи Стурцо основать «Пополари», Итальянскую народную партию, стоявшую у истоков будущей ХДП — Христианско-демократической партии Италии.

Каковы причины настолько жесткой реакции церкви? Мотив, лежащий на поверхности, — это, естественно, потеря светской власти. После многих столетий доминирования римский понтифик оказался лишен функций суверена, с соответствующими негативными последствиями для его формального статуса, интересов на мировой арене и политического веса. Более того, присоединение Рима сопровождалось многочисленными эпизодами экспроприации имущества Ватикана, что нанесло прямой удар по финансовой состоятельности и прочим дополнительным преимуществам церкви, проистекавшим от обладания мирской властью. Напрасно Кавур (преждевременно

скончавшийся в 1861 году) ясными доводами пытался увещевать папу и показать ему, каким анахронизмом в условиях новой Европы было сохранение полномочий и духовного, и политического свойства. Еще в марте 1861 года, выступая в палате депутатов, он заявил:

Все то оружие и те рычаги влияния, которыми должна быть обеспечена гражданская власть в Италии и за ее пределами, перестанут быть нужными, как только понтифик ограничится духовной властью. Именно поэтому его авторитет, не будучи никоим образом умален, возрастет и укрепится в единственной сфере, ему причитающейся.

Призывы чередовались с заверениями:

Каким бы ни был способ овладения Вечным городом, по соглашению или без него, но стоит лишь Италии заполучить Рим, падение светской власти папы произойдет сразу же, равно как без промедления будет введен принцип отделения церкви от государства в сочетании с принципом свободы церкви на самых разумных и широких началах.

Ввиду таких соображений Пий IX ни на шаг не отступил от своих позиций. Помимо чисто финансового ущерба, королевство Италия воплощало в себе, на его взгляд, наихудшие веяния века, те самые, на которые он яростно обрушился в Силлабусе, видя в либеральном рационализме просвещенческой закваски претензию на установление верховенства разума над верой, последний плод той Французской революции, что смела старый теократический режим. После 1870 года он не преминул коллективно отлучить от церкви правящий класс объединенной Италии, а позднее, в 1873 году, — лично короля Виктора-Эммануила II. Он ни в коей мере не сомневался, что является одним из пап, до глубины души преданных духовной миссии, на них возложенной.

Экспроприация движимого и недвижимого имущества Ватикана тоже сыграла свою роль, но изнанка распри была сугубо идеологической, то есть непоколебимой и неразрешимой. Пий IX заточил сам себя внутри ватиканских стен, намереваясь наглядно показать миру, что его подвергли насилию, навязав разделение церкви и государства. В Италии и по всей Европе верующие выставляли напоказ иконы, изображавшие папу-пленника. Священники и монахини, будто священную реликвию, продавали солому, на которой, громогласно вещали они, итальянское правительство заставляло спать несчастного Святого Отца по ночам.

Все это подпитывало его обиду и злобу, укрепляло в убеждении, что новые теории несли с собой ужасные беды и непоправимый вред. В социализме он порицал не столько политическое мировоззрение или экономическую модель, сколько концепцию семьи, изменение роли и положения женщины, домашнюю мораль, противоположную, как он считал, христианской; он видел в нем инструмент «обмана и совращения беспечной молодежи», средство сделать ее чуждой учению церкви, направить ее, беззащитную, к исключительно земным идеалам. Разрыв между церковью и государством, обоюдная независимость и свобода, на чем настаивал Кавур в качестве гарантии нормализации обстановки, воспринимались понтификом как самая страшная угроза.

С другой стороны, можно понять, что для такого института, как католическая церковь, считавшего себя хранителем единственно возможной и допустимой истины, любое иное предположение прозвучало бы провокационно и, более того, богохульно. Недоверие к правам индивида, отвоеванным в конце XVIII столетия, не вытравилось и в сознании преемников Пия IX. К примеру, Пий XI, папа Ратти, ничтоже сумняшеся заявит уже в XX веке: «Если и есть тоталитарный режим, фактически и юридически, то это режим церкви, потому что человек всецело принадлежит церкви, он должен ей принадлежать, принимая во внимание, что он творение доброго Бога… и, кроме церкви, нет представителя прав Господа нашего, выразителя идей Его и мыслей». Напротив, Иоанн Павел II, папа Войтыла, в энциклике *Evangelium vitae* провозгласил, а после еще раз подтвердил, что «демократия, вопреки своим нормам и порядку, шествует по пути сущностного тоталитаризма», когда перечит поддерживаемой церковью этике. Одна и та же идеология — тоталитаризм — отважно отстаивается, если ее вменяют самой церкви, и оспаривается, если она реализуется на практике демократической системой.

Свирепость споров и столкновений итальянского королевства и папства вызвала противоположную реакцию либеральных кругов, ударившихся в бесчисленные антиклерикальные манифестации — от самых вульгарных шуток (тот же Гарибальди назвал Пия IX «кубометром навоза») до навязчивых подозрений в том, что каждая католическая организация есть скрытый маневр против нации и государства. Дошли до того, что задавали вопрос, а правомерно ли вообще считать католиков полноценными гражданами. Католики тоже не сидели сложа руки. Они настойчиво пропагандировали идею о том, что Рисорджименто и единство Италии были плодом интриг и интересов европейского масонства, а Кавур, будучи членом этой секты,

получал указания от международного масонства, манипулировавшего из Лондона внешней политикой маленького Пьемонтского королевства.

Для многих верующих католиков Пий IX стал фигурой, обладавшей невероятным престижем и популярностью. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что «культ личности» понтификов начался именно с него не только из-за проводимой и твердо защищаемой им политической линии, но и по причине известности его человеческих качеств и достоинств, добродушия, приветливости, душевной теплоты.

Пий IX умер в Риме 7 февраля 1878 года в возрасте восьмидесяти шести лет. Он был погребен в Ватикане, но это рассматривалось как временный вариант. Через три года, по окончании работ над гробницей в базилике Сан-Лоренцо аль Верано, его прах был перенесен туда. По соглашению с префектом и начальником квестуры* Рима транспортировка к месту назначения должна была пройти ночью, во избежание возможных инцидентов. Однако эта новость благодаря стараниям представителей клерикальных кругов, надеявшихся, что церемония будет сопровождаться проявлениями любви и почтения к понтифику, как это было при его жизни, просочилась сквозь ватиканские стены. Антиклерикалы также мобилизовались, но их соображения по поводу любви и почтения, само собой, разительно отличались.

Правительство (IV кабинет Агостино Депретиса) продемонстрировало явное нежелание обеспечить в ходе церемонии надлежащий порядок, необоснованно ожидая от участников мероприятия сдержанности и корректного поведения. В результате похоронный кортеж, двигаясь по согласованному маршруту, натолкнулся на толпу людей, скандирующих, размахивающих флагами и плакатами. Причем по одну сторону улицы чествовали и восхваляли папу-короля, а по другую им в ответ орали: «В реку грязную свинью», угрожая сбросить останки понтифика в Тибр. Полетели камни, взбешенные люди потрясали палками и тростями, шум, гам, стычки приняли такой размах, что процессия на всех парах поспешила к месту назначения, преследуемая ревущей толпой. Царствующий папа Лев XIII протестовал энергично и пылко, даже на миг показалось, что «римскому вопросу» суждено открыться вновь. Префект был снят со своего поста, а министру иностранных дел Италии пришлось извиняться перед главными европейскими дворами.

3 сентября 2000 года папа Иоанн Павел II совершил беатификацию Пия IX на площади Святого Петра.

---

* Местное полицейское управление. *Прим. ред.*

VIII. Две гробницы

На верхушке ворот Порта дель Пополо, со стороны, обращенной к одноименной площади, вмурована большая мемориальная доска из белого мрамора, на которой можно прочесть: FELICI FAUSTOQUE INGRESSUI — ANNO DOM MDCLV. О каком же счастливом и благоприятном вступлении в город в 1655 году здесь идет речь? Какой персонаж заслужил столь долгую память о своем прибытии?

Посвящение относится к королеве Швеции Кристине, одной из наиболее примечательных женщин своей эпохи, вдохновительнице бессчетных «академий», наделенной живым умом и легким нравом, при этом несколько раздражительным, бесстыдным и непостоянным в пристрастиях. Личность Кристины соизмерима с некоторыми из величайших и неоднозначных ее современников — от Людовика XIV и кардинала Мазарини до папы Александра VII и вспыльчивого аббата Ванини; с ними она пыталась соперничать в хитрости, великолепии и щедрости, но в большинстве случаев оказывалась побежденной. Один из ее лучших биографов, Вероника Бакли, написала, что Кристина, безусловно, обладала могучим интеллектом и многочисленными талантами, однако в своей лихорадочной и отчаянной погоне за блеском славы ей недоставало искры гениальности. Баланс ее жизни может быть подведен одной точной фразой, где она описана как «неровная жемчужина барокко, сверкающая и драгоценная, невзирая на ее несовершенство».

Именем Кристины Шведской в Риме названа улица, краем своим задевающая ботанический сад палаццо Корсини (тогда Риарио), ею когда-то заложенный. Но наиболее важно то, что королева оказалась единственной женщиной, удостоенной пышного мавзолея (скульптор Карло Фонтана) в соборе Святого Петра, а внизу, в крипте, находится ее могила, которая по случайному совпадению (оно бы ей наверняка понравилось) находится

рядом с захоронением Иоанна Павла II. На ее саркофаге надпись: CORPUS CHRISTINAE ALEXANDRAE GOTHORUM SUECORUM VANDALORUMQUE REGINAE — OBIIT DIE XIX APRILIS MDCLXXXIX (здесь покоится тело Кристины Александры, королевы готов, шведов и вандалов, скончавшейся 19 апреля 1689 года).

Кристина умерла в возрасте шестидесяти трех лет весной 1689 года. Она приехала в Рим за тридцать лет до того, сразу после отречения от шведского трона в пользу своего двоюродного брата. Что подвигло ее отказаться от короны? Что побудило пересечь всю Европу, стать католичкой и поселиться в городе пап, колыбели Контрреформации? Это запутанная история, в которой неразрывно сплелись самые сокровенные порывы души и политическая целесообразность, случайность и страшные события, происходившие на континенте в те годы. Совокупность всех этих обстоятельств привела Кристину, урожденную лютеранку, лесбиянку по сексуальной ориентации и подлинную виновницу ряда убийств и преступлений, к посмертному ореолу славы под покровом Святого Петра.

Уже ее рождение — а Кристина была дочерью короля Густава Адольфа Великого и Марии Элеоноры Бранденбургской — сопровождалось подозрительными недоразумениями. Она появилась на свет 8 декабря 1626 года полуобернутой в амниотическую оболочку*. Странная комбинация, полная предзнаменований: год ее рождения совпал со временем освящения собора Святого Петра. Она имела громкий, звонкий голос, жизненную силу и физическую крепость, а также, вероятно, клиторальную гипертрофию, из-за чего повивальные бабки в смущении приняли ее за мальчика.

Только день спустя, после более внимательного исследования гениталий, был установлен ее истинный пол. Поговаривают, что королю это даже пришлось по вкусу; вроде бы он прокомментировал, смеясь: «А она будет способной, коль сумела обмануть нас всех». Ее отец, монарх доблестный и вспыльчивый, пал на поле брани во время войны. Он был ревностным защитником лютеровской Реформации, яростным врагом папской коррупции и непотизма. Эти детали способствовали возникновению грандиозного скандала, когда Кристина открыто объявила о своем обращении в католицизм.

Первоначальное заблуждение по поводу ее пола сопровождало ее всю жизнь; наверное, оно может послужить самым простым объяснением ее склонности к лесбийской любви. В течение многих лет к этой теме

---

* В народной традиции это называется «родиться в рубашке». *Прим. ред.*

возвращались неоднократно, быть может, она стала одной из главных причин ее отречения от престола. Однажды, уже будучи в весьма зрелом возрасте, она вывалилась из двуколки, несшейся на большой скорости по садам палаццо Корсини, и распласталась на земле, а ее юбки задрались настолько, что никто не решался приблизиться к ней и помочь встать. Она поднялась сама и, улыбаясь, бросила окружающим: «Теперь вы знаете, что я не мужчина и не гермафродит, как некоторым хотелось бы думать».

Кристина взошла на трон в шесть лет, а уже в восемнадцать ей пришлось взять управление страной на себя. Она отреклась от престола в пользу кузена Карла Густава в двадцать восемь, процарствовав десять лет, причем вряд ли была недовольна своим положением, если принять на веру ее слова: «Престол был моей люлькой, я едва родилась, а уже предстояло на него взобраться… я была слишком маленькой, чтобы понять, какая удача мне выпала и какая беда; тем не менее я отлично помню, что была счастлива видеть всех этих людей у моих ног, целующих мне руку».

Среди памятных событий ее царствования стоит отметить прибытие ко двору французского философа Декарта, у которого молодая женщина, образованная и любознательная, хотела получить знания по философии и улучшить их в математике. Бедняга очутился в Стокгольме вопреки собственной воле и после настойчивых уговоров. Он был вынужден начинать свои уроки в пять часов утра и стоять перед лицом монарха на сквозняках с непокрытой головой. В сорок лет Декарт написал «Рассуждение о методе», запечатлевшее решительный поворот в применении человеческого разума и отказ от какого бы то ни было догматизма. И вот теперь, переступив порог пятидесятилетия, он согласился читать лекции, стуча зубами от холода. Декарт не выдержал ледяной скандинавской зимы и умер в феврале 1650 года от воспаления легких, оплакивая, надо полагать, умеренный климат и красоты родной Турени.

Сказать по правде, насчет его смерти с недавних пор стала циркулировать и другая версия. Профессор Теодор Эберт из университета Эрлангена в 2009 году опубликовал книгу под названием «Загадочная смерть Рене Декарта», где утверждается, что философа убил не мороз, а яд. Порывшись в архивах, Эберт откопал рапорт медика Декарта, диагностировавшего у пациента «продолжительную икоту, отхаркивание мокроты черного цвета, прерывистое дыхание». Эти симптомы, пишет он, свойственны отравлениям мышьяком, токсическим веществом, давно и хорошо знакомым церкви. По мнению ученого, мотивом для убийства могла быть направленность

обучения и взгляды философа, который, по всей видимости, возражал против запланированного королевой перехода в католичество. А инструментом стала пропитанная ядом гостия*, подготовленная и предоставленная августинцем падре Жаком-Франсуа Виоге. Кстати, этот священник испытывал такую лютую ненависть к Декарту, что отказал ему в соборовании, желая, чтобы тот «отправился прямиком в преисподнюю».

Причина, навсегда лишившая Кристину шведского трона, заключалась в очередной попытке государственных сановников надавить на нее и подтолкнуть наконец-то к выбору достойного мужа, чтобы подарить стране и династии наследника. Поначалу королева в гневе покинула зал заседаний парламента; позже, успокоившись, подтвердила свой отказ от брачных уз: «Для меня невозможно выйти замуж, — воскликнула она. — Я не намерена объяснять вам мои мотивы, просто имейте в виду, что для меня это не представляется возможным. Свадьба вызывает во мне настолько сильное отвращение, что я вряд ли смогу преодолеть его когда-либо». Впоследствии она много раз поясняла свое отношение к половому акту как свидетельству подчиненного положения женщины в обществе мужчин; сама эта мысль казалась ей невыносимой. Кроме того, она говорила: «Я не потерплю даже мысли о том, чтобы быть использованной мужчиной так, как крестьяне распоряжаются своими полями и пашнями». Противореча себе самой, она, однако же, была способна сказать французской королеве-матери (Анне Австрийской, по другой версии), что «совокупление — это то, для чего созданы красивые девицы».

Такая брезгливость по части секса распространялась и на женщин? Вопрос спорный, поскольку известны некоторые ее любовные интриги именно с женщинами. Самая знаменитая история касается связи с очаровательной шведской графиней Эббой Спарре, фрейлиной двора, которую Кристина игриво называла Belle (красотка, крошка). Однажды королева, свободная от предрассудков, представила ее английскому послу как «мою обожаемую спутницу в постели». Проведя в Риме несколько лет, Кристина все еще отправляла ей томные, слащавые по содержанию и стилистике письма: «Как бы я была счастлива увидеть Вас, Belle, но, даже любя Вас с нежностью, я знаю — это больше никогда не случится, а значит, мне не удастся быть счастливой. Я целиком Ваша, как было и прежде, не имеет значения, куда меня

---

* Евхаристический хлеб в католическом богослужении латинского обряда. Используется в ходе литургии для причащения верующих. В православии для причащения используют просфоры. Гостию делают из пресного теста, а просфору — из квасного. *Прим. ред.*

забросила судьба. Я Вам так же дорога, как когда-то?» Или же: «Ты не должна сомневаться в моей дружбе, сохранившейся, невзирая на трехлетнюю разлуку. Если ты задумаешься о силе той власти, которую имеешь надо мной, то вспомни и о нашей любви, продлившейся двенадцать лет. Я принадлежу тебе, ты никогда меня не потеряешь, я буду любить тебя до самой смерти».

Кристина не отличалась внешней привлекательностью, что демонстрируют ее бесчисленные портреты, несмотря на то что художники пытались польстить ей и придать облику королевы благообразие. То же самое утверждают и ее современники. Английский путешественник Эдвард Браун в частной переписке от 1665 года сообщает: «Она маленького роста, полна, слегка кривонога; обычно она носит лиловый жакет с широкими оборками и галстуком, а также мужской парик; она всегда весела, а ее поведение весьма распущенно и вольготно». Пару десятилетий спустя, в 1688 году, какой-то француз в своем письме описывает ее гораздо менее сдержанно, не пытаясь приукрасить: «Низкого роста, слишком тучна, даже дородна. Телосложение, черты лица и голос таковы, что ее можно спутать с мужчиной. Мясистый нос, большие голубые глаза, светлые брови и двойной подбородок, на котором проглядывают волоски бороды».

В пору ее юности крупнейшим политическим событием стал Вестфальский мир, подписанный 24 октября 1648 года и положивший конец Тридцатилетней войне между североевропейскими монархами-лютеранами и католиками Габсбургами. Войне, обернувшейся массовыми бойнями и разбоями, в основном на германской территории, ставшей ареной боев и теперь полностью опустошенной. Этим трактатом в Европе был установлен новый порядок, продержавшийся почти до наших дней: Франция начинала восхождение к вершине могущества, когда будущему «королю-солнцу» Людовику XIV было всего десять лет, а вот величие Испании уже клонилось к закату, она к тому времени потеряла свои нидерландские провинции. Среди побежденных оказался и понтифик, который, как мы видели, расценил этот договор как окончательный крах надежды католической церкви объединить и унифицировать континент под сенью папской тиары.

А что же Кристина? Королева Швеции, дочь погибшего на войне великого Густава Адольфа, превратилась в одного из гарантов мира и стабильности. Если по причинам личного свойства ей не нравилось сидеть на престоле, то она могла бы ограничиться отречением от него и все равно остаться одной из ключевых фигур в своей стране. Она могла бы отстаивать религиозную терпимость, воздав тем самым честь своему почившему отцу. Но Кристина

поступила иначе, и по поводу мотивов ее выбора биографы расходятся во мнениях, поскольку источники уклончивы и многое умалчивают, к тому же давно сказано: чужая душа — потемки. Но определенно, что ее отец, доблестный защитник Реформации, не одобрил бы ее шага.

Кристина остановилась на Риме: средиземноморское солнце, мягкий климат, щедрая природа, менее холодный и резкий свет, согревающий все, вплоть до нищеты, убожества и грязи в закоулках Вечного города, чего, впрочем, хватало и в Швеции. Один из ее биографов пишет: «Она отказалась от короны, но не от королевского статуса, она желала быть в центре событий», а Рим для этого оказался самым подходящим местом. Но быть лютеранкой и поселиться в городе пап — абсурд, это было в любом случае неуместно. Будучи королевой, она являлась главой шведской церкви, равно как все английские монархи после Генриха VIII олицетворяли церковь англиканскую. Жизнь в Риме делала необходимым переход в католическую веру.

Процедура была непростой. Экс-королева уехала из Стокгольма в сопровождении всего лишь четырех дворян; одним из этапов ее путешествия был Брюссель, где она со всеми почестями была размещена в великолепном дворце Эгмонт. Там, в смежной с ее комнатой личной капелле, она торжественно отреклась от лютеранства и прочла наизусть *Credo** католиков. Это был только первый шаг, ибо в Брюсселе, в сущности, речь шла о частной церемонии, которая, само собой, не могла удовлетворить беспокойную Кристину. Действительно, через несколько месяцев, 3 ноября 1655 года во время посещения эрцгерцога Фердинанда в Инсбруке в королевской капелле бывшая королева Швеции была окончательно и официально принята в лоно новой церкви с соответствующей ее рангу помпой, подходящими одеяниями, пышной мессой, включающей исполнение *Te Deum* («Тебя, Господи, славим»), колокольным звоном, пушечными выстрелами и народным ликованием.

Между тем в Риме на престоле Святого Петра воцаряется Александр VII. Кристина сразу же посылает ему письмо, в котором на сочном итальянском языке выражает новому папе безоговорочную преданность и покорность: «Я явила миру послушание Вашему Святейшеству и теперь чувствую радость, покидая то королевство, где почитать Вас — один из недопустимых грехов…» Обращение королевы, каким бы тактически обусловленным оно ни было, становится важным завоеванием католической церкви после

---

* «Символ веры». *Прим. ред.*

глубочайшей раны, нанесенной Реформацией. Как сказали бы сегодня, папа предполагал воспользоваться этим в медиапространстве, в рекламных и пропагандистских целях. В частности, именно поэтому, если не считать бушевавшей в Риме чумы, маршрут Кристины оказался более извилистым, чем это требовалось на самом деле; нужно было время на достойную подготовку к прибытию царственной неофитки: Мантуя, Феррара, Болонья, Пезаро, Анкона, Лорето, Ассизи, Браччано.

В реальности въезд Кристины в Рим свершался дважды. Первый произошел чуть ли не украдкой, тайком, вечером 10 декабря. Передохнув пару дней, Кристина снова покинула город и добралась до моста Мильвио, где ее уже поджидал роскошный кортеж из аристократов, прелатов церкви, рыцарей, карет, паланкинов и лошадей, эскортом сопровождавший ее до собора Святого Петра. Специально для нее папа повелел соорудить особый экипаж, но молодая женщина (а ей едва исполнилось двадцать девять лет) предпочла оседлать своего породистого скакуна и верхом вступила в Рим через ворота Порта дель Пополо, пересекая улицы, заполненные толпами любопытствующего народа, встречавшего ее аплодисментами. Облаченная в зеленый бархат, со шпагой на боку, в шляпе с большим плюмажем из перьев, служившей королеве не только украшением-аксессуаром, но и защитой от моросящего дождя и неприветливой римской погоды. Для светской хроники могу добавить, что похожую шляпу с перьями водрузили на голову Греты Гарбо, которая в 1933 году сыграла главную роль в фильме «Королева Кристина» у режиссера Рубена Мамуляна.

Александр VII был удовлетворен церемонией ее встречи, хотя с нетерпением ждал возможности узнать лучше эту импульсивную женщину, чтобы как следует оценить ее. Фабио Киджи, папа набожный и суровый, долго жил в немецкоязычных странах, отдав должное строгой и серьезной религиозности, молчаливой сосредоточенности протестантства, столь отличной от шумной и в чем-то языческой веры, принятой в Риме. В своей спальне он приказал установить гроб, который должен был постоянно напоминать ему о бренности всего сущего (memento mori). Что же до женщин, то он сумел удалить из Ватикана внушающую опасения Олимпию Майдалькини, бывшую любовницей его предшественника на протяжении многих лет.

Олимпию, ушедшую со сцены и чуть позже умершую во время эпидемии чумы, теперь сменила шведка Кристина, такая же интриганка, но с долей наивности, делавшей ее скорее мечтательницей, чем настоящим инструментом власти и сопряженного с нею риска. Выросшая в условиях

безальтернативного лютеранства и пронизывающего холода своей страны, экс-королева с восторгом погрузилась в сияние барочного Рима и атмосферу религиозности, где щегольство ритуалов нередко замещало глубину веры. Это был город праздников, балов, сплетен, ухаживаний, состязаний и турниров; дворцы нобилей, подобные жемчугу и самоцветам, разбросаны в море убогих лачуг, а аристократия в своих плащах и рясах блистала посреди плебса, забитого и довольно невежественного. По сути оставшийся языческим город, в котором странные предметы, овеянные ореолом легенд и преданий, почитались мелким людом как священные реликвии: кисть руки Иосифа Аримафейского, один из тридцати Иудиных сребреников, фрагмент креста, на котором был распят Иисус, один из хлебов, чудесным образом умноженных Христом, и даже его крайняя плоть, удаленная во время иудейского обряда обрезания.

Первой резиденцией Кристины стало одно из самых чудесных римских зданий — палаццо Фарнезе, с галереей фресок Аннибале Карраччи, памятник ренессансного искусства. В честь ее прибытия были устроены праздничные гуляния, где оригинальные маски помогали скрыть коварство, козни и запретные галантные приключения. Также состоялись карнавальные скачки, в которых соревновались лошади и ослы; в забегах, помимо животных, заставляли принимать участие и евреев-«богоубийц», даже престарелых. Чернь веселилась, высмеивала, подзуживала, запускала в бедняг всем, что попадалось под руку, — от гнилых фруктов до дохлых кошек. В общем, «вечный Рим», как всегда балансирующий на грани великолепия и позора, блеска и унижений, склонный к издевке и злой шутке, к жестокости и благородству, но слегка инфантильный в любой ситуации. Кстати, в августе 1686 года, за три года до смерти, Кристина провозгласила себя покровительницей «евреев города Рима». Это был мужественный поступок, особенно в том городе, где всего лишь за столетие до этого придумали заключить их в гетто.

Кристина, понимая, к чему ее обязывает монарший ранг, распахнула двери своих салонов «сливкам» общества, всем тем, кто мог предложить ей самое лучшее — интеллект, остроумие, власть. Большинство кардиналов, обитавших в Риме, примерно человек тридцать, взяли за обыкновение посещение ее вечеров, довольные радушием и гостеприимством — веселым и торжественным, — которое для них приберегалось.

Среди ее гостей часто замечали кардинала Дечио Адзолино, родом из Фермо: с молоком матери он впитал хитрость и изворотливость родной области

Марке. Это был непримечательный мужчина среднего роста, наделенный, однако, живейшим умом; пять из его девяти сестер были отданы в монахини, в священники подался и один из его братьев. В семьях скромного достатка отличным выходом из затруднительного положения считался постриг бесприданниц.

В эпоху Иннокентия X двадцатилетний Адзолино благодаря протекции грозной донны Олимпии получил пост секретаря шифра, то есть человека, ответственного за секретные коды папской корреспонденции. Естественно, должность весьма деликатная, требовавшая особых умений, непредвзятой трезвости и определенной склонности к интриганству. Все эти способности Адзолино проявит сполна, пройдя все ступени церковной карьерной лестницы, вплоть до должности кардинала. Это не исключает того факта, что его жизнь была чрезвычайно насыщенной и интенсивной в сексуальном плане, по крайней мере до тех пор, пока он не познакомился с Кристиной. Этих двоих связала любовь, длительная, нежная, быть может, даже плотская (здесь нет точных сведений) и уж точно пронизанная порывами чувств, острой ревностью, мелкими обидами и отмщениями — как и всякое истинное чувство.

Когда оба состарились, их еще видели спокойно прогуливающимися вместе в саду палаццо Корсини, тихо дискутирующими на различные темы, обсуждающими книжные новинки, поверяющими друг другу заботы и недуги; шаг замедлялся, вероятный пыл молодости усмирялся возрастом. Все фантазии, утопии и мечтания, составлявшие предмет вожделений королевы на протяжении ее бурной жизни, постепенно ушли. К шестидесяти годам у нее осталось только одно — присутствие и поддержка престарелого кардинала, когда-то способного влиять на ход избрания папы, а сейчас занятого отчуждением части своего имущества в пользу нуждающихся и на благотворительные цели.

Однако предыдущий этап жизни Кристины содержит эпизод, о котором стоит поведать, так как он в полной мере демонстрирует и ее темперамент, и политически ангажированную благожелательность папы и его двора. Речь идет об убийстве, совершенном настолько беспощадно, что оно наложило отпечаток даже на такое хаотичное существование, как жизнь Кристины.

В ноябре 1657 года она по приглашению короля Франции Людовика XIV находилась в Фонтенбло. Цель визита состояла в попытке окончательно прояснить, поспособствует ли будущий Roi Soleil («король-солнце») завоеванию для нее трона Неаполя. Кристина, по простодушию или же

по неосмотрительной амбициозности, воображала, что сможет вклиниться в борьбу Франции и Испании, чтобы выкроить для себя королевство на Апеннинах. Людовику было всего девятнадцать лет, но его «наставник», проницательный и коварный кардинал Мазарини (родившийся в затерянной деревеньке в Абруцци и добравшийся до французского двора), дал ей понять, что, быть может, рано или поздно стоит попытаться.

В действительности Мазарини думал только о себе самом и о своем короле. Половинчатые и расплывчатые обещания стали не более чем уловкой, чтобы сдерживать эту неугомонную женщину, которая — кто знает — может оказаться полезной в Риме. Время шло, и с каждым месяцем Неаполитанское королевство становилось все более призрачной затеей. Хуже того, циркулировали упорные слухи, что Мазарини вел с Испанией секретные переговоры о мире — для Кристины это значило бесповоротное прощание с трепетно взлелеянной мечтой. Экс-королева так долго вынашивала эту идею, что озаботилась даже эскизом униформы армии, во главе которой она встанет: черные и фиолетовые кители с серебряным шитьем и позументами. Сейчас же все того и гляди канет в небытие, рассеется, как туман на заре. Сильнейшая досада или же более приземленные соображения подвигли ее возложить ответственность за собственный потенциальный провал и бесчестье на маркиза Джан Ринальдо Мональдески, придворного оруженосца, персонажа ненадежного и скользкого, но явно не заслуживавшего той страшной участи, на которую его обрекла Кристина, обвинив в измене.

Чудовищная сцена разыгралась 10 ноября в Оленьей галерее замка Фонтенбло. Там собрались королева, трое мужчин, священник и незадачливый маркиз. Кристина продемонстрировала всем пачку писем, адресованных маркизу, за подписью его конфидента, некоего Франческо Мария Сантинелли, в которых о ней неприкрыто злословили, смакуя всяческие сальности и скабрезности. На деле же все послания были сфальсифицированы самим Мональдески, признавшим после тщательного допроса этот факт и приведшим крайне слабые доводы в свою защиту. Маркиз был напуган, королева непреклонна, трое мужчин молча поглаживали эфесы шпаг. Внезапно Мональдески бросился перед королевой на колени, умоляя ее о прощении (сохранившаяся в замке картина воссоздает ситуацию). Он рыдал навзрыд, торопливо что-то говорил, глотая слова и всхлипывая. Королева бесстрастно выслушала его. Затем, по завершении бессвязной и затянувшейся речи Мональдески, холодно бросила священнику: «Подготовьте этого человека к смерти». Произнеся приговор, она покинула галерею и вернулась в свои покои.

Было предпринято несколько попыток заступничества. Кристине даже указали на то, что замок — это королевская собственность и убийство человека в нем было бы нарушением закона, суверенных прав и основ гостеприимства. Кристина парировала, что даже в Фонтенбло ее право судить своих подданных оставалось неприкосновенным; она велела священнику поскорее разобраться со своими обязанностями и с тем, что диктовала ему совесть. Когда стало очевидным, что все попытки безуспешны, один из трех мужчин молниеносным движением всадил клинок в живот просившего пощады маркиза. Удар не был смертельным, в том числе потому, что Мональдески под одеянием носил (ненужная предосторожность) железную кольчугу. Понадобились другие удары, еще и еще, но и они не поставили точку. Истекающий кровью, искалеченный, потерявший несколько пальцев, пытаясь защититься от шпаг нападавших, маркиз ползал вдоль стены, стонал, взывал к милости Господа, теряя силы и превращаясь в истерзанный кусок мяса. Казалось, его агония будет вечной. В итоге одному из трех палачей удалось его добить, перерезав горло.

Что же такого натворил маркиз? Что породило такую безжалостность в душе королевы? Теперь этого никто и никогда не узнает. Конечно же, истинным мотивом стали отнюдь не фальшивые письма маркиза — они были только поводом для грубо инсценированного придворного заговора. Поговаривали о любви, обернувшейся ненавистью, об откровенных признаниях, использованных ей во вред, о сговоре с целью лишить ее надежд на неаполитанский трон, о льстивых и подхалимских речах, цинично опровергаемых поведением в конкретных обстоятельствах. В итоге сообщили, что маркиз был виновен в политической измене — объяснение, которое придавало хоть какую-то видимость законности такой ужасающей казни. Несмотря на это, гнев Мазарини и замешательство папы были весьма сильны; последний прямо наказал Кристине какое-то время не возвращаться в Рим. Надменная и гордая королева не сочла нужным подчиниться.

Тем не менее на протяжении всей своей жизни, каждый раз, когда ей припоминали этот эпизод, Кристина торопилась громогласно подтвердить, что верит в свою правоту. Мазарини она написала: «Мы, люди Севера, довольно-таки дикие и не больно пугливые… По поводу того, как я поступила с Мональдески, могу сказать Вам только то, что, не будь это уже сделано, я бы сегодня вечером не уснула в своей постели, не завершив начатое, и раскаиваться мне не в чем». Тот, кто посетит замок Фонтенбло сегодня, сможет собственными глазами увидеть выставленные на всеобщее обозрение

железную кольчугу и шпагу, которым Мональдески тщетно пытался вверить свою жизнь. Если присмотреться, то кажется, что между кольцами кольчуги виднеются остаточные следы крови, хотя это может быть и ржавчина.

Убийство маркиза отбросило тень на всю дальнейшую жизнь Кристины. Пусть это событие и не имело каких-то зримых последствий, но оно никогда не было забыто. В Риме существование Кристины вошло в прежнее русло: академии, собрания выдающихся личностей, художников и артистов, сердечная дружба с кардиналом Адзолино. При ее «дворе» регулярно появлялись композиторы Алессандро Скарлатти (занимавший какое-то время должность ее личного капельмейстера) и Арканджело Корелли, клавесинист Бернардо Пасквини, а нередко — и сам Бернини. Сердечные приглашения рассылались и некоторым из лучших певиц города (Анджелине Квадрелли, Антонии Корези, Марии Ландини), а также кастрату Антонио Ривани, прозванному Чичколино, виртуозу с ангельским голосом, — Кристина (в художественном смысле) была от него без ума и непрестанно ревновала ко всем.

В здании, где раньше располагалась старинная тюрьма Тор ди Ноне, бывшая королева оборудовала первый в Риме общественный театр. На его подмостках перед публикой упражнялись в декламации, исполнительском мастерстве и пении настоящие женщины, ее «красавицы-протеже». Для этого папа Климент X (1670–1676) был вынужден аннулировать давнишнее постановление, запрещавшее женщинам выступать на сцене и участвовать в постановках, где их заменяли кастраты, обладавшие чистейшим фальцетом; этот запрет был одним из элементов привычной католицизму мизогинии (женоненавистничества), особенно подпитываемой пылом иезуитов после Тридентского собора.

Но активность бывшей королевы не ограничивалась исключительно увеселительной деятельностью. Помимо ботанических работ в саду, Кристина с нуля собрала библиотеку, состоявшую почти из тридцати тысяч томов и десяти тысяч манускриптов; организовала комнату медалей, орденов и прочих наград; основала научную лабораторию, где ставились алхимические эксперименты. Она, как и многие люди, бросавшиеся с головой в омут изучения оккультного мира, мечтала трансформировать свинец в золото. Однако в ее случае это были не просто мечты, а точная мысленная установка, граничившая с утопией и иллюзиями: с помощью извлеченного таким путем золота она намеревалась снарядить армию в поход против турок.

Естественно, никакого богатства из воздуха добыть не удалось, и армия осталась одним из многих нереализованных экстравагантных проектов Кристины. Между тем конклав 1676 года под давлением могущественного

Людовика XIV избрал папой Бенедетто Одескальки под именем Иннокентия XI. Новый понтифик принес с собою дух Реставрации: закрытие театров, включая Тор ди Нона, возобновленный запрет на участие женщин в спектаклях, потом отказ в праве брать уроки музыки, осужденной «как вредное для их целомудрия искусство». Протесты были, но осторожные: новый понтифик сам подавал пример аскетичной жизни, да и докучать едва воцарившемуся суверену было неосмотрительно. Его предшественник Климент X назначил Кристине ежегодную ренту в двенадцать тысяч скудо, что Иннокентий поспешил отменить. Говорят, что ее это не особенно огорчило. Она всегда жила не по средствам, залезая в долги и черпая деньги из неведомых источников с такой непринужденностью, какая встречается только в тех, кто никогда не сталкивался с бедностью и лишениями.

Жизнь Кристины катилась по уже накатанной колее, у нее было еще несколько любовных увлечений, помимо многолетней трепетной привязанности к кардиналу. Одной из ее последних любовниц стала балерина и певица Анджелика Волья по прозвищу Джорджина. Отношения Кристины с женщинами всегда были любопытными и запутанными, хоть по большому счету вполне объяснимыми в отличие от некоторых других ее поведенческих реакций. К примеру, во время своего путешествия во Францию она пожелала познакомиться с Нинон де Ланкло, прославленной куртизанкой, «заточенной» в монастырь Ланьи за то, что чрезмерно щедро раздаривала свои ласки и благоволение окружающим. Кристина часами беседовала с ней, обмениваясь сокровенными мыслями, суждениями и оценками. Рассказывают, что остроты, отпущенные ею в этих разговорах на тему религии, весьма оскорбили папу. Действительно, бывшая королева заявила, что ее истинным вероисповеданием было учение античных философов, а все прочее казалось ей чепухой или же мошенничеством.

Вероятно, она была искренна в своей пылкой любви к жизни, свободной от рамок, крайне беспорядочной и бесповоротно языческой. Вполне возможно, что по той же причине она не переносила даже вида беременных женщин, ведь и трон-то она покинула из-за отказа подчиниться династическому долгу, выступив в роли матери престолонаследника. Прознав, что одна из ее камеристок ждет ребенка, она велела той больше не появляться в ее присутствии.

Такой она оставалась до самой смерти, окруженная двором, невероятно пестрым и уникальным даже для видавшего виды Рима: лучшие умы, великие художники и артисты, и тут же — всевозможные шарлатаны, авантюристы, сводники, сутенеры и проститутки. На излете отмеренного ей срока

Кристина ощутила совсем иное душевное волнение и одухотворенность, парадоксальным следствием чего стало растущее раздражение или разочарование, вызванное неуемной роскошью понтификата. К примеру, в письме к своему Адзолино она высказалась крайне категорически: «Предосудительно наблюдать, как многие миллионы из церковной казны выбрасываются на ветер — на неуместное пускание пыли в глаза или награды абсолютным ничтожествам и подхалимам, цель которых высосать до капли кровь и пот бедняков».

Возможно, она поняла, что ей самой было дано и прощено слишком многое только по причине ее обращения в католицизм. Она не могла знать заранее, что ждет ее после жизни земной, но, очевидно, ее вполне удовлетворил бы тот великолепный мавзолей, который воздвигли позднее в ее честь в соборе Святого Петра. Конечно, гениальность слегка коснулась ее своим крылом, но вместе с тем в той же степени она была капризной, взбалмошной, безжалостной женщиной, способной без колебаний отдать приказ об убийстве, к тому же лесбиянкой, и потому ее присутствие в базилике, полной святых, благочестивых дев и мучеников веры (начиная с основателя церкви — апостола Петра), безусловно, вызывает некоторое удивление. Однако даже после смерти — как и при жизни — Кристина оставалась для церкви беспроигрышной картой и одним из ее лучших завоеваний. Королевой, вырванной из лап лютеранской ереси.

Базилика Святого Петра не испытывает недостатка в надгробных монументах; большинство из них признаны выдающимися памятниками либо из-за своей эстетической значимости, либо из-за масштаба личности тех людей, которых они прославляют. Присутствие в таком месте мавзолея Кристины Шведской и другого монумента, о котором я сейчас расскажу, обусловлено исключительно тем, что политическая стратегия всегда оставалась для понтификата приоритетной.

В левом нефе, недалеко от входа, можно увидеть поразительный кенотаф, высеченный Антонио Кановой в чистейшем неоклассическом стиле, свойственном этому мастеру. Сложная посвятительная надпись на нем гласит: IACOBO III IACOBI II MAGNAE BRIT REGIS FILIO KAROLO EDUARDO ET HENRICO DECANO PATRUM CARDINALIUM IACOBI III FILIIS REGIAE STIRPIS STUARDUAE POSTREMIS ANNO M.DCCC.XIX*.

* Якову III, сыну Якова II, короля Великобритании, Чарльзу Эдварду и Генриху, декану Коллегии кардиналов, сыновьям Якова III, последнего из королевского дома Стюартов, 1819 год.

Итак, в 1819 году Канова обессмертил семейство Стюартов, с 1371 года в течение трех веков правившее Шотландией, а потом — до 1714 года — и всей Великобританией. Интересно происхождение фамилии Стюарт, поскольку изначально это слово (Stewart или Steward, далее Stuart) обозначало должность сенешаля (мажордома, крупного сановника), дарованную в XII столетии королем Дэвидом I, сувереном тех земель, одному из членов рода. Нас же в данном контексте волнует иной период, XVII век, эпоха грандиозных перемен, именуемых Glorious Revolution — «Славной революцией» 1688 года, — цепочкой событий, в результате которых в Великобритании — первой из европейских держав — возникла конституционная монархия.

Случилось так, что несчастный Карл I Стюарт, король Великобритании и Ирландии (1600–1649), женился на католичке Генриетте Марии, дочери Генриха IV Французского и сестре Людовика XIII. В начале XVI века его предшественник, могущественный Генрих VIII, взбешенный отказом папы признать его развод, приложил руку к образованию новой христианской конфессии — англиканской церкви (Anglicana Ecclesia). Он провозгласил себя ее главой и постановил, что этот статус отныне будет передаваться всем его преемникам. Соответственно, брак Карла с «паписткой» считался крайне неосмотрительным: многие восприняли его (с опасением) как путь к сближению с Римом.

Подобное латентное недоверие к монарху перешло во взрывоопасную фазу из-за тяжелого фискального бремени, к которому Карл вынужден был прибегнуть, дабы иметь возможность покрывать расходы на свои войны. Постоянный конфликт короны и парламента, диспропорция между волей короля и теми ненадежными, хрупкими рычагами влияния, которыми он обладал (к слову, так всегда бывает, когда слабость сочетается со спесью), поспособствовали тому, что разразилась гражданская война. Вкратце события складывались так: 9 февраля 1649 года король окончил свои дни на плахе, под топором палача. За полтора века до того, как якобинцы в Париже отрубили голову Людовику XVI (1793 год), англичане уже показали пример того, как нужно расправляться с сувереном.

Александр Дюма сплетает сюжет своего романа «Двадцать лет спустя» именно вокруг попытки Атоса и Арамиса спасти жизнь бедного Карла. Два бравых мушкетера отправлены с особой миссией в Англию вместе с лордом Винтером по просьбе Генриетты Марии, сестры Людовика XIII и супруги короля Англии, Шотландии и Ирландии Карла I. Арамис, Атос и Винтер должны прийти на помощь английскому монарху. Эта троица встречается

с Карлом на границе с Шотландией, где королевские войска отчаянно сражаются с армией мятежников. Однако план спасения проваливается, и Карла после недолгого судебного процесса казнят.

Король мертв, но на троне его сменяет не другой король, а настоящий тиран. Тот самый Оливер Кромвель, лидер пуритан, принявший титул лорда-протектора Содружества (Commonwealth) и провозгласивший личный характер власти, но с аллюзиями на мнимую возможность учреждения республики. В ходе реставрации династии Стюартов на троне сменят друг друга двое братьев — сыновья убитого Карла I: Карл II с 1660 по 1685 год и на короткий промежуток Яков II с 1685 по 1688 год.

Когда говорят о том, что «Славная революция» была событием молниеносным и, в сущности, бескровным, в этом чувствуется некое преувеличение и неточность. Можно сказать, что ее темп был быстрым (в целом не более трех месяцев), да и жертв было относительно немного. Но это будет правдой, если только принять во внимание, что события, героем которых, как мы увидим, станет Яков II, — лишь заключительная часть конфликта, зародившегося в эпоху судорожного и печального царствования его отца Карла I. Герцог Йоркский — такой титул он носил до своего недолгого правления — был главнокомандующим королевским флотом (лорд — первый адмирал). Когда в 1664 году англичане захватили заморскую территорию Нидерландов — Новую Голландию, именно в его честь важнейшему городу этой провинции — Новому Амстердаму — было присвоено имя Нью-Йорк.

Первая жена Якова Анна Хайд умерла в 1671 году, произведя на свет двух дочерей — Марию и Анну (согласно традиции, одни и те же имена повторялись из поколения в поколение, как в римских императорских династиях). В качестве новой супруги для Якова была выбрана итальянская принцесса-католичка Мария Беатриче д'Эсте из рода герцогов Модены; этот шаг немедленно спровоцировал волну подозрений в парламенте, где нашлись и те, кто считал Марию шпионкой папы. Стремясь сбалансировать ситуацию, царствующий Карл II организовал свадьбу Марии, дочери его брата Якова от первого брака, с протестантом Вильгельмом Оранским, штатгальтером (правителем) Голландии. Дети, которые должны были появиться в этом браке, выросли бы в традициях реформатской религии, тем самым нейтрализовав угрозу возврата страны в лоно католицизма.

Однако подобная брачная стратегия не утихомирила недовольство. Англиканский министр и бывший иезуит Тит Оатс принялся распространять слухи о потенциальном папистском заговоре, нацеленном на ликвидацию

короля Карла II и замену его католиком Яковом. Супруга Карла, португальская принцесса Екатерина Браганса, оказалась бесплодной, а потому, несмотря на дюжину детей от различных любовниц, законного наследника у монарха не было. Это делало Якова наиболее вероятным кандидатом на престол.

Карл II скончался в феврале 1685 года, тоже перейдя на пороге смерти (in extremis) в католицизм. Новым королем становится Яков, герцог Йоркский; ему пятьдесят два года, и поначалу его появление на престоле воспринято всеми с воодушевлением. Однако вскоре он сталкивается с заговорами и восстаниями; его *«Прокламация об индульгенции»* провозглашает религиозную свободу в королевстве, но монарха тут же обвиняют в том, что она не столько уравнивает англикан с католиками, сколько предоставляет последним все преимущества. Положение усугубляется еще больше, когда становится известно, что королева Мария Беатриче в положении. Если родится мальчик, ему суждено стать первым в линии наследования, оттеснив потомков ветви Оранских.

Будучи храбрым солдатом и военачальником, Яков II оказался нерешительным и бесхарактерным монархом. Его почти ничему не научил трагический опыт отца, жизнь которого оборвалась на эшафоте; напротив, он частично даже повторил некоторые его ошибки. Он упрямо отстаивал свою приверженность католичеству, что мгновенно настроило против него авторитетные круги англикан. Он оспаривал влияние протестантизма везде, где только возможно (в правительстве, вооруженных силах, в университетах), продвигая католиков на ключевые посты. Яков впервые с 1558 года восстановил дипломатические отношения со Святым престолом, чем вызвал ярость многих соотечественников. Конечно, как частное лицо он был католиком. Но при этом не имел права забывать, что в качестве короля выступает как глава англиканской церкви. Очевидный конфликт интересов, как мы определили бы это сегодня.

Короче говоря, бедняга Яков совершает самую серьезную, непростительную для любого политического лидера ошибку: от него ускользает (или же он им пренебрегает) настроение толпы, состояние души народа. В период царствования его брата Карла в Лондоне произошли два прискорбных события: в 1665 году — опустошительная эпидемия чумы, год спустя — катастрофический пожар, известный как the great fire (Великий лондонский пожар), практически целиком разрушивший город. Простой люд устал от стольких лишений, неприятностей и религиозных войн, многие внутренне готовы

были воспринять призыв Джона Локка и прочих просветителей к религиозной толерантности и внедрению принципа о том, что ни одна религия не должна навязываться императивно; то есть вера должна привести человека к церкви, но принуждать его — незаконно. Противником такого пути выступает папа Иннокентий XI, в связи с чем католиков в Англии и считают «суеверными» и «идолопоклонниками».

В мае 1688 года английская делегация отправляется в Голландию, чтобы официально просить Вильгельма о вмешательстве. Штатгальтер отвечает, что если от него ждут высадки армии на Британских островах, то есть вооруженной интервенции, то для придания легитимности подобному предприятию ему требуется документ, подписанный значительным числом нотаблей и именитых граждан. К 30 июня этот документ был подготовлен, его завизировали многие влиятельные люди и выдающиеся деятели страны, хотя не все из них были того уровня, какого желал Вильгельм. Между тем неумолимое давление хода событий заставило пренебречь недостаточной престижностью собранных подписей.

По другую сторону пролива 10 июня Мария Беатриче родила мальчика, крепкого и жизнерадостного, которого окрестили под именами Джеймса (Якова) Франсуа Эдуарда и даровали ему традиционный титул принца Уэльского. У короля Якова отныне есть наследник; но в рядах англикан и протестантов появление этого невинного ребенка разбудило и усилило страх перед возможным возвращением пропапской династии на трон Англии.

В общем, позиции Якова продолжают стремительно ослабевать. Архиепископ Кентерберийский и бóльшая часть англиканского клира отказываются зачитывать с амвона новое издание *«Прокламации об индульгенции»*, как велел король. Взбешенный монарх жаждет предать епископов-бунтовщиков суду, но его отговаривают от поспешных шагов под предлогом того, что их вероятное оправдание только лишний раз подчеркнет непрочность его положения. Король продолжает настаивать, и процесс, завершившийся вердиктом о невиновности епископов, оборачивается, как и ожидалось, позором и бесчестьем для него самого. Некоторые историки полагают, что этот приговор стал точкой отсчета в истории его падения.

Другая ошибка короля, плод общей сумятицы того времени, заключалась в угрозе приостановить действие закона *Habeas corpus*, принятого в 1679 году и гарантировавшего презумпцию невиновности в ходе уголовных процессов. Своими корнями этот важнейший институт восходит прямиком к «Великой хартии вольностей» *(Magna Charta Libertatum)*, подписанной королем

Иоанном Безземельным в 1215 году. Нет нужды говорить, какой фатальной ошибкой было угрожать ущемлением этого фундаментального права, завоеванного с таким трудом. Предупрежденный о риске вторжения, Яков сохраняет уверенность, что Вильгельм, его зять, не посмеет нанести ему подобного оскорбления: дочь Мария воспрепятствует тому, чтобы муж покусился на ее собственного отца. Мы знаем, что все случилось иначе, а многие примеры из той же итальянской или римской истории подсказывают нам, как часто политические соображения превалируют над личными мотивами.

Итак, 30 октября 1688 года Вильгельм отплывает из Голландии, и уже 5 ноября его флотилия бросает якорь в Торбее, в графстве Девон. Впервые с 1066 года чужая армия высаживается на английских берегах с враждебными намерениями. Уже в который раз король Яков не знает, как ему поступить: отправиться с армией навстречу врагу, оставив за плечами беззащитный Лондон, или же окопаться вокруг столицы, то есть ожидать неопределенно долгое время прибытия Вильгельма, что опасно. Единственные приближенные, на которых он может положиться, — это католики, которые, вопреки народной молве, занимают только десять процентов командных позиций. В эти тревожные дни Яков постоянно напоминает французскому послу и папскому нунцию о судьбе Эдуарда II, Генриха IV и Ричарда II, которые были убиты собственными родственниками. Говорят, что Вильгельм дал жене единственное обещание: ее отец Яков останется неприкосновенным. Но всем хорошо известно, чего стоят обещания правителя: достаточно какой-то мелочи, и он забывает о своих клятвах.

Кроме того, король боялся, что у него отберут новорожденного сына, чтобы вырастить и воспитать его как протестанта. Поэтому он приказывает одному из немногих верных ему приближенных вывезти во Францию свою супругу с ребенком. Там они будут в безопасности под защитой его кузена Людовика XIV. Яков дает им двадцатичетырехчасовую фору, и вслед за тем под покровом ночи тоже бежит из города, предварительно распустив армию. По дороге его останавливают, приняв за священника, и вынуждают возвратиться в Лондон. Вильгельм, уже ведущий переговоры о принятии короны, выслушивает эту новость с досадой. Для того чтобы добиться нужных решений насчет будущего, престол должен быть свободен и пуст. Именно в этот миг Яков и получает рекомендацию, если хотите, даже повеление отправиться туда, куда ему будет угодно, главное, за пределы Англии. Он следует совету и обустраивается с небольшим двором в Сен-Жермен-ан-Лэ,

в паре километров от Парижа*, в одной из многочисленных резиденций французского короля.

Именно таковы были факты, предшествовавшие «Славной революции». События запутанные, и, даже если излагать их предельно упрощенно, как это делаю я в данной книге, в полной мере демонстрирующие, какие мощные импульсы руководили их участниками; каковы были политические идеалы и религиозные убеждения, предопределившие их поступки. Но самое главное, что исключительно личные интересы всегда брали верх над чувствами и верой. Тем не менее именно эта совокупность разрозненных, несходных элементов и действий, часто мотивированных эгоизмом, спровоцировала фундаментальный перелом в истории западной цивилизации. Конечным результатом борьбы и ожесточенных схваток стали весомые ограничения, которые английский парламент навязал короне. В Англии, а в дальнейшем и в ряде других государств был внедрен в практику политический принцип, согласно которому власть короля должна быть сбалансирована рядом противовесов, чтобы впредь никому не пришло в голову принять царский скипетр за дубину тирана. В том, что касается истории Англии, важно отметить, что на ее трон больше никогда не сядет ни один католик.

Вильгельм высаживается в Торбее 5 ноября 1689 года; Яков бежит 23 декабря; парламент собирается на заседание во второй половине января; 13 февраля Вильгельму и его жене Марии большинством голосов парламента предложена английская корона.

Для нашей же истории особый интерес представляет тот самый едва родившийся сын Якова и Марии Беатриче, поспешно вывезенный с острова, чтобы уберечь его от неизбежного воспитания в протестантском духе. В 1718 году этот ребенок, уже ставший тридцатилетним молодым человеком, обосновывается в Риме, поощряемый и радушно встреченный папой Климентом XI и его преемниками. Понтифик преподнесет ему в дар палаццо Мути Папаццурри, чудное здание с импозантным порталом-колоннадой, которое расположено на пьяцца Пилотта и обращено фасадом к нынешнему Григорианскому университету. Вдобавок к этому дворцу папы впоследствии добавили и солидную ренту в двенадцать тысяч скудо, когда незадачливый претендент на трон женился на Марии Клементине Собесской, состоятельной польской принцессе, католичке; она была моложе своего супруга на четырнадцать лет и приходилась родной внучкой тому самому

* Около 20 километров к западу от Парижа. *Прим. ред.*

Яну Собесскому, который в 1683 году внес решающий вклад в освобождение Вены от турецкой осады.

Не стоит думать, что слишком просто было организовать свадьбу, в которой присутствовал такой красноречивый политический и религиозный подтекст. Напротив, согласие жениха и невесты стало всего лишь зачином серии авантюрных ходов и контрходов во взаимоотношениях целого ряда монархов, включая папу. Тайные посланники, пришпоривая скакунов, пересекали Европу из конца в конец, дипломаты изучали приемлемые решения и делали прогнозы, было затеяно множество козней, чтобы помешать этому браку. Юная принцесса очутилась в самом центре хитросплетения таких интриг, которые сегодня могли бы лечь в основу сценария увлекательного телевизионного фильма.

Самым настойчивым противником проекта был Георг I Ганноверский, тогдашний король Великобритании и Ирландии, опасавшийся повторного возникновения католического вопроса на острове, где, ко всеобщему удовлетворению, наконец-то установился порядок, как надеялись многие подданные, раз и навсегда. Император Австрии Карл VI разделял опасения британского монарха; зная, что Марии Клементине предстоит пересечь территорию его государства, чтобы достичь Рима, он распорядился арестовать ее и заключить в замок Инсбрука. Это было на редкость мрачное жилище, откуда принцессе, однако, удалось сбежать, обманув стражников. Едва она достигла Болоньи, было решено, дабы избежать повторных покушений на ее свободу, провести бракосочетание с Джеймсом по доверенности. Настоящая свадьба была отпразднована в Монтефьясконе в сентябре 1719 года. Папа Климент XI провозгласил их королем и королевой Англии (в этом и заключался смысл всего действа), предоставив в полное распоряжение супругов гвардейский эскорт в дополнение к римскому дворцу и поместью на холмах Лацио к югу от Вечного города.

В этом союзе на свет появились двое сыновей: первенец, Карл Эдуард Луи Филипп Казимир, через год после свадьбы; второй, Генрих Бенедикт, — в 1725 году. Брак не был счастливым, невзирая на то упорство, с каким все участники этой истории добивались его осуществления. Вскоре после появления на свет второго ребенка Мария Клементина ударилась в подлинный религиозный фанатизм и удалилась в монастырь, обвиняя мужа то в адюльтере (что было правдоподобно), то в желании передать детей на попечение наставника-протестанта, а это в Риме сделать было весьма затруднительно даже монарху, пусть и лишенному власти.

Несчастная принцесса умерла в тридцать два года, в 1735 году. Папа Бенедикт XIV, болонец Просперо Ламбертини, заказал скульптору Пьетро Браччи (автору статуи Нептуна в комплексе фонтана Треви) величественный надгробный памятник, которым и сейчас можно полюбоваться в соборе Святого Петра. Композиция, своей барочной изысканностью и волнообразными драпировками отсылающая к Бернини, сделана из мрамора, алебастра и бронзы, а изображение усопшей выложено мозаикой в овальном медальоне, поддерживаемом маленьким ангелочком.

Их первенец Карл Эдуард продолжал, опираясь на ресурсы и помощь папы, сражаться за свой трон. В возрасте двадцати пяти лет ему удалось осуществить высадку на Гебридские острова, где он торжественно водрузил штандарт отца. Он даже сумел заручиться поддержкой нескольких влиятельных шотландских кланов, но ничто не помогло сдержать английское наступление, и ему пришлось ретироваться обратно в море. Его отца на родине иронически называли «Старым претендентом», а к нему самому прицепилось прозвище «Красавчик принц Чарли» или «Молодой претендент», что содержало в себе хлесткую словесную игру, поскольку понятие pretender имеет двойной смысл: с одной стороны, «претендент» (на трон), с другой — «притворщик, обманщик, симулянт».

В реальности такое на редкость двусмысленное прозвище больше подходило его брату Генриху, к которому перешел принадлежавший деду титул герцога Йоркского. После смерти брата Генрих продолжал выдвигать претензии на английский престол, хотя в Европе всем уже было ясно как божий день, что идее о католической реставрации в Англии суждено остаться призрачной и невыполнимой. В 1747 году, когда Генриху было всего двадцать два года, папа Бенедикт XIV назначил его кардиналом и поручил епархию Санта-Мария-ин-Портико в Кампителли. В 1761 году другой папа, Климент XIII, произвел его в епископы Тусколаны во Фраскати. Именно в кафедральном соборе Фраскати кардинал Генрих Бенедикт, герцог Йоркский, и захотел провести торжественную церемонию погребения своего брата, скончавшегося в январе 1788 года. Причем с помпой, достойной монарха: на гроб были возложены корона и королевский скипетр.

В жизни кардинала-герцога Йоркского не наблюдалось особенно ярких эпизодов, если не брать в расчет регулярно возникавшие кривотолки о том, что его гомосексуальные наклонности чрезмерно афишировались, а это было несовместимо с его рангом и самой атмосферой города Рима. Английская писательница Эстер Линч Траль (1741–1821), подруга и биограф

Сэмюэля Джонсона, эпитафия на могиле которой называет ее женщиной «остроумной, живой и очаровательной», в своих знаменитых дневниках отмечает, что кардинал «публично держал при себе любовника» — поведение, воспринимающееся итальянцами «как признак дурновкусия».

Похожее по содержанию свидетельство мы имеем от Джузеппе Горани (1740–1819), ярчайшего персонажа, солдата, писателя и авантюриста (кстати, ведущая в Милан дорога напоминает нам об этом человеке), примкнувшего к ломбардским просветителям и немедленно отправившегося в Париж в 1789 году, как только там вспыхнула революция. Горани разделял сексуальные привычки кардинала, которые приобрел, как он сам признавался, еще в юности, проведенной в стенах миланского колледжа отцов-барнабитов. В своих воспоминаниях, ставших первоклассным источником сведений о нравах и обычаях XVIII века, он пишет:

Я озабочусь тем, чтобы просто поведать все то, что мне довелось увидеть, не претендуя на какие-либо выводы. Его [кардинала] дворец показался мне забитым молодыми юношами благообразного вида, облаченными в одеяния аббатов. Все это заставило меня подозревать, что его королевское высокопреосвященство питает пристрастие к тому, в чем был обвинен кое-кто из его собратьев.

Впрочем, аналогичный отклик оставил нам и Гаэтано Морони (1802–1883), великий эрудит и высокопоставленный функционер папского правительства, который, прикрываясь туманными недомолвками, рассказывал о длительных отношениях кардинала с монсиньором Анджело Чезарини, возведенным в достоинство каноника кафедрального собора Фраскати.

Однако все эти подозрения не были приняты во внимание, и в 1803 году кардинал-герцог Йоркский был назначен деканом Священной коллегии, что и объясняет отрывок надписи на кенотафе Кановы: DECANO PATRUM CARDINALIUM (букв. «Декан Отцов-кардиналов»). Он умер в июле 1807 года, но на его гроб, в отличие от похорон брата, не были водружены ни корона, ни скипетр. На нем лежали просто митра и пастырский крест, хотя именно Генрих так долго и упорно добивался трона. Останки братьев Стюартов позднее были перевезены в Рим и захоронены в подземных гротах Святого Петра рядом с их отцом Яковом III. В 1939 году король Георг VI Виндзор заказал для них прекрасный саркофаг из красного гранита, которым сегодня можно полюбоваться в крипте базилики. Да упокоятся с миром (Requiescant).

Мы смотрим на эти гробницы и истории, с ними связанные, испытывая глубокую грусть от того, что здесь в очередной раз в полной мере ощущается та огромная разница между церковью и Ватиканом, которая является ключевым аргументом этой книги. И Кристина Шведская, и кардинал-герцог Йоркский были явными и убежденными гомосексуалистами; разумеется, это ничего не отнимает (и не прибавляет) к их личностной характеристике, кроме того, что и в XXI веке церковь считает однополую любовь страшным пороком или чем-то вроде того.

Очевидно, что Ватикан не всегда придерживался этого суждения, раз уж предоставил им обоим право быть погребенными в главной базилике католического мира. Соображения теологические удалось гармонизировать с доводами политической целесообразности. Впрочем, как мы увидим далее, в другой римской базилике — Сант-Аполлинаре покоится прах серийного убийцы Ренато де Педиса, главаря банды делла Маньяна, похороненного там в качестве компенсации за ряд сомнительных услуг, что прямо нарушает канон 1242, в соответствии с которым «погребение внутри церковных стен запрещено, за исключением тех случаев, когда речь идет о римском понтифике или (в собственных церквях) о кардиналах, епископах, а также заслуживших сие прихожанах».

Идеалы веры и политический расчет опять вступают в конфликт, получая в разных жизненных ситуациях диаметрально противоположные оценки. Само собой, тут ничего нового. За много столетий до нас люди, куда более влиятельные и значимые, чем автор этой книги, жаловались приблизительно на то же самое. К примеру, Франциск Ассизский или Мартин Лютер.

IX. Загадка тамплиеров

Из всех благородных и жестоких, знаменательных и эфемерных деяний, совершенных за многие столетия Ватиканом, из всех начинаний, предпринятых им по тем или иным — религиозным или политическим — причинам, ничто не сравнится с историей подвигов рыцарей, называемых «тамплиерами». Даже сегодня, спустя семьсот лет после их трагического конца, мощь этой легенды провоцирует полемику, вызывает замешательство, заставляет выдвигать требования о компенсации и возмещении ущерба.

Откуда проистекает такое многообразие толкований и размах, такая длина мифического шлейфа и загадочность ауры, окружающей монахов-воителей?

В Риме количество мест, напоминающих об истории тамплиеров, весьма невелико. Но все места, где еще жива память о них, обладают невероятной притягательностью. Они воскрешают мир веры и приключений, напоминают о крепких духом и праведных людях. И не только о них… Сколько еще разного рода мошенников, жуликов, святых девственниц и чувственных авантюристок в течение нескольких веков принимали участие в одной из величайших эпопей, которые когда-либо знала Европа.

Одно из самых древних мест, связанных в Риме с историей тамплиеров, — это Каза дей Кавальери ди Роди на площади дель Грилло, откуда открывается захватывающий вид на форумы Траяна и Августа.

Здание возвели в XII веке рыцари Родоса — таково старинное название Суверенного военного ордена Мальты. И в наши дни на улицах города можно порой видеть автомобили с надписью SMOM (Sovrano Militare Ordine di Malta) на бампере, обозначающей аббревиатуру этого ордена*. Одно

* Старейший в мире из всех ныне действующих военно-религиозных орденов, Суверенный военный орден рыцарей-госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты, Суверенный военный странноприимный орден Святого Иоанна, Иерусалима, Родоса и Мальты. *Прим. ред.*

из принадлежащих ему сооружений — это как раз тот самый дом, о котором я говорю; бессчетное число раз он менял свое предназначение, то священное, то мирское: частное жилище, столярная мастерская, доминиканский женский монастырь Сантиссима Аннунциата, где обращали в католичество юных послушниц и посвящали себя божественным таинствам. Чтобы посетить Каза дей Кавальери, необходимо запросить и получить разрешение у приората ордена в резиденции на виа Кондотти.

Также по специальному дозволению можно посетить виллу рыцарей Мальты на Авентинском холме, тоже на редкость притягательное сооружение. Следы первого поселения, возникшего на этом месте, восходят к периоду до тысячного года. В то время оно являлось частью комплекса протохристианских церквей и монастырских обителей, которые и поныне делают близлежащую улицу Санта-Сабина одной из самых уютных в городе — мистически тихой, отстраненной от шума и гвалта современного Рима.

Улица соприкасается с небольшой площадью, элегантно украшенной опоясывающей ее стеной. Она ритмически структурирована обелисками, нишами и стелами с морскими и религиозными эмблемами в стиле раннего неоклассицизма. Такова была задумка Джованни Баттиста Пиранези, работавшего над этим проектом по поручению кардинала Рецзонико, великого приора ордена. На маленькой пьяцце есть и портал со знаменитой замочной скважиной, отверстием, в которое идеально вписывается, в глубине овитой зеленью галереи, купол Святого Петра. Чуть дальше калитка ведет к приорату ордена с примыкающей к нему церковью Санта-Мария-дель-Приорато, тоже спроектированной Пиранези; в ее стенах располагается могила самого художника.

Монахом этой древней бенедиктинской обители был Гильдебранд ди Соана, позднее ставший папой под именем Григория VII и прославленный в веках совершенными им деяниями — как добрыми, так и преступными. В XII веке монастырь перешел в руки тамплиеров, воинствующих рыцарей, о чьем печальном конце я планирую сейчас рассказать. Два столетия спустя монастырь был передан рыцарям Родоса, чтобы впоследствии превратиться в резиденцию великого приората рыцарей Мальты. Церковь — это единственный объект, который Пиранези, выдающийся рисовальщик и гравер, скажем так, «построил». Сама по себе она не особенно интересна, а вот пространство вокруг нее весьма гармонично: тщательно ухоженный сад, линии зданий, колодец тамплиеров, восходящий к XIII веку. Здесь можно ощутить вибрацию времени, его ауру и аромат. В этом месте проще

простого представить, каким магическим казался город в ту далекую эпоху, когда на него глядели с головокружительной высоты: долина внизу, лента реки, многочисленные колокольни, купола и холмы, закрывающие обзор к востоку.

Третье место, имеющее отношение к памяти рыцарей-тамплиеров, — это церковь Сант-Онофрио на склонах Яникула. Она относится к XV столетию, но много раз перестраивалась; там похоронен Торквато Тассо, проведший последние годы своей жизни в тесной келье расположенного рядом монастыря. Там же находится и посвященный поэту музей, где хранятся манускрипты, маленькие реликвии, а также тот самый лавровый венок, которым великого поэта увенчали на Капитолии. Весь этот комплекс находится под защитой ордена кавалеров Санто-Сеполькро ди Джерусалемме*, тоже рыцарского.

Это место, как и предыдущие, обладает особой атмосферой и удивительным очарованием, нисколько не утраченным с течением времени, что ощущали все посетители, в том числе и самые прославленные из них. Гете написал трагедию «Тассо» после того, как побывал там, где поселился итальянский поэт. Шатобриан, находясь в сильнейшем эмоциональном возбуждении от окружающей обстановки, написал в своих «*Замогильных записках*»:

> *Если мне выпадет удача окончить дни свои здесь, то я уже договорился о том, чтобы мне выделили в Сант-Онофрио комнатку, смежную с той, где умер Тассо. В свободные от посольских обязанностей часы, сидя у окна, я продолжу мои «Записки». В одном из самых прекрасных мест на земле, среди апельсиновых деревьев и зеленеющих дубов, видя перед глазами каждое утро Рим, приступая к работе в пространстве между смертным ложем и могилой поэта, я буду призывать гений славы и злой рок.*

В стенах церкви и других помещениях комплекса хранятся ценнейшие предметы и произведения искусства, но я хотел бы повторить, что важнее любых материальных артефактов воздух, которым там дышишь, внутренний дворик, портик, крытые галереи-амбулакры, гробницы в склепах… Например, та, что принадлежит маркизу Йозефу Рондинину, «римскому патрицию», для которого был изготовлен любопытнейший монумент: сделанный

* Букв. орден всадников храма Гроба Господня в Иерусалиме — один из религиозно-рыцарских орденов католической церкви, основанный в 1099 году с целью защиты христиан на Святой земле и оказания им помощи.

в реалистической манере скелет обнимает саркофаг, предназначенный принять вскоре прах самого заказчика.

Даже в условиях жесточайших, яростных битв ощущение мира и гармонии этих мест успокаивало людей, залечивало их раны. В 1849 году, когда доблестная Римская республика стояла на краю гибели под пулями артиллерии французской армии, было предложено расплавить один из колоколов церкви, так называемый колокол Тассо, чтобы превратить его в пушку. Однако, несмотря на тревогу за исход сражения, Гарибальди отдал категорический приказ оставить колокол в неприкосновенности в знак глубокого уважения к поэту и признания сакрального значения территории этого монастыря.

То, что собой представляли для каждого из нас рыцарские ордена, отражает прежде всего не столько история, сколько долгое и грандиозное эхо этого феномена в литературе, начиная с цикла о короле Артуре и его всепобеждающем мече, рыцарях Круглого стола и возлюбленных Ланселота. Почитаемая всеми могила Тассо напоминает нам о том, что поэма «Освобожденный Иерусалим» на протяжении нескольких столетий воспринималась в качестве ключевого ориентира, точки отсчета европейской культуры, причем как образованными слоями, так и народными массами.

Поэма повествует о волшебных и благородных деяниях, рыцарях и дамах-воительницах, об авантюрах и погонях, о бегстве и любви. Переведенная на множество языков, поэма «Освобожденный Иерусалим» была очень дорога сердцу барочных поэтов, превозносилась романтиками, вдохновляла многих художников, граверов, кинорежиссеров (Энрико Гуаццони, Карло Людовико Брагалья). В свою бытность в Риме Леопарди до слез растрогался у гробницы Тассо. Шатобриан, помимо уже процитированного отрывка, в письме к госпоже де Рекамье от 21 марта 1829 года признавался: «Вчера, в промежутке между двумя голосованиями по выбору нового папы, я отправился в Сант-Онофрио… Какое пленительное одиночество! Какое счастье отдыхать в окружении фресок Доменикино и Леонардо да Винчи! Хотел бы и я покоиться там, уже ничто не соблазнит меня так же сильно».

Всего за пару десятилетий до Торквато Тассо Лудовико Ариосто затронул ту же тему, воспев похожие приключения в своем «Неистовом Роланде», одном из литературных шедевров эпохи. Ариосто и Тассо сплетают сюжетные линии вокруг войн между христианами и сарацинами во времена Карла Великого (у Ариосто) и Первого крестового похода, ведомого Готфридом Бульонским (у Тассо). Даже когда рыцарство практически исчезло, миф о нем выстоял, о чем с большой прозорливостью в свое время догадается

Сервантес, автор книги, в которой «хитроумный идальго», обуянный рыцарскими идеалами, провозглашает самого себя «дон Кихотом».

«Рыцарство» в средневековом значении не стоит смешивать с кавалерийскими военными соединениями, типичными для любой армии со времен седой древности. На практике это понятие* является сложносоставным, в нем фиксируется как буквальный, так и символический смысл. В аристократическом обществе лошадь — это знак принадлежности к сословию и важный символ, но рыцарство — инструмент силы, власти и богатства, преобразующий профессию в совокупность этических императивов.

Невероятная история тамплиеров начинается промозглым осенним днем 27 ноября 1095 года, когда папа Одон де Лажери, француз, правивший под именем Урбана II (историки оценивают его как истинного преемника Григория VII), закрывал Церковный собор, созванный им в центре Франции — в Клермоне, что в провинции Овернь. Церковь упрямо, можно сказать, «отчаянно» пыталась реформировать саму себя; особое беспокойство внушали феномены николаизма (конкубината** и браков священников) и симонии (купли-продажи церковных предметов, бенефициев, услуг***). Урбан взывает к мирянам и клиру, в том числе к монархам. Он порицает их, одновременно указывая им путь к спасению: отправиться освобождать Иерусалим. Хронист Фульхерий Шартрский в своей «Иерусалимской истории» оставил нам одну из версий этого обращения:

И да ринутся в борьбу с неверными все те, кто до сего момента поглощены были войнами личными и противоправными, чиня зло и убыток верующим! Пусть станут рыцарями Христа те, кто были бандитами и разбойниками! Пусть по божественному велению сражаются с варварами те, кто бился с братьями и родителями своими… здесь вы в печали и бедности, там снизойдет на вас благодать и богатство. Те, кто были врагами Господа здесь, да обретут там милость Его.

Искусные фразы, проникнутые страстью и пафосом, открыли всем, кто слышал призыв папы, высокую и предельно ясную миссию: не легкомысленность и коварство пустых деяний, а «священная война». На самом деле

* Слово cavalleria в итальянском языке означает и рыцарство, и кавалерию, то есть конницу.

** Сожительства. *Прим. ред.*

*** Прежде всего в симонии прихожан возмущала купля-продажа церковных должностей. *Прим. ред.*

призыв в Клермоне имел еще одну цель: вновь утвердить власть церкви, защитить ее имущество и материальное благосостояние, продолжить григорианскую реформу, навязав всем и каждому, особенно монархам, ее волю и устав. Достаточно подумать, к примеру, о суровых матримониальных нормах, к которым будут в этом случае принуждены короли, что заложит мину замедленного действия и выльется в многочисленные драмы и схизмы. Вспомним самую знаменитую из них — при Генрихе VIII, благодаря чему в 1534 году образуется отдельная англиканская церковь.

Отзвуки воззвания, прозвучавшего в Клермоне, таковы, что папа приобретет вес и статус настоящего лидера христианского Запада. Несколько месяцев спустя тысячи людей уже выдвинулись походным маршем в Иерусалим. Их путь был отмечен эпизодами крайней свирепости. В долине Рейна первыми «крестоносцами» были истреблены евреи, на венгерских равнинах систематически грабили крестьян и ремесленников, мародерство в деревнях Византийской империи поражало своими масштабами. В этих разномастных шайках было огромное количество сброда — отовсюду понемногу, что, впрочем, всегда наблюдается в такого рода добровольных «армиях». Бок о бок шагали плуты и дворяне, одних манила жажда добычи, энергию других подпитывали идеалы и абстрактные фантазии.

Первый крестовый поход, вероятно, самый знаменитый. Именно он стоит у истоков мифа, именно он открыл собою почти двухсотлетнюю освободительную эпопею; однако он с самого начала разделился на два потока — официальную военную экспедицию и безжалостное, бессмысленное дилетантское предприятие. Костяк армии составляли французы, фламандцы и норманны. Среди руководителей похода особенно выделялся Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии. В июле 1099 года Иерусалим был подвергнут осаде и взят штурмом; позор долгой мусульманской оккупации крестоносцы утопили в крови. В древнем Иерусалиме учреждается Франкское королевство во главе с Бодуэном II. Гроб Господень освобожден, то есть цель достигнута. Кажется, мы добрались до финала, но это лишь только начало.

Здесь в игру и вступают тамплиеры. Действительно, около 1120 года* Гуго де Пейн собирает отряд из восьми рыцарей из Бургундии и Шампани (по другим источникам, в нем было тридцать человек) и отправляется к Святой земле, в Иудею. Эти люди зовут себя paupers commilitones Christi, то есть бедными рыцарями Христа; прибыв в Иерусалим, они занимают одно

* Согласно официальным источникам, в 1118 году. *Прим. ред.*

из крыльев дворца Бодуэна, возведенного на фундаменте разрушенного римлянами храма Соломона. Там прибывшие рыцари строят для себя монастырь и принимают имя монахов-храмовников (тамплиеров). В центре обширного пространства (известного сегодня как Площадь Мечетей) возносятся две мечети: Аль-Акса и Купол Скалы с позолоченным сводом, одна из жемчужин исламской архитектуры, украшающая и в наши дни облик города. Внутри нее находится камень, на котором Авраам собирался принести в жертву своего сына Исаака и где уснувшему Иакову было видение Небесной лестницы. Скала, считающаяся пупом мира и сакральным центром трех монотеистических религий, была и остается одним из узловых пунктов всепланетарной религиозности, а также объектом бесконечных споров и притязаний.

Орден тамплиеров — одновременно монашеский и военный; историк Жак де Витри, епископ Акры, в своей *«Восточной, или Иерусалимской, истории»* так описывает этих монахов:

> *Некоторые рыцари, взявшие в руки оружие во имя Господа и отдавшиеся служению Ему, отреклись от мира и посвятили себя Христу. Принеся торжественную клятву перед патриархом Иерусалимским, они приняли на себя обязательство защищать паломников от разбойников и грабителей, охранять улицы и быть стражами при особе короля. Они соблюдали заветы бедности, целомудрия и повиновения согласно обычным каноническим правилам монашества.*

Итак, тамплиеры произносили три классических католических монашеских обета, но к ним добавляли и четвертый, пытаясь примирить непримиримое: служить Иисусу Христу не только верой, но и оружием. Будучи дозволенным, это действительно потребуется и, более того, как мы увидим, поспособствует выработке сложной и губительной концепции войны. Одеяния тамплиеров просты: белые туники или плащи, на которых в области левого плеча или посередине груди заметно выделяется вышитый алый лапчатый крест (croix pattee), сужающийся к центру. Выдача плаща — это торжественная церемония, которая превращала послушника в тамплиера на веки вечные (ad vitam aeternam): «Те, кто оставил жизнь во мраке, да примирятся с Создателем белым облачением своим, знаком чистоты и целомудрия».

Их задача прежде всего оберегать паломников, патрулируя ведущие в Иерусалим дороги, вдоль которых нередко совершались разбойные нападения и акты насилия. Люди, направлявшиеся в Святую землю воздать честь

Страстям Христовым, часто подвергались нападениям банд преступников, в том числе с сексуальными намерениями. Секта ассасинов, регулярно занимавшаяся такого рода деятельностью, получила свое название от наркотика гашиша, который все ее члены принимали непосредственно перед вылазками. Одурманенные им, они сначала грабили, а затем безжалостно и методично вырезали своих жертв.

Орден Храма возникает около 1120 года в Иерусалиме, но официальная дата его основания — январь 1129 года, когда в Труа* собирается Церковный собор с участием прелатов Шампани и Бургундии, на котором присутствует пользующийся авторитетом монах-цистерцианец Бернард Клервоский, весьма могущественный человек, проницательный политик, советник сильных мира сего, глубокий знаток церковной доктрины. Поначалу Бернард противодействовал чрезмерному признанию заслуг тамплиеров, но впоследствии его мнение изменилось настолько, что он даже написал прославивший его трактат *De laude novae militia («Похвала новому рыцарству»),* своеобразную апологию тамплиеров, где, применяя ловкий риторический прием, среди прочего провозгласил:

Новое рыцарство появилось на земле Воплощения Господня… сражающиеся против врага не пробуждают в нас удивления, необыкновенны те, кто борется с абсолютным Злом… они выходят на поле брани не разряженные в пух и прах, а в лохмотьях и белоснежном плаще… они почитают не самого благородного, а самого доблестного, они рыцари Христа, рыцари Храма.

Девиз тамплиеров взят из 113-го псалма Библии: *Non nobis Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam* («Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей»). Звучит подобно оберегу, который должен был хранить их хотя бы в христианской среде. Как мы увидим, этого окажется недостаточно.

Как же монах Бернард дошел до того, чтобы восхвалять настолько недвусмысленным образом военный орден, то есть людей, пристрастившихся к войне? Ведь христианство всегда исповедовало воззрения, отвергающие любую форму насилия. Однако в свое время святым Августином уже была разработана концепция «справедливой войны», иными словами, «войны,

* Собор в Труа, на котором был принят Устав тамплиеров, состоялся 14 января 1128 года. *Прим. ред.*

карающей несправедливость, когда народ или государство, против которого она ведется, сами наказывали злодеяния людей и возвращали то, что было незаконно отнято». Следующим шагом было возникновение другой теории — «священной войны» в защиту христианской веры или церкви против врагов внешних (язычников, неверных) или даже внутренних.

Концепция «священной войны» (джихада) существует и широко применяется в исламском мире вплоть до наших дней. Бернард Клервоский всего лишь сместил некоторые смысловые акценты, аргументируя необходимость использования оружия тамплиерами тем, что оно не подразумевало убийств:

> *Смерть во имя Христа, твоя собственная или от тебя исходящая, не влечет за собой греха и покрывает неувядающей славой. Ибо в первом случае ты побеждаешь для Христа, а во втором — победу одерживает сам Христос, охотно принимающий смерть врага как акт справедливости и с еще большей радостью предлагающий себя как утешение павшему рыцарю… Не без причины носит он меч: он посланник Господа в наказание мерзавцам и во славу праведникам. Уничтожая злодея, он превращается не в убийцу, а, скажем так, в «борца со злом». В нем, без сомнения, уважают несущего Христово возмездие всем, кто причиняет зло, и видят защитника, радетеля христиан.*

Иными словами, священную войну следует воспринимать как самую справедливую из всех войн: этот принцип заложит юридическую базу Крестовых походов, направленных на возвращение христианам святых мест, которыми незаконно завладели неверные. Клич «Так хочет Бог» — с ним на устах крестоносцы шли в атаку — в форме краткого девиза воспроизводит скрупулезно выпестованную доктрину. В дальнейшем армии многих народов мира пытались придать сакральный оттенок той роли, ради которой люди вступали в их ряды. Даже у солдат вермахта в Третьем рейхе на пряжке ремня было выгравировано изречение *Gott mit uns* («С нами Бог»), само собой, в их случае звучавшее совершенно кощунственно. Идеологическая система Бернарда долго служила тому, чтобы, прикрываясь безупречными постулатами веры, прятать от взоров современников прочный политический и экономический расчет, ставший истинным мотивом этих экспедиций.

Благодаря такому энергичному и умелому поручительству формируется позитивный имидж ордена тамплиеров. В Европе много говорят об их поступках и строгих нравах, со временем все более овеянных ореолом легенды. Молодые дворяне наседают с требованиями принять их в орден Храма,

который становится многочисленным и могущественным еще и потому, что вступление в него всегда сопровождается щедрыми пожертвованиями: землями, замками, деньгами, драгоценностями. Предложения поступают и от тех, кто не примыкает к ордену лично; многие вносят свою лепту в финансирование «освобождения владений Господа», как принято было говорить, то есть в организацию и ведение военных действий, стоивших немыслимо дорого, учитывая дальность расстояний.

Военная подготовка безукоризненна, дисциплина строжайшая: запрещены охота и любые игры в карты или кости. Неприлично смеяться, нельзя говорить слишком много или чересчур громко, равно как и отращивать волосы сверх установленной меры. Столь же четко регламентирован и сон: рыцари спят «при оружии», встают до восхода солнца, они должны быть всегда начеку и в полной готовности к чему угодно. Того, кто нарушает нормы, изгоняют или заключают в карцер; некоторые проступки караются особо унизительными наказаниями. Например, провинившийся должен есть в одиночестве, сидя на полу, вместо того чтобы вкушать пищу за столом и в компании собратьев, как это принято в ордене, по двое из одной миски: для Средневековья такая практика была нередкой. Впрочем, дошедшие до нас изображения показывают двух тамплиеров в седле на одной лошади, что тоже иллюстрирует жесткие пункты орденского устава, но некоторыми интерпретируется в скабрезно-насмешливом ключе*.

В любую эпоху в элитных корпусах были и сохраняются не менее суровые порядки. Особенно жесткими для этих монахов-воинов были нормы, по которым физический контакт с женщиной находился под запретом вплоть до того, что тамплиеру не позволялось целовать даже собственную мать (mulier instrumentum diabolic — «женщина суть орудие дьявола»). Это отражало привычно недоверчивое и подозрительное отношение монашеских орденов к женственности, несущей, пусть и непреднамеренно, заряд бесовства: «Общество женщины опасно, потому что ветхозаветный дьявол при помощи женщины сбил многих с пути истинного, ведущего в рай».

Тамплиеры — не простые рыцари, как все остальные, но первоклассные солдаты, вышколенные и натренированные для участия в самых рискованных операциях. Кстати, в этом тоже заключалось новаторство ордена. К тому моменту существовало уже несколько рыцарских орденов: к примеру,

---

* На печати ордена были изображены два всадника на одном коне, что символизировало обет бедности, двойственность рыцаря Храма (монаха и воина) и смирение (гордец никогда не сядет с кем-либо на одну лошадь). *Прим. ред.*

рыцари Святого Иоанна Иерусалимского, более известные как госпитальеры, предшественники мальтийцев. Однако до появления тамплиеров речь, как правило, шла о соединениях конных рыцарей, посвятивших себя заботе и лечению увечных или больных паломников; их вовлеченность в военные кампании была незначительной.

Тамплиеры стали первыми, кто наряду с защитными и благотворительными функциями начал в своей деятельности использовать оружие, что, естественно, усилило привлекательность ордена для молодых рыцарей, ускорило распространение молвы о них и укрепило их репутацию, ибо они были облечены двойной броней — веры и железа. Кто хоть раз видел ужасающее зрелище атакующих отрядов тамплиеров — развевающиеся белые плащи, лица скрыты под шлемами с опущенным забралом, солнечные блики на свистящих в воздухе лезвиях мечей, — еще долго не мог забыть ощущение пробирающего до костей страха. Со временем их мужество, решительность, целеустремленность и загадочность способствовали созданию мифа о тамплиерах.

Царствующим папой в те годы был Иннокентий II (Грегорио Папарески), его понтификат был одним из самых бурных и непростых. В 1130 году драматическая схизма раскалывает христианство, враждебные друг другу фракции не гнушаются никакими средствами, дабы одержать верх. К первой, официальной партии примыкают кардиналы, поддержавшие Иннокентия и заручившиеся симпатиями германского императора Лотаря, а также многочисленных аристократических и олигархических государств Северной и Центральной Италии. К оппозиционной группировке примкнули остальные кардиналы, избравшие «антипапу» Анаклета II (Пьетро Пьерлеони), опиравшегося на норманнского короля Сицилии, Апулии и Калабрии Роджера II. Соответственно, его последователи чаще всего встречались в южных регионах полуострова, и, вероятно, впервые в истории церкви наблюдалось столь явное деление по географическому признаку, позднее проявлявшееся неоднократно.

Среди многочисленных обвинений, которые выдвинул Иннокентий против своего соперника, прозвучало и то, что Анаклет II якобы имеет еврейские корни. Антииудаизм Римской церкви всегда был бескомпромиссно яростным, поэтому такой выпад весил немало. И правда, во многом благодаря своей гибкости и умению маневрировать Иннокентию удалось взять верх, а бедный «папа из гетто» был заключен в темницу замка Святого Ангела, где в январе 1138 года завершил свой земной путь. Смерть Анаклета

позволила зарубцеваться болезненной ране, нанесенной схизмой, но решение проблемы оказалось временным. Ставка в игре была слишком высока, в электоральном законе наблюдалось очень много дефектов и недочетов, что стало причиной не менее острых баталий, которые возобновились в последующие годы.

Бернард Клервоский, должно быть, сразу угадал исход противостояния, поскольку не мешкая примкнул к партии Иннокентия, наиболее вероятного победителя, добившись для него поддержки короля Франции Людовика VI, при котором состоял советником: к нему прислушивались, его мнением дорожили. По завершении борьбы за папский престол Бернарду удастся получить для тамплиеров особую папскую протекцию: в 1139 году Иннокентий II буллой *Omne datum optimum* переподчиняет орден монахов-рыцарей напрямую понтифику, тем самым выводя его из-под юрисдикции церковных властей иных уровней, включая патриарха Иерусалимского, и освобождая орден от уплаты любых налогов и пошлин. Формулировка многозначительна: «Сам Господь возвел вас в защитники церкви от врагов Христа». Все религиозные ордена пользуются привилегиями и упорно отстаивают их перед лицом притязаний других орденов, мирян и светских властей. Среди них тамплиеры на особом счету; с этого момента только папа сможет отлучить от церкви рыцаря Храма или члена его «семьи».

Таким образом, орден добавляет к своему богатству еще и колоссальное могущество. Получаемые им дары и пожертвования столь солидны, что, невзирая на гигантские расходы по ведению военных кампаний (транспортировка, снаряжение и экипировка, сооружение фортов), его инвентарные описи свидетельствуют о положительном балансе относительно любого движимого и недвижимого имущества. Параллельно с военными акциями положено начало активной деятельности в финансовой сфере; многие утверждают, что именно тамплиеры изобрели чеки и векселя. Безусловно, они заботились о безопасном переводе денежных сумм в удаленные точки присутствия ордена, взимали десятину от имени папы, выдавали займы высокопоставленным лицам, если те адекватно мотивировали нужду в них, предоставляли казначейские услуги дворянам, не желавшим заниматься этим самостоятельно. Кругооборот денег всегда благоприятствует тем, кто способен им управлять. Тамплиеры еще раз подтверждают это правило, сосредотачивая в своих руках все больше материальных средств и власти; мы увидим, как в дальнейшем, на следующем витке развития ордена, этот факт превратится в причину (или предлог) для их разорения и гибели.

Сражения с мусульманами порой достигали пика неслыханной жестокости, причем с обеих сторон. Один из самых свирепых эпизодов относится к 1153 году, эпохе Второго крестового похода. Хроники рассказывают, что при осаде Аскалона орудийная башня, подожженная христианами, была сброшена на крепостную стену. От удара и пламени в стене образовалась брешь. До этого долгие месяцы осаждавшие пытались войти в город, казавшийся неприступным. И вот теперь Бернар де Трембле, командовавший отрядом тамплиеров, отдает приказ о незамедлительном прорыве.

Сорок всадников галопом несутся к образовавшемуся проему в стене. К несчастью, никто не следует их примеру: тамплиеры изолированы от остальной массы войск, в тот момент ведущих бой в других местах. Мусульмане, осознав незначительность брошенных на штурм сил, без особого труда их рассеивают. Итог страшен: все тамплиеры перебиты клинками кривых сабель, их обезглавленные тела подвешены за ноги вне линии стен, а оторванные от туловищ головы при помощи катапульт заброшены в лагерь христиан. Ужас подобного спектакля только удваивает решимость осаждающих, которые, наконец, проникают в город и обрушивают на врагов не менее жестокую кару.

В ходе этих войн самым способным и отважным мусульманским военачальником был легендарный Саладин, Салах ад-Дин, несправедливо прославившийся на Западе как «жестокий Саладин». Он сумел собрать под своими знаменами почти двухсоттысячную армию и в 1174 году совершить чудо — сначала политическое, затем военное, — заручившись содействием и поддержкой всего мусульманского мира. В 1179 году Саладин вторгся в Галилею, а затем направился на юг, к Иерусалиму. Тамплиеры преградили ему путь, окопавшись в хорошо укрепленной крепости Брод святого Иакова*. Однако в июне непреклонный полководец возобновляет атаки и на сей раз добивается успеха: крепость взята, тамплиеры уничтожены. В руки Саладина попадает и великий магистр ордена Одон де Сент-Аман. Когда ему сообщают, что он может обрести свободу, заплатив выкуп, он отвергает это предложение с негодованием. Тогда его отправляют в тюрьму Дамаска, где он вскоре умрет от лишений и болезней.

Теперь дорога на Иерусалим для мусульман была открыта, хотя на самом деле пройдут годы, прежде чем Саладин и его несметное воинство смогут захватить Святой Град; произойдет это только в октябре 1187 года, после

---

* Замок Шатле, построенный франками у переправы через Иордан в верховьях Генисаретского озера. *Прим. ред.*

многих недель осады. Христианские символы — кресты — тут же заменят исламскими полумесяцами; что же до тамплиеров, то их командный центр перебазируется в Акру, где и будет находиться вплоть до 1291 года.

Но еще многие десятилетия волны паломников и воинов Христовых будут выплескиваться на берега Палестины и Северной Африки. Люди, движимые глубокой верой, военным расчетом, коммерческим азартом или жаждой искупления, пытались вернуть христианскому миру Гроб Господень. А ведь с учетом всех условий и рисков, которые влекло за собой подобное путешествие, паломничество само по себе становилось суровым испытанием на прочность плоти и духа. Только в 1229 году Иерусалим был возвращен христианам, на сей раз без кровопролития, благодаря дипломатическому соглашению* Фридриха II с султаном Египта Маликом аль-Камилем, человеком просвещенным, другом наук и искусств, с которым хотел встретиться сам Франциск Ассизский.

Император Фридрих вступает во владение Иерусалимом, где торжественно венчает себя кроваво-эфемерной королевской короной. Проходит больше полувека, и 28 мая 1291 года капитулирует крепость Святого Иоанна в Акре, последний христианский бастион, что ознаменует собой окончательное падение Иерусалимского королевства. Тамплиеры храбро сражаются за Акру, мощное фортификационное сооружение, в стенах которого на тот момент остается сорок тысяч жителей. Однако 17 мая мусульманам удается пробить в стене брешь и прорваться внутрь. Рыцари оказывают отчаянное сопротивление, многие из них могли бы спастись, уйдя по морю, но не сделали этого. Наоборот, когда их осталось немногим более сотни, они забаррикадировались в цитадели и продержались там целую неделю, несмотря на непрекращающиеся атаки разъяренных мусульман. В итоге, полностью изнуренные, они сдались. В Европу вернулись считаные единицы. Остается вопрос: а не лучше ли им было всем пасть тогда, на поле брани, чем совсем скоро столкнуться с тяжелейшими страданиями и пытками, которые им уготовили на родине?

Я попытался в нескольких наиболее ярких эпизодах концентрированно изложить всю долгую и насыщенную историю тамплиеров, полную героических порывов, ожесточения и неистовства; резюмировать в паре фрагментов целую эпоху, начавшуюся Первым крестовым походом 1095 (или 1096) года и завершившуюся почти два столетия спустя бойней в Акре. Потери тамплиеров

* Соглашение было заключено на десять лет. *Прим. ред.*

на Святой земле составили, по разным оценкам, от двенадцати до двадцати тысяч человек. Что бы о них ни думали, но не приходится сомневаться ни в их вере, ни в их верности клятве и долгу. Можно дискутировать на тему, могут ли монахи с моральной точки зрения сражаться в первых рядах, взваливать на себя самые рискованные, а значит, и наиболее кровавые операции, то есть представлять собой самый настоящий «корпус особого назначения», как сказали бы мы сегодня. Риторический вопрос. Если однажды все это было дозволено, а религиозная и военная обстановка диктовала подобные шаги, то все прочее не требует обсуждения. Хотя в этом и заключается коварный парадокс, поскольку именно «все прочее» будет использовано для того, чтобы уничтожить орден. Его крах будет быстрым и беспримерно жестоким.

Король Франции Филипп IV Красивый на секретном совещании в аббатстве Мобюиссон 14 сентября 1307 года приказывает произвести массовые аресты тамплиеров. Все, что следует далее, — это цепочка предательств, доносов, зверств и подлостей, замаскированных под доводы правосудия. Почему этот приказ был отдан? Мотивы были сложны, но они требуют хотя бы краткого объяснения. Противоречия между французской короной и папством возникли еще в конце XIII века при папе Бонифации VIII, оставившем по себе дурную память: Данте обвинял его в симонии, Якопоне да Тоди считал «новым Антихристом», другие прямо заявляли, что он будто бы задушил собственными руками своего предшественника Целестина V.

Конфликт обострился в связи с вопросом взимания некоторых налогов, которые, по мнению папы, причитались церкви, а король, в свою очередь, не желал их терять; в общем, денежные вопросы, как водится, всегда самые деликатные. В марте 1303 года Филипп созывает в Лувре Государственный совет, во время которого его советник Гийом де Ногаре формулирует обвинительный акт против папы, в котором Бонифаций прямо назван приверженцем симонии, еретиком, содомитом и убийцей. Получивший столь тревожную весть в Ананьи, понтифик тут же готовит буллу об анафеме короля Франции. Но не успеет обнародовать ее, поскольку утром 7 сентября группа заговорщиков, опирающихся на знатное семейство Колонна, врывается в папский дворец с криком «Да здравствует король Франции!». Бонифаций, облаченный в парадные одеяния, молча сидит на папском троне и ждет развития событий.

А события эти войдут в историю, ведь именно здесь произойдет знаменитый (может, даже легендарный) эпизод, известный как «пощечина в Ананьи». Рассказывают, что Гийом Ногаре, которому велели доставить папу в Париж

любым способом, наносит Бонифацию самое страшное по представлениям той эпохи оскорбление, ударив его по лицу рукой в железной перчатке. Это громкое событие — одна из предпосылок всего того, что случится далее. После трех дней заключения Бонифация освободили, но психологическая травма оказалась настолько сильной, что понтифик умер буквально через пару недель.

Преемник Бонифация Бенедикт XI предпримет попытку посредничества между враждующими сторонами; отчасти она оказалась успешной, но, так или иначе, этому папе не было суждено пробыть на троне долго. Он скончался от дизентерии, съев очень вкусный инжир, с большой долей вероятности отравленный. И теперь в нашем рассказе наступает поворотный пункт: на авансцену истории выходит папа Климент V, в миру Бертран де Гот, француз, архиепископ Бордо, воцарением которого открывается период «авиньонского пленения пап»*. По мнению ряда историков, хитрый Бертран купил для себя престол Святого Петра, уступив королю, в случае своего избрания, право на все церковные десятины Франции в течение пяти лет. Данте тоже уверен, что Бертран — «пастырь не по закону», ибо он приобрел для себя эту должность; подозрения подкрепились тем, что интронизация папы Климента прошла в Лионе, а с 1309 года его резиденция была перенесена в Авиньон, в зону непосредственного влияния французской короны.

Король Филипп, обуреваемый жаждой мщения, хочет осудить Бонифация даже после его смерти. Климент при помощи тонкой игры, состоявшей из недомолвок и уклончивости, нисколько не противится этому абсурдному решению. Напротив, он сам велит, чтобы были приняты во внимание тезисы, свидетельствующие в его пользу. Впоследствии он намерен извлечь дивиденды из такой дипломатической податливости. Когда неумолимый Филипп заставляет его распустить орден тамплиеров, папа Климент медленно и неохотно уступает, одновременно с этим приостановив процесс по делу своего предшественника Бонифация: стыд, который даже такой нещепетильный и беззастенчивый понтифик, как он, стерпеть не мог.

Для короля дело приобретает весьма выгодный оборот. Злобный выпад против мертвого Бонифация был не более чем капризом; правильнее будет удовлетворить в такой мелочи Климента, который вроде бы согласен проявить послушание. А вот враждебность монарха к тамплиерам базируется на куда более конкретных соображениях. Во время народного бунта,

---

* Период с 1309 по 1377 год. *Прим. ред.*

вызванного налоговым гнетом и сильнейшей инфляцией, рыцари укрыли Филиппа в самом безопасном месте — в Тампле, своей парижской твердыне, в тщательно укрепленном замке (в сегодняшнем IV округе Парижа). Там было огромное количество комнат и камер, в случае необходимости превосходно выполнявших тюремные функции (и действительно, в годы Французской революции там пройдет первая часть заключения Людовика XVI и его семьи). Пока народ и сам папа клеймили Филиппа, чей портрет красовался на серьезно обесценившихся денежных знаках, оскорбительным прозвищем «король-фальшивомонетчик», рыцари имели дерзость (или наивность) показать королю переполненные золотом и драгоценностями сундуки, стоявшие в подземельях Тампля.

Рискованная игра продолжается; Климент полагает, что сможет удержать королевскую инициативу под контролем, предоставив все полномочия епископату. В свою очередь, король вводит преданных ему людей в состав комиссий, которым надлежит оценить объективность тяжких обвинений, выдвинутых против рыцарей. Как нередко случается в историях с заговорами, нужный кончик нити в клубке интриг ему предоставляет доносчик. Некий Эскью де Флориан, бывший каторжник из Безьера, сообщает, что в тюрьме познакомился с исключенным из ордена тамплиером, который поведал ему постыдные вещи: в момент вступления в орден рыцари плюют на крест; они обмениваются похотливыми поцелуями, нередко переходящими в акты содомии; они поклоняются странному идолу, а великий магистр присвоил себе функции священника, дарующего отпущение грехов. На костре в то время заканчивали и за куда меньшие проступки.

В этот период великим магистром ордена был Жак де Моле, человек шестидесяти четырех лет, скромного происхождения, из низов, родившийся в Эльзасе, в окрестностях Бельфора*. Почувствовав, что над орденом нависла серьезная угроза, он попытался сыграть на опережение, обратившись с просьбой к понтифику инициировать расследование вменяемых тамплиерам абсурдных обвинений, о которых повсюду распространяют слухи. Это был отчаянный ход, не принесший никаких положительных результатов.

Король Филипп между тем передал своим бальи** секретные инструкции: в условленный день отправленные им конверты должны быть одновременно

* Согласно многочисленным данным, Жак де Моле происходил из дворянского рода и был уроженцем провинции Франш-Конте (нынешний департамент Юра (Jura), Бургундия). *Прим. ред.*

** Бальи — в средневековой Франции представитель короля или сеньора, управлявший областью (бальяжем), где воплощал собою административную, судебную и военную власть.

вскрыты, а изложенные в сообщениях указания неукоснительно исполнены. Гийом Имбер, доминиканец, духовник короля и великий инквизитор Франции, при необходимости должен содействовать надлежащей реализации монарших повелений без санкции и поручительства папы. Именно так и происходит. Королевское послание гласит: «Все без исключения члены вышеназванного ордена на территории нашего королевства должны быть арестованы, заключены в тюрьму и преданы церковному суду, а все их движимое и недвижимое имущество должно быть конфисковано и передано в наше распоряжение».

Мандат и содержащийся в нем наказ не могли быть более ясными и недвусмысленными: истинные намерения короны изложены досконально. Король Филипп, внук Людовика Святого, ханжа и лицемер, не принимавший ни одного государственного решения, не прослушав пару-тройку месс, подумывает убить двух зайцев сразу, причем одним и тем же способом: разгромить ересь и развращенность, укоренившиеся в среде тамплиеров, и вместе с тем прибрать к рукам их богатства, что позволит ему разобраться с собственными финансовыми проблемами, особенно неприятными с учетом продолжающейся войны с англичанами.

Королевский приказ надлежало выполнить максимально быстро и слаженными усилиями. Замысел удался. 13 октября 1307 года Гийом де Ногаре, проникнув в парижский Тампль, самолично берет под арест великого магистра; в подземельях того же Тампля производятся чудовищные допросы, сопровождаемые бесчеловечными пытками. Папа, получив весть об этом, чувствует себя оскорбленным: события застали его врасплох, авторитет понтифика растоптан, полномочия попраны. Тем не менее лишь спустя две недели он решается написать королю:

Вы, возлюбленный сын Наш, в отсутствие Наше свершили насилие над тамплиерами и захватили их ценности. Вы дошли до того, что бросили их в темницы… Мы же Вам уже сообщили, что приняли к рассмотрению этот вопрос, желая удостовериться, что истинно, а что, напротив, ложно… В этом внезапном поступке многие увидят, и небезосновательно, оскорбительное неуважение к Нам и Римской церкви.

Пустые слова, хотя бы потому, что они запоздали; папе придется ждать ответа два месяца. Между тем Ногаре, с особой изворотливостью находящий нужные для его целей свидетельские показания, сумел выследить, разыскать

и допросить немало рыцарей, изгнанных иди дезертировавших из ордена. Теперь дело строится не на шатком фундаменте сплетен, пересказанных бывшим каторжником: волна арестов санкционируется на основании целого тома подписанных и заверенных протоколов. Сломленные пытками и угрозами, ожидающие еще более страшных мучений и боли, арестованные тамплиеры чаще всего подтверждали любые обвинения в свой адрес. Ногаре и великий инквизитор присутствуют на допросах, они крайне пристрастны и изобретательны в обвинениях и пытках. Им достаточно малейшего знака согласия, чтобы объявить подсудимого еретиком; после чего другие мнимые обвинения становятся несущественными.

Историк Жорж Лизеран, тщательно изучивший процесс тамплиеров и изложивший все его этапы в исследовании под названием *Le dossier de l'affaire des Templiers* («Досье по делу тамплиеров»), которое было опубликовано в Париже в 1923 году, выдвинул тезис, что зверства тюремщиков были бы невозможны, продемонстрируй Климент энергию и волю, откажись он с пассивностью и смирением признать свирепые методы и процедуры дознания великого инквизитора. История, в том числе недавняя, знает аналогичные примеры поведения понтификов, отличившихся вялостью и чрезмерной «осторожностью». В делах такого рода политика — всегда худшая советчица.

В стане католиков и сегодня пытаются оправдать поведение папы Климента чрезвычайными обстоятельствами и противодействием, с которым ему пришлось столкнуться. Так или иначе, но вполне определенными рычагами, которые были в его распоряжении, он не воспользовался. Он мог сместить великого инквизитора, который как священнослужитель обязан был ему подчиниться. В реальности так и произойдет, но будет уже слишком поздно. Благожелательно настроенные историки описывают Климента как человека мирного и добросердечного, неспособного справиться с такой тяжелой обстановкой. К тому же они утверждают, что было совершенно невозможно противостоять такому человеку, как Филипп, — непроницаемо холодный и одновременно вспыльчивый, раздражительный, ведомый темными страстями и ненавистью, позволивший своему приближенному за несколько лет до того отхлестать по щекам Бонифация, восседавшего на папском троне. Вполне вероятно, папа боялся, как бы его открытое сопротивление не спровоцировало более масштабные беды, например схизму со стороны короля Франции. Но и этот вопрос не имеет окончательного ответа. Истина в том, что пытавшийся поначалу противостоять монарху папа

затем по причинам, нам почти неизвестным, вдруг уступил и предоставил Филиппу карт-бланш.

Ногаре хотел обезглавить орден, его мишенью был сам великий магистр. Стоит убрать его — и посыплется вся конструкция. Согласно одной из бесчисленных версий процесса, некий Жак, служивший оруженосцем магистра, признался, едва на него надавили, в том, что тот насиловал его по три раза за ночь. Допросили самого де Моле, но он все отрицал; а после повторного допроса вдруг покаялся в массе страшных вещей: «Орден тамплиеров, созданный для прославления имени Божьего и христианской веры, а также для отвоевания и защиты Святой земли, по совращению сатанинскому отверг Христа Вседержителя; члены его плевали на распятие, а также совершали иные злодеяния на церемонии посвящения». Впоследствии он откажется от своих слов, но судьба его уже предрешена.

Справедливо задать вопрос, какие соображения сподвигли магистра согласиться со столь очевидно необоснованными обвинениями и возвести на себя напраслину. Одна из самых убедительных гипотез сводится к тому, что коварный Ногаре поставил перед Жаком де Моле дьявольскую дилемму: пожертвовать собой или орденом. Иными словами, ему было предложено замять постыдный грех надругательства над подчиненным, если взамен тот согласится со всеми пунктами обвинений в адрес ордена.

Пока разворачиваются эти события, король Филипп объявляет себя фидуциаром* — распорядителем всего орденского имущества на территории Франции. Он требует, чтобы все материальные средства были реквизированы, и утверждает, что направит их на финансирование очередного крестового похода. Разумеется, никакой крестовый поход так никогда и не будет осуществлен. Напротив, через некоторое время возобновятся работы по возведению капелл собора Нотр-Дам и королевского замка Консьержери, а звонкую монету, буржуа (bourgeois), станут чеканить из сплава с более существенным содержанием драгоценного металла.

22 марта 1312 года в кафедральном соборе Вены папа Климент зачитывает буллу *Vox in excelso*, где по пунктам изложены тяжкие прегрешения ордена рыцарей Храма: «Рыцари, вопреки заветам Господа нашего Иисуса Христа, впали в позорное отступничество, постыдное идолопоклонничество, гнусный грех содомии и прочие разнообразные ереси и злодеяния».

* Юридическое или физическое лицо, управляющее имуществом и несущее ответственность за него в интересах другого лица. *Прим. ред.*

В лучших традициях обличительной речи он постановил: «Не по непреложному решению, но мерой апостолической Мы, с одобрения Святого собора, отстраняем орден тамплиеров от исполнения любых функций, от устава, одеяния и самого имени его, декретом безоговорочным и вечным, навсегда запрещающим его и равным образом воспрещающим кому бы то ни было ныне и присно и во веки веков вступать в него, принимать облачение и носить его, а также вести себя как тамплиер».

По сути, папа не упраздняет орден, а ограничивается приостановкой его деятельности, к тому же приговор не окончательный («не по непреложному решению») и компромиссный, что ясно демонстрирует его смятение перед лицом стольких недоказанных обвинений. Кроме того, он добавляет, что не допустит разграбления имущества тамплиеров и вмешательства в управление им, хотя на самом деле Филипп втайне уже присвоил его себе. Но своей следующей буллой все тот же понтифик передаст остатки этого имущества рыцарям ордена Святого Иоанна, нынешним мальтийцам.

Де Моле после семи лет строжайшего заключения, проведенного на хлебе и воде (от такого режима питания жизнь в нем едва теплилась) ожидал еще один процесс, который завершился 18 марта 1314 года. Последний всплеск чувства собственного достоинства, крайне неожиданного для инквизиторов в человеке, который больше напоминал собственную тень, выразился в том, что великий магистр, произнеся краткую речь в свою защиту, воскликнул: «Я знаю, какая судьба меня ждет, но не желаю вносить свою лепту в нагромождение лжи; я заявляю, что орден всегда был правоверным и ортодоксальным, незапятнанным и безупречным, посему я с чистой совестью покидаю этот мир». Отречение от собственных показаний влекло за собой верную смерть, и де Моле знал, чем ему придется заплатить за эти слова.

Действительно, тем же вечером его в присутствии огромной толпы сожгли живьем на берегу острова Ситэ*, в самом сердце Парижа. Уже охваченный пламенем, он будто бы выкрикнул, что не пройдет и года, как они вместе с королем и папой встретятся перед лицом Всевышнего.

После де Моле на костер взошел, восхваляя ставшего мучеником и страдальцем магистра, его друг и помощник Жоффре де Шарни. Утверждают, что кому-то из зрителей удалось подобраться поближе к месту аутодафе,

---

* Казнь состоялась на Еврейском острове, расположенном напротив острова Ситэ. На месте сожжения тамплиеров в XX веке установлена мемориальная плита. *Прим. ред.*

чтобы забрать в качестве реликвии горстку их пепла, прежде чем его развеял ветер.

Произнес или нет на самом деле агонизирующий Моле свое пророчество, но факт остается фактом: папа Климент скончается через месяц, а король Филипп — в ноябре того же года. Папа умрет от злокачественной опухоли в кишечнике, король — от ран, полученных в результате падения с лошади во время охоты. Легенды, как это случалось и с другими смертями, признанными несправедливыми или чересчур жестокими, родились в огне казни и надолго задержались в памяти поколений.

Однако страшная участь, выпавшая на долю тамплиеров, не стерла память о них. Напротив, именно такой конец их приключений подпитывает ее вплоть до наших дней. Таинственность процедур и секретность мест, накопленные ими колоссальные богатства, мрачные ритуалы инициации, тень брошенных на них подозрений, обладающая особой притягательностью для пытливых умов, — многие элементы этой истории разжигали любопытство и фантазию целых поколений. Согласно некоторым предположениям, сегодняшние масонские ложи являются прямыми наследниками старинного ордена Храма; по мнению других, эта роль отводится различным оккультным и мистическим обществам, например розенкрейцерам XVI века.

Тамплиеров почитали и французские революционеры 1789 года, видевшие в них жертв обеих властей сразу — королевской и клерикальной. Прочие гипотезы подчеркивают, что посмертные легенды о тамплиерах были связаны с волнующе-загадочными трактовками их церемоний, в которых неразрывно сплелись священное и мирское, аскетизм и чувственность, суровость и распущенность, при этом благочестивые христианские установки и дьявольский искус были практически неразличимы. В наши дни изображение на печати тамплиеров (два всадника на одном коне) привлекло внимание определенных кругов движения за равноправие гомосексуалистов.

С весьма впечатляющим свидетельством об одной из церемоний идолопоклонства можно познакомиться, прочтя показания некоего Антонио Сиччи из Верчелли, нотариуса, состоявшего на службе у тамплиеров в Сирии и не являвшегося членом ордена. Эти показания были даны членам папской комиссии 1 марта 1311 года:

Я слышал, как в городе Сидоне много раз судачили о местном дворянине, полюбившем знатную женщину-армянку; при жизни он так и не познал ее плотски, но вот когда она умерла, он тайно овладел ею, выкопав

из могилы, едва наступила ночь после погребения. Совершив это, он услышал голос, сказавший ему: «Вернись сюда, когда наступит момент родов, ибо найдешь ты тут голову, дочь от деяния твоего». Свидетель слышал, что вышеназванный рыцарь якобы явился к гробнице в обозначенный срок и обнаружил человеческую голову между ног погребенной женщины. В тот миг голос опять зазвучал: «Бережно храни эту голову, поскольку принесет она тебе блага и удачу». В те годы командором той области [Сидона] был Матье ле Сармаж, происхождением пикардиец. Он стал побратимом султана, царствовавшего тогда в Вавилонии [в Каире], поскольку они пригубили кровь друг друга, отчего их и считали с тех пор братьями.

Есть и другая версия этой истории, явно имевшей широкое хождение:

Он отнес к себе голову, превратившуюся в его гения-защитника, поэтому ему удавалось громить врагов, просто показывая им эту голову. В надлежащее время голова перешла во владение ордена.

Многие рыцари, допрошенные с пристрастием, говорили о существе под названием *Бафомет*, монстроподобном объекте, имевшем отношение к заклинаниям бородатой головы идола в ходе сатанинских церемоний. Этимон слова Baphomet полностью не ясен. По мнению одних исследователей, оно происходит от искаженного имени Магомет, Mahomet; действительно, исламский пророк часто фигурирует в протоколах процесса; точка зрения других возводит его корни к арабскому словосочетанию Abu fihamat, которое испанские мавры произносили как Bufihimat, понимая под ним «отца познания».

В монографии *«Рыцари Христа»* историк Ален Демурже замечает, что все эти рассказы кажутся серией повторяющихся лейтмотивов и мифических элементов: сексуальные отклонения; сила волшебной головы, убивающей всякого, кто посмотрит ей в глаза, но делающей всемогущим того, кто обладает ею, избегая при этом ее взгляда. Очевидна отсылка к голове Медузы, жуткому символу женского пола, поэтому легенда может интерпретироваться как «репрезентация фантазмов, связанных со страхом перед женщиной; в этот контекст максимально естественно встраиваются темы бесчестия после смерти, инцеста и содомии».

К вышесказанному добавляются и остальные кусочки мозаики эзотерического толка. К примеру, утверждается, что голова, упомянутая

в отчетах, на деле была Туринской плащаницей (ныне воспринимающейся как чудотворный образ Христа) и вроде бы принадлежала ордену почти целое столетие — между 1204 и 1307 годами, до момента ареста тамплиеров. Историк Барбара Фрале посвятила этой теории очерк *«Тамплиеры и Туринская плащаница»*. Согласно протоколам процесса, ответы трех рыцарей из числа всех допрошенных инквизиторами позволяют предполагать, что идол в реальности был именно плащаницей. В подкрепление этой идеи исследователь приводит тот довод, что Жоффре де Шарни, верный соратник последнего великого магистра Жака де Моле, принадлежал к тому самому семейству де Шарни, у которого плащаница и была обнаружена в 1353 году.

Такие «черные» легенды, в которых неразрывно переплелись элементы Востока, некромантии, алхимии и отзвуки мутных чувственных страстей, в реальности начали циркулировать еще раньше. Вольфрам фон Эшенбах, тамплиер и немецкий поэт, живший в конце XII века и считавшийся одним из крупнейших эпических авторов своего времени, в своей поэме *«Парсифаль»* превращает рыцарей Храма в защитников святого Грааля — предмета (или слова), обладающего особым сверхъестественным значением. Вокруг Грааля в поэме Эшенбаха разворачивается целая серия приключений и сюжетных коллизий, в которых опять же экстаз мистический неразрывно связан с эротическим. Французские трубадуры тоже воспевают Грааль на своем мелодичном языке, внося немалый вклад в создание и распространение мифа, переплетенного с историей тамплиеров.

Но что же такое этот Грааль? Прежде всего, стоит сказать, что речь идет об одной из многих легенд, касающихся Иисуса Христа, но она была так тщательно обработана и расширена, что со временем выделилась в особый цикл. Таинственный Грааль в средневековых хрониках и поэмах обретает несколько смыслов: название кубка, из которого пили вино во время Тайной вечери; поднос, с которого Иисус и его ученики вкушали ягненка в канун Пасхи; наконец, чаша, куда Иосиф Аримафейский собрал кровь Спасителя после его распятия, а затем увез ее с собой на Запад, сопровождаемый Марией Магдалиной, нареченной супругой Христа и матерью его сына.

Однако периодически Грааль рассматривали как блюдо, которое использовалось верующими в общих празднованиях общины; а кубок, помещенный рядом с копьем, воплощавшим энергию мужского естества, являлся недвусмысленным символом женщины, из чрева которой изливается жизнь. Христианская традиция причисляет к священным два сосуда: чашу

евхаристии, то есть причастия, и Пресвятую Деву Марию. В *«Лоретской Литании»** Мадонна описывается как духовный сосуд, достойный высшего благоговения и почитания: в лоне (утробе) Марии Божественное начало обратилось в плоть и кровь.

В упомянутом мною произведении Вольфрама фон Эшенбаха Граалем является не кубок, а камень, называемый lapis exillis, интерпретируемое двояко понятие: то оно означает «камень изгнания», отсылая к традиции еврейской диаспоры, то его идентифицируют как lapis ex coelis — камень, упавший с неба. По мнению автора, этим камнем был изумруд, оторвавшийся от шлема мятежного Люцифера после того, как его поразил меч архангела Михаила. Очутившийся в океанских водах, он был найден благодаря магическим способностям мудрого царя Соломона и преобразован в кубок, которым и воспользовался Иисус на Тайной вечере. Если верить еще одной версии, кардинально отличающейся от первой, то камень, трансформированный в сосуд для мазей, был привезен Иосифом Аримафейским в Англию, где бесследно исчез. Существует и символическое толкование, в рамках которого Грааль от случая к случаю становится знаком западной традиции, бессознательного, святого Сердца Христова или же чистой сексуальности.

Слово «конец» в истории загадочного священного Грааля вряд ли когда-либо прозвучит. Именно в этом и состоит мощь настоящей легенды: до тех пор, пока облик Грааля и его точная природа теряются в сумраке веков, совмещая в себе элементы фантазии и реальности, его тысячелетние чары останутся нетленными. Недаром ее питает целый нарративный пласт. Действительно, тема поисков Грааля вдохновила многие поэмы бретонского цикла. Первую великую интерпретацию этого сюжета мы находим у Кретьена де Труа в «Персевале, или Повести о Граале», относящейся приблизительно к 1180 году. Через несколько лет этот мотив будет подхвачен фон Эшенбахом, и так вплоть до современности: вспомним Рихарда Вагнера (оперы «Лоэнгрин» и «Парсифаль»), а также художественные фильмы и порой чрезмерно авантюрные романы.

Помимо многочисленных запутанных и неясных легенд, есть по меньшей мере один эпизод, продолжающий вызывать беспокойство. В тот предвещавший великие беды октябрьский день, когда бальи Филиппа IV исполняли повеление об аресте тамплиеров, один из гарнизонов ордена сумел избежать

* Литания Пресвятой Деве Марии; молитва, состоящая из повторяющихся коротких воззваний. *Прим. ред.*

расставленных сетей и выбраться из них невредимым. Речь идет о рыцарях, расквартированных в Безу, в Провансе, неподалеку от Ренн-ле-Шато. Они спаслись, поскольку их командующим был некий сеньор де Гот (Seigneur de Got), принадлежавший, стало быть, к тому же роду, что и папа Климент V.

Полвека тому назад, в 1956 году, во Франции начали публиковаться первые исследования, посвященные тайнам Ренн-ле-Шато. В этих книгах, по тональности напоминающих фольклорные сказания, в одном котле варятся рыцари Храма, династия Меровингов, розенкрейцеры, алхимия и прежде всего потерянное золото тамплиеров — та часть их состояния, что уплыла из алчных рук короля Филиппа. В 1984 году в Италии был издан мировой бестселлер трех авторов — Майкла Байджента, Ричарда Ли и Генри Линкольна — под названием «Святой Грааль. Цепочка загадок, что тянется вот уже две тысячи лет»*. Ключевой тезис книги состоял в том, что католическая церковь купила молчание аббата Беранже Соньера, который, реставрируя свою приходскую церковь в Ренн-ле-Шато, будто бы открыл взрывоопасную тайну: Иисус не умер на кресте, а укрылся в Провансе вместе с супругой Марией Магдалиной и их общим ребенком.

На чем базируются все эти истории? Возможно, как это часто случается с легендами, священный Грааль, тамплиеры, Меровингская династия, библейские притчи, Страсти Христовы и остальные части этой тайны сплавились в единую приключенческую реконструкцию, достаточно необоснованную; в любом случае проверить домыслы уже нельзя. Нет сомнений лишь в притягательности самой легенды, что наглядно продемонстрировал оглушительный успех романа «Код да Винчи» Дэна Брауна, базирующегося именно на таких элементах. Не меньшей удачей в свое время стал и знаменитый «Мальтийский сокол» Дэшиэла Хэммета, который обновил миф о Граале, сделал его почти «светским», показав предмет, за обладание которым так упорно сражались, обычным куском свинца. С другой стороны, романтический флер таких историй как раз и состоит в полумраке, их окутывающем, куда ни один лучик света проникнуть не в состоянии.

В событиях, происходивших вокруг рыцарей-тамплиеров, остается незыблемой жесткая подкладка истории: низменные соображения, приведшие к уничтожению ордена, его внезапное исчезновение, спровоцированное как жадностью короля, так и недостаточным мужеством понтифика.

---

* В России был опубликован под названием «Святая кровь и святой Грааль» издательством «Эксмо» в 2005 году. *Прим. ред.*

X. Неугомонное папское воинство

Услышав название базилики Иисуса на одноименной площади, легко догадаться, что речь идет о главной церкви иезуитов в Риме; ее поразительно пышный облик символизирует крепость веры, победу религии, горделивую тягу к реваншу после вызванного Лютером трагического надлома, смысл и ощущение всемирной миссии, принятой на себя орденом (Компанией Иисуса) с самого его основания. Внешний фасад, внушительный, но по большому счету безыскусный и простой, обманывает взгляд, мешает догадаться о том, какое нагромождение мрамора, скульптур, бронзы, лепнины, алебастра, позолоты, рам, карнизов, колонн, антаблементов и фресок скрыто внутри.

Именно в центре свода этой церкви Бачичча (таково генуэзское прозвище Джованни Баттиста Гаулли) в 1679 году выполнил фреску, представлявшую собой множество падающих вниз головой фигур, — в ней удачно обыгрывался необычный эффект перспективы, благодаря чему создавалось впечатление, что изображения выпуклы и выступают наружу, за пределы позолоченной рамы, поддерживаемой ангелочками. Эта композиция получила название «Триумф имени Иисусова», в ней Христос показан в ореоле ослепительных снопов света, разрывающих картину посередине, озаряющих своим сиянием ряды святых и верующих, столпившихся вокруг.

В этой церкви много достойных внимания произведений искусства — любой путеводитель с дотошностью их перечислит внимательному туристу. Но, возможно, наибольшее значение (так случается часто, и не только в Риме) имеет панорама, буйство цветов и орнаментов которой становится прямой декларацией о намерениях, программой, манифестом, что подтверждается, в частности, двумя группами персонажей по бокам алтаря святого Игнатия Лойолы (левый трансепт). С одной стороны «Триумф Веры над идолопоклонством», с другой — «Религия сокрушает ересь». Святой

погребен под алтарем, но в центральной нише, между четырьмя огромными колоннами, облицованными ляпис-лазурью, находится его большая статуя, которая каждый день в 17:30 открывается взорам желающих: все оставшееся время она скрыта картиной, снабженной подъемным механизмом. Когда-то статуя была полностью выполнена из серебра, ныне она состоит преимущественно из гипса. Оригинал статуи был расплавлен по приказу Пия VI, принужденного Наполеоном по трактату в Солентино к выплате приличных военных репараций.

На последнем этаже прилегающего к церкви дворца (дом номер сорок пять на этой же площади) расположены комнаты святого Игнатия, иными словами, то, что осталось от прежней резиденции Компании и обиталища ее основателя (вплоть до его смерти в 1556 году). Маленькая любопытная деталь, которую следует отметить: в церкви, сразу слева от алтаря, есть мемориальный памятник в честь святого Роберто Беллармино с бюстом работы самого Бернини. А вот могила этого иезуита, наделенного большими талантами и проницательным умом, но обделенного милосердием — именно он вынудил Галилея отречься от своих воззрений и отправил на костер Джордано Бруно, — находится в другой церкви, принадлежащей Компании и посвященной, разумеется, святому Игнатию Лойоле. К Беллармино мы еще вернемся.

В Сант-Иньяцио мы находим все ту же роскошь ордена Иисуса, все те же спесивые максимы и высокомерные лозунги, изумительные по исполнению фрески — образ веры, обязательной к распространению во всех концах земли, — с надменной убежденностью в ее истинности и исключительности. Расположенный почти в центре нефа камень обозначает точку, с которой можно наиболее отчетливо, детально разглядеть украшающую потолок фреску работы Андреа Поццо (1685 год): ангелы, святые и блаженные, небо неизмеримой глубины и тут же, в отблесках божественного света, святой Игнатий, сам излучающий его по всем четырем направлениям: на север, юг, запад и восток. Вновь то же самое послание: всемирная миссия есть ключевая установка ордена.

Папа Григорий XV (Алессандро Людовизи), бывший студент иезуитского коллегиума, в 1622 году подал своему племяннику Людовико Людовизи идею возведения этого храма. В капелле на заднем плане с правой стороны можно полюбоваться гробницей-мавзолеем, быть может, одним из самых орнаментально перегруженных в Риме: трон с балдахином, массивные занавеси из драгоценных тканей, ликование торжествующих ангелов, полихромный

мрамор. На верхушке установлена статуя благословляющего понтифика, у ног которого возлежат Вера и Изобилие; в овальном медальоне, поддерживаемом ангелочками-путти, профиль кардинала Людовико. Вокруг капеллы установлены статуи важнейших добродетелей. Каждая кромка, каждая грань монумента воплощает собой движение, декоративный элемент, орнаментальное украшение.

Примечателен алтарь, равно как и могила святого Луиджи Гонзага, известная своими высокохудожественными скульптурами, рельефами, колоннами и символами; здесь же несметное число ангелов. Церковь построена на том месте, где в эпоху императорского Рима возвышался храм Изиды, прямо посреди «египетского» квартала. Вместо нынешнего фасада здесь когда-то была так называемая Мостра делл'Аква Верджине: монументальный фонтан, являвшийся частью римского акведука времен Менения Агриппы, которым бесперебойно пользуются вплоть до наших дней. На финальном отрезке вода из акведука выплескивается в знаменитый фонтан Треви.

Церкви Иисуса и Сант-Иньяцио зримо предъявляют в золоте, бронзе, гипсе и мраморе славу и широту амбиций иезуитов. Не случайно их религиозный католический орден во все времена был самым ненавидимым и почитаемым, а члены его славились как люди невероятных познаний и учености, способные в совершенстве овладеть и виртуозно манипулировать аргументацией на самые тонкие темы. Однако при этом они были весьма беззастенчивы, как подчеркивает их сложившаяся за столетия репутация, в применении уловок лицемерия и двуличности.

Подобно евреям, мастерам рассказывать побасенки и анекдоты о самих себе, иезуиты тоже не прочь посмеяться над собственными недостатками. На их сайте (www.gesuiti.it) можно прочесть образец такого юмора: умирает монах-капуцин и попадает в рай. Очутившись у стойки ресепшен, он дожидается того, что ему назначают персональное облако и указывают путь, как до него добраться. Идя себе потихоньку, внезапно видит капуцин приближающийся позолоченный экипаж и шесть белых скакунов, впряженных в него. Чудеса да и только. Немного погодя он встречает святого Петра. «Ваше Святейшество, — спрашивает он, — но кто же был в той прекрасной карете?» — «Ах, этот? — произносит Петр. — Так это иезуит». — «Почему же он в экипаже, а я плетусь тут пешком?» На что Петр отвечает: «Знаете, падре, в этих местах иезуиты встречаются так редко…»

Нужно обладать большой уверенностью в себе, чтобы иронизировать над такой не слишком положительной репутацией; более того, порой она

просто резко негативна, что в те или иные периоды истории не раз находило практическое подтверждение. Так, *«Миланско-итальянский словарь»* Керубини, издание 1814 года, приводил к слову «иезуит» такие значения: «боров, свинья, грязный тип, поганец». Словари тоже имеют свою идеологию; та, которой придерживался Керубини, более чем очевидна. В связи с этим можно и вспомнить словарь Дзингарелли, издание 1943 года, пояснявший слово «еврей» вполне однозначно: «ростовщик, скряга, жадный до прибыли».

Вопрос о репутации и толковании значений приводит нас к одному из наиболее знаменитых исторических эпизодов конца XVI века. Вечером 27 декабря 1594 года король Франции Генрих IV, экс-гугенот, обратившийся в католицизм (брошенная им фраза «Париж стоит мессы» давно стала крылатой) и получивший прозвище «Пылкий любовник» (le Vert Galant) из-за множества фавориток, направлялся с визитом к одной из них, Габриэль д'Эстре, в Отель де Шомберг, находившийся недалеко от дворцового комплекса Лувра. Там его поджидала не только женщина, но и юноша, некий Жан Шатель, намеревавшийся убить монарха. Действительно, он нападает на Генриха с ножом, промахивается, рассекает ему губу и выбивает зуб.

Покушение провалилось, убийца пойман. Душевнобольной? Одиночка из враждебного лагеря? Сведений о нем мало: ему всего девятнадцать лет, он сын торговца тканями. Подозрения падают на группу священников: мальчик вырос в школе иезуитов, и, должно быть, мысль о безумном поступке сформировалась у него в годы учения. Кстати, перейдя в стан католиков, Генрих сохранил широкие религиозные воззрения; поэтому через пару лет, в 1598 году, он издал прославленный Нантский эдикт, один из первых образцов религиозной терпимости, документ, допускавший и гарантировавший определенную свободу вероисповедания протестантам на всей территории королевства.

А следствие по делу о покушении на монарха привело к тому, что на скамье подсудимых рядом с молодым Шателем оказались и члены ордена иезуитов.

Вторжение королевских следователей, искавших доказательства вины ордена, в иезуитские колледжи Клермона и Мэзон Сен-Луи только укрепило всеобщие подозрения. Выходит, что Шатель был киллером, отправленным на это задание зловещей Компанией Иисуса. Его по-быстрому приговаривают к смертной казни через два дня после совершения преступления и, привязав ноги и руки к четырем лошадям, пущенным в галоп в разные стороны, живьем разрывают на куски. Но правда ли иезуиты были заказчиками

этого покушения? Повторимся: подозрения сильны, улики недостаточны. Так или иначе, результатом следствия было изгнание ордена из Франции на некий период.

Посягательство на жизнь короля стало отличным предлогом для принятия мер, которых требовали многие подданные Генриха: поговаривали о незаконном вмешательстве ордена в политику и чрезмерной активности иезуитов в сфере педагогики. Кроме того, учитывая, что многими послушниками являлись испанцы, а корни Компании были сугубо пиренейскими*, иезуитов не без причины подозревали в близости к мадридскому двору, усердно оспаривавшему у Франции главенство в Европе в тот период.

Генрих IV погибнет в 1610 году, став жертвой другого покушения. Смертельный удар нанесет ему католический экстремист Франсуа Равальяк, тридцати двух лет, безуспешно пытавшийся примкнуть к ордену иезуитов. Его также четвертуют на парижской площади Отель де Вилль.

Буквально за несколько десятилетий своего существования Компания Иисуса приобрела отвратительную известность, что то и дело подчеркивают всевозможные пасквили, судебные процессы и бытовавшие в народе кривотолки. К примеру, опубликованный в Англии в год убийства Генриха IV памфлет озаглавлен так: *«Разоблачение тайных порядков и привычек иезуитов»*. Маленький томик до отказа набит клеветническими измышлениями, перемешанными с мелодраматическими элементами, которые впоследствии превратятся в типичные мотивы готического романа: «Перед будущим убийцей клали нож, завернутый в отрез материи и спрятанный в корзинку из слоновой кости, покрытую пластинкой с выгравированным агнцем (Agnus Dei) и текстом, выведенным изящными буквами. Нож доставали оттуда, чтобы окропить его святой водой».

К каждому орудию убийства прикреплялись пять или шесть цветных жемчужин, имевших двойной смысл: они указывали на число кинжальных ран, которые требовалось нанести приговоренному, а также на количество душ, освобожденных, как только убийство свершится, от пребывания в чистилище. «Вся дьявольская Компания склонялась к его [наемного убийцы] ногам. Его убеждали в том, что в нем сокрыта частица божественного, а окружающие так ослеплены блеском, от него исходящим, что не выдерживают и падают ниц. Новобранца убеждали, что он сразу же отправится в райские кущи,

* Игнатий (Игнасио) Лойола, основатель ордена, родился и вырос в замке Лойола, в баскской провинции Гипускоа, что в испанских Пиренеях. Испанцами были и еще четыре человека из числа основателей ордена. *Прим. ред.*

избежав мук чистилища». Обещание, которое фанатики любого толка, и не только религиозные, повторяли во все времена, продолжая прибегать к нему даже сегодня, к несчастью для своих наиболее наивных адептов.

В другой книжечке-пасквиле от 1759 года под прицелом оказывается мнение об иезуитах как о великих экспертах по части химии и фармакологии. В «*Доктринах и практиках иезуитов*» читаем, что они могли предоставлять убийцам яды, «способные занести смертельную инфекцию на блюда, тарелки, солонки, чашки, пиалы, котлы и любые виды домашней утвари, даже если их предварительно вымыли и почистили десяток раз».

Эпохальным процессом для ордена стало дело, имевшее явно сексуальный подтекст и массу будораживших воображение деталей. Оно было инициировано девушкой Мари-Катрин Кадье (родившейся в Тулоне в ноябре 1709 года) против ее исповедника, иезуита Жана-Батиста Жерара. Этот случай рассматривался в парламенте Экс-ан-Прованса в 1731 году. Юная девушка, дочь купца, обвинила своего духовного наставника в колдовстве, в том, что он подталкивал ее к непристойному поведению, в результате чего она забеременела от него. Иезуит все отрицал, настаивая на истеричности женщины, а также ее подверженности припадкам и конвульсиям. Она будто бы считала себя святой и заявляла о стигматах на своем теле, как у Христа. Стремясь доказать это, она пачкала руки менструальной кровью. Процесс, вызвавший волну откликов не только во Франции, вскоре превратился еще в один пункт обвинительного акта против иезуитов, в рамках которого Катрин Кадье отводилась роль жертвы их порочного, извращенного сладострастия. Сперва бедную девушку приговорили к смерти; через месяц, в атмосфере всеобщего восторга, ее оправдали и передали на поруки семье, а падре Жерара перевели в другое место. В этом деле ощущалась ярко выраженная метафорическая интерпретация, согласно которой в иезуитах видели инородное, вброшенное из-за границы тело, пытавшееся внедриться в галликанскую церковь и опутать неразрывными путами французскую корону.

Между тем в Лондоне в 1731 году поэт Джереми Джингл опубликовал книжку под названием «Духовное прелюбодеяние», определив ее как «поэму-бурлеск», где «дается веселая реконструкция событий вокруг мисс Кадье и падре Жерара». К примеру, он вообразил, что священник своими похабными танцами при помощи сатанинских сил гипнотизировал женщину, после чего немедленно заставлял красавицу Катрин раздеться и наносил ей «три удара хлыстом, каковые она встречала весьма охотно. Свершив это, он натирал и царапал ей спину, целовал ее зад и иные прелести… ездил на ней

верхом, скакал галопом, возбуждая и лаская те части тела, что были снизу, под ним», и тому подобное. Финал памфлета печален: бедную Кадье, ждавшую ребенка, вынудили сделать аборт и заключили в монастырь.

Антииезуитская настойчивость английской публицистики не должна удивлять читателей. После англиканской реформы Генриха VIII антипатия английских христиан к Римской церкви проявилась в полной мере, а в Лондоне было зафиксировано множество инициатив различного толка, и не только литературных, направленных против католиков, презрительно именовавшихся «папистами». Дошло до того, что им вменили в вину опустошительный пожар (тот самый the great fire), уничтоживший в сентябре 1666 года значительную часть города; тревожное предзнаменование обнаружили в самой дате, поскольку порядковый номер года, написанный латинскими цифрами (MDCLXVI), содержит в убывающем порядке целиком всю римскую нумерологию*. Мрачная слава укрепляется предполагаемой близостью прелатов к оккультной практике, магическим искусствам и алхимии, а также утонченностью их мышления, не чуждого обманчивых, иллюзорных, жульнических тезисов и аргументов. Слаженный хор неприязненных голосов сопровождает повседневную жизнь членов Компании, в целом все это иногда напоминает фельетон с романными элементами. Не случайно гений приключенческой литературы Александр Дюма превратит Арамиса, одного из славной четверки мушкетеров, в генерала ордена иезуитов, обладателя и хранителя тайного могущества, которое через цепочку хитроумных интриг должно было привести его на трон Святого Петра.

Однако наиболее упорная критика всегда культивировала двойную мораль. Естественно, что иезуитская философия в связи с этим активно полемизировала с текстами янсенистов и ответом Паскаля, изложенным в его *«Провинциальных письмах»*:

> *Насмехаясь над вашей моралью, я столь же далек от глумления над святыми вещами, как далека доктрина ваших казуистов от доктрины евангельской… Подобно тому как христианские истины нуждаются в любви и уважении, противные им заблуждения заслуживают презрения и ненависти, ибо два свойства сокрыты в истинах нашей религии: божественная красота, коей внушается любовь к ним, и священное величие, воздающее*

* В римской нумерологии расшифровка MDCLXVI (Remember M.D. C.L.X. V. and L) указывает на события, равные ужасам Апокалипсиса, и по нисходящей идет от тысячного года к первому, то есть к концу времен. *Прим. ред.*

им почести и почет; есть два свойства и в заблуждениях: нечестивость, от которой проистекает чудовищность постулатов, и дерзость, отчего они кажутся смехотворно нелепыми (Письмо XI).

Суровые слова, прикрытые элегантной стилистикой XVII века, великий критик Франческо де Санктис резюмирует так: «Иезуитской морали удалось разложить мораль народную, привив ей привычку к фарисейству и ханжеству, научив довольствоваться видимостью и пренебрегать содержимым».

Все началось 15 августа 1534 года в Париже, городе, нередко фатально влияющем на человеческие судьбы. Семеро мужчин направились из университета Сорбонна, расположенного в Латинском квартале, к вершине холма Монмартр, пересекли весь город с юга на север и вошли в старинную церковь Сен-Пьер, освященную папой Евгением III в 1147 году. День с самого утра был неспокойным: несколько нападений на статуи Непорочной Девы, убитые, раненые, заключенные в тюрьмы. Через два месяца после этого, в октябре, протестанты расклеили на стенах многочисленные манифесты, где открыто насмехались над одной из основополагающих догм церкви о пресуществлении — «Сие есть тело мое», — то есть над тезисом о трансформации гостии в тело Христово в процессе причащения Святым Дарам. Самому Франциску I, королю Франции, после таких волнений пришлось участвовать в религиозной процессии, идя с факелом в руке рядом с реликвиями, выставленными на всеобщее обозрение, дабы закрепить свою роль католического монарха в разрешении острых теологических споров и конфликтов.

В 1517 году Лютер дал старт своей реформе, в 1532 году Генрих VIII провозгласил англиканскую схизму; впервые со дня своего основания церковь рассечена, драматический раскол уводит из-под ее крыла целые страны: значительная часть Северной Европы отдаляется от Рима. Предстоят Тридентский собор и Контрреформация. Они неизбежны, но процесс восстановления утраченных позиций будет длительным. Между тем незамедлительно требуются новые силы для противостояния «ересям».

Тем временем семеро упомянутых нами друзей в возрасте от девятнадцати до сорока трех лет уже собрались на Монмартре. Они изучали теологию, имели за плечами различный опыт, помимо веры их всех объединяла безмерная стойкость и упорство. В тот день, когда католики празднуют Вознесение Девы Марии* (в 1950 году это событие будет объявлено догматом

* В православии — Успение Пресвятой Богородицы. *Прим. ред.*

веры), все семеро в ходе торжественного ритуала принесли обеты бедности и непорочности, поклявшись совершить паломничество в Святую землю. Позднее число обетов было увеличено до четырех: бедность, целомудрие, послушание и безоговорочное подчинение папе. Именно тогда, 15 августа, и возникла Компания ордена Иисуса. Из семи человек лишь один был священником — француз Пьер Фавр, более известный под именем Пьетро Фабро. Остальными были испанцы Игнатий де Лойола, Франческо Саверио, Никола Бобадилла, Альфонсо Сальмерон, Джакомо Лайнес и молодой португалец Симон Родригеш.

Три года спустя, в 1537 году, все семеро прибыли в Рим испросить у папы одобрения деятельности ордена и утверждения его устава; в том же году в Венеции они были рукоположены в священнический сан. Однако Святая земля остается в тот период отдаленным приоритетом, поскольку постоянные войны делают такое путешествие практически несбыточной мечтой. В 1540 году Компания Иисуса официально признана в качестве ордена; папа Павел III поручает им первую миссию — катехизацию всех детей в римских школах, одновременно с этим Игнатия Лойолу избирают верховным генералом.

Подобно всем вдохновителям и организаторам великих предприятий, Игнатий Лойола был личностью исключительного размаха, необыкновенного ума и воли. Но при этом обладал физически слабым телом. Он родился в 1491 году в городке Лойола, в баскской провинции Гипускоа, в нескольких километрах от Сан-Себастьяна, в семье мелких дворян, что предопределило характер его карьеры — неизбежную военную службу. В годы юности и возмужания он читает различные рассказы и повествования, в основном агиографического толка, или те, что обращаются к привычным сюжетным схемам: мотовству и легкомыслию, пирушкам и кутежам, женщинам и развлечениям, оружию и поединкам. Но однажды молодого Игнатия тяжело ранят в сражении с французами при Памплоне, после чего ему приходится соблюдать длительный постельный режим для восстановления здоровья. В период вынужденной неподвижности он поглощен чтением: изучив от корки до корки все рыцарские романы, близкие ему по темпераменту, духу и опыту, он обращается к томику о жизни Христа, попавшему ему в руки. Это молниеносная вспышка, внезапное озарение.

25 марта 1522 года в древнейшем монастыре Монтсеррат перед образом Черной Мадонны (Моренеты, святой покровительницы Каталонии) Игнатий, которому было в ту пору немногим более тридцати лет, складывает

свое оружие, доспехи, шпагу и плащ. С палкой паломника, в грубой тунике и сандалиях на босу ногу он отправляется в свое большое странствие, сперва по Европе, затем — через Иерусалим — снова в Испанию, где приступает к теологическим изысканиям. С февраля 1528 года он учится в парижской Сорбонне, где знакомится с товарищами, с которыми вместе основывает орден.

В личностном плане, безусловно, выдающейся чертой Лойолы был его талант к исследовательской и теоретической деятельности. Его здоровье нестабильно, любые длительные перемещения чересчур изнурительны; но зато он знает, как придать завершенность своей доктрине, разработав ее в мельчайших деталях. И как внедрить в ордене дисциплину. Согласно его концепции, практика веры очень схожа с армейскими порядками. Военное повиновение — на этот путь его подтолкнули родители — он идеологически сближает с волей церкви и ее пастыря — папы. Он борется и за послушание членов ордена, и за усмирение собственного тела, истерзанного болезнями. После смерти Лойолы в Риме в 1556 году профессор Ренальдо Коломбо, патологоанатом при университете Падуи, проводивший аутопсию, в своем медицинском заключении констатировал: «Из почек, легких, печени и воротной вены я извлек бесчисленное количество разноцветных камней и отложений солей».

Между тем роль и заслуги куратора евангелизации, в том числе на отдаленных территориях земного шара, принадлежат другому основателю ордена — Франческо Саверио, тоже испанцу, родившемуся в знатной наваррской семье, чье имущество и доходы были конфискованы Фердинандом Католическим после победы над профранцузским движением борцов за автономию Наварры. Спасаясь от нищеты, Франческо Саверио оставляет отчий дом и уезжает в Париж, где изучает теологию и довольно быстро становится преподавателем этой дисциплины. Авантюрный этап его жизни начинается в 1540 году, когда орден иезуитов получает официальный статус. Из Лиссабона он отплывает в сторону Индии. В течение десяти лет он проповедует Евангелие на Востоке, достигает берегов Японии и планирует проникнуть в Китай, но умирает в возрасте сорока шести лет, истощенный трудами праведными, на острове Санчан, близ Кантона. Знаменитый портрет Мурильо изображает его бледным, опирающимся на трость, с очами, воздетыми к небу, пронзенному снопами света. Пятнадцать месяцев спустя его останки перевозят в индийский Гоа, и здесь мы сталкиваемся с первыми легендами — позднейшими наслоениями чудесных элементов.

Рассказывают, что на его теле не было заметно ни малейшего следа разложения, а кровь продолжала циркулировать в сосудах. Поползли слухи о чуде. Он был похоронен там, в Гоа, но судьба распорядилась так, что и после смерти Франческо Саверио не обрел покой. Именно по причине чудодейственности его тело разрезали на части, разослав их в монастыри и церкви по всему миру. В 1614 году предплечье Саверио попало в Рим, в церковь Иисуса, где было помещено в реликварий и до сих пор охраняется как зеница ока. То же самое произошло в последующие столетия и с его внутренними органами — таков результат фанатизма, подкрепляемого легковерием народа. «Вода Саверио», то есть обычная вода из источника, куда окунали частицы его мощей, будто бы могла залечить раны, избавить от хворей, герпеса и лихорадки. Смешанная с «Водой Лойолы», она служила отличным средством против инвазии — заражения организма глистами. А в Баварии вплоть до XVIII века полагали, что, если прикрепить изображение святого над входом в конюшню, оно помешает дьяволу пробраться туда и навести порчу на табун.

Жизни этих двух людей, столь не похожие друг на друга, сожженные дотла и испепеленные одной и той же верой, позволяют нам понять, в чем изначально заключались две принципиальные установки Компании, каким было ее призвание. Битва за истинную веру — католический ответ на протестантскую ересь — и евангелизация, проводимая повсюду, даже на отдаленных от европейского центра территориях, на границах ойкумены*. Отметим, что планетарная миссия иезуитов даже вдохновила Бернини на создание одной из его самых известных работ, в которой очевидно прямое влияние немецкого ученого-иезуита Атанасиуса Кирхера (1602–1680), профессора математических наук и физики из Римского колледжа. Речь идет о Фонтане Четырех Рек на площади Навона, где, помимо Нила и Дуная, знакомых европейцам рек, художник впервые представил реки заморских континентов: Ганг и Рио де ла Плата.

От юноши, мечтавшего стать иезуитом, требовали проявления особых способностей. Он должен был продемонстрировать твердость духа и силу веры, привязанность к Компании и преданность ее интересам, хорошую память и развитой ум, умение формулировать мысли корректно и выстраивать речь гладко. Тогда, как и сегодня, дисциплина в ордене поддерживалась суровыми правилами. Симон Родригеш, один из семи «основателей», при

* Освоенной человечеством части мира. *Прим. ред.*

содействии и поощрении короля Португалии воспитывал послушников-кандидатов в примечательной строгости, без поблажек, практикуя суровый пост, самобичевание и, если верить источником той эпохи, традицию запирать юношей в комнатах или принуждать их на коленях молиться у трупа. Слово «повиновение», таким образом, становится ядром иезуитской доктрины и сближает режим ордена с казарменными порядками.

Действенный инструмент для формирования, лепки и ковки душ, а также для их очищения от греха, что помогало приблизиться к осознанию божественного послания, — это духовные упражнения, придуманные Игнатием Лойолой и одобренные папой. На четыре недели, пишет основатель ордена, надлежит удаляться в подходящие места (позднее названные «Домами упражнений») и проводить там дни, пребывая в молчании, молитвенном сосредоточении и размышлении о жизни Христа. При этом духовный наставник должен способствовать тому, чтобы небесные сообщения были восприняты и состоялся переход на привилегированную стадию contemplatio ad amorem — созерцания ради обретения любви. И поныне эти занятия очень важны для членов ордена, что засвидетельствовано самим фактом существования Федерации духовных упражнений (Federazione esercizi spirituali, FIES), главная задача которой — популяризация наставлений святого Игнатия.

Наряду с духовным обогащением каждого из членов ордена существует и дисциплинарный устав целого организма — в качестве гарантии коллективной эффективности. Такая упорно внедряемая схожесть с военным подразделением в свое время навела кого-то на идею назвать иезуитов «папским воинством». Конституирующие положения, то есть долг, правила и обязанности Компании, продиктовал сам Игнатий: орден основывается на фундаменте четкой иерархии, где нижестоящий уровень всегда находится в абсолютном подчинении уровню вышестоящему. На вершине пирамиды — понтифик, которого, писал Игнатий, надлежит слушаться так, словно ты не живой человек, а труп (perinde ac cadaver). Тотальное повиновение, символически отшлифованное кратким и звучным девизом: «Я верю, что белое в глазах моих является черным, если так решит церковь».

Помимо великолепных церквей, о которых я упоминал в начале главы, в Риме существовали и другие места, связанные с деятельностью Компании. Одним из них был Римский колледж, предназначенный для обучения новых воспитанников, то есть заведение крайне важное, если принять во внимание будущую роль его выпускников и интеллектуальные требования, предъявляемые к полноправным членам ордена.

Основанный в 1584 году, Римский колледж был главной иезуитской школой, остававшейся таковой вплоть до 1773 года, когда, как мы увидим, иезуиты подвергнутся временным репрессиям. Компания снова вернулась туда в 1814 году, после повторного учреждения ордена папой Пием VII по завершении наполеоновской эпопеи. А в 1870 году орден был изгнан оттуда окончательно: присоединив Рим к королевству Италия, правительство страны конфисковало у иезуитов Римский колледж, частично переделав его в светский лицей. Бóльшая часть образовательных программ ордена была (и остается) посвящена изучению доктрины церкви, но в заслугу иезуитам ставят прежде всего то, что они включили в образовательный процесс латинский и греческий языки, поэзию и философию. В «еретических» странах целью школ ордена, впрочем, не особенно скрываемой, было привлечение молодежи в лоно Римской церкви. И действительно, многие семьи, не только католические, отправляли своих детей в иезуитские колледжи, полагаясь на серьезный характер обучения и безупречную репутацию самих учреждений.

С ростом могущества Компании усиливалась враждебность по отношению к ней не только при дворах многочисленных европейских монархов, но и внутри самой церкви. Скажем однозначно, что иезуиты были вовлечены во многие светские дела, порой довольно щекотливые. В своем труде *«Нулевая линия: Компания Иисуса и рабство в процессе формирования колониального общества в португальской Америке»* Карлос Альберто де Моура Рибейру Дзерон пишет, что до своего изгнания из Бразилии в 1759 году иезуиты пользовались подневольной рабочей силой аборигенов и африканцев, не гнушаясь и торговлей рабами из Анголы.

После смерти Климента XIII в феврале 1769 года иезуитский вопрос перешел в фазу вирулентности, обострения, поэтому избрание «неправильного» преемника могло обернуться для ордена проигрышем. Влиятельные представители дома Бурбонов без обиняков потребовали, чтобы все кандидаты на папский трон приняли на себя письменное обязательство по роспуску и запрету ордена. Потребовались три месяца и сто восемьдесят попыток голосования, пока понтификом не объявили Джан Винченцо Антонио Ганганелли (Климента XIV), уроженца Романьи, которому было тогда немногим более шестидесяти. Это казалось компромиссом, приемлемым для всех, невзирая на отказ нового папы формально гарантировать упразднение Компании.

Климент унаследовал запутанную политическую ситуацию, которую попытался разрешить, в частности, методом стратегической раздачи

пурпурных кардинальских мантий. Однако проблема иезуитов продолжала довлеть над его понтификатом. После четырех лет колебаний и беспокойства в июле 1773 года ему пришлось своим декретом расформировать Компанию и отдать приказ об аресте генерала ордена Лоренцо Риччи, до своей кончины содержавшегося в заключении в темнице замка Святого Ангела.

Даты здесь важны. Мы находимся на излете XVIII столетия, ознаменовавшегося расцветом философии Просвещения со всей совокупностью свойственных ему политических и культурных последствий для Европы и всего мира, которые были вызваны именно этой системой взглядов на человеческое существование, социальную организацию и отношения между личностью и государством. Во Франции в это время на авансцену выходят энциклопедисты, подтачивающие и разъедающие основы монархического абсолютизма. В Англии за несколько десятилетий до того свершилась «Славная революция», утвердившая первенство парламента, а не короны. В данном контексте неудивительно, что ключевой мишенью для нападок стала Компания Иисуса, считавшаяся многими не без причины символом самых ретроградных черт католической церкви.

В нашем путешествии по следам иезуитов есть еще одно любопытное место — берниниевская церковь Сант-Андреа в римском Квиринале, о которой мы уже говорили. Теперь предлагаю взглянуть на нее под другим углом. Церковь и расположенный рядом с ней институт были предназначены для молодых послушников ордена. В первой капелле справа мы видим картину кисти Бачиччи, которая изображает кончину Франческо Саверио, прижимающего к груди распятие; он окружен ангелами и херувимами, утешающими и ободряющими его в агонии. Под алтарем, в драгоценной урне, хранятся мощи святого Станислава, юного польского иезуита, скончавшегося в возрасте всего восемнадцати лет.

Станислао (Станислав) Костка родился в октябре 1550 года в Росткове, недалеко от Варшавы, в дворянской семье; его отец князь Ян был членом польского Сейма. Отправленный на учебу в Вену, Станислав прошел курс духовных упражнений согласно уставу Игнатия. В противоположность своему брату, повесе-либертену*, он был глубоко верующим человеком. В пятнадцать лет, будучи в гостях в доме лютеранина, он тяжело заболел. Его опекун Ян Билинский, посчитав, что мальчик умирает, хотел позвать к его ложу

* Последователю нигилистического движения либертинизма, стороннику свободной, гедонистической морали. *Прим. ред.*

священника для последнего причастия, однако опасался негативной реакции хозяина дома, враждебно настроенного по отношению к католическим пастырям.

Тогда произошло что-то необыкновенное, о чем агиография сообщает так: «Опекун в изумлении внезапно увидел Станислава, озаренного небесным сиянием, с выражением кротости и благоговения на лице. Удивление опекуна еще более усилилось, когда мальчик обратился к нему, говоря отчетливо и убедительно: “Опустись на колени, преклонись перед Святыми Дарами. Два ангела Господа нашего ныне с Ним и пречистая великомученица святая Варвара”». У юноши было видение, им самим в дальнейшем подтвержденное, во время которого его причастил один из ангелов.

Убедившись в крепости своей веры, Станислав решил отправиться в Рим и стать иезуитом, ничего не рассказав об этом семье из опасений противодействия с ее стороны. После короткого пребывания в Германии он отправился в столицу католицизма. В пути феномен видений повторился. Однажды он вошел в церквушку, когда-то католическую, но позднее переделанную в лютеранский храм. Когда он осознал это, его охватило смятение, но сразу же явились ангелы, один из которых протянул Станиславу освященную гостию. Станислав рухнул ниц и принял Тело Христово непосредственно из рук небесного посланника. Преодолев полторы тысячи километров (родственники между тем были в отчаянии, считая его пропавшим без вести), молодой человек наконец добрался до Рима и пришел в Дом послушников. Быть может, по причине испытанных потрясений или же из-за слабого здоровья 15 августа 1568 года он умер в возрасте восемнадцати лет.

Церковь приберегла для него высшие почести. В 1605 году его, первым из членов Компании Иисуса, провозгласили блаженным; в 1671 году он стал святым патроном Польши; в 1726 году папа Бенедикт XIII канонизировал его вместе с Луиджи Гонзага. Впоследствии Станислава объявили покровителем религиозных послушников, учащейся молодежи и умирающих. В примыкающих к церкви Сант-Андреа комнатах еще сохранилась капелла, где бедный мальчик мучился в агонии, — теперь на этом месте установлена внушительная статуя, запечатлевшая Станислава за несколько мгновений до смерти. Эту скульптуру в 1702 году изваял Пьер Легро, парижский мастер, поселившийся в Риме, где ему дали прозвище «месье Легро». Она целиком выполнена из многоцветного мрамора, воспроизводящего в реалистичной манере с небольшой примесью воображения одежду, домашнюю утварь, личные вещи и даже цвет кожи почившего.

Достойна внимания и еще одна деталь: в той же церкви Сант-Андреа состоялась церемония вступления в орден прославленного иезуита Маттео Риччи (1552–1610), математика и картографа, сумевшего побывать в Пекине, столице Поднебесной империи, и первым из европейцев получившего допуск в Запретный город.

О могиле другого выдающегося иезуита стоит поведать отдельно, поскольку история ордена формируется, может быть, даже больше при помощи памяти и культа мертвых, чем посредством деятельности живых. В третьей капелле справа в церкви Сант-Иньяцио под алтарем можно увидеть покрытые роскошной алой кардинальской тканью мощи Роберто Беллармино (1542–1621), тоже присоединившегося к Компании в юности, но прожившего свой век иначе, чем Станислав Костка.

Кости Беллармино перевязаны серебряными нитями, из этого же металла выполнена маска, покрывающая лицо и руки. Известно, что он обладал могучим интеллектом и разящей, точно бритва, проницательностью. Доказал он это еще в молодости, в течение трех дней защищая свою дипломную работу по теологии; безжалостным подтверждением его внутренней силы станет и та неумолимая решимость, с которой он приговорит к сожжению на костре философа Джордано Бруно.

Едва достигнув тридцати лет, он получил кафедру в иезуитском Григорианском университете, где сосредоточился на работе со студентами из Северной Европы, которые, вернувшись на родину, должны были противостоять протестантству.

Беллармино ясно видел, что сметенная Лютером плотина ортодоксии грозила риском прорыва многих других с трудом удерживаемых запруд. Поэтому он сделал смыслом и целью своей жизни защиту доктрины и канона. Таким образом, желание казнить Джордано Бруно было для него вполне естественным. Процесс по обвинению философа длился семь лет, пользы от него не было ни малейшей, несмотря на многочисленные допросы и пытки. Непреклонный кардинал занялся этим делом в 1599 году и за пару-тройку недель довел его до единственно возможного приговора — аутодафе. Обвиняемого в ереси должны были сжечь живьем. 1600 год был объявлен святым, и образ философа, корчившегося в пожирающих его языках пламени, должен был послужить предупреждением всем — и паломникам, и римлянам, — кто захочет прислушаться к лютеранскому учению.

Беллармино интуитивно догадался, что идея Бруно о бесконечной множественности миров открывала новую эру свободомыслия; что если поставить

под сомнение целое здание, построенное на канонической интерпретации Писания, то рухнет вся доктринальная конструкция целиком. В своем труде *«О бесконечности, Вселенной и мирах»* философ написал: «Существуют бесчисленные Солнца, и многие Земли вращаются вокруг них». Некоторое время спустя будет получено доказательство того, что это и в самом деле так.

Бруно изложил теорию, на столетия опередившую открытия астрономов, но тем самым создал помехи доминированию идеи о Боге-творце и вере в искупление Иисусом Христом грехов рода человеческого. В общем, философ вышел за рамки христианства — наказание было неизбежным. По иронии судьбы, в мае 2008 года другой иезуит, падре Хосе Габриэль Фунес, назначенный папой Ратцингером на пост директора ватиканской обсерватории, спокойно сообщил аудитории, что можно без особых проблем признать существование иных миров, пространств и жизней, даже стоящих на более высокой ступени эволюции, но совершенно не обязательно при этом дискутировать и выражать скепсис относительно веры в творение, воплощение Христа и спасение человечества. Бедный Бруно говорил ровно то же самое, но слишком рано.

Процесс беатификации Беллармино, проталкиваемый иезуитами, затянулся на добрые три столетия, с 1627 по 1930 год. Этому препятствовали как соображения технического свойства, так и доктринальные мотивы, да и ощущение некоторой неуместности затеи в отношении человека, который в случае с Джордано Бруно совершил просто-напросто преступление, с чем соглашались даже главы католической церкви. В святые возвел его в 1930 году папа Пий XI, через год Беллармино был провозглашен учителем христианской церкви и отныне почитался как покровитель преподавателей катехизиса и адвокатов канонического права. Эпитафия на его могиле гласит: «Мой меч подчинил гордых духом». Когда в 1889 году в Риме, на Кампо дей Фьори, был торжественно открыт монумент Джордано Бруно, папа Лев XIII выпустил специальное предостережение, которое должны были огласить всем верующим с церковных амвонов: «В нем философ был повторно проклят». Ватикан и далее продолжал оказывать давление на итальянские власти, настаивая на сносе памятника. К чести Бенито Муссолини, при нем как при главе правительства эти попытки каждый раз оборачивались полным фиаско.

Невозможно представить себе более несхожих людей, чем эти двое святых: умерший в восемнадцать лет, охваченный экстазом от видений Христа и ангелов небесных польский юноша — и твердый, как кремень, приверженец доктрины и догмы, скончавшийся на пороге восьмидесятилетия. Однако оба они — иезуиты, оба чтимы церковью. Явственные различия между ними

ставят несколько важных вопросов: можно ли свести Компанию к общему знаменателю? Из кого, в сущности, состояло папское воинство? Не слишком ли часто его деятельность потворствовала политическим нуждам момента и казалась абсолютной импровизацией? Какую из позиций они заняли бы в вечном споре внутри католицизма между милосердием к ближнему и горделивой прокламацией нетленных истин? И верно, действия иезуитов, их теоретические разработки и конкретные поступки регулярно колебались между двумя этими полюсами.

В 1981 году, когда внутри Компании разразились яростные дебаты, папа Иоанн Павел II решил назначить своего персонального представителя, монсиньора Паоло Децца на пост генерала ордена вместо неизлечимо больного Педро Аррупе. Сами иезуиты предлагали на этот пост своего кандидата, Винсента О'Кифа. В соответствии с официальной версией, Ватикан пытался таким маневром компенсировать «некоторую растерянность» в Компании и «помочь иезуитам услышать глас здравого смысла». Но в приватных беседах утверждалось, что подобное волевое решение отражало стремление поставить под контроль левое течение в Компании, вовлеченное, особенно в Латинской Америке, в так называемую теологию освобождения. В целом ключевым мотивом этого процесса стало желание помешать «либеральному» перевороту, к которому орден подвел генерал Педро Аррупе в период своего почти двадцатилетнего мандата.

В 1968 году в колумбийском городе Медельин латиноамериканская Епископальная конференция заняла недвусмысленную позицию противостояния авторитарным режимам — военным диктатурам, которые проводили безжалостную политику репрессий, часто поддерживаемую Римской церковью (или, во всяком случае, не получающую открытого противодействия с ее стороны). В ходе сопротивления местным хунтам и их кровавым методам латиноамериканский клир в большинстве своем сплотился с самыми обездоленными слоями населения, поддержав собственным авторитетом их борьбу и укрепив идеал социально активной церкви, близкой народу. Теология освобождения никогда не признавалась Ватиканом, а потому он сочтет своим долгом остановить это движение даже ценой ликвидации автономии ордена иезуитов, приближенного к высшей католической иерархии, но при этом сочувствующего угнетаемым народам Латинской Америки.

Другая тема, спровоцировавшая оживленные споры, возникла в 2001 году, когда влиятельная ежедневная газета «Коррьере делла Сера» организовала дискуссию историка Давида Кертцера, автора книги «Папы против евреев»,

и падре Джованни Сале, историографа Компании Иисуса. Кертцер обрушился на церковь с обвинениями в том, что своим многовековым антииудаизмом она подготовила почву для нацистского антисемитизма. В подтверждение сказанного писатель, в частности, процитировал отрывки из серии статей, опубликованных на страницах выходящего раз в две недели иезуитского журнала «Чивильта католика», учрежденного в 1850 году. Так, в 1882 году журнал с определенным удовлетворением извещал читателей о первых конгрессах современных антисемитских движений. В 1890 году он опубликовал три статьи по еврейскому вопросу, в которых предвосхищались самые позорные клеветнические выпады нацистов; позднее эти выступления и заметки были объединены в книгу, переведенную и изданную на многих языках.

Иезуитский историк парировал эти тезисы решительным утверждением, что проявленный «Чивильта католика» антииудаизм был достаточно корректным по форме и содержанию; к тому же в 1938 году это был единственный журнал, осудивший расовые законы, введенные Муссолини. На самом деле среди католических священников, в том числе иезуитов, были зафиксированы многочисленные случаи оппозиции режиму, а в период Сопротивления — и прямого сотрудничества с борцами за свободу. И все же в контексте антисемитизма имидж Компании остается, по существу, сомнительным и двойственным, как, впрочем, и репутация самого Ватикана.

Тот же падре Сале, высказывая свои аргументы по теме («Чивильта католика», ноябрь 2008 года), отозвался о поведении Эудженио Пачелли, позднее ставшего папой Пием XII, в бытность его госсекретарем Ватикана, как о «чересчур осторожном»: «В отношении данного вопроса Государственный секретариат предпочел придерживаться осмотрительной тактики, полагая, что таким образом сможет добиться конкретных уступок в пользу евреев, особенно обращенных в католицизм». Согласно такому подходу церковь настаивала на том, чтобы фашистское правительство «дискриминационным критерием сделало не расово-биологические признаки, а вероисповедание», то есть соображение, которое, по словам падре Сале, «кажется ныне неудобным и щекотливым для католического историка, тем более после заключений Второго Ватиканского собора по этому поводу подобную теоретическую установку и модель действий сложно оправдать в категориях морали и религии».

Впрочем, в конце Второй мировой войны неоднократно встречались аналогичные примеры двойственного отношения к проблеме. После отмены правительством Пьетро Бадольо расовых законов иезуит падре Луиджи

Такки Вентури, специальный посланник госсекретаря кардинала Луиджи Мальоне, высказался в том духе, что «в соответствии с принципами и традициями католической церкви среди этих постановлений были положения как заслуживающие упразднения (в частности, насчет обращенных в католичество и смешанных браков), так и нуждающиеся в подтверждении и всемерной поддержке». Такой взгляд отражал его стремление изолировать религиозный аспект (обращение) проблемы, сохранив ограничения, вдохновленные расовыми предрассудками.

В годы управления орденом падре Аррупе Компания Иисуса нередко демонстрировала открытость и новаторство как в социальной области, так и в вопросах доктрины. В январе 2008 года, за пару дней до избрания нового руководителя Компании, устами испанского теолога Адольфо Николаса папа Бенедикт XVI потребовал от иезуитов продемонстрировать большую верность «в деле продвижения идеалов истинной и святой католической доктрины… особенно по ряду аспектов теологии освобождения и по различным пунктам сексуальной морали». Посыл ясен, очевидна и обеспокоенность папы темами, которые и сегодня характеризуют его понтификат.

Другой иезуит, вызвавший сильнейшие опасения Ватикана, — это американский теолог Роджер Хейт. Еще в 2004 году Конгрегация доктрины веры (бывшая инквизиция — Сант-Уффицио*), которую возглавлял тогда как раз кардинал Ратцингер, осудила тезисы Хейта и запретила ему преподавать теологию в Weston School of Theology, иезуитском университете Кембриджа, штат Массачусетс. Летом 2008 года теолог был заклеймен повторно; предписание об отстранении от преподавательской деятельности на сей раз было распространено на все школы, не только католические. Параллельно появилось официальное вето на публикацию книг Хейта до тех пор, «пока его позиция не будет скорректирована, а мнения исправлены».

Главное обвинение в адрес Хейта сводилось к тому, что он использовал теологический метод, в рамках которого содержание вероучения и его трактовка были обусловлены исключительно тем, насколько оно приемлемо для современного социума. Американец парировал, что в этом случае у католической теологии появляется больше шансов на выживание, успех и восприятие ее доминирующей на Западе культурой, включая молодежную субкультуру. Ватиканская иерархия и воинствующий теолог-иезуит по большому

* По названию палаццо Сант-Уффицио, где размещается Конгрегация доктрины веры. *Прим. ред.*

счету мыслят похоже, но анализируют проблему с двух совершенно противоположных точек зрения. Естественно, за столетия своей истории церковь много раз оперативно и решительно адаптировалась к требованиям, диктуемым политикой, обычаями и нравами. Иными словами, нет смысла четко определять, что важнее — общество или доктрина. На кону в очередной раз совсем иная ставка: главенство или, если хотите, подчинение.

Впрочем, падре Хейт встретил сопротивление и внутри самой Компании. Другой иезуитский теолог, падре Джеральд О'Коллинз, преподающий в престижном Григорианском университете Рима, обрушился на него с резкой критикой, заявив, что «для Иисуса, каковым его задумал и понимает Хейт, уж точно не было никакого резона умирать на кресте». Согласитесь, крайне деликатные вопросы, по которым не так-то просто и, может, даже не дозволено высказываться столь непринужденно. Здесь перед нами явная демонстрация тревог, будоражащих Компанию в непростой для Римской церкви период. Согласно подсчетам специалиста по Ватикану Сандро Маджистера, из семи теологов, деятельность которых расследовалась Конгрегацией доктрины веры, четверо — иезуиты.

Один из крупнейших ныне живущих теологов, тоже иезуит, — кардинал Карло Мария Мартини, которого, вероятно, избрали бы папой, не помешай этому его теологические и социальные воззрения. В своей книге «Ночные беседы в Иерусалиме» падре Мартини дискутирует с собратом по ордену австрийцем Георгом Споршиллом по ключевым вопросам католической доктрины. Из его слов рождается гуманизированная концепция церкви, соразмерная человеку, например трудная тема целибата священников («Быть может, не у всех есть харизма»), возможность священнического служения женщин или гомосексуализм. В вопросе допустимости контрацепции падре Мартини разрушает сложившееся табу, которого неукоснительно придерживались (более того, упрочивали) трое пап — Павел VI, Иоанн Павел II, Бенедикт XVI*. В 1968 году папа Павел VI обнародовал свою знаменитую энциклику *Humanae vitae* («Важнейший дар передачи человеческой жизни…» — *Humanae vitae tradendae munus gravissimum…*), которая содержала доктринальные положения о сексуальном акте в браке строго в связи

* В настоящий момент в позицию понтифика внесены только легкие акценты: «Церковь, естественно, не расценивает их [презервативов и противозачаточных средств] применение как адекватное и морально допустимое решение, но, в том или ином конкретном случае, в их использовании, дабы уменьшить риск заражения, можно тем не менее видеть первый шаг в направлении другого, более гуманного пути полноценной сексуальности». Цит. по: http://www.evangelie.ru/forum/t79265.html

с воспроизводством себе подобных. Падре Мартини вспоминает, как папа лишил членов собора права решать что-либо по этому вопросу, возложив задачу на себя самого: «К сожалению, энциклика *Humanae vitae* спровоцировала и негативные последствия… Это решение, принятое в одиночку, в долгосрочной перспективе не являлось положительной предпосылкой для обсуждения тем сексуальности и семьи».

Но, вероятно, самым громким шагом к христианству, сконцентрированному более на любви, чем на надменной горделивости истины, стало известное восклицание матери Терезы из Калькутты «Бог не католик», перефразированное Мартини следующим образом: «Ты не можешь сделать Господа католиком». Логические выводы из этого положения безмерны и в мировосприятии кардинала должны быть адаптированы к личности самого Христа, по его мнению, гораздо более благожелательного и доброго и уж точно далекого от того образа «истинного Бога и настоящего человека», который сконструирован в книге Йозефа Ратцингера «Иисус из Назарета»*.

История иезуитов, насыщенная и бурная, отмечена волнениями и противоречиями, рассеяна в многочисленных эпизодах, где в разных пропорциях встречаются зло (его было предостаточно) и добро. Но, как правило, это обычная ситуация для любого великого человеческого предприятия, затеи или авантюры. На практическом уровне Компания вроде бы присвоила себе мысль-увещевание Мартина Лютера, обращенную к его любимому ученику и фактически идеологическому наследнику Филиппу Меланхтону; вождь Реформации в своем письме сформулировал наставление, которое будут много и часто цитировать, недопонимая или толкуя ошибочно: *Esto peccator et pecca fortiter, sed forties crede et gaude in Christo*, то есть «Будь даже грешником и греши обильно, но верь в Господа еще крепче и возрадуйся во Христе». Оно ни в коей мере не было восхвалением греха, как нередко принято считать. Напротив, в нем содержался призыв быть всегда и полностью честным и искренним в общении с Богом благодаря силе веры.

Можно думать об иезуитах плохо; кстати, так порой и было. Но в трудах на ниве диалектики и в напряженной интеллектуальной работе ордена иезуитов состоит сегодня одно из немногих свидетельств витальности, жизнеспособности религиозной доктрины перед лицом ватиканской политики, все более склоняющейся к ограниченному кругозору, замкнутой, зараженной конформизмом, а иногда, увы, и высокомерием власти.

---

* В России книга была опубликована издательством «Азбука-классика» в 2009 году. *Прим. ред.*

XI. Банкиры Господа

В мощной башне Николая V, пристроенной к дворцу и приспособленной под резиденцию понтифика, ныне располагается центральный офис ИОР* — очень известный акроним, обозначающий Институт религиозных дел (Istituto per le Opere di Religione — IOR), то есть Банк Ватикана. Внушительная громада этой конструкции видна даже извне, если стоять на виа Порта Анджелика напротив ворот, охраняемых швейцарскими гвардейцами. Образование банка приходится на июнь 1942 года, когда Пий XII, папа Пачелли, слил несколько ранее существовавших организаций в самый настоящий банк, обладающий соответствующим юридическим статусом.

Его цель была вполне типичной для любого банковского учреждения и заключалась в извлечении прибыли из капиталов посредством запуска их в оборот. Однако особенность состояла в том, что бо́льшую часть доходов необходимо было направлять, согласно статуту и в подкрепление названия, на богоугодные «религиозные дела». Поскольку в разговоре о политике нет ничего более показательного, чем использование и поиск денег, необходимо задать вопрос, в какой мере ватиканская политика, реализуемая в том числе и через банк, похожа на деятельность любого другого государства, которое не может похвастать небесной помощью и авторитетом для своих проектов.

В связи с этим вспомним один многозначительный прецедент. Для управления огромным состоянием Святого престола, переданным ему по конкордату 1929 года, Пий XI вызвал к себе инженера Бернардино Ногара, способного и ловкого банкира. Перед тем как принять предложенную должность, Ногара выдвинул папе одно четкое условие: инвестиции Ватикана по всему

* Здесь и далее Банк Ватикана будет обозначен буквальной калькой с итальянского языка — ИОР (IOR), без перевода аббревиатуры на русский язык — ИРД. В литературе и СМИ встречаются оба варианта. *Прим. пер.*

миру должны быть избавлены от какого-либо давления религиозных соображений и постулатов. Так и будет, причем даже Вторая мировая война нисколько не повлияет на состояние ватиканских финансов, так как Ногара, при содействии влиятельных католических посредников, сумел перевести основную часть средств в США и вернуть их в Европу уже с процентами по завершении военных действий.

В долгой цепочке (ставшей традицией) талантливых финансистов и инвесторов стоит сделать небольшой шаг назад и заглянуть в прошлое. В 1862 году, когда уже было очевидно, что, невзирая на сопротивление Пия IX, светская власть папства клонилась к закату, Франческо Саверио де Мероде, бельгиец по происхождению, персонаж гениальный и предприимчивый, не чуждый авантюр, приобрел у Общества недвижимости (Societa' Immobiliare) земли, примыкающие к будущему вокзалу Термини*. Он выторговал их по смехотворной цене, поскольку тогда эта зона считалась лишенной какого-либо значения в планах урбанизации Рима. Однако Мероде интуитивно угадал, что будущая столица Итальянского королевства будет расширяться и развиваться именно по направлению вверх, поднимаясь на холмы и не затрагивая низинные средневековые кварталы и районы застройки XVII века. Пока негодующий папа после штурма ворот Порта Пиа запирался в священных дворцах, его финансисты занимались консолидацией недвижимого имущества Святого престола в Третьем Риме.

Так вот, эти «недвижимые» прецеденты выявили крайне запутанную проблему, эхо которой можно с легкостью уловить в диалоге публициста Эрнесто Галли делла Лоджиа и кардинала Камилло Руини о христианстве и современном мире, все фрагменты которого сведены под одной обложкой в книге «*Границы*». В определенный момент высокопоставленный прелат провозглашает: «Взаимосвязь… христианского послания… с теми или иными формами власти в истории — это тема чрезвычайно сложная, но неизбежная». Более того: «Необходимо сочетать абсолютный императив морали с историческим реализмом: таков вечный вызов, бросаемый нам». Да, разумеется, в этом есть вызов, особенно если мы будем выстраивать наше суждение исходя из финансовой биографии Святого престола и чрезвычайной гибкости упомянутой границы между «христианским посланием» и «историческим реализмом».

В лоне самой церкви этот сюжет породил массу достаточно авторитетных, но очень разных мнений. Обсуждая аналогичную тему в беседе с Эудженио Скальфари в июне 2009 года, кардинал Карло Мария Мартини отметил:

* Сегодня главный железнодорожный вокзал Рима. *Прим. ред.*

«Задача церкви — свидетельствовать Слово Господа, воплощенное библейское Слово, наступающее царство праведников. Все прочее — вторично». И добавил: «Во всем и всегда превалирующим фактором являются пастырское призвание и умение, а не способности на почве дипломатии и теологии».

Таковы две почти полярные точки зрения. По мнению Руини, следует «сочетать», сочленять две реальности; Мартини, наоборот, призывает становиться на одну из двух позиций, указывая точно, какая из них — доминирующая.

Если и есть сфера, в которой результат подобного вызова может быть измерен или, точнее, «высчитан», то это не что иное, как манипулирование денежными потоками. В отношениях с деньгами, то есть с финансами, иными словами, применительно к образованию, накоплению и использованию больших сумм, можно увидеть четко и ясно, где обстоятельства, воля, случай и конкретные нужды устанавливают ту самую грань между «христианским посланием» и «формами власти в истории» или между «абсолютным императивом морали» и «историческим реализмом». А также проверить, насколько убедительна до сих пор мысль евангелиста Матфея *(6, 24)*: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и Мамоне». Богу и золотому тельцу, жажде наживы и прибыли.

События в истории ИОР вроде бы как раз и свидетельствуют о трудности выбора. В сравнении с любым другим итальянским банковским институтом, полномочия и прерогативы ИОР делают его уникальным. Во-первых, он не платит налоги с дивидендов, равно как его вкладчики не производят отчислений с прибыли от вложенных под высокий процент средств. Во-вторых — и это сближает его с офшорными структурами — любой запрос о прояснении банковских операций, направленный из других государств, должен убедительно аргументироваться судебными органами и поступать по официальным каналам через Министерство иностранных дел. Благодаря этому обстоятельству вплоть до сегодняшнего дня Святой престол ни разу не ответил — утвердительно или отрицательно — на такого рода обращения. Привычное молчание.

О третьей привилегии стоит вспомнить из-за ее весомости в контексте данной главы. Конкордат, подписанный между Святым престолом и тогдашним королевством Италия в феврале 1929 года, как и некоторые последующие постановления итальянской судебной системы (магистратуры), определяет, что менеджмент ИОР и в целом все, кто работает в центральном аппарате Святого престола, обладают полным и всеобъемлющим иммунитетом, поэтому их не могут вызвать на судебное разбирательство и тем паче подвергнуть аресту.

Прикрытие, пресекающее на корню слабые поползновения прокуроров и судей, желающих пригласить кого-либо из управляющего звена Ватикана для предоставления отчета о возможных преступлениях, совершенных в Италии.

У руля ИОР девятнадцать лет, с 1971 по 1989 год, стоял человек, достойный войти (и вошедший) в легенду благодаря удивительному сочетанию личных качеств. Он известен своим невероятным даром маневрировать, физической силой, фантастической энергией, неоднократно продемонстрированной изобретательностью (некоторые считали, что еще и наивностью), а также многочисленными ошибками и просчетами. Тот самый монсиньор Пол Марцинкус, который, строго говоря, был еще и священником, то есть пастырем душ человеческих, хотя это обстоятельство в круговороте его забот и деяний, по всей видимости, было не столь важным. Марцинкус родился в Сисеро, в предместье Чикаго, штат Иллинойс, в 1922 году, а умер в Сан-Сити, штат Аризона, в 2006 году. Семья была скромного достатка, но мальчик оказался смышленым, учился в католических школах, а в 1950-е годы переехал в Рим, чтобы продолжить обучение в Папском Григорианском университете. Он тесно сотрудничал с епископом Джованни Баттиста Монтини, ставшим в 1963 году папой Павлом VI.

Если верить О. Р.*, пресловутой публикации Мино Пекорелли (застреленного в 1979 году), имя Марцинкуса фигурирует в компании высших чинов ватиканской иерархии, вошедших в список ста священнослужителей-масонов. Его восхождение наверх в ватиканских стенах происходит стремительно, в частности, потому, что в 1970 году он проявил себя самым героическим образом в Маниле, столице Филиппин, где ему удалось молниеносным жестом отклонить клинок одного фанатика, покушавшегося на жизнь Павла VI. Уже через год его назначают президентом ИОРа. Вообще, когда пишешь и читаешь обо всем этом спустя много лет после упомянутых событий, поражаешься тому, какими волнениями, ухищрениями, кознями, подозрительными персонажами, гигантскими аферами и наконец, пролитой кровью отмечены последние десятилетия XX века. С этими аферами, надувательством и кровью Марцинкус и ватиканский банк связаны прочнее, чем кто-либо другой.

Рассказывать историю этого банка и монсиньора Марцинкуса — все равно что разоблачать множество ключевых лиц, вовлеченных в те или иные

* О. Р. — Osservatorio Politico. Одно из первых агентств политических новостей, а позднее еженедельный журнал, где нередко публиковались засекреченные сведения. Директор издания Мино Пекорелли был убит через год после Альдо Моро, в 1979 году. По сути, речь идет о некоем аналоге нынешнего WikiLeaks.

интриги: Роберто Кальви, повешенного под лондонским мостом в 1982 году, Микеле Синдона, отравленного в тюрьме в 1986 году, вездесущего Личио Джелли, главу преступной масонской ложи «Пропаганда-2» (Propaganda Due, сокращенно — «П-2»), организатора заговоров и подрывных действий. Здесь же можно вспомнить и бедную Грациэллу Коррокер, секретаря Кальви, выбросившуюся из окна за день до убийства шефа.

Согласно оценкам математика Пьерджорджио Одифредди, Святой престол стоит Итальянской республике девять миллиардов евро ежегодно благодаря механизму прямых субсидий, к которым добавляются еще примерно шесть миллионов в виде освобождения от налогов различного типа. Точные подсчеты произвести нереально, поскольку ватиканские счета и бюджет Святого престола, уклончивые, полные лакун, не позволяют провести детальный анализ, хотя, справедливости ради, стоит сказать, что недавно ситуация слегка улучшилась. С 2008 года по воле Бенедикта XVI кардиналам и епископам вручается финансовый отчет. Размноженный в нескольких тысячах копий документ, само собой, предается огласке.

С финансовой точки зрения смерть папы Иоанна XXIII в июне 1963 года стала для церкви катастрофой. Колоссальная популярность понтифика очень помогала стимулировать пожертвования верующих. После его кончины этот источник финансирования резко сократился, почти иссяк. К тому же в конце 60-х годов итальянское правительство постановило, что на смену полному налоговому иммунитету предыдущих десятилетий отныне приходит налогообложение дивидендов по акциям Святого престола. Двойной удар, повлекший за собой необходимость немедленного улаживания кризиса папой Джованни Баттиста Монтини, Павлом VI, преемником Иоанна. Деликатная миссия перевести за рубеж значительные пакеты акционерного капитала Ватикана, дабы избежать принудительньных фискальных операций, была доверена Марцинкусу, а также прожженному сицилийскому бизнесмену, продемонстрировавшему все необходимые знания и компетенцию, уроженцу коммуны Патти Микеле Синдона.

Внутри «львиных» стен (Леонины) был серьезно недооценен тот факт, что Синдона, сколь бы ловок он ни был, управлял деньгами мафии и занимался контрабандой, а также был связан тесными узами с влиятельными итало-американскими «семьями» (кланами) и выступал советником некоторых самых кровавых боссов организованной преступности. С другой стороны, момент был критический, а церковь, как не раз повторял Марцинкус, «не управляется молитвами “Отче Наш” да “Аве Мария”». Получив задание,

Микеле Синдона в соответствии со своими представлениями организовал и осуществил едва ли не самый колоссальный в итальянской финансовой истории вывоз капитала за рубеж. Направление — Швейцария. Для прикрытия операции сделали так, что несколько миллионов долларов не дошли до швейцарских банков и осели на счетах крупнейших политических партий, расходы которых на политическую борьбу достигали немыслимого уровня. Так, например, была облагодетельствована Христианско-демократическая партия: попутно Ватикан профинансировал кампанию против разводов, идеологически поддерживаемую церковью.

Денежная цитадель — частично подкрепленная наличностью, частично фиктивная, — возведенная Синдона на обоих берегах Атлантики, начала рушиться к концу 1974 года из-за сложного комплекса причин, в числе которых были и напряженность на Ближнем Востоке, и общая опасная международная ситуация, и падение цен на нефть. Когда «Банка Привата Итальяна», принадлежавший сицилийскому финансисту, обанкротился и был ликвидирован, куратором процесса со стороны государственного Банка Италии был назначен адвокат Джорджо Амброзоли, один из немногих героев общества в тогдашней зараженной коррупционными миазмами Италии. На него было оказано беспрецедентное давление, дабы он выступил поручителем и гарантировал официальными документами благонадежность Синдона. Ставка в игре была громадна; Синдона оказывал протекцию могущественный политик Джулио Андреотти, который публично назвал его «спасителем лиры». Поддайся Амброзоли этому давлению, Синдона ускользнул бы от уголовного преследования, а Банк Италии был бы вынужден покрыть его долги.

Прекрасно зная о том, что риск велик, Амброзоли не уступил ни изысканной лести, ни подкупу, ни угрозам. В письме к своей жене, своеобразном духовном завещании, он написал: «Без сомнения, я в любом случае дорого заплачу за этот пост и данное поручение: я знал об этом заранее, до того как принять его, поэтому не жалуюсь, ведь для меня это была уникальная возможность сделать что-то во благо моей страны». Заключения, изложенные в его докладе, сводились к тому, что «Банка Привата Итальяна» готовили к ликвидации, а ответственным за его крах был именно Синдона. Сицилийский финансист отдал приказ убрать Амброзоли: 11 июля 1979 года он был убит Уильямом Арико, завербованным в США киллером, которому заплатили 115 тысяч долларов разовым переводом на швейцарский счет. На похоронах Амброзоли присутствовал менеджмент Банка Италии, но не было никого из руководителей государства.

В 1976 году, пока рушились финансовые структуры Синдона, Личио Джелли, глава ложи «П-2», предложил самому Андреотти, в тот момент министру обороны Италии, план по спасению сицилийца. Министр одобрил его; скорее всего, этот план был бы исполнен, не воспротивься ему министр по делам казначейства (надзора за государственным долгом, бюджетными расходами и монетарной политикой) Уго Ла Мальфа. В итоге события пошли совсем по иному сценарию. Что же до Синдона, то в марте 1986 года его отравят кофе с цианидом в тюрьме особого режима Вогера.

Таков общий драматический фон. А теперь снова вернемся к рассказу об архиепископе Марцинкусе, вставшем у руля ИОР в 1971 году. Через несколько месяцев Синдона представляет ему Роберто Кальви, успешного, как и он сам, банкира. Карьерный рост Кальви начался рано. В 27 лет в 1947 году он становится сотрудником «Банко Амброзиано» — структуры, тесно спаянной с ИОР. В 1971 году Кальви занимает пост генерального директора этого банка, а в 1975 году — президента. Его амбиции, как и честолюбие прочих персонажей истории, в прямом смысле слова безграничны: он хочет укрупнить банк и ввести его в международные финансовые круги. Кальви вступает в ложу «П-2», устанавливает перекрестные взаимоотношения с миром мафии, совместно с ИОР основывает ряд компаний в офшорных зонах («налоговый рай»). В 1977 году Синдона, оказавшись в затруднительном положении, обращается к нему за помощью, но Кальви вынужден (или сам желает) отказать: его позиции уже не столь прочны; кроме того, он из осмотрительности хочет держать в отдалении компаньона, ставшего весьма опасным.

Месть Синдона не заставила себя долго ждать: 13 ноября 1977 года внимание миланской публики привлечено скандальными новостями, где во всеуслышание говорится о многочисленных нарушениях и упущениях «Банко Амброзиано». Инспекция Банка Италии в апреле 1978 года подтверждает факт многочисленных нарушений и обоснованность выдвинутых обвинений. Итоговое досье с результатами проверки вручено судье Эмилио Алессандрини, которого в январе 1979 года застрелят террористы Передовой линии (Prima Linea)*. Весь этот сюжет показывает в мельчайших деталях и красках Италию тех времен, неспокойную, тревожную, непрерывно

* Прима линеа («Передовая линия»; Италия), или «ПЛ». Создана в 1976 году покинувшими «Красные бригады» террористами и экстремистами, ранее не занимавшимися террором. «ПЛ» уделяла внимание теоретическому обоснованию борьбы, считая это необходимым условием успешной деятельности: «Без теории и без партии мы не только не совершим нашей революции, но и не сможем внести свою лепту в мировую революцию».

сотрясаемую преступлениями мафиозного или политического свойства, как в худшие периоды ее бурной, безотрадной истории. Всего этого было бы более чем достаточно, чтобы заставить так называемый Институт религиозных дел как можно скорее избавиться от порочащих его персонажей или хотя бы не иметь с ними ничего общего. Однако возобладали политические соображения, всегда дорогостоящие, крайне срочные и требующие прежде всего необходимости крепко стоять на твердой почве, не поднимать от нее глаз и не совать нос куда не следует.

В шайке всех этих аферистов, жуликов и самых настоящих бандитов фигура Кальви выделяется особо: он отличается особой беззастенчивостью, вопиющим легкомыслием в манипулировании деньгами и вместе с тем нашумевшим простодушием. В октябре 2005 года, через двадцать три года после его смерти, в Риме открылся судебный процесс против его предполагаемых убийц. Приговор, оглашенный в 2007 году, был оправдательным за недостатком доказательств, как формулировал эту статью старый Уголовный кодекс. Нас же в данном контексте более всего интересуют документы, всплывшие как до, так и во время разбирательства. 30 мая 1982 года Кальви, когда ему оставалось жить всего пару недель, отправил письмо кардиналу Палаццини, считавшемуся человеком Opus Dei в Ватикане, и написал в нем:

> *Ваше Высокопреосвященство… моральная и экономическая надежность Ватикана уже серьезно скомпрометирована; почему же никто не хочет вмешиваться?.. Внутри Ватикана существует заговор, направленный, при попустительстве светских сил и пособничестве национальных и международных антиклерикалов, на изменение имеющейся системы власти в рамках самой церкви. То, что кардинал Казароли и монсиньор Сильвестрини — соучастники, замешанные в неблаговидных коррупционных схемах Синдона, уже доказано; и я сам, если Вы того пожелаете, могу поведать Вам об обстоятельствах распределения взяток за проводимые банковские операции, могу даже указать точные суммы и номера текущих счетов! Но чего они все добиваются? Многие финансовые вливания, взятки и проценты за посредничество, выплаченные «Банко Амброзиано» партиям и политическим деятелям, были инициированы ими. К тому же им прекрасно известно, что я об этом знаю…*

Намерение шантажировать очевидно, но стиль письма выдает душевное смятение автора, однако все знают: настоящий шантаж требует взвешенных

формулировок и ледяной невозмутимости. И действительно, ответа на это письмо не последовало. Тогда банкир в совершенном отчаянии разыгрывает последнюю карту и обращается напрямую к понтифику. Копия этого послания была найдена сыном Кальви в личном архиве отца и передана журналисту, ведущему расследование, Ферруччо Пинотти. В документе читаем:

Ваше Святейшество,
именно я и никто другой взвалил на себя тяжелейшее бремя ошибок и просчетов, совершенных как нынешними, так и прежними руководителями ИОР, включая вероломство и грехи Синдона… я, согласно недвусмысленным распоряжениям Ваших уполномоченных представителей, выделял приличные суммы в пользу многих стран и политико-религиозных ассоциаций Востока и Запада; я, в согласии с ватиканскими властями, координировал создание бессчетных банковских учреждений в Центральной и Южной Америке, что являлось существенным препятствием проникновению и экспансии на континенте промарксистских идеологий; и наконец, я и никто другой сегодня предан и брошен на произвол судьбы этими самыми властями…

А чуть ниже в этом письме мы видим упоминание о человеке, в котором он видел своего злейшего врага, — кардинале Казароли:

Мне бы не хотелось останавливаться подробно на слухах и сплетнях о некоторых прелатах и в особенности о частной жизни госсекретаря кардинала Казароли… но полагаю полезным проинформировать Вас о его превосходных отношениях с кругами и лицами, известными своим ярым антиклерикализмом, о контактах с коммунистами и им сочувствующими, например с министром от ХДП Нино Андреатта, с которым, судя по всему, достигнуто соглашение об уничтожении финансовой группы «Амброзиано» и ее разделе на доли между всеми заинтересованными участниками.*

Кальви пытается воспользоваться единственным имеющимся в его распоряжении оружием: он просит защиты, требует гарантий, пытается извлечь эффект из противоречий внутри курии, угрожает, за неимением лучшего, дать признательные показания судебным органам. Чудовищные недостачи в зарубежных дочерних организациях, подконтрольной структурой которых

* Христианско-демократическая партия Италии. *Прим. ред.*

на самом деле являлся «Банко Амброзиано», — один миллиард двести миллионов долларов по тогдашнему курсу. Таков был дефицит Банка Ватикана а стало быть, и самого Ватикана. Но Кальви с потрясающей наивностью, а может, под влиянием отчаяния и страха просит его спасти. Только он пренебрегает тем фактом, что существуют столь же эффективные, сколь и эффектные методы заткнуть рот любому. Навеки.

Письмо папе датировано 5 июня 1982 года, а 18-го числа того же месяца Кальви был найден повешенным под мостом Блэкфриарс Бридж в Лондоне. Во время процесса 2005 года обвинение будет утверждать, что

> *подсудимые привлекли организации мафиозного типа, называемые Коза ностра и Каморра, к подготовке и осуществлению казни Роберто Кальви с целью наказать его за присвоение значительных денежных сумм, принадлежавших упомянутым организациям; добиться безнаказанности в получении и сохранении прибыли от преступной деятельности, в отмывании, употреблении и обмене финансовых средств, добытых преступным путем; помешать Кальви шантажировать занимающих важные политико-институциональные должности представителей масонства, ложи «П-2» и ИОР, совместно с которыми он управлял инвестициями, регулируя крупные финансовые потоки, ассигнования и ссуды.*

По версии Ферруччо Пинотти, Кальви предпринял попытку сделать «Банко Амброзиано» финансово независимым учреждением, однако, мягко говоря, небезупречный характер проводимых им операций превратил его в жертву вымогательств, в результате чего он был вынужден выписывать крупные суммы фирмам, связанным и ассоциированным с ИОР. Когда трудности обострились, он попробовал вернуть средства, «одолженные» у ватиканского института, а точнее, безвозмездно переданные ему. Естественно, у него ничего не вышло, так как этих денег уже давно и след простыл: они растеклись по счетам и карманам религиозных и политических группировок, близких к Святому престолу, особенно в Польше. Впрочем, Кальви был полностью об этом осведомлен; более того, он гордился тем, что много раз оказывал папе конкретную помощь в операциях в пользу польского движения «Солидарность».

6 августа 1978 года умирает папа Монтини. Он оказывал протекцию Марцинкусу, Синдона и Кальви, которые после его ухода лишаются надежного покровителя. Терзаемый болезнями Павел VI еще застал крестные муки Альдо Моро, попытавшись, пусть и безуспешно, предотвратить трагическую

развязку. Его понтификат войдет в историю и по многим иным причинам, к примеру, благодаря противоречивой энциклике *Humanae vitae* (июль 1968 года), посредством которой была подтверждена неправомерность и недопустимость любой контрацептивной практики (или приспособлений) в сексуальной сфере.

Его преемник Альбино Лучани, принявший имя Иоанна Павла I, отметится одним из самых мимолетных понтификатов в истории церкви: тридцать три дня (26 августа — 28 сентября). Неожиданную кончину папы официально припишут обширному инфаркту миокарда. Но повсеместно — тут и там, по всему миру — начнут циркулировать иные, более зловещие версии, о чем уже говорилось в главе «Безгласная церковь». Английский писатель Джон Корнуэлл, хотя и настроенный скептически по отношению к гипотезе об убийстве, подробно описывает ватиканскую курию, жужжащую, точно улей, и обеспокоенную замыслами нового папы, по мнению многих, наивного, а значит, опасного мечтателя. Лучани хотел перераспределить церковное имущество и, что касается непосредственно нашей темы, кардинально изменить структуру и функции ИОР. Требования о проведении аутопсии тела папы, на которой настаивали со всех сторон, из предосторожности отвергли.

Впрочем, из-за необычного совпадения и взаимосвязи событий, многих людей, вовлеченных в историю с ИОР, постигла, как мы увидели, внезапная или насильственная смерть. А в самой этой истории ощущается постоянная склонность к риску (который чреват непредсказуемым финалом отношений с различными учреждениями и лицами) и темным финансовым махинациям, где нашлось место даже капиталам сицилийской мафии. По крайней мере, об этом заявляли некоторые пентити («раскаявшиеся» мафиози), среди которых были Франческо Саверио Маннойя и Винченцо Калькара. Первый в ходе видеоконференции из Нью-Йорка засвидетельствовал, что безжалостная группа корлеонцев инвестировала часть своего состояния в Банк Ватикана. Второй утверждал, что пронес с собой в самолет два чемодана, набитых деньгами, и доставил их из Палермо в Рим, где уже была подготовлена машина, в которой его с нетерпением ожидал монсиньор Марцинкус. Откровения пентити всегда воспринимаются с осмотрительностью, хотя бы потому, что их невозможно объективно проверить, нельзя собрать улики и сверить доказательства. Между тем судья Джованни Фальконе просил считать Маннойю одним из самых достоверных источников, согласившихся сотрудничать с органами юстиции.

Когда банкротство аффилированных с ИОР банков всплыло на поверхность, Марцинкус поспешил заявить, что Ватикан в таких непростых условиях не понес ни малейшего ущерба. Это было неправдой. Министр казначейства Беньямино Андреатта (христианский демократ) с ходу насчитал свыше одного миллиарда долларов прямых убытков Святого престола из-за краха «Банко Амброзиано» и высказался так: «Правительство ожидает, что ИОР ясно и однозначно примет на себя часть ответственности, поскольку в ряде операций “Банко Амброзиано” ватиканский финансовый институт фактически выступал его компаньоном». Многие мировые газеты вышли тогда с броскими заголовками, освещая эти новости, но Ватикан, как обычно в критические моменты, предпочел хранить неприступное молчание. Никто так и не признался, что знал о нелегальном денежном трафике, организованном Синдона совместно с мафией, о горестях и злоключениях пары Кальви — Марцинкус, о разверзшейся бездне в ситуации с банковскими счетами, о нецелевом использовании средств, которые в соответствии со статутом должны были быть потрачены на «религиозные дела».

В 1978 году Иоанн Павел II в возрасте пятидесяти восьми лет восходит на трон Святого Петра (он родился в Вадовице, в Краковском воеводстве Южной Польши, в мае 1920 года). Это невероятно энергичный, физически выносливый человек, что не раз подтверждалось его частыми изнурительными поездками. И прежде всего это человек, возложивший на себя миссию освобождения родной земли от ярма советского коммунизма. Эта колоссальная задача требовала настойчивости, политической хитрости и сети выгодных альянсов по всему белу свету. А еще огромных денег. Пусть монсиньор Марцинкус и ослаблен скандалами, но папа рассматривает его как необходимую пешку для своего проекта. По мнению английского эссеиста Дэвида Яллопа, Ватикану удалось добыть для польского профсоюза «Солидарность», своими забастовками подрывавшего советскую власть не только в Польше, порядка ста миллионов долларов.

В мае 1982 года Банк Италии предает гласности дебиторскую задолженность «Банко Амброзиано» на сумму в один миллиард долларов, а Кальви, бросив все, бежит в Лондон, надеясь спастись и уклониться от неизбежных обвинений и даже вендетты, более чем вероятной, когда речь идет о манипуляциях фондов, запятнанных сотрудничеством с мафией. Может быть, он добился каких-то обнадеживающих заверений, но факт остается фактом — он даже не подозревал об ожидавшей его ловушке. В британской столице его ждала чудовищная смерть. Он находился в самом расцвете сил

и как никто умел добиваться желаемого. Ведь еще за год до того, как все рухнуло, именно он сумел получить кредит, о котором и мечтать было невозможно; частично из-за умений иллюзиониста, которыми пестрит история мировых финансов, от Джона Ло, изобретшего в XVIII веке «фидуциарные монеты», до Бернарда Мэдоффа, жонглера фиктивными деньгами; частично по причине известной всем и каждому близости к ватиканскому банку.

После его смерти примерно сотня кредиторов (юридических лиц) объединились в комитет, чтобы с максимальной эффективностью добиваться возврата вложенных средств. В это время в Ватикане совещания следуют одно за другим, кругом царит смятение. Марцинкус, в один миг потерявший бóльшую часть своего влияния, говорит, что никогда не догадывался о махинациях Кальви, поставивших под угрозу имя и репутацию ИОР. Он пытается погасить пожар, грозящий испепелить его самого, но все знают, что это ложь.

Госсекретарем в те годы был кардинал Агостино Казароли, человек, наделенный блестящим тактическим чутьем, который, будучи досконально осведомлен о фактах и реальных масштабах катастрофы, придерживается иной линии. Во время очередного заседания он советует принять более взвешенное решение, записанное в официальном протоколе так (целиком документ имеется в книге «ЗАО Ватикан» Джанлуиджи Ницци):

> *Его Высокопреосвященство кардинал государственный секретарь заметил, что фундаментальной целью была защита имиджа Святого престола, и выразил мнение о необходимости полюбовного разрешения конфликта.*

Марцинкус против. В попытке вытащить из пропасти банк и самого себя он с нажимом парирует: «Если мы невиновны, то и платить нам не следует». Английский журналист Чарльз Роу, специализирующийся на экономической тематике, занимался журналистским расследованием этого дела. В своей книге *«Великий обман»* он отмечает, что финансовая небрежность предприимчивого архиепископа обошлась Святому престолу в полмиллиарда долларов. Роу пишет: «Говоря об этом, я вовсе не имею в виду, что Марцинкус положил их в собственный карман. Крупнейшими бенефициарами были лидеры ложи “П-2” Личио Джелли и Умберто Ортолани».

Дебиторский счет ИОР в итоге был закрыт в конце мая 1984 года. Банк Ватикана остался должен «Банко Амброзиано» свыше 400 миллиардов лир.

Комитет банков-кредиторов продолжал оказывать давление, скандал разрастался, конфликт предпочли разрешить по-быстрому и на условиях, единственно возможных в той ситуации. Ватиканский банк официально объявил о своей непричастности к финансовой неразберихе, однако согласился внести «добровольный вклад» в размере 240 миллионов долларов. Фактически тем самым он сделал скрытое признание в соучастии: если бы Банк Ватикана и в самом деле не нес некой доли ответственности за обвал и банкротство «Банко Амброзиано», то поступил бы более правильно, примкнув к прочим банкам в составе комитета. В протокольном соглашении читаем, что названная сумма выплачивается «исключительно по причине особой позиции ИОР», а также для поддержания «духа взаимного примирения и сотрудничества».

4 июня печатный орган Святого престола «Оссерваторе Романо» акцентировал внимание общественности на том, что такой ход был продиктован желанием «облегчить поиск глобального решения для последующей консолидации отношений между всеми сторонами и укрепления международного порядка и стабильности». В чисто финансовом смысле 240 миллионов долларов — это выгодная сделка по сравнению с реальным объемом долговых обязательств. Марцинкусу пришлось смириться, в том числе потому, что через три года, в феврале 1987-го, он получит извещение об ордере на его арест, подписанном миланскими судьями. Как мы помним, это сугубо показательная и бесполезная мера с юридической точки зрения, так как она была направлена на человека, обладавшего неприкосновенностью на итальянской территории. Но инициатива прокуратуры и суда еще раз продемонстрировала, что терпеть и далее такого человека у штурвала ИОР не представляется возможным. Тем не менее Ватикан принял окончательное решение в свойственной ему медлительной и осторожной манере — он выждал два года, прежде чем снять Марцинкуса с занимаемого поста. Все тот же Иоанн Павел II распрощается с ним в марте 1989 года — об этой громкой отставке возвестит «Оссерваторе Романо».

Комментарий архиепископа лишен иллюзий и полон горечи: «В деле Кальви меня всегда будут поминать как человека, исполнившего роль злодея». Марцинкус оставался в стенах Ватикана до 1997 года, до наступления пенсионного возраста, после чего в семьдесят пять лет отказался от всех должностей и вернулся в Соединенные Штаты, где исполнял скромные (а в чем-то даже унизительные) функции замещающего приходского священника в церкви Сан-Клементе в Сан-Сити, штат Аризона.

Циник? Наивный простак? Путаник? Суждения о нем, подозрения и обвинения в его адрес были многочисленными, но за все это время так и не появилось ничего более определенного или однозначного. Чтобы подвести баланс деятельности Марцинкуса, нужно знать многие засекреченные эпизоды, которые предадут огласке разве что через пару столетий — и то нет гарантий. В 1989 году рухнула Берлинская стена; в 1991 году в Москве на шпилях кремлевских башен были приспущены флаги Советского Союза. Это были события, поставившие точку в ужасной истории XX века, с его войнами и вопиющей дикостью. Не будет чересчур смелым сказать, что именно такой ход событий предопределили и те деньги — грязные и отмытые, — которые Марцинкус исхитрялся собирать и передавать тому, кто готовил столь громкий финал.

После отъезда Марцинкуса в Ватикане остался его последователь и подражатель, сумевший, в общем-то, даже превзойти своего учителя. Его зовут Донато де Бонис, священник, родившийся в 1930 году в бедной семье в Пьетрагалле, область Базиликата, что на юге Италии. Де Бонис проявил себя во сто крат большим циником и ловкачом, чем его наставник Марцинкус. Его изобретением стало нечто вроде секретного подразделения ИОР, к которому лишь он один имел право доступа. Он создал в самом сердце Рима настоящую офшорную сеть, через которую прошли многие миллиарды лир. Ими предприимчивый де Бонис управлял и распоряжался по собственному усмотрению, получая баснословные проценты (ни один европейский банк не смог бы соответствовать такому размаху и тягаться с ним), прежде всего благодаря фискальным привилегиям, полученным Святым престолом.

О таком процветании свидетельствует, например, счет, открытый на имя кардинала Фрэнсиса Спеллмана (1889–1967), влиятельного архиепископа Нью-Йорка, являвшегося проводником самого оголтелого антикоммунизма и доблестным защитником финансовых интересов церкви. Чувство долга и миссии, которую ему надлежало исполнить, были в нем так сильны, что это подвигло его на полемику с Элеонорой Рузвельт и самим Джоном Кеннеди, когда под угрозой закрытия оказались федеральные фонды, финансировавшие содержание католических школ. Доведенная до исступления страсть заставила его сделать ставку в электоральной гонке 1960 года не на кандидата-католика Джона Кеннеди, а на Ричарда Никсона, дававшего вроде бы бóльшие гарантии лояльности церкви и обещания конкретных уступок для ее деятельности. Кроме того, воинственный кардинал никогда

не скрывал своего одобрения кампании (очевидно антиконституционной) сенатора Джозефа Маккарти по пресечению явной или мнимой антиамериканской подрывной деятельности и симпатий к диктаторам самого дурного пошиба вроде никарагуанца Анастасио Сомосы.

Поэтому выбор его имени для открытия секретного счета Ватикана вполне вписывается в схему сначала психологического, а уж после — политического порядка. Здесь возникает вопрос схожести идеалов, но вполне адекватным будет и словосочетание «родственность душ». Впрочем, стоит вспомнить, что именно Спеллман сразу после Второй мировой войны направил средства тайных американских денежных фондов на финансирование итальянской христианской демократии.

Согласно реконструкции Нуцци в книге «ЗАО Ватикан», на счет, фигурирующий в деле как «Фонд кардинала Фрэнсиса Спеллмана», только за пять лет (1987–1992) в деньгах и ценных бумагах поступило не менее 26 миллиардов лир. Малая доля этих средств была выделена на раздачу милостыни и субсидирование деятельности монашеских орденов, священников, монастырей и детских приютов. Основная же часть предназначалась для целей куда более приземленных и почти всегда двусмысленных. Дошло до того, что в августе 1992 года новый президент ИОР Анджело Калойя, обеспокоенный перемещением средств, как он интуитивно догадывался, в неизвестных направлениях и с весьма смутной мотивацией, информирует папу Иоанна Павла II о своих подозрениях (вполне обоснованных) относительно проведения незаконных операций на сотни миллиардов, маскируемых под благотворительные цели. Особенно циничным было то, что махинации по нелегальному отмыванию денег и извлечению прибыли прикрывались помощью детишкам из неимущих семей, Конгрегации сестер Божественного провидения*, а также организацией святых месс по усопшим или в честь образов святых.

Все сказанное, по большому счету, лишь предисловие к тому, что случится позднее, когда через механизмы ИОР будет проведена бóльшая часть «макси-взятки “Энимонт”»**, известной как «мать всех взяток», если перефразировать выражение экс-диктатора Ирака Саддама Хусейна. Чтобы

* Ancelle della divina Provvidenza — букв. служанки Божественного провидения. Речь идет о католической благотворительной организации, заботящейся о брошенных детях, стариках и всех нуждающихся в помощи людях.

** «Энимонт» — итальянский химический концерн, вовлеченный в один из крупнейших коррупционных скандалов в новейшей итальянской (и ватиканской) истории.

разобраться, о чем речь, вернемся в май 1989 года, к моменту образования концерна «Энимонт», гиганта национальной химической промышленности, восемьдесят процентов акций которого в равных долях были поделены между государственной нефтегазовой компанией ЭНИ и частной компанией «Монтэдисон», принадлежащей семье Ферруцци из Равенны.

Слиянием обеих организаций и начинается история одной из крупнейших химических групп мира. Держатель частной квоты акционерного капитала Рауль Гардини по прозвищу Корсар, неуемный предприниматель-авантюрист и экстравагантный мечтатель, поглощенный масштабными проектами, зять основателя фирмы Серафино Ферруцци. Гардини со свойственным ему темпераментом никак не может удовлетвориться половиной, желая быть собственником всех активов, поэтому он приступает к подрыву позиций концерна изнутри, чтобы в итоге прибрать его к рукам за бесценок. Президент ЭНИ Габриэле Кальяри, прознав об этом, требует разрыва пакта с Корсаром и отстранения его от всех рычагов влияния. Через полтора года после появления этого проекта на свет дерзкая мечта об итальянском лидере химической индустрии мирового значения разбита вдребезги. Гардини предложен выбор: либо выкупай акции целиком, либо самоустраняйся. Тот предпочитает второй вариант и перепродает ЭНИ свой пакет за сумму около 2,8 триллиона лир (свыше 1,5 миллиарда евро).

От этой сделки сразу же станет попахивать душком, поскольку заплаченная сумма очевидно и непропорционально завышена. Она вызовет еще большее подозрение, когда выяснится, что для получения согласия различных сторон, заинтересованных в данной транзакции (а их много), пришлось скрытно, из-под полы, вне банковского контроля, раздавать щедрые выплаты многочисленным вовлеченным в историю лицам и структурам. Причем делали это через подставных лиц, посредников и аферистов: разброс общей суммы — от 130 до 170 миллиардов лир (точные данные никогда не были подтверждены и нигде не «всплывали»). Итак, большая часть этих денег (примерно 100 миллиардов лир) шла транзитом через ИОР, чтобы далее распределяться по бесчисленным счетам, открытым в Швейцарии и в остальном мире. Оба протагониста этих событий — Рауль Гардини и Габриэле Кальяри — покончат жизнь самоубийством, удлинив, таким образом, шлейф насильственных (или вынужденных) смертей, напоминающих проклятие, накладываемое на любого, чей путь пересечется с ИОР.

Истинным инициатором и распространителем «макси-взятки» был монсиньор де Бонис. В своей книге *«Отечество. 1978–2008»* Энрико Деальо

приводит датируемую 27 апреля 1993 года сцену, которая отлично воссоздает атмосферу, окружавшую этого раскованного до развязности человека. Итак, мы с вами

> *в римской церкви Санта-Мария-делла-Фидуча, в присутствии более тысячи приглашенных лиц, пятнадцати кардиналов, сорока епископов, экс-министра Коломбо, экс-президента Коссига. В епископский сан посвящается Донато де Бонис, бывшая правая рука архиепископа Пола Марцинкуса, бывший генеральный секретарь ИОР, банка Ватикана. Новоиспеченный прелат направляется к алтарю и провозглашает: «Я хотел бы поблагодарить премьер-министра Андреотти за то, что он спас нас своими бесценными советами. Глубокой ночью, в ходе совещания на нашей территории его советы уберегли нас от колоссального риска». Переполненная церковь взрывается бурей аплодисментов, овации не стихают в течение нескольких минут.*

Без тени смущения, не моргнув глазом де Бонис говорит Андреотти спасибо за помощь, полученную во времена скандала с «Банко Амброзиано». Здесь весьма полезно вспомнить, что монсиньор на случай своей смерти именно Андреотти указал в качестве бенефициария счета «Фонд Спеллмана».

Во всей этой истории, даже в таком «пунктирном» виде, достойной стать сюжетной канвой роману в стиле нуар, среди прочих персонажей есть одна фигура, менее значительная, но вполне подходящая на роль «второстепенного злодея», — Луиджи Бизиньяни. Журналист новостного агентства, который на раннем этапе своей карьеры превратится в управляющего фирмой с государственным участием и довольно быстро научится спекулировать своими и чужими деньгами. Он вступает в ложу «П-2» (членский билет № 1689), что, похоже, являлось обязательным для любого дельца в ту эпоху, и в лице ватиканского банка, курируемого де Бонисом, находит конечную инстанцию и перевалочный пункт своих манипуляций. Если излагать историю вкратце, то он оказался в числе «героев» так называемого дела «Танджентополи» (букв. Город взяток) и заплатил тремя годами и четырьмя месяцами тюрьмы за собственные ошибки. Но, как мы увидим далее, не только за них.

В начале 1993 года прокуроры Итальянской республики по Риму и Милану приступили к расследованию всех обстоятельств дела о «максив-зятке» в закрытом формате. Стоит вспомнить, какова была атмосфера в Италии в те годы: действия судебных властей поддерживались общественным мнением

столь активно, что нередко это граничило с фанатизмом; сотрудники прокуратуры и суда Милана рассматривались публикой как мстители за любую несправедливость, на улицах их встречали криками одобрения и аплодисментами, призывами не сдаваться и не отступать. В свете такого мощного и опасного консенсуса, грозившего обернуться девятым валом общественного возмущения, облик и деятельность де Бониса ставят Ватикан в щекотливое положение и вынуждают отстранить его от банковского руля, даровав менее заметную синекуру: должность духовника Суверенного военного ордена Мальты, старинного рыцарского братства, возникшего еще в XI веке в целях охраны паломников и заботы о них в Святой земле, а ныне вовлеченного преимущественно в гуманитарные проекты, медицинское и социальное обеспечение бедных и нуждающихся. Пусть этот пост и кажется менее влиятельным, чем предыдущий, но предприимчивый монсиньор ничтоже сумняшеся продолжит (в течение долгих лет) маневрировать и управлять секретными рычагами ИОР.

Между тем прокурорам, изучившим ряд красноречивых свидетельских показаний, удалось реконструировать весь маршрут перевода «макси-взятки». Уже было ясно, что пунктом назначения являлся ватиканский банк, который, столкнувшись с просьбами судебных органов о предоставлении объяснений, по обыкновению ограничился ответом, что их следует направить официально, через соответствующие структуры обеих стран, как предусмотрено международными порядками. Бизиньяни, державший нос по ветру и почуявший, куда именно он дует, осознает, что самое время испариться; в спешке он закрывает счета, набивает пару чемоданов снятой с них наличностью и скрывается от правосудия, уклоняясь от явки в суд. Вот уже и президент Калойя, взволнованный чудовищными объемами денежного трафика, прямо обвиняет де Бониса в «осознанной преступной деятельности». В октябре он направляет драматическое письмо госсекретарю Ватикана Анджело Содано. В документе, приведенном в книге Джанлуиджи Нуцци, можно прочесть, что ценные бумаги и средства, прошедшие через ИОР, —

это результат выплаты взяток политическим деятелям, когда значительные поступления возвращались к ним обратно «отмытыми». Не что иное, как точное повторение механизмов прошлого… Есть четкое ощущение того, что перед нами вскрывается потенциал неслыханной разрушительной силы, о чем надлежит проинформировать самое высокопоставленное руководство.

Действительно, Содано доводит все до сведения Иоанна Павла II. Но когда в ноябре по международным каналам в Ватикан поступает официально оформленный судебный запрос, поведение Святого престола по-прежнему остается невнятным. Одни выступают за необходимость что-то признать; другие возражают, предлагая, дабы не отступать от принятой линии, приподнять завесу как можно меньше и ограничиться признанием нелегального оборота средств (так как это не получится отрицать), но умолчать обо всем остальном. И главное, нужно защитить де Бониса, который, пошли его на верную гибель, втянет бóльшую часть ватиканской иерархии в не имеющий прецедентов скандал.

Венесуэльскому кардиналу Хосе Росалио Кастильо Ларе, министру казначейства и председателю комиссии по надзору за ИОР, поручено отстаивать репутацию Святого престола. Он тоже весьма ловок и искусен. Постоянно интервьюируемый, он заверяет, что Ватикан по всем направлениям и беспрекословно сотрудничает с властями республики, а ИОР — это просто жертва зловредных манипуляций извне: «Ватикан использовали для инспирированной кем-то в неизвестных нам целях операции».

В своих интервью он отмечает, что де Бонис и правда не имел ни малейшего понятия о незаконном использовании фондов, проходивших через его руки, и напоминал, что тот, согласно конкордату, является членом ватиканского правительства и не подлежит судебному преследованию со стороны иностранного государства (то есть Италии). Козлом отпущения делают Луиджи Бизиньяни, на плечи которого переложена бóльшая часть ответственности. Через пару месяцев, выйдя из подполья, Бизиньяни попытается отвести удар и заявить, что он тоже не подозревал о «взяточнической» природе этих денег.

Как же протекало дело о «макси-взятке “Энимонт”»? Ответ на обращение миланской прокуратуры, тщательно взвешенный и многократно отредактированный, поступил только в декабре, почти через два месяца. Его сформулировали хитро: абсолютный минимум согласия и допущений сочетался со столь откровенной волей к сотрудничеству, что казалось, будто в тех обстоятельствах для следователей сделали все возможное и даже больше.

Согласно свидетельству Карло Сама, другого зятя «основателя» холдинга Серафино Ферруцци, ИОР заплатил за «очищение» полученных взяток и процентов от посреднической деятельности около 9 миллиардов лир. В мае 2009 года журналист «Коррьере делла Сера» Джан Антонио Стелла

взял у него интервью, поинтересовавшись, почему все эти взносы выплачивались политическим партиям. Совершенно естественно, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся, Сама ответил: «Было необходимо продолжать двигаться избранным путем… поэтому избежать взяток не представлялось возможным».

Процесс на тему «макси-взятки “Энимонт”» был открыт в июле 1994 года. На скамье подсудимых восседали крупнейшие политические деятели страны, от Арнальдо Форлани до Беттино Кракси, от Умберто Босси до Джанни де Микелиса, от Джорджо ла Мальфа до Паоло Чирино Помичино. В октябре 1995 года почти все они были признаны виновными, а назначенные им наказания были неоднократно подтверждены более высокими судебными инстанциями после обжалования приговоров.

События операции «Танджентополи»*, особенно данный процесс, поставили точку в истории Первой республики в Италии, причем не в парламенте, а в зале судебных заседаний. В 1994 году в общенациональных выборах принимала участие партия нового типа, иной формации, гениальной находкой которой стало название, взятое из лексикона спортивных болельщиков: *Forza Italia!*, то есть «Вперед, Италия!». Ее вождем был энергичный и повсеместно обсуждаемый предприниматель, который тогда тоже стремился выпутаться из расставленных кругом судебных ловушек, — Сильвио Берлускони, конечно же, состоявший в ложе «П-2» (членский билет № 1816). За несколько месяцев — самый настоящий блицкриг — принадлежавшее ему рекламное агентство «Публиталья» (Publitalia) было преобразовано в политическую партию, завоевавшую успех в государстве, опустошенном неслыханным кризисом доверия институтам власти.

Что же до ИОР, обновленного или нет в плане методов и системы управления, то он исчез со сцены, где выступал фигурантом в делах «Банко Амброзиано» и «Монтэдисон». Получилось так, что были утеряны даже следы тех многих и многих миллиардов, которые Банк Ватикана так никогда и не вернул обратно.

В завершение этого рассказа снова вспомним о той самой глубинной проблеме, упомянутой кардиналом Камилло Руини в процитированной выше беседе: «Необходимо суметь сочетать абсолютный императив морали с историческим реализмом, в этом состоит брошенный нам вызов».

В нашем случае исторический реализм одержал решительную победу.

---

* Зарубежному читателю известны под названием Mani pulite — операция «Чистые руки».

XII. Божественная капелла

Входя в пределы Сикстинской капеллы, застываешь в ослеплении. Я говорю это не ради красного словца, не в качестве риторического приема — никакой высокопарности, простая констатация. Тот, кто пожелает внимательно рассмотреть ее, будет подавлен пространством, заполненным ста пятьюдесятью фигурами, загадочностью некоторых сцен, иллюзией рельефности и несуществующих архитектурных орнаментов, мастерством пропорций в столь гигантском масштабе, развертыванием сюжетов в огромном помещении и с разных ракурсов, наконец, божественным величием — раздвоенным и утроенным, явленным и скрытым. Сотня лиц и тел на фреске Страшного суда — одетых и обнаженных, заполонивших собой свод и стены так, будто небо и земля предстают нашему взору. Сказать, что в мире нет ничего подобного, — вполне естественно, но знать, как родился замысел этих фигур, какие соображения, подчас злонамеренные, благоприятствовали созданию шедевра, каким был замысел Микеланджело и как он довел до конца свой титанический труд, абсолютно необходимо для действительного понимания того, какое произведение перед нами.

Пожалуй, начнем со стен, поскольку капелла была возведена по воле Сикста IV, папы делла Ровере, между 1475 и 1481 годами, и размеры ее колоссальны: 40 × 13 метров у основания, почти 21 метр в высоту. Едва была готова конструкция, понтифик вызвал в Рим самых прославленных тосканских и умбрийских художников той эпохи для украшения ее фресками изнутри. К работе приступили Боттичелли и Гирландайо, Перуджино и Пинтуриккьо, Лука Синьорелли и Пьеро ди Козимо, создавшие самый большой цикл картин позднего Кватроченто (точнее, последней трети XV века). Эти великие художники разместили в промежуточной зоне между стенами два цикла фресок. Если обратить взгляд к фреске Страшного суда, то слева мы видим историю Моисея, а справа — жизненный путь Христа вплоть до Тайной вечери.

Что же касается свода, то он, по моде того времени, воспроизводил голубое небо с золотистыми звездами, напоминающими тончайшую вышивку.

Именно о своде примерно двадцать лет спустя задумался папа Юлий II, племянник Сикста, тоже принадлежавший к дому делла Ровере. Юлий желал обновить эту внушительную конструкцию и сделать ее уникальной в своем роде. Для осуществления такого проекта он обратился к Микеланджело Буонарроти. Непростые отношения между двумя сильными личностями сопровождались яркими взлетами и падениями, случались моменты напряженности, перебранок и споров до хрипоты. Никто в мире не позволял себе так обращаться с папой, как порой вел себя Микеланджело. Особенно с этим папой… Мастера больше всего огорчала и злила неопределенность относительно другого заказа, доверенного ему понтификом ранее, о судьбе которого ему так и не удалось ничего узнать. Задумывалось сооружение внутри собора Святого Петра — монументальная гробница, украшенная сорока статуями, — грандиозный проект, абсолютно невероятный; Микеланджело ухватился и крепко держался за эту идею, которая позволила бы ему добиться максимально выразительного единства архитектуры и скульптуры.

Между тем папа успел передумать. Всецело поглощенный строительством новой базилики Святого Петра под руководством Донато Браманте, о гробнице он уже не помышлял; напротив, его внимание привлек план по приданию нового облика Сикстинской капелле. Вот и почва для первой крупной ссоры. В 1508 году Микеланджело было немногим более тридцати лет, он был знаменит, но скорее своими творениями в мраморе (*Пьета, Давид*), чем живописными полотнами. Пламя скандала раздувал и Браманте, архитектор и художник, сталкивавший папу с Микеланджело по различным мотивам, включая обостренное чувство своего соперничества с флорентийцем. К тому же Браманте покровительствовал молодому (всего двадцать пять лет), но многообещающему сородичу из провинции Марке Рафаэлю Санти. Если бы Микеланджело отказался заняться капеллой, это привело бы понтифика в ярость; приняв это предложение, он, по мнению Браманте, не справился бы с такими размерами и объемами сколь-либо удовлетворительным образом.

В сущности, начальная идея по оформлению свода не была особенно сложной: маэстро должен был изобразить двенадцать апостолов на консолях между люнетами. Микеланджело согласился выполнить порученное, но выставил одно условие: он нарисует то, что посчитает сам наиболее подходящим, согласно собственному представлению. Быть может, сегодня сложно понять смысл такого дерзкого поступка. Этот тридцатилетний молодой

человек отвергал диктат, предписания и правила, требовал у папы, человека вдвое старше его самого, наделенного несгибаемо железным характером, позволить ему рисовать в священном месте абсолютно свободно, сколько угодно и по своему усмотрению! Причем он хотел расписать не только консоли, но и весь свод, люнеты, паруса*, то есть поверхность площадью свыше пятисот квадратных метров. Немногие творцы решались на произведения подобного масштаба. Возможно, лишь Людвиг ван Бетховен продемонстрировал такую же твердую убежденность в своих способностях — и ему действительно часто удавалось делать именно то, что подсказывала гениальность. Но то был уже канун XIX столетия и композитору не приходилось иметь дело с папой делла Ровере, таким же крепким и непреклонным, как дуб, присутствующий на его фамильном гербе. Однако факт остается фактом: на столь необычную просьбу последовал не менее удивительный ответ: «Хорошо, я согласен».

Теперь требовалось организовать работу. Сам Микеланджело спроектировал специальные леса, которые позволяли приблизиться на расстояние вытянутой руки к стенам и своду. Подмостки были смонтированы сперва у входа, а потом их постепенно перемещали к алтарю, чтобы не мешать проведению религиозных церемоний. У художника не было какого-то особенного опыта в создании произведений фресковой живописи, которая, как подсказывает название, заключается в методе быстрого нанесения краски на влажную штукатурку, дабы цвет смешался с ней и впитался в раствор, став его неотъемлемой частью. К недостатку опыта добавлялось неизбежное сравнение его произведений с теми, что располагались ниже, — а они между тем принадлежали кисти лучших мастеров прошлого века. Поначалу Микеланджело поручил своим помощникам, чтобы они наняли во Флоренции небольшую команду специалистов, готовых оказать ему поддержку на этапе практической работы. Так была собрана команда из семи усердных ассистентов — кто-то из них был знаменит, другие почти или совсем безвестны, — но все они были молодыми, умелыми и преданными мастеру.

Однако дело не заладилось. По причинам, о которых мы можем только догадываться, так как точных сведений нет, помощников, сколь бы сведущими они ни были, отослали обратно во Флоренцию. Вазари пишет:

Видя, что усилия их далеки от желаемого результата, не будучи удовлетворен ими, однажды утром он скинул на землю все, что было сделано ими,

---

* Паруса — элементы купольной конструкции, обеспечивающие переход от квадратного в плане подкупольного пространства к окружности купола или его барабана.

а после затворился в капелле и больше не пожелал впускать их туда. Дома они его тоже так и не застали. Из-за насмешки и такого издевательства над ними, которое, как им показалось, длилось чрезмерно долго, приняли они решение и посрамленные вернулись во Флоренцию.

Впрочем, кое-кому из помощников пришлось остаться, чтобы избавить Микеланджело от самых унизительных обязанностей вроде приготовления штукатурки, измельчения и смешивания красок, переноски, очистки и ремонта инструментов.

Сами по себе условия работы были бесчеловечными. Часами нужно было находиться в одном и том же положении, с поднятой рукой, кончик носа в нескольких сантиметрах от свода. Неотвратимым было и попадание капель краски на лицо — почти пытка. Мало того что он сутками напролет корпел над своими творением — вдобавок к этому приходилось держать в поле зрения критику, следить за соперниками и врагами, напоминать папе об обещанной оплате, огорчаться из-за мучительных просьб родственников. Старшему из своих четырех братьев, Буонаррото, после энного по счету запроса о вспомоществовании он ответил: «Я вас предупреждаю, что я не толстосум. Я сам гол как сокол и не смогу получить остаток, пока не закончу дело, отчего претерпеваю лишения и тружусь денно и нощно». И отцу: «Я нахожусь здесь, всем недоволен, не очень здоров, работаю без перерыва, да к тому же за мной нет ухода и ни единого сольдо в кармане». А самому распущенному и наглому из братьев, Джан Симоне, художник однажды устраивает самый настоящий яростный нагоняй:

Я с двенадцати лет брожу по Италии, нищенствуя; сношу любые унижения, страдаю от бедности и усилий, прилагаемых ради добычи куска хлеба; мое тело разрывают боли от трудов, и жизнь свою я столько раз подвергал опасности, только бы помочь семье; а сейчас, едва удалось немного облегчить ее участь, ты жаждешь внести сумятицу и порушить сделанное мною за столько лет и с таким напряжением сил, — клянусь телом Христовым, так не будет! Если понадобится, я десять тысяч таких, как ты, одолею.

Пока Микеланджело работал над Сикстинской капеллой, более молодой Рафаэль начал покрывать фресками четыре комнаты — «станцы» (названные в его честь), расположенные на втором этаже папского дворца, выбранного Юлием II в качестве своей резиденции. Буонарроти приступил к реализации

своего замысла в мае 1508 года, урбинец Санти нанесет первые мазки кистью в конце того же года. Различны темпераменты обоих художников, несхожа, как все знают, их манера письма, непростыми были и их взаимоотношения.

Два эпизода среди многих других, известных нам, лучше всего иллюстрируют сложившуюся непростую ситуацию. Одна из историй, оставшихся в памяти поколений, рассказывает о том, что у Браманте имелась копия ключей от Сикстинской капеллы. Воспользовавшись отсутствием Микеланджело, он тайком привел туда своего протеже Рафаэля, дабы показать ему фигуры, создаваемые более старшим товарищем по ремеслу, помочь молодому художнику освоить элементы техники и обучиться прочим премудростям. Когда в 1511 году нетерпеливый папа Юлий заставил опрокинуть леса, чтобы поглядеть хотя бы на часть готового свода, Рафаэль проявил смелость, попросив понтифика позволить Микеланджело довершить задуманное. Как пишет верный биограф Буонарроти Асканио Кондиви, художник «в величайшем возбуждении предстал перед папой Юлием и пожаловался ему на несправедливость, учиненную Браманте в отношении него, и на все притеснения, полученные от него». Папа же показал себя благоразумным человеком и беспристрастным судьей, поскольку, «услышав обо всех этих горестях, пожелал, чтобы Микеланджело продолжил свою работу, и даровал ему столько милостей, сколько никогда прежде».

Рафаэль как человек нисколько не обладал тем ангельским характером, какой можно в нем предположить, глядя на небесную гармонию его полотен. Джованни Паоло Ломаццо, художник и хронист XVI века, сообщает, к примеру, следующую историю: «Однажды Рафаэль, прогуливаясь в компании своих учеников, повстречал Микеланджело, который ему бросил: “Куда это ты идешь, окруженный людьми, точно приходской настоятель?” А тот парировал в ответ: “А вы почему вечно один, словно какой палач?”» Но неизменно то, что оба художника в одни и те же годы со схожим пылом создавали в десятке метров друг от друга свои шедевры и в таком немного странном тандеме стали творцами одного из самых возвышенных памятников культурного наследия Запада.

Целиком сосредоточенный на своем изматывающем труде, одинокий, лишенный друзей (как он пишет в письме: «Друзей у меня нет и не надо»), Микеланджело в любую погоду, в пронизывающий холод и испепеляющую жару, взбирается каждое утро на подмостки и возобновляет работу. Пытка эта была настолько продолжительной, что после ее окончания художник всю жизнь мучился от ослабевшего зрения. Все тот же Кондиви отмечает:

Микеланджело, долго писавший свод, обратив глаза кверху, после, глядя вниз, видел плохо; и, когда нужно было прочесть письмо или рассмотреть прочие маленькие вещицы, ему приходилось брать их в руки и держать высоко над головой.

Часто задают вопрос, пользовался ли художник чьей-либо помощью или консультациями при создании сюжета, вернее сказать, теологического сценария свода. Некоторые историки допускают, что автором комплексной иконографической программы был некий ученый, глубокий знаток библейских материй, имя которого можно было бы при желании даже разыскать. Как бы то ни было, но мы знаем об использованном в ходе работы методе. Великие художники XV столетия в рамках цикла фресок о жизни Моисея и Иисуса разворачивали хронологическую канву рассказа, отталкиваясь от алтаря.

Зачин истории Микеланджело тоже располагается у алтаря, где девятью картинами перед нами воссоздается сюжет от создания мира до опьянения Ноя. Однако рисовать мастер стал от входа, то есть в противоположном хронологическому направлении. Получается, он уже заранее имел четкое представление о том, что будет им изображено на ближайших сорока метрах. Так же очевидно, если смотреть внимательно, что фигуры шаг за шагом увеличиваются в размерах и обретают большую выразительную мощь, как будто творец постепенно все более убеждается в собственных возможностях по высвобождению заключенной в нем гигантской энергии.

От боковых стен благодаря иллюзионистскому эффекту возносится архитектоническая структура, которая, обрамляя, ритмизирует и разделяет отдельные эпизоды и фигуры. В люнетах и парусах размещены изображения предков Христа, согласно составленному евангелистом Матфеем списку, вплоть до Маттана, отца Иосифа, и значит, деда Иисуса. Персонажи более крупные маркируются картушем, несущим их имена. На месте, первоначально предусмотренном для двенадцати апостолов, появляются семь пророков и пять сивилл, мужчин и женщин, евреев и язычников-римлян. Это провидцы, которые, в соответствии с Вульгатой* — канонической версией христианского Писания, предсказали явление Мессии.

---

* Vulgata, то есть «народная»; латинский перевод Библии блаженного Иеронима (386–405). Включает в себя Ветхий и Новый завет. В 1546 году Тридентский собор объявил Вульгату аутентичным текстом Библии, а в 1592 году она принята католической церковью в качестве канонического текста Священного Писания. *Прим. ред.*

Кумская сивилла, изображенная в череде прочих, выглядит наиболее впечатляющей: хмурый лик старой женщины и на переднем плане — атлетическая рука с напряженными мышцами. Этот образ противоречив, он отсылает зрителя к тьме язычества со сверкающими проблесками света. Самая соблазнительная сивилла — Дельфская (на картуше она помечена словом Delphica), изображенная юной девой с вдохновенным, идеальным («аполлоническим») лицом, выражение которого дополняется экспрессией смущенного, растерянного взгляда: она почти ребенок, подросток. Для композиционного и ритмического выравнивания картин свода художник добавил десять пар молодых мужчин-атлетов в различных позах, которые держат венки из дубовых листьев в качестве дани почтения папе делла Ровере*: это прославленные «Игнуди» (Ignudi), или «Обнаженные». Все персонажи капеллы и многочисленные декоративные элементы, обильно использованные художником в работе, прекрасно описаны в неохватной библиографии, с которой читатель может ознакомиться самостоятельно.

Важнейшая часть произведения Микеланджело — это, разумеется, свод с его девятью картинами, четырьмя большими и пятью чуть поменьше. Две наиболее драматичные сцены (из-за чего они и приобрели такую популярность) относятся ко второй из них — «Господь создает Солнце, Луну и Землю», где Бог изображен дважды. Справа он величественно-предостерегающим жестом направляет Солнце на его орбиту, а слева, на втором этапе действа, он поворачивается спиной к смотрящему, готовясь вознестись и исчезнуть в непроницаемой бездне космоса.

Другой и, пожалуй, еще более прославленный сюжет — это «Сотворение Адама», где мы видим молодого, безжизненно вялого мужчину, внешне слегка осовелого, полураспростертого на зеленовато-голубом склоне холма. К нему направляется Бог, вписанный вместе с сонмом ангелов во что-то вроде лилового плаща-покрова, раздуваемого ветром. Божественная длань вытянута вперед, указательный палец вот-вот приблизится к пальцу Адама — этот жест должен мгновенно вдохнуть в него душу. Однако две руки так и не касаются друг друга, жест зафиксирован непосредственно за мгновение до своего завершения. Гениальная интуиция художника подсказала ему оставить все именно так, чтобы любой мог по личному усмотрению и выбору мысленно закончить эпизод. Эти образы превратились в символы

* Rovere — дуб (ит.).

ренессансного искусства, синтез человеческого и божественного, иудейского Ветхого Завета и учения неоплатонизма.

Две короткие стороны свода заняты пророками Захарией (над входом) и Ионой (над алтарем). По мнению многих критиков, сравнение этих двух фигур позволяет предельно наглядно проследить эволюцию стиля Микеланджело. Захария сидит и листает книгу, он сосредоточен. Его пропорции не идеальны: несмотря на длинную струящуюся бороду, голова слишком мала в соотношении с телом, чрезмерно вытянутым, в частности, по причине широких драпировок. Рост Ионы колоссален. Это самый большой персонаж во всем произведении, даже слегка выступающий за архитектурные границы, которые должны бы его удерживать: ноги словно подвешены в пустоте, а дерзкий разворот тела выражает его устремленность к бунту, сопротивлению. Из правого сектора прямоугольника выглядывает угрюмого вида «кит» (довольно-таки приблизительно изображенный в плане зоологического соответствия), который его и проглотил. В своем исследовании от 1926 года критик Адольфо Вентури так описывал эту сцену: «Выпукло-вогнутая статуя, рывком вырванная из стены, превосходно нарисованная скульптура».

Много раз я задавался вопросом, отчего Иона таких размеров и почему он размещен на вершине, точно над алтарем, то есть там, где по первоначальному проекту должен был находиться Святой Петр. И в связи с чем поза его столь искривлена, а рот и взгляд выдают тревогу?

Ответ кроется в причудливой истории самого персонажа, где смешались трепетная вера и мятежность. Иона, пусть и второстепенный среди библейских пророков, личность особенная: отправленный Богом проповедовать среди язычников-римлян, он восстал, посчитав эту задачу неблагодарной. Он даже взошел на корабль, пытаясь избегнуть уготованного ему поручения. Но велением Господа на море разразился шторм, грозивший потопить утлое суденышко. Иона, желая, чтобы его спутников минула незаслуженная кара, попросил выбросить его за борт, где тут же был проглочен гигантской рыбой. В чреве этого монстра пророк молится Богу и заверяет Его, что исполнит все, что Он ему доверит сделать. Через три дня кит изрыгает из своего чрева Иону на берег живым и невредимым. Итогом множества иных, подчас драматических приключений станет то, что Ионе удастся и в язычниках пробудить тягу к покаянию.

Сегодня лишь специалисты вспоминают об этом пророке, но в ту эпоху его историю нередко цитировали в двух ключевых аспектах. Первый

заключается в том, что перед нами — некое символическое воскресение из могилы, которой в данном контексте является чрево кита. Иными словами, близость к факту воскрешения Иисуса, что подтверждает и апостол Матфей (*12, 38–40*):

> *Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: «Учитель! Хотелось бы нам видеть от Тебя знамение». Но Он сказал им в ответ: «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи».*

Второй и столь же важный смысл — это прозрение пророка, свершившееся благодаря божественному милосердию, после изначального бунта, то есть в легенде о нем заложены символы греха и раскаяния, которые рано или поздно приводят человека к пониманию и признанию авторитета Господа, проникающего в сердца людские и способного на всепрощение. Следовательно, изображение Ионы в Сикстинской капелле отсылает нас к potestas clavium, символической власти ключей, а обладающий ими епископ Рима, подобно Ионе, призывает мир к покаянию.

Это наблюдение уводит нас еще к следующей иллюстрации, размещенной в капелле, — картине, не принадлежащей кисти Микеланджело, а относящейся к предыдущему циклу XV века: «Вручение ключей» Перуджино. В сцене — упорядоченной, степенной и торжественной — мы видим Христа, вручающего ключи от царства небесного и царства земного коленопреклоненному Петру. Перед нами художественное свидетельство божественного происхождения власти, позднее перешедшей от Петра к его преемникам — понтификам. В нынешнем компендиуме католического катехизиса читаем: «Сохранение веры доверено апостолами всей церкви без изъятия… единственно аутентичная интерпретация веры дозволена только живущему учителю церкви, то есть наследнику Святого Петра, епископу Рима, и собранию епископов подле него». Мы догадываемся о том, что Сикстинская капелла уже тогда обрела вполне определенную функцию: служить, если можно так выразиться, избирательным участком высшего должностного лица католицизма.

Во исполнение данной функции капелла, божественная благодаря мастерству стольких художников, превращается в человеческую, даже слишком человеческую, поскольку папе, как и прочим сильным мира сего, для

своего избрания приходится добиваться посредничества и идти на компромиссы, чтобы достичь консенсуса. В прошлом к этому правилу добавлялась жестокость, диктуемая эпохой, бездна коррупции дозволяла это, а значимость ставки в игре просто-напросто делала ее необходимой.

С этой точки зрения показательным может являться пример Мароции, в течение нескольких десятилетий на рубеже тысячного года по-настоящему распоряжавшейся институтом папства. В ее истории сконцентрировано все очарование мрака, она в числе тех немногих, кто восстанавливает перед нами в полной мере «дух» тех времен. Мария, по прозвищу Мариоцца, а затем Мароция, родилась около 890 года от Теодоры, бывшей проститутки, и Феофилакта, римского сенатора германского происхождения. Рассказывают, что она была хороша собой, но главное, умело пользовалась своей красотой.

Ее мать Теодора, женщина неграмотная, но очень хитрая, была любовницей папы Иоанна X. Мароции явно удалось добиться большего, ведь она, тоже не получившая образования, по меньшей мере два десятилетия доминировала в римской жизни, выхлопотав назначение для трех понтификов: Льва VI, Стефана VII и Иоанна XI. В своей «Истории города Рима в Средние века» Фердинанд Грегоровиус так отзывается об обеих женщинах: «Нам не стоит усматривать в Теодоре и Мароции двух современных Мессалин; они всего лишь амбициозные женщины, наделенные прозорливостью и храбростью, алчущие власти и наслаждений». Они действительно были жадными, но при этом обладали большой проницательностью. И уж точно были искуснейшими манипуляторшами, в чем дочь перещеголяла мать.

В пятнадцатилетнем возрасте Мароция уже была наложницей папы Сергия III, своего двоюродного брата; насыщенные отношения между ними не скрывались и открыто демонстрировались при свете дня всему Риму, где коррумпированность папства служила зеркалом любому, кто имел достаточно средств, чтобы позволить себе подобные вольности. В 910 году в результате их связи родился сын Джованни, который, в свою очередь, взойдет на престол под именем Иоанна XI. Кажется, потом, устав от своего любовника, Мароция приказала его убить; впрочем, Сергий III отметился на троне только чудовищным упадком, в который погрузилась при нем церковь. От времени его правления отсчитывают период, названный Лиутпрандом, епископом Кремоны, «порнократией», то есть правлением проституток.

Мароция трижды была замужем. В первый раз за Альбериком I, герцогом Сполето, от которого родила второго сына, Альберика II, о нем мы еще

поговорим. Едва умер супруг (павший в сражении), как она помчалась навстречу новому браку с Гуидо, маркизом Тосканы, ярым противником папы Иоанна X, которого Мароции удалось низвергнуть; незадачливого понтифика вскоре задушат. В 931 году внушающая всем страх Мароция посадила на престол Святого Петра своего сына Джованни, хотя ему был всего двадцать один год: хрупкого сложения, слабохарактерный, слезливый отрок, совершенно не обладающий необходимым для такой тяжкой ноши опытом. И правда, вместо него управлять будет мать; вероятно, такое назойливое присутствие Мароции и заложило в народном сознании фундамент легенды о так называемой «папессе Иоанне», женщине, облаченной в мужские одежды и руководившей на каком-то этапе всей Римской церковью. Снова откроем книгу Грегоровиуса: «Иоанн XI был сыном этой так обесславившей себя римлянки, которая приказывала титуловать ее именем senatrix и даже patricia, так как она действительно была и светской властительницей города, и сама назначала пап. Отцом Иоанна XI считался Сергий III, но это не вполне достоверно»*.

В 932 году Мароция пошла под венец в третий раз; ее избранником стал Гуго Провансальский, король Италии, портрет которого тоже приводит Грегоровиус:

> *Вероломный, корыстный и чувственный интриган, отважный и не знающий совести, готовый ради того, чтобы расширить свое итальянское королевство, прибегнуть к самым бесчестным средствам, Гуго был истинным представителем своего времени… Если бы мы имели возможность выйти из пределов истории Рима, мы указали бы, как Гуго распродавал епископства и аббатства Италии, водворяя всюду своих бесчестных любимцев, как он давал волю всякому вожделению и всюду душил чувство справедливости**.*

Поскольку Мароция, вне всякого сомнения, также прекрасно иллюстрирует своим нравом ту эпоху, оба супруга, безусловно, образовали то, что можно назвать идеальной парой, безупречно гармонирующей со своей эпохой.

Характер Гуго неплохо проявляется уже в эпизоде подготовки к их свадьбе. Он был братом Гуидо, второго мужа Мароции; соответственно, жениться

* Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века. Полное издание в одном томе. М. : Альфа-Книга, 2008. С. 444.

** Там же.

на ней не имел права, поскольку это воспринималось бы церковью и обществом как инцест. Чтобы обойти это препятствие, Гуго без долгих колебаний опорочил свою мать, поклявшись в том, что он плод адюльтера и, значит, сводный, а не родной брат Гуидо. Удовлетворенная королевской тиарой, но все еще не насытившаяся почестями, Мароция потребовала от своего сына-папы провозгласить Гуго императором: «В своих мечтах она шла дальше, видя себя в блеске императорского пурпура: ее сын, Иоанн XI, не посмел бы отказать в императорской короне королю Италии, который вскоре должен был стать его отчимом»*. Само собой, у нее все должно было пройти без сучка без задоринки — Иоанн был податливой глиной в ее руках, если бы проекту не воспротивился другой ее сын, Альберик II, изгнавший Гуго, арестовавший Мароцию и заключивший Иоанна XI под стражу в покоях папского дворца.

Публичный этап жизни Мароции здесь подходит к концу, но, чтобы добавить еще один цветной мазок к тусклой атмосфере той эпохи, процитируем другой значимый факт из истории «порнократии». Мароция, уже почти шестидесятилетняя, потратив годы на погоню за амбициозными миражами, встретила старость в стенах темницы замка Святого Ангела. Там ее настигла весть о том, что восемнадцатилетний Оттавиано, граф Тусколо, сын Альберика II и ее внук, был возведен в понтифики под именем Иоанна XII. Оттавиано был мальчишкой, абсолютно непригодным для таких функций, да и проявит он себя наихудшим образом. Так думал даже кардинал Беллармино, сказавший про него: *Fuerit fieri omnium deterrimus*, что означает «Из всех пап никого не было хуже него».

Список его преступлений бесконечен: поговаривали, будто он даже изобрел грехи, о коих никто до того и не помышлял, превратив Рим в тот самый Град стыда, на который обрушится с осуждением Лютер много веков спустя. В Латеранском дворце он содержал гарем, состоявший из юных женщин и мальчиков, всегда готовых к услугам, расхищал дары и подношения паломников, растрачивая их на игры и попойки, кормил две тысячи своих скакунов (явное преувеличение) миндалем и инжиром, вымоченным в вине.

Император Оттон Саксонский направил ему резкое письмо с упреками: «Все, священники и миряне, обвиняют Вас, Ваше Святейшество, в убийствах, ложных клятвах, святотатстве, инцесте с родственниками, включая

* Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века. Полное издание в одном томе. М. : Альфа-Книга, 2008. С. 445.

Ваших двух сестер, а также в том, что Вы взывали, словно язычник, к Юпитеру, Венере и прочим демонам». Подобно римским императорам эпохи упадка, Иоанн XII погиб рано — ему едва исполнилось двадцать четыре года. Он был выброшен из окна ревнивым мужем, заставшим понтифика с поличным в постели его жены, которую звали Стефанеттой, иных сведений не сохранилось. Папу погребли в базилике Сан-Джованни-ин-Латерано.

В предшествующие годы тоже произошел случай, не особенно известный, но тем не менее показательный. Папа Формоз (891–896), пытавшийся лавировать между двумя враждующими аристократическими кланами, был эксгумирован по воле своего преемника, Стефана VI. Труп, наряженный в парадное папское облачение, усадили в кресло и подвергли одному из самых отвратительных судебных процессов (больше напоминавшему фарс), какие когда-либо были инсценированы. Признанный виновным по ложному доносу, Формоз был навеки осужден, ему отрубили пальцы, которыми он благословлял народ, а полуразложившиеся останки выбросили в Тибр. Но самое главное — что и было основной целью этого инфернального ритуала — все его акты и постановления (включая назначения и рукоположения) были признаны недействительными и денонсированы. Впрочем, судьба Стефана VI тоже была незавидной: через пару месяцев в ходе народных волнений его бросят в тюрьму и вскоре там же задушат (897 год).

Пусть и медленно, но Римская церковь все же сумела выработать процедуру избрания своего главы. Цепочка норм и правил была изучена, апробирована и одобрена, что позволяло избегать хотя бы самых очевидных эксцессов и произвола.

Следует учесть, что кафедра Святого Петра долгое время была разменной монетой в сделках, интригах и схватках за власть. Порой она всецело зависела от императора и его капризов, а «народ», некогда имевший вес в принятии решений, отныне все больше задвигали на второй план. Одна из наиболее фундаментальных реформ была осуществлена папой Николаем II, который за период своего мимолетного понтификата (1059–1061) успел ограничить круг обладающих правом голоса в выборе папы римскими кардиналами-епископами. Лишь после них, во вторую очередь, когда расклад уже понятен, высказываться могли другие кардиналы, клир и народ, причем их мнение уже мало что значило. В наши дни такая реформа была бы воспринята крайне негативно, но тогда она была просто необходима в качестве гарантии большей свободы церкви от вмешательства светских сил. Тем самым разрубался давний гордиев узел: избавление не столько от народа, которым,

как и сегодня, легко манипулировать, сколько от обладателей настоящей власти, прежде всего от императора, что естественно.

Борьба понтификов и императоров давно привлекает внимание историков; волновала она и современников этих событий, запечатлевших их в своих хрониках. Противоречия обретали особый накал, когда сталкивались одинаково яркие, волевые личности, как в случае с Генрихом IV, германским императором, и Григорием VII, знаменитым Гильдебрандом из Соаны, стремительно проскочившим путь от архидьякона до папы. В 1073 году Григория избрали на престол вопреки принятым традициям: его навязала всем остальным наиболее влиятельная часть церковной иерархии, а толпа, стихийно собравшаяся перед базиликой Сан-Пьетро-ин-Винколи, довершила дело криками приветствия и одобрения.

У Гильдебранда были возвышенные представления о себе самом и о своем сане: он утверждал, что любой папа, однажды наделенный всей полнотой властных полномочий, сам по себе является святым, а вот императорский титул портит и развращает даже тех людей, кто до того жил праведно. Он провозгласил и то, что папа может судить любого, кем бы тот ни был, но сам при этом остается неподсуден: поэтому он один эксклюзивно имеет право назначать епископов и низлагать императоров. Здесь не было ничего новаторского, по большому счету. Новизна состояла лишь в том упорстве, с каким эти масштабные привилегии отстаивались, точно вся Европа была не более чем мозаикой феодов, которые папа мечтал тасовать, как колоду карт.

Параллельно с этим он кропотливо реорганизовывал церковь изнутри, боролся с продажей церковных должностей и имущества — очень распространенным явлением, — а также выступал против женитьбы священников. К примеру, были отстранены все епископы, которые в обмен на денежные взносы сквозь пальцы смотрели на сожительство клира с женщинами. Папа метал громы и молнии, сражаясь с Генрихом IV, посмевшим самостоятельно назначить ряд епископов и аббатов. Этот акт был полностью созвучен предшествовавшим заявлениям, но означал, что разразилась та самая война за инвеституру, которая вовлечет их обоих в многолетнюю дуэль без права на передышку и ознаменуется серией драматических столкновений.

Папа отлучил Генриха от церкви, а Генрих объявил о свержении понтифика. Но потом, столкнувшись с негативной реакцией некоторых своих наиболее влиятельных феодалов и ленников, император был вынужден отправиться к замку графини Матильды в Каноссу (мы об этом уже вспоминали).

Григорий заставил его прождать трое суток, кающегося, на ледяном зимнем ветру Апеннинских предгорий, прежде чем впустил к себе и милостиво снял анафему. Император стоял у стен замка на коленях, и папа сполна дал ему возможность ощутить горечь поражения, чтобы оно хорошенько запечатлелось в его памяти. Но в реальности все обстояло не так.

Генрих так никогда и не простил папе испытанного унижения; вернувшись в Германию и вновь утвердив свой авторитет, он сломил непокорных вассалов и потребовал, чтобы Григорий сместил с трона его соперника. Тот наотрез отказался и повторно отлучил его от церкви. Генрих не подчинился и предложил своего кандидата на престол Святого Петра — Гвиберта Равеннского, который, будучи посвящен в папы (или антипапы), принял имя Климента III. Григорий постарался найти действенный ответ, но императору благоприятствовала фортуна, и понтифику не оставалось ничего иного, как удалиться за неприступные стены замка Святого Ангела.

В 1084 году Генрих, наконец, вступил в Рим, и в канун Пасхи «его» папа торжественно короновал его. В данной ситуации все участники этой драмы уже скомпрометированы, но Григорий решается на жест отчаяния: он зовет на помощь армию норманнов под предводительством Роберта Гвискара, состоящую из уроженцев Южной Италии, Неаполя и Сицилии. Норманны вторгаются в Рим, Генрих поспешно ретируется, папа освобожден из заточения. А вот на долю римлян снова выпадают страшные испытания — безжалостные грабежи и насилие: это был один из немногих случаев практически тотального опустошения столицы. Когда лютеранская реформа начнет распространяться по европейским странам, протестанты припомнят папе те трагические дни (к тому времени минет без малого пять столетий) и резюмируют их в афоризме: «Григорий I спас Рим от лангобардов, Григорий VII отдал его на потребу норманнам». Гильдебранд, исключительно политизированный папа, более того, гигант политики, предпочел ради своего спасения и возвращения на трон пренебречь безопасностью и покоем вверенного его попечению города. Жители этого ему не простили. Едва утихли разбой и мародерство, они выгнали понтифика из Рима вслед за Гвискаром. Год спустя он скончался в Салерно в возрасте шестидесяти лет, произнеся в оправдание себе строчку из псалма: *Dilexi justitiam, odivi iniquitatem, propterea morior in exilio**. Однако затеянная им церковная реформа жива вплоть до сегодняшнего дня. Краткий пассаж из «Истории…» Грегоровиуса

---

* «Я любил справедливость и ненавидел беззаконие, потому и умираю в изгнании» (лат.).

убедительно фиксирует немеркнущее значение этого понтификата и подчеркивает его драматическую составляющую:

*В истории Григория разорение Рима является более темным пятном, чем в истории Гвискара. Не желая, может быть, этого разорения и чувствуя весь ужас при виде Рима, охваченного пламенем, Григорий, тем не менее точно движимый Немезидой, остался пассивным зрителем бедствий, постигших Рим. Не сказалась ли в Григории VII, когда на его глазах и по его вине горел Рим, такая же ужасная роковая сила, как и в Наполеоне, когда он с невозмутимым спокойствием объезжал поля битв, обагренные кровью? Полной и прекрасной противоположностью образу Григория VII является образ Льва Великого, спасающего священный город от Аттилы, смягчающего участь этого города, когда он был взят грозным Гензерихом. Ни у кого из современников Григория мы не находим указаний на то, что он сделал какую-либо попытку спасти Рим от разграбления или выразил свое соболезнование бедственному положению города. Но что могло значить для человека непреклонной воли разрушение Рима по сравнению с идеей, в жертву которой этот человек принес спокойствие всего мира?**

После буллы Николая II церковную реформу продолжил папа Александр III, как только была поставлена точка в затянувшейся почти на двадцать лет схизме. Основной сутью предложенного им была строгая формализация процедуры голосования, которая выхолостила бы личные или групповые интересы («течения»). Опубликованное в 1179 году апостольское установление (*Licet de vitanda discordia*) недвусмысленно отражало его намерение. На практике оно сводилось к тому, чтобы кардиналам, и только им, принадлежало право и обязанность заседать в конклаве. Более того, предписывалось, что для избрания необходимо набрать не менее двух третей голосов:

Постановляем, что в условиях, когда враги не прекращают сеять раздоры меж нами, если среди кардиналов нет единодушия в выборе понтифика и, согласовав две трети голосов за кого-то одного, оставшаяся треть не соглашается или предполагает избрать кого-то другого, то пусть

* Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века. Полное издание в одном томе. М. : Альфа-Книга, 2008. С. 626.

считается римским понтификом тот, кто был избран и признан двумя третями участников. Если же кто-то, полагаясь на согласие трети кардиналов, осмелится принять титул папы, то и он, и признавшие его должны быть отлучены.

Норма, закрепленная авторитетом Вселенского собора, исключала любое возможное влияние епископов на борьбу за наследование престола. Коллегии кардиналов и понтифику, стоящему во главе ее, — и только им отныне было дозволено определять и вводить в употребление в церкви те или иные положения хоть в сфере духа, хоть в сугубо политической области, что станет незыблемым принципом церкви на целых восемь столетий, вплоть до понтификата Иоанна Павла II. При Александре III структурирование церкви по «монархическому» образцу резко ускорится. Как справедливо отмечает специалист по истории Ватикана Джанкарло Дзидзола (монография *«Конклав: избрание пап от святого Петра до Иоанна Павла II»*), «призыв к апостолической легитимации и узаконению церковного авторитета всей общиной верующих ослабевает, фрагментируется и обращается в чистую риторику».

Позднее будет провозглашена доктрина, согласно которой если папа (король) считается преемником святого Петра, то кардиналы (князья церкви) — это наследники апостолов, представляющие, стало быть, группу приближенных к Иисусу лиц — все в русле традиции, сложившейся на заре христианства.

Между тем даже существование нормы о большинстве в две трети голосов не воспрепятствовало тому, что в течение нескольких десятилетий продолжали выбирать пап и антипап, вечно и яростно конфликтующих друг с другом. А римский люд, у которого отняли ту самую привилегию легитимации, все так же шумел и поддавался брожению, поддерживая то одного, то другого кандидата, — порой это диктовалось симпатиями-антипатиями, а иногда влиянием богатых и могущественных семей, контролировавших город*.

Примерно в середине XIII века, при Иннокентии IV (Синибальдо Фиески), электоральные нормы еще более детализируют и уточняют роли, исполняемые разными иерархами церкви: папа ставится в центр юрисдикции,

* Классический пример для Рима — это династии Орсини и Колонна, непрестанно боровшиеся за доминирование на римской арене.

он источник любой духовной и светской легитимности, его окружает двор кардиналов, наделенных привилегиями и властными функциями, также довольно-таки обширными. При таком раскладе любой царствующий государь подотчетен понтифику и зависим от него. При папе Фиески христианство приобретает облик режима со всеми сопутствующими и логически вытекающими из этого понятия инструментами практического убеждения и воздействия — от анафемы до пыток, дозированно применяемых в отношении тех или иных «противников» и возмутителей спокойствия: еретиков, евреев, суверенов, проявивших упрямство или непослушание. Именно Иннокентий IV буллой *Ad extirpandia* позволил инквизиции использовать пытки там и тогда, «где и когда это необходимо».

Однако еще много воды утекло и немало интересных промежуточных вариантов было испробовано, прежде чем заработала сбалансированная, относительно стабильная избирательная процедура. В эпоху позднего Средневековья возникает конклав — этимология этого слова восходит к латинскому выражению cum clave («под ключом»). Как метко отмечает Дзидзола, временное затворничество князей церкви изначально выглядит как «насильственное оспаривание, с шантажистским уклоном, отнятого у народа права. Народ исключили из выборного процесса, он в ответ закрыл на ключ обокравших его кардиналов».

Но, невзирая на все предосторожности и гарантии, избрание понтифика с учетом множественности разнонаправленных интересов и могущества людей, вовлеченных в игру, никогда не было простым и мирным. К примеру, очередной скандальный прецедент, спровоцировавший важные последствия, возник после смерти Климента IV (Ги Фулькуа Ле Гро) в 1268 году: его преемника выбирали добрых три года. Собравшиеся в папском дворце в Витербо восемнадцать кардиналов разделились на фракции, поддержанные теми или иными европейскими монархами, и никак не могли согласовать кандидатуру приемлемого для всех понтифика.

Столкнувшись с такой ситуацией, жители Витербо сперва начали роптать, а потом буквально замуровали кардиналов во дворце, причем даже влезли на крышу палаццо и содрали оттуда всю черепицу. В образовавшееся отверстие, подвергавшее голосующих испытанию непогодой и ветрами, им спускали скудное питание, состоявшее только из хлеба и воды. Суровая диета быстро побудила кардиналов прийти к согласию. В сентябре 1271 года папой избрали безвестного архидьякона из Пьяченцы Тедальдо Висконти, принявшего имя Григория X. Три долгих года стали результатом не только

сплетенных князьями церкви интриг или трудносочетаемых интересов, — столь длительное ожидание было порождено совершенно конкретными выгодами, которые кардиналы извлекали для себя в те периоды, когда папский престол оказывался вакантен.

Григорий X был простым архидьяконом, поэтому, чтобы надеть на него тиару понтифика, пришлось в спешке рукоположить его в священники, а затем сразу же сделать кардиналом. Однако он настолько близко принял к сердцу вопрос легитимности своей должности, что немедленно озаботился публикацией нового конституирующего регламента (*Ubi periculum*, 1274 год), определявшего еще более суровые процедуры проведения конклава, в том числе даже принудительную диету — меньший объем потребления продуктов и воды. В Витербо меню из хлеба и воды сработало без сбоев. Григорий же постановил, что по прошествии трех безрезультатных дней «в следующие пять дней кардиналы за обедом и ужином должны довольствоваться только одним блюдом. Если же и в этот период не будет принято положительное решение, то впредь им будут давать только хлеб, воду и вино до тех пор, пока не свершится избрание понтифика».

Привилегии, связанные с переходной фазой, тоже были урезаны: в течение всего времени конклава замораживались любые пребенды, то есть доходы с церковного имущества. Эффект нововведений был положительным, но продлился недолго. Уже вскоре очередное столкновение интересов и маниакальное желание власти, вопреки всяким правилам, обнажило прежние проблемы. После смерти Николая IV (Джироламо Маши) в 1292 году папский престол пустовал более двух лет, покуда не был избран благочестивый отшельник Пьетро да Морроне, праведник, живший в духовном сосредоточении и молитве в гроте на склонах горы Майелло в Абруццо; тиара понтифика была вручена ему в восьмидесятилетнем возрасте. Он принял имя Целестина V, и его понтификат вошел в историю как один из самых коротких, наравне с царствованием Альбино Лучани в XX веке.

Целестин V, как и Иоанн Павел I, был человеком простым и непритязательным, больше склонным к набожности и состраданию, чем к интригам, а значит, несостоятельным в плане управления таким сложнейшим механизмом, каким стала католическая церковь. Если Иоанн Павел I пробыл папой лишь тридцать три дня, то Целестин V — пять месяцев, после чего в присутствии специально созванной консистории отрекся. Петрарка в трактате *De vita solitaria* («Об уединенной жизни») восхвалял его за смирение; напротив, Данте в *III кантике «Ада»* поместил его среди вялых

и нерадивых грешников, сурово заклеймив знаменитой строкой: «Признав иных, я вслед за тем в одном узнал того, кто от великой доли отрекся в малодушии своем»*.

В реальности, чтобы осуществился этот самый отказ от «великой доли», немало сил приложил кардинал Бенедетто Каэтани, человек безграничных амбиций, обеспечивший себе благодаря этому шагу Целестина наследование папского трона. Именно он и станет тем пресловутым Бонифацием VIII, первым же актом правления которого будет заточение бедного Пьетро да Морроне в застенки замка. Набожный отшельник предпочел бы вернуться в свой грот, к своим молитвам и бдениям, но Бонифаций опасался, что столь наивный человек может стать податливым инструментом в руках оппозиционных фракций, а то и спровоцирует раскол, чего доброго. Поэтому он предпочел держать его под замком все оставшиеся годы. Возможно, в итоге даже отдал приказ убить бывшего папу.

Итак, методика избрания постепенно сложилась, пусть даже с большими сложностями, срывами, противоречиями и недоверием, которые она провоцировала; на деле почти каждый папа модифицировал ее после своего восшествия на престол — это касается и нашего времени, о чем мы вскоре поговорим. Но следует признать непреложный факт: чем больше церковь смягчала свои претензии на светское владычество и напоминала одно из множества королевств Европы, тем дальше она удалялась от истинно евангельского духа раннего христианства: параллельно с ростом ее финансовых аппетитов и потребностей утяжелялось бремя ее чрезмерной власти.

Бонифаций VIII стал «изобретателем», если так можно выразиться, понятия «Святой год». Впервые это событие было торжественно отпраздновано именно при нем, в 1300 году. Паломникам, прибывшим в Рим, было обещано полное отпущение грехов, нечто вроде амнистии, но не за телесные, а за духовные проступки. Предложение всколыхнуло народ.

Папа Бонифаций усмотрел в гигантском притоке людей свой персональный успех: денежные поступления влили свежую кровь в ватиканскую мошну и пробудили в душе понтифика беспредельное ощущение всемогущества. Два года спустя он издал буллу *Unam sanctam*, которой была суждена вечная слава, потому что именно она заложила фундамент

* Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад. Песнь III, 58 / пер. М. Лозинского. М. : Правда, 1982.

папской теократии: существует одна-единственная церковь, вне ее нет спасения для души человеческой. Ее глава — сам Христос, который руководит каждым человеком через папу, своего наместника на земле; церковь напрямую использует духовную власть, а мирскую и гражданскую делегирует князьям, распоряжающимся ею согласно директивам, исходящим от той же церкви. Власть католической церкви священна, она может судить и карать любого, кто представляет власть политическую, и никто, кроме Господа, не смеет быть выше нее. Любой человек, желающий обеспечить себе спасение и вечную жизнь в райских чертогах, обязан подчиняться епископу Рима.

Этим актом, на повторение или частичное воспроизведение которого никогда не решился ни один монарх, папа Бонифаций, оправдав себя божественным провидением, создал предпосылки для будущих мелких скандалов и высоких трагедий. Даже тогда многие думающие люди сочли, что его претензии носят чересчур светский оттенок, без примеси истинной духовности. Среди них был и Данте, поместивший Бонифация еще при жизни на страницы своего *«Ада»* (XIX кантик) в компанию к сторонникам симонии, то есть к тем, кто, позабыв о своей религиозной миссии, распродает или покупает священные предметы, блага или церковное имущество.

Папа Каэтани не служил ни католической религии, ни Римской церкви. После него битвы за власть не прекратились. Папы и антипапы продолжали воевать, затем на семьдесят лет (с 1309 года) папство оказалось в принудительной ссылке в Авиньоне, но дела не наладились и после возвращения в Рим. Наоборот, годы правления Урбана VI, избранного в 1378 году, ознаменовались Великой схизмой, самым мрачным моментом в средневековой истории церкви, когда трое пап и антипап взаимно отлучили друг друга. По мнению Грегоровиуса, любая иная монархия, столкнись она с подобными испытаниями на прочность, рассыпалась бы на куски. В каком-то смысле то же случилось и с католической церковью, навсегда потерявшей с началом Реформации в 1517 году целые провинции, а также значительную часть верующих и прихожан.

Первым папой, избранным в Сикстинской капелле 9 марта 1513 года, был Джованни де Медичи, второй сын Лоренцо Великолепного, принявший имя Льва X. Грегоровиус пишет: «Из Флоренции прибыл в портшезе Джованни де Медичи. Он был болен: загноившаяся фистула сделала его почти недоступным для посетителей, а во время конклава хирургу пришлось его прооперировать». Тот факт, что его отцом был сам Лоренцо, дал Джованни

видимые преимущества в гонке за трон. Еще в семилетнем возрасте Иннокентий VIII назначил его апостольским протонотарием, в восемь лет будущий Лев X — уже аббат Монтекассино, в двенадцать — кардинал. Престол достался ему в возрасте тридцати восьми лет. Это был папа весьма средних способностей, особенно по контрасту с его предшественником, Юлием II; зачинатель и жертва достойных сожаления событий, он, как в зеркале, отразился на психологически выверенных портретах кисти Рафаэля: дряблое лицо, подернутый дымкой, рассеянный взгляд.

В 1517 году, фатальном для истории церкви, он чуть было не погиб в результате заговора, подготовленного кардиналом Альфонсо Петруччи, подкупившего папского хирурга, дабы тот в ходе лечения занес инфекцию в причинявшую понтифику мучения фистулу. Заговорщики были разоблачены и казнены: «Хирург и секретарь Петруччи были подвергнуты ужасающим пыткам. Кардинал встретил смерть, отважно проклиная папу и отказавшись от исповедника; мавр Роланд задушил его в замке Святого Ангела». Страх папы был настолько велик, что он поспешил заполнить Священную коллегию тридцатью одним новым кардиналом, — все они были ему безоговорочно преданы. Лишь Пий XII в XX столетии сможет побить этот рекорд, назначив сразу тридцать два кардинала.

Непотист, приверженец кумовства, любитель утонченной роскоши, Лев был еще и содомитом, если верить на слово Франческо Гвиччардини, написавшему о нем в 1525 году: «Многие полагали, что в первые годы своего понтификата он был целомудрен, а потом открылись все его пристрастия и излишества в наслаждениях, которые честный человек и произнести-то без стыда не может». Грегоровиус описывает крикливую княжескую роскошь его двора так:

Рим превратился в театральную сцену празднеств и пышных спектаклей. Ватикан при нем кишел музыкантами, мимами, шарлатанами, поэтами и артистами, льстиво пресмыкающимися придворными и паразитами всех мастей. Там ставились античные и современные комедии, разворачивались самые похабные действа, а понтифик казался трибуном всех этих зрелищ (tribunes voluptatum), по примеру древних римлян. Перед нашими глазами предстала бы пестрая картина, доведись нам окинуть взглядом год жизни Рима при Льве X и узреть череду тех самых праздников и постановок, в которых язычество и христианство смешивались в вопиющем контрасте: карнавальные маскарады, мифы античных божеств,

*римские истории, с блеском передаваемые на подмостках, процессии, торжественные религиозные церемонии, представления страстей Христовых на арене Колизея, классические декламации на склонах Капитолия, рождественские речи и радостные шествия, ежедневные кавалькады кардиналов, церемонные кортежи послов и князей, сопровождаемые эскортом слуг и стражников**.

Пока в Риме веселились, немецкий монах-августинец крестьянского происхождения Мартин Лютер, профессор кафедры в Виттенберге, направил епископам свои *«Девяносто пять тезисов»*, написанных на латыни, спровоцировав тем самым теологический диспут. Это стало началом Реформации, расколовшей, разделившей впервые в таких масштабах христианский мир. В Риме Лютер услышал и увидел столько всего, что вконец переполнило его душу презрительным отвращением. Впоследствии он скажет: «Что за мерзкие людишки там были! Никогда бы я не поверил, что папство может внушать ужас, если бы не увидел воочию римский двор! Если ад и существует, то Рим возведен над ним». Папа Лев недооценил этот гнев, подумав, что разделается с ним анафемой, но Лютер публично сжег эдикт об отлучении на площади Виттенберга посреди ликующей толпы своих сторонников.

Какой грустный парадокс кроется в том, что капелла, над которой трудилось так много гениев, придавших ей поистине божественный ореол, была освящена папой, не соответствовавшим своему высокому сану, папой, пренебрегшим своим долгом и Евангелием.

Последние на данный момент реформы электоральных норм были проведены Иоанном Павлом II и Бенедиктом XVI. В 1996 году папа Войтыла предал гласности апостолическое установление *Universi dominici gregis*, которым фиксировался отказ от правила двух третей, введенного в 1179 году для проведения конклава. Понтифик опасался, что блокирующее меньшинство (равное примерно 34 процента голосов и более) сможет задержать выборы нового главы церкви на неограниченный период времени с предсказуемыми негативными последствиями, в том числе с большими имиджевыми потерями.

Реформа Иоанна Павла II предписывала, что по истечении впустую тринадцати дней голосования абсолютное большинство кардиналов (51 процент)

* Эти главы труда Грегоровиуса в русском переводе не имеются. *Прим. пер.*

должно коллективно решить, как действовать далее: продолжать добиваться перевеса в две трети, сойтись на простом большинстве в пользу одного из кандидатов или же провести перебаллотировку между двумя претендентами, которые стали лидерами по итогам предыдущих раундов. Но это правило, как и любой другой избирательный закон, имело свое слабое звено, ведь теперь кардиналы получали возможность спокойно пропускать первые туры голосования, придерживая собственного кандидата, а потом, после согласования модели того самого простого большинства, коллективно вводить его в игру и тем самым добиваться успеха.

В апреле 2005 года кардинал Ратцингер извлек для себя явную выгоду из этого закона. Действительно, ему было бы крайне сложно добиться большинства в две трети голосов в рамках регламента, функционировавшего до Иоанна Павла II. Однако благожелательно настроенные по отношению к нему участники конклава заявили, что готовы дождаться перехода к простому большинству, чтобы провести в папы своего кандидата. Эта угроза внесла смятение в нестройные ряды оппозиции и проложила прямую дорогу к престолу Йозефу Ратцингеру.

Став понтификом, Бенедикт XVI спешно внес поправки в правила папы Войтылы, восстановив необходимость большинства в две трети голосов и добавив, что после тринадцати потраченных дней должна проводиться перебаллотировка между двумя ключевыми фамилиями, при этом принцип кворума двух третей сохранялся. Трудности, как видим, не исчезли, они все еще существуют. И даже мольбы о покровительстве Святого Духа не избавляют Святой престол от человеческих, очень человеческих слабостей.

XIII. 16 октября 1943 года

Места всегда хранят воспоминания о важнейших событиях, подмостками и фоном для которых они становились. Необходимо уметь настраивать свой взгляд, приспосабливать его, ухватывать знаки и подсказки, будить память, активируя ее резервы, прочитывать подходящие слова и соответствующие фразы. Например, те, что открывают нам трагически-прекрасное повествование Джакомо Дебенедетти о фатальной для Рима, для проживающих в нем евреев и для самого Ватикана дате: 16 октября 1943 года, которую я и выбрал в качестве заглавия. В память (in memoriam).

Пятничным вечером 15 октября в бывшем римском гетто была замечена одетая во все черное женщина, растрепанная, неряшливая, насквозь вымокшая под дождем. Ей не удавалось ничего вымолвить внятно: от волнения в горле вставал ком, перехватывало дыхание, а слюна текла по подбородку. Она прибежала из Трастевере так быстро, как смогла. Чуть ранее, прислуживая одной синьоре, она увидела жену карабинера, и та ей сказала, что ее муж, карабинер, повстречал немца, державшего в руке список из двухсот еврейских фамилий: их намеревались вывезти куда-то вместе с семьями… Взволнованной, перепуганной женщине без труда удалось собрать вокруг себя большую группу евреев и предупредить их об опасности. Но ей никто не поверил, все только над ней посмеялись…

Женщину звали Челесте. Она была бедна, одета в лохмотья; в ее семье, как сплетничали повсюду, все были слегка тронутыми на голову. И потом, она была слишком возбуждена, кричала, плакала, притягивала к себе детишек, закрывала их ладонями, будто пытаясь уберечь, — жест был чересчур патетичен. Однако же именно там, всего через несколько часов, это странное пророчество полубезумной женщины исполнилось самым чудовищным образом.

Это место — площадь, несколько искривленная, неправильных очертаний, столетиями сохраняющая свой первозданный вид, располагается на перекрестке улиц Каталана и Сант-Анджело-ин-Пескерия. Позади — мощные аркады театра Марцелла, напротив — Темпьо Маджоре, огромная синагога римских евреев. Сбоку — полукруглая арка, одно из немногих зримых свидетельств когда-то существовавшего здесь портика Октавии, грандиозного сооружения, воздвигнутого императором Августом в честь своей сестры. От него сейчас остались лишь несколько разбросанных по городу фрагментов да пара-тройка обрубленных, изуродованных колонн из почти трехсот, некогда его украшавших.

Туда, на эту самую площадь, утром в субботу 16 октября 1943 года немцы подогнали грузовики, куда, подталкивая прикладами, погрузили кричавших и плакавших жителей гетто Рима. Мраморная табличка и сегодня напоминает нам об этом, но ее одной совершенно недостаточно, чтобы воскресить в памяти картину этого злодеяния. Стены Рима увешаны мемориальными табличками, поэтому нужно обладать большими знаниями, чтобы расшифровать и осознать истинный смысл каждой из них, и особенно этой.

Предпосылкой описанных событий стал инцидент, произошедший дней через двадцать после подписанного Италией 8 сентября 1943 года перемирия с союзниками. В конце месяца майор СС Герберт Капплер созвал глав еврейской общины, приказав им за тридцать шесть часов собрать и передать ему полцентнера золота, угрожая при этом многим из них депортацией в лагеря. К сбору приступили на заре 27 сентября. Счетовод протоколировал сдаваемые вещи, три ювелира-еврея проверяли качество металла.

В первые часы сбор шел с таким трудом и так медленно, что решили обратиться за помощью к Ватикану. В 16:00 был получен ответ: Ватикан готов выделить бессрочный беспроцентный заем. В итоге он не потребовался, поскольку в обозначенные сроки пятьсот килограммов и даже с излишком были полностью готовы. С передачей золота каждый еврей надеялся, что обеспечил себе нечто вроде страхования жизни, здоровья и безопасности. Откуда им было знать, что эти злосчастные полцентнера были лишь предлогом, точнее трагической насмешкой, в чем разобрались уже на исходе войны, когда золото римских евреев обнаружили в Берлине внутри так и нераспечатанных ящиков.

В субботу 16 октября в 05:30 утра, под льющим как из ведра дождем 370 эсэсовцев, которые иногда во второстепенных вопросах пользовались помощью чернорубашечников, окружили гетто. Начались облавы

и прочесывание местности — дом за домом. Кто-то спал или был болен, другие кормили младенцев или готовились праздновать шабат, — солдаты безжалостно согнали всех на улицу, ударяя прикладами автоматов замешкавшихся и выкрикивая те самые немецкие слова, которые все, включая детей, уже выучили наизусть: Schnell, Raus, Jude, Achtung, Kaputt*. Грузовики были аккуратно выстроены в одну линию, капотом в направлении Тибра, что облегчало колонне выезд. Пленников разместили в военном колледже при палаццо Сальвиати, на виа делла Лунгара. Машины сделали немало поездок туда-обратно до тех пор, пока в гетто не смолкли последние голоса и весь район не погрузился в безмолвие печального осеннего дня: гул дождя, ударяемая ветром о косяк дверь, какая-то тряпка в луже посреди дороги.

По этому случаю в Рим было направлено еще одно подразделение СС. Со зловещей наивностью вновь прибывшие попросили у руководства разрешения промаршировать по площади Святого Петра, а поскольку это требовало всего лишь минимального отклонения от заданного маршрута, их просьба была удовлетворена. Грузовики, забитые под завязку плачущими, вопящими, молящимися людьми, пересекли границу Италии и государства Ватикан (отмеченную на земле серией каменных плит). Это обстоятельство позволило в дальнейшем послу Третьего рейха при Святом престоле Эрнсту фон Вайцзеккеру написать в Берлин, что акция была осуществлена «почти под окнами папы». Справедливости ради отмечу, что была предпринята попытка контакта: Пий XII повелел госсекретарю Луиджи Мальоне вызвать на ковер немецкого посла, Мальоне потребовал от дипломата вмешаться, чтобы депортации прекратились. В противном случае, добавил он, Ватикан будет протестовать. Описание этой истории имеется в ватиканских документах, но отсутствует в германских архивах.

Несколько десятков человек отпустили после того, как выяснилось, что они не являются евреями. Одну беременную женщину — у нее начались схватки — оттащили рожать в соседний двор. Новорожденный младенец сразу же попал под арест. В ночь с воскресенья 17-го на понедельник 18 октября заключенные были выстроены в колонны и перемещены на станцию Тибуртина, где их посадили в пломбированные вагоны для перевозки скота. Через неделю путешествия в нечеловеческих условиях — теснота, духота, смрад, мучения — они были доставлены в пункт назначения, лагерь массового уничтожения Аушвиц.

---

* Живо, Наружу, Еврей (Иудей), Внимание, Капут.

25 октября 1943 года ежедневная газета «Оссерваторе Романо» опубликовала крайне хвалебную статью о папе: «С усилением зла вокруг нас как никогда эффективным стало осуществление понтификом универсальной миссии пастырского милосердия, которое не остановит ни один национальный, религиозный или племенной конфликт». Эксперты по дипломатическим формулировкам без труда смогли распознать в специфическом понятии «племя, род» (stripe) намек на трагический еврейский вопрос. В этом прекрасно отдавал себе отчет германский посол фон Вайцзеккер, выславший переведенную статью в Берлин и присовокупивший к ней письмо с комментариями: «Папа, хоть и подвергаемый давлению со всех сторон, не позволил себе демонстративную критику депортации евреев из Рима… мало кто воспримет текст в качестве аллюзии, пусть и весьма неопределенной, на тему евреев». И чуть ниже: «Можно сказать, что данная проблема, столь неприятная в свете германо-ватиканских отношений, разрешена».

С римскими евреями тоже все было разрешено быстро: их ликвидировали. Не случайно монсиньор Монтини сделал пометку в своем дневнике: «Эти евреи больше не вернутся в свои дома». В течение нескольких дней после прибытия в Аушвиц почти все эти люди погибли. Некоторые скончались еще в пути.

В 1963 году в Берлине был представлен текст пьесы Рольфа Хоххута под названием *Der Stellvertreter* («Викарий»). Поставленная на сценах Лондона и Нью-Йорка, в Риме эта пьеса была запрещена из-за того, что она оскорбляла главу иностранного государства. Но актеры Джан Мария Волонте и Карло Чекки сумели организовать тайное представление. Пьеса недвусмысленно возлагала на понтифика ответственность за равнодушие к разоблачениям того, что реально творилось в лагерях смерти. Папа Пачелли обвинялся и в том, что преспокойно увязал свое поведение с соображениями финансовых выгод. Одной из самых острых сцен пьесы стала та, в которой Курт Герштайн, исторический персонаж, свидетель геноцида и уничтожения людей в газовых камерах, в своем монологе вопрошает небеса и обращает к ним мольбу, стоя на месте «зачистки» еврейского населения Рима.

Драма, непритязательная с художественной точки зрения и кое-где исторически необоснованная, заслужила внимание тем, что буквально взорвала и вывела на первый план замалчивавшуюся ситуацию: линию поведения Пия XII в связи с холокостом. Проблематика комплексная и непростая, по ней имеется большая библиография, но архивы Святого престола прочно

закрыты от пытливых взглядов исследователей, и Ватикан не расположен что-либо менять.

Рассказ о том, что произошло в тот период, мог бы показаться сценарием шпионского фильма, если бы речь не шла о трагедии целого народа и всего человечества в целом.

В июле 1942 года в Швейцарию пришли первые правдивые вести о нацистском плане по истреблению евреев, впрочем, уже предвосхищенном книгой Гитлера *«Майн кампф»*, изданной в 1925 году. Во время визита в Цюрих немецкий промышленник Эдуард Шульте, глава правления горнорудной компании, одного из лидеров немецкой промышленности, поддерживавший дружеские контакты с руководством Третьего рейха, сообщил своему другу Исидору Коппельману, что штаб-квартира фюрера составила проект по депортации всех европейских евреев на восточные территории, где их планировалось массово уничтожить синильной кислотой. Коппельман тотчас же поставил об этом в известность Беньямина Сагаловича, работавшего в Союзе еврейских общин Швейцарии. Сагалович посчитал этот слух страшной угрозой и проинформировал Герхарда Ригнера, управлявшего в ту эпоху женевским офисом Всемирного еврейского конгресса.

Они встретились и попробовали свести воедино все имевшиеся сведения с обрывками новостей, полученных от различных более-менее непосредственных свидетелей. Гипотеза о провокации была забракована, а информация признана, по сути, верной, к тому же исходила она в этот раз из надежного источника: убежденного противника нацизма, немца по национальности, а не еврея. Многое в чудовищном плане совпадало и с пассажами из проигнорированного многими литературного труда Гитлера, но именно там будущий диктатор недвусмысленно декларировал программу уничтожения. Еще более убедительным знаком стала волна арестов и облав, проведенная в мрачном июле 1942 года во всех крупных городах, оккупированных нацистами.

Проконсультировавшись с дирекцией конгресса в Нью-Йорке, 8 августа Ригнер попросил аудиенции у американского вице-консула в Женеве, чтобы, в свою очередь, сообщить ему о полученных сведениях. Разговор был долгим и детальным. Новости были многократно взвешены и изучены вдоль и поперек. Результатом встречи стала телеграмма, отправленная в Госдепартамент США в Вашингтон. Аналогичный визит с точно таким же исходом Ригнер нанес и в британское консульство. Финал оказался трагическим: никто, ни в Вашингтоне, ни в Лондоне, не воспринял всерьез это

дело. В Лондоне один из чиновников, прочитавших доклад, сделал пометку на полях: «Безумные слухи, распускаемые евреями из страха».

Только 28 августа рапорт Ригнера попал в руки раввину Стефану Вайзу, президенту Всемирного еврейского конгресса в Нью-Йорке, известившему об этом судью Верховного суда Феликса Франкфуртера, влиятельного члена американской еврейской общины. Тот переправил информацию в Белый дом, в президентскую администрацию.

Между тем тревожные новости добрались до Ватикана и Красного Креста. Обе структуры ответили уклончиво, заявив, что у них нет возможности проверить достоверность полученной информации. Лишь к 17 декабря, когда всплыли и другие детали, многочисленные союзные правительства опубликовали в Вашингтоне, Лондоне и Москве декларацию по так называемому «окончательному решению еврейского вопроса»: «Доклады не оставляют сомнений в том факте, что германские власти приводят в исполнение много раз подтвержденное самим Гитлером намерение истребить еврейское население Европы».

Последовали душераздирающие подробности: «Со всех оккупированных территорий евреев в совершенно гнусной атмосфере ужаса и жестокости депортируют в Восточную Европу… тех, кто пригоден к труду, обрекают на медленную смерть в лагерях. Больных бросают умирать от холода и голода либо убивают в ходе массовых экзекуций и казней. Число жертв этих кровавых зверств достигает многих сотен тысяч человек».

В реальности к тому моменту количество жертв уже перевалило за два миллиона. Документ имеет большую историческую ценность, поскольку с декабря 1942 году никто из тех, на кого была возложена политическая ответственность, уже не мог игнорировать факт геноцида евреев.

Как отреагировал Ватикан? Святой престол не подписал декларацию, где поставили свои подписи главы одиннадцати правительств плюс подпись де Голля от лица Французского комитета национального освобождения (ФКНО). Неделю спустя, то есть накануне Рождества, папа Пачелли выступил с радиообращением, где затрагивались и некоторые политические темы. Например, осуждался коммунизм (но не нацизм), вспоминались жертвы войны и бомбардировок, солдаты, павшие на всех фронтах, беженцы и эмигранты; звучал призыв к еще большему единению людей с Господом, к слиянию с Ним, а в заключение подчеркивалось: «Этим пожеланием человечество обязано сотням тысяч человек, которые, не будучи в чем-либо виновными, только по причинам национального или расового происхождения обречены на смерть или прогрессирующее угасание».

«Призыв» был ответом папы на заявление союзных правительств, где упоминался геноцид и использовались такие громкие слова, как «еврей», «ужас», «резня», «варварство» и «зверства». Фразы Пия XII, сформулированные холодным дипломатическим языком, прозвучали ясно и конкретно для посвященных, но остались загадкой для простых верующих. Папа Пачелли уже все знал. В своей книге «Пий XII, человек на троне Святого Петра» Андреа Торниелли приводит свидетельство одного из приближенных Пия, который застал папу «плачущим, точно мальчишка», настолько сильным было его потрясение. Однако он не отреагировал должным образом. Именно мотивы этой инерции спровоцировали не утихающую годами полемику и расследования специалистов.

Безусловно, немалое влияние на папу оказывала многовековая традиция антииудаизма: «подлые евреи», поминаемые в литургии как народ-богоубийца, посмевший поднять руку на Христа. Ему хорошо были знакомы слова апостола Матфея (большинство экзегетов полагает, что они подложны): «И ответил весь народ: кровь Его падет на нас и детей наших», которые стали клеймом, позорной меткой еврейского народа на многие столетия. Даже если отвлечься от крайней свирепости этих репрессий, евреи рассматривались христианским обществом как существа низшего порядка, коварные и ненадежные, заслуживавшие того, чтобы быть по меньшей мере вытесненными из рамок социума, маргинализированными. В 1555 папа Павел VI запер евреев в гетто, созданные во всех уголках государства, и обязал их носить в качестве опознавательного знака головной убор желтого цвета. Католический теолог-диссидент Ханс Кюнг писал об этом вопросе так: «Антисемитский расизм, достигший кульминационной точки в терроре холокоста, никогда не стал бы возможным, если бы ему не предшествовала двухтысячелетняя история антииудаизма христианской церкви».

Сохранилось множество документов, указывающих на существование этого типа ментальности. Письмо разоблачительной тональности принадлежит перу апостолического легата Анджело Джузеппе Ронкалли, будущего папы Иоанна XXIII, — оно было отправлено им из Стамбула кардиналу Луиджи Мальоне, государственному секретарю Ватикана:

В продолжение моего преданного донесения Вам от 20 августа сего года № 4332 направляю Вам ряд других вопросов, поставленных передо мной с целью содействия делу израильтян. Один из них сводится к пожеланию вмешательства Святого престола, дабы был облегчен исход

многочисленных евреев с итальянской территории… Признаюсь Вам, что подобное сопровождение Святым престолом евреев в Палестину, почти вплоть до воссоздания ими еврейского царства, а сперва помощь им в отъезде из Италии, несколько смущает меня. То, что делают их соотечественники или друзья из мира политики, вполне объяснимо. Но мне не кажется верным, чтобы именно простая и благородная миссия сострадания и милосердия Святого престола создавала повод (или видимость его) считать, что такого рода начальное и косвенное сотрудничество означает поддержку реализации мессианской мечты, более того, в этом есть элемент дурновкусия… К тому же понятно, что возрождение иудейского царства Израиль — это не более чем утопия…

Монсиньор Ронкалли написал это письмо 4 сентября 1943 года. Через четыре дня «разразилось» перемирие, немцы оккупировали Италию, устроив там, как и в остальной Европе, охоту на евреев. И даже Ронкалли, невзирая на свои выдающиеся религиозные качества и гуманизм, не раз проявленный им впоследствии, был восприимчив к той атмосфере, в которой его воспитали. Красноречивым эпизодом, наглядно продемонстрировавшим царившие настроения, стала аудиенция папы Пия X, любезно предоставленная Теодору Герцлю, основателю сионизма. Перед своим избранием папа Сарто был патриархом Венеции — пост, который сам Ронкалли займет немного позже. Он был человеком добродушным, мягким и кротким, но настолько политически несгибаемым, что, к примеру, католиков-либералов называл «волками в овечьей шкуре».

26 января 1904 года понтифик принял у себя Герцля, и уже сам факт, что он согласился встретиться с человеком, боровшимся за то, чтобы евреи обрели родину в Палестине, показался многим знаком ободряющего благоволения. Однако едва Герцль попросил о поддержке своих усилий, Пий X воспротивился этому и отказал максимально четко. Сам Герцль опишет реакцию папы в своем дневнике так: «Мы не сумеем воспрепятствовать евреям отправиться в Иерусалим, но никогда не сможем поощрить это… Евреи не признали Господа нашего, значит, мы не признаем еврейский народ». И еще папа постарался подобрать убедительную теологическую мотивацию: «Конечно, мы молимся за них, дабы их дух обрел путь к свету. Именно сегодня церковь отмечает день всех тех, кто не верил, но чудесным образом обратился к вере, словно апостол Павел на улице Дамаска. Следовательно, если вы надумаете уехать в Палестину и поселить там ваш народ, то мы с церквями и священнослужителями всегда готовы крестить вас всех».

Папа Сарто затронул тут деликатнейший пункт о крещении, ритуале инициации, фундаменте всего христианского существования, преддверии к жизни Духа. В Доме оглашенных (Casa dei catecumeni), основанном Павлом III в 1543 году, праздновались все случаи обращения евреев в католичество, осененные крещением. Нередко случалось и так, что еврейских младенцев крестили обманом, не имея на то дозволения их родителей. Однако церковь считала таинство, пусть даже свершенное путем мошенничества или человеком светским, столь же законным, как и обычное: главное, чтобы была произнесена ритуальная формула, а ребенка окропили святой водой. С этого момента он не мог больше оставаться с родителями, если они, в свою очередь, не переходили в католицизм.

Необратимость освящения спровоцировала драматические коллизии в послевоенные годы, когда стало известно, что еврейские дети, укрытые от нацистов в монастырях, были там же и крещены: возникала щекотливая проблема их религиозной принадлежности. 20 октября 1946 года Сант-Уффицио переслал апостолическому нунцию Анджело Ронкалли документ следующего содержания:

По поводу иудейских детей, которые во время немецкой оккупации были вверены попечению католических институтов и семей и чьего возвращения требуют ныне еврейские организации, Конгрегация вероучения Сант-Уффицио приняла решение, резюмируемое так: 1. Избегать по возможности письменных ответов иудейским властям и ограничиваться устными. 2. Каждый раз, когда потребуется ответить, нужно говорить, что церковь должна провести свои изыскания, чтобы изучить каждый отдельный случай. 3. Крещеные дети не могут быть доверены иным институтам, если те не гарантируют для них христианского образования. 4. Лишившиеся родителей дети, о которых заботится церковь, не должны быть ею оставлены на произвол судьбы или переданы людям, не имеющим на них никаких прав, хотя бы до достижения ими совершеннолетия. Разумеется, речь идет о некрещеных детях. 5. Если дети были вверены церкви их родителями, а сейчас те заявляют о своих требованиях, то их следует возвратить, при этом допускается, чтобы они не были крещены. Просим принять во внимание, что данное решение Конгрегации Сант-Уффицио одобрено Святым Отцом.

Директива Сант-Уффицио, с учетом привычной бюрократической казуистики, по сути, устанавливала, что крещеные еврейские дети не должны

возвращаться к своим родителям. Если те, конечно, были все еще живы. Документ, увидевший свет только в 2004 году, был найден в архивах церкви Франции и сразу же вызвал яростные дебаты. Один из наиболее примечательных аспектов ситуации заключался в том, что адресатом являлся тот самый Анджело Ронкалли, который, будучи дипломатом среднего звена в Стамбуле, тогда был назначен нунцием (то есть послом) в Париже по распоряжению Пия XII.

Причем изменился не только ранг Ронкалли, но и его умонастроения. Холокост тяжким грузом лег ему на сердце, так, будто он принял на себя вес всего того омерзительного страха. В Париже в 1946 году будущий папа повстречал верховного раввина Палестины Ицхака Герцога. Их общение протекало в дружеском тоне, а центральным пунктом дискуссии стало именно возвращение еврейских детей, спасенных от смерти в католических приютах и монастырях. В письме от 19 июля Ронкалли дозволяет «пользоваться его авторитетом в заинтересованных учреждениях, дабы каждый раз, когда об этом будет надлежащее уведомление, эти дети могли вернуться в среду своего происхождения». В общем, он явно оппонирует тому, что в те же годы предписывало распоряжение Сант-Уффицио.

Пройдет еще порядочно времени, прежде чем вся эта история обретет соответствующее ее размаху и значению продолжение. Еще в 1953 году, как сообщает историк церкви Джованни Микколи, рецидив драмы произошел во Франции в связи с судьбой двух еврейских детей, которых надежно спрятали в приюте Гренобля в годы нацистской оккупации. Речь идет о знаменитом деле Finally («Наконец-то»).

Директор института, по чьей инициативе они были крещены, отказывалась передать их родной тете, проживающей в Израиле. Пока в судах различных инстанций длилось разбирательство (без малого семь лет), кардинал, заинтересованный в скорейшем разрешении проблемы, запросил мнение Сант-Уффицио. 23 января 1953 года из Рима был получен ответ, в котором подтверждался «незыблемый долг церкви защищать свободный выбор этих детей, принадлежащих к ее лону по праву крещения». В письме предлагалось также «сопротивляться в разумных пределах постановлению о возврате детей, используя, в зависимости от обстановки, все средства, которые затормозили бы исполнение судебного решения, нарушающего права вышеназванных лиц».

Мучительная тяжба, вспоминает Микколи, завершилась возвращением детей к родственникам, во многом благодаря вмешательству влиятельных

иерархов французской католической церкви. Такие же коллизии выпали и на долю будущего франко-израильского историка Шауля Фридлендера, тоже прятавшегося в католическом благотворительном учреждении в период немецкой оккупации. Но в его случае один монах-иезуит, увидев колебания мальчика, убедил его вернуться к религии предков. В подобных обстоятельствах сталкиваются два права: естественное и то, что проистекает из свершенного таинства. Однако таинство несет элемент обязательности только для тех, кто воспринимает его таковым, в то время как естественное, природное право непреложно в силу объективности. Поэтому поражает, что даже после всех перемен, о которых я еще расскажу, находятся некоторые католические писатели, продолжающие настаивать на том, что церковь — «пленница». Процитируем одного из них, видного католического автора Витторио Мессори: «Акт крещения, проведенный надлежащим образом, делает человека христианином ex potere operato*, и принадлежность к церкви обретает неизбывность, поскольку она, воспринимая себя духовной матерью детям своим, никогда не бросит того, кто посредством таинства навеки вошел в ее семью».

В этих многочисленных конфликтах друг другу противоречат не только две системы права, но и две, скажем так, функциональные установки. Причем ровно такие же, как и те, которые различными эпизодами стремится проиллюстрировать эта книга. С одной стороны церковь, то есть священники и верующие, открытые процессу взаимопонимания, состраданию, евангельскому духу. С другой — Святой престол, Ватикан, чьи решения тесно переплетены с соображениями политико-дипломатического свойства. Здесь и спрятана сердцевина того самого противоречия, по поводу которого дискутируют вот уже полвека. Перед нами (если вновь обратиться к теме этой главы) надлом, внешне необъяснимый контраст между помощью, оказанной беглецам монастырями и иными католическими учреждениями, и ледяным молчанием или как минимум последовательной и затянувшейся осмотрительностью Ватикана.

13 июня 1960 года Ронкалли, уже взошедший на папский престол под именем Иоанна XXIII, принял у себя историка Жюля Исаака совместно с другими интеллектуалами, составившего знаменитые «10 пунктов Зеелисберга», с помощью которых после трагедии холокоста предпринималась попытка вновь завязать диалог между христианами и евреями. Встреча Исаака

* Исходя из самого факта крещения (лат.).

с предшественником Ронкалли, папой Пием XII, состоявшаяся 16 октября 1949 года, прошла очень плохо, несмотря на то что, по любопытному совпадению, она пришлась на шестилетнюю годовщину депортации евреев из Рима. Когда историк протянул понтифику папку с документом, Пий XII сухо сказал: «Положите ее вон на тот стол».

Атмосфера встречи с Иоанном XXIII была кардинально иной. Папа не просто охотно принял документ, но в ответ на вопрос Исаака, чья семья была убита в Освенциме («Могу ли я хотя бы надеяться?»), ответил: *Vous avez droit a' plus que de l'espoir*, то есть «У вас есть право [Ронкалли воспользовался именно этим словом] больше чем на надежду». Между тем запись в дневнике самого папы Ронкалли о визите ученого лаконична, в ней всего пять слов: «Интересный еврей профессор Жюль Исаак».

Папа Ронкалли скончался 3 июня 1963 года, Жюль Исаак — три месяца спустя. Ни один, ни второй не дожили до дня обнародования энциклики *Nostra aetate*, в основе которой лежали и результаты их встречи. Декларация II Ватиканского собора от 1965 года в пункте 4 гласила:

Исследуя тайну церкви, сей Священный собор памятует об узах, духовно соединяющих народ Нового Завета с потомством Авраама. Ибо Церковь Христова признает, что начатки ее веры и избрания обнаруживаются, по спасительной тайне Божией, уже у патриархов, Моисея и пророков. Она исповедует, что на всех верующих во Христа, сынов Авраама по вере, распространяется призвание этого патриарха и что спасение церкви таинственно предызображается исходом избранного народа из земли рабства. Поэтому церковь не может забыть, что она приняла откровение Ветхого Завета через народ, с которым Бог по Своему неизреченному милосердию соизволил заключить древний союз, и что она питается от корня благой оливы, к которой привиты были ветви дикой маслины, то есть языческие народы. Ибо церковь верует, что Христос, мир наш, примирил иудеев и язычников на кресте и из обоих сотворил в Себе одно. Церковь также всегда помнит о словах апостола Павла о сродниках его, «которым принадлежит усыновление, и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти» (Рим. 9, 4–5), Сын Девы Марии. Она помнит также, что в иудейском народе родились апостолы, опора и столпы церкви, как и большинство первых учеников, возвестивших миру Христово Евангелие. По свидетельству Священного Писания, Иерусалим не узнал времени своего посещения. Иудеи в большинстве

своем не приняли Евангелия, а многие из них даже воспротивились его распространению. Тем не менее, согласно Апостолу, ради своих отцов иудеи доныне остаются любезными Богу, Чьи дары и призвание непреложны. Вместе с Пророками и с тем же Апостолом церковь ожидает дня, ведомого одному лишь Богу, когда все народы единогласно призовут Господа и будут служить Ему единодушно (ср. Соф. 3, 9). В силу того что столь велико духовное наследие, общее христианам и иудеям, Священный собор желает беречь и поощрять взаимопонимание между ними и уважение друг к другу, достигаемое прежде всего в библейских и богословских исследованиях и в братских беседах. Хотя иудейские власти и их приверженцы настояли на смерти Христа, однако то, что было совершено во время Его страстей, не может быть огульно вменено в вину ни всем жившим тогда иудеям, ни иудеям современным. Хотя церковь и есть новый Народ Божий, однако иудеев не следует представлять ни отверженными Богом, ни проклятыми, утверждая, будто бы это вытекает из Священного Писания. Поэтому в преподавании катехизиса и в проповеди слова Божия всем следует стараться не учить тому, что несообразно с истиной Евангелия и с духом Христовым. Кроме того, церковь, осуждающая всякие гонения на кого бы то ни было, памятуя об общем с иудеями наследии и движимая не политическими соображениями, но духовной любовью по Евангелию, сожалеет о ненависти, о гонениях и обо всех проявлениях антисемитизма, которые когда бы то ни было и кем бы то ни было направлялись против иудеев. Впрочем, как церковь всегда утверждала и утверждает, Христос по Своей безграничной любви добровольно принял страдания и смерть за грехи всех людей, чтобы все пришли ко спасению. Поэтому проповедующая церковь должна возвещать крест Христов как знамение всеобъемлющей Божией любви и как источник всякой благодати.*

Эти проникновенные слова вызвали неслыханный доселе энтузиазм, взволновали и заставили многих питать надежду на лучшее; они же изменили поведение церкви или, по крайней мере, части ее служителей. Исчезала идущая из античности установка на ненависть к евреям, устранялась концепция о «народе-богоубийце» и отсылки к «подлым иудеям» в ритуальных формулах пасхальных литургий. Впервые и со всей торжественностью признавалось, что христианство родилось во чреве иудаизма. А Христос сам

* Документы II Ватиканского собора. М. : Паолине, 2004. С. 279–281.

был евреем и оставался таковым вплоть до физической смерти на кресте. Энциклика вроде бы действительно ознаменовала новую эру в мучительных отношениях католиков и евреев, «старших братьев», как назовет их Иоанн Павел II при посещении римской синагоги в апреле 1986 года.

Нет никакого сомнения в том, что слова папы Пачелли были чересчур осторожными, а голос — слабым, поэтому он не смог воспрепятствовать стальной воле нацистов по истреблению неугодного им народа. Он сам вполне отчетливо осознавал вероятную неадекватность своих шагов чудовищности бушевавших в мире событий. В разгар войны, в октябре 1941 года, он задал нунцию Ронкалли вопрос, «не будет ли превратно истолковано его молчание по поводу деятельности нацистов».

Впрочем, для всех очевидно, с каким упорством и настойчивостью церковь способна выступать (даже сегодня), когда та или иная тема кажется ей важной в контексте духовной миссии и светских прерогатив. Отчего же Пий XII вел себя с таким, скажем так, «благоразумием»? Первой причиной, как уже было упомянуто, могли стать многовековые предрассудки и враждебность к евреям, интегрированные в процесс обучения в любой церковной семинарии.

Папа и бóльшая часть курии пропитались этой культурой с младых лет, их воззрения на иудаизм были очень негативными: это вероучение воспринималось как матрица христианства, но выродившаяся, упадочная и разложившаяся. Старая религия категорически отказывалась признавать приоритет и непререкаемую истинность новой; иудаизм низводил Иисуса Христа, почитающегося католицизмом в качестве Спасителя человечества, до уровня любого из прочих библейских пророков. Видимо, нацистский антисемитизм в своей ранней фазе нащупал отдельные точки соприкосновения с католической ортодоксией. Разумеется, только в ракурсе ненависти к еврейскому народу. Речь, конечно же, не идет о газовых камерах.

Вторая причина заключалась в том, что масштаб уничтожения многие месяцы недооценивался, поскольку новости были обрывочными, а сам проект нацистов был настолько «новаторским», что звучал неправдоподобно. Слухи, постепенно просочившиеся в Ватикан, поначалу воспринимались как многократно преувеличенные и нелепые. Более того, как точно подметил Ренато Моро в монографии *«Церковь и геноцид евреев»*, правые тоталитарные режимы в Италии, Испании, Германии и Хорватии (где «усташи» католика Анте Павелича замарали себя абсолютно дикими преступлениями) воспринимались Ватиканом с симпатией, ибо он верил (или желал верить),

что в их склонности к оккультизму, мистицизму и парарелигиозной сакральности рано или поздно найдется тот мостик, который приведет их к истинной вере.

Наконец, существовал и вечный конфликт с современностью, громко и скандально возвещенный еще в 1830 году папой Григорием XVI, публично утвердившим тезис о божественном происхождении папства и осудившим демократию, свободу слова и печати, равноправие людей. Одним словом, все отравленные плоды Просвещения, вырвавшие верующих из летаргических объятий привычки подчинения наставлениям церковной иерархии. В этой войне против «марша времен», которая поглотила затем и Пия IX, церковь была гораздо более озабочена свободой нравов, развязным англоамериканским модернизмом и просвещенческим мировосприятием светской Европы, чем сумеречной мистикой Третьего рейха.

Впоследствии стало ясно, что в Германии и католики начали испытывать на себе всю жесткость системы: верующих и священников преследовали, пытали, бросали в лагеря, сажали в тюрьмы, убивали. Не менее десяти тысяч священнослужителей были «допрошены» гестапо, десятки из них погибли. Раздавались многочисленные голоса протеста и призывы к папе услышать их, ведь жертвами Молоха уже становились не только евреи, но и собратья по вере. Но даже в этом случае Пий XII не посчитал нужным повлиять на ситуацию с должной энергией. Опираясь на единодушную поддержку курии, он полагал, что выбор недвусмысленной позиции или хотя бы такая попытка все только усложнит и увеличит риски. Приходилось учитывать возможную схизму немецкого католицизма, в среде которого были сильны патриотические и антисемитские настроения. К тому же нацистская Германия с неоспоримой стойкостью боролась против Советского Союза, преследовавшего церковь и исповедовавшего материалистический атеизм. Из двух зол — если признать, что в Риме полагали их таковыми, — Германия представляла собой, безусловно, меньшее.

Следующий момент, который необходимо принять во внимание, — это колоссальный объем просьб о помощи, поступавших в Ватикан ежедневно со всех концов света. Эти почти всегда отчаянные мольбы доносили до благополучного Ватикана эхо насилия, издевательств, нищеты, разрушений, надругательства над женщинами — всего того, что принесла с собой война. Каждый из этих голосов просил, даже требовал приоритетности в рассмотрении своей беды; в подобной оглушающей какофонии было сложно установить иерархию запросов. И в итоге ужасы холокоста, о точном размахе которого

еще не было никаких сведений, смешались с сотнями других трагедий, порожденных страшным конфликтом, разрывавшим мир на мелкие кусочки.

Поведение Пия XII не изменилось даже после того, как осенью 1942 года стало понятно, что исход войны медленно, но верно склоняется в пользу союзников. Никаких перемен не случилось ни после вступления американцев в Рим 4 июня 1944 года, ни в 1938 году, когда правительством Муссолини был принят ряд расовых законов. После прихода союзных войск эти законы один за другим были отменены. Влиятельный падре-иезуит Пьетро Вентури Такки, в свое время немало потрудившийся над «примирением» папства и фашистского режима Муссолини, написал госсекретарю Мальоне, прося его поспособствовать упразднению лишь тех норм, что дискриминировали перешедших в католичество евреев, а прочие не затрагивать. В общем, рожденные евреями, а после обращенные могли считаться «арианами»*.

Инерция Пия XII перед лицом нацистских зверств параллельно акцентирует внимание и на другом вопросе: а что же делали остальные, то есть союзные державы, сражавшиеся против гитлеровской Германии, и среди них в первую очередь Соединенные Штаты? Ответ известен: они делали мало или совсем ничего по меньшей мере вплоть до января 1944 года. Распоряжение Госдепартамента США требовало от американских консульств не выдавать въездные визы всем тем, чье присутствие на американской территории могло лечь тяжким грузом на плечи налогоплательщиков, соответствующих общественных служб и бизнеса. Ведение войны требовало от США чудовищного напряжения сил, но даже раздутому военно-промышленному комплексу не удавалось поглотить всю незанятую рабочую силу и снизить уровень безработицы.

Шаг за шагом новости о геноциде обретали подтверждение — и тогда эти инструкции были смягчены. К примеру, консулам поручалось уже не только оценивать профессиональные качества претендентов на въезд в страну, но и запрашивать поручительство американских родственников, гарантировавших им пищу и кров. Неадекватные действия в свете столь масштабной трагедии. Вероятно, в них нашел отражение и некоторый антисемитский

* Ариане — первоначально последователи учения пресвитера Александрийского Ария (ум. в 336 г.). Арий в 318 году начал полемику с Александром, епископом Александрийским. По мысли Ария, Бог-Сын не вечен, не существовал до своего рождения, не может полагаться безначальным. Ариане предлагали признать Бога-Сына «частью Единосущего». Это реально приводило к признанию Бога-Отца «сложным, и разделяемым, и изменяемым». Осуждена Церковью как ересь. Любопытно, что итальянское слово ariani может быть переведено на русский язык и как «арийцы».

настрой, наблюдавшийся в США. Президент Франклин Делано Рузвельт (занимавший этот пост с 1933 по 1945 год включительно) был в курсе такого положения вещей, поэтому, создавая комитет по координации действий правительства, приказал назвать его органом помощи «политическим эмигрантам» или «беженцам войны» (War Refugee Board), предпочтя избежать словосочетания «иммигранты еврейской национальности».

Когда в сентябре 1939 года разразилась война, ситуация ухудшилась (хотя, казалось, куда уж больше). Визовая квота, ранее слегка увеличенная, тут же уменьшилась по причине объективных трудностей, порожденных конфликтом, а также из-за боязни легального проникновения в страну шпионов. Ведь, говоря о приеме евреев, подразумевали, что они граждане враждебного государства. Среди разного рода опасностей фигурировало и то, что еврей-иммигрант, родственники которого остались в Германии, мог подвергаться нацистскому шантажу. Такой мотив недоверия прекрасно описан в исключительно точном рассказе «Адресат неизвестен» Кэтрин Крессман-Тейлор.

Оставался еще один закономерный вопрос, задаваемый многие годы: почему англо-американцы, уже зная о существовании лагерей уничтожения, не подвергли бомбардировкам железнодорожные пути, служившие для перевозки депортированных. В те месяцы просьбы об акциях такого рода были многочисленны и настойчивы, но реакция оказывалась неизменно негативной, при этом приводилась уйма обоснований. Конечно, в числе высказанных доводов были вполне объективные — например, баллистические сложности, ведь бортовые системы наведения огня в сороковые годы оставались не слишком развитыми, точность была приблизительной. Поэтому авиационная бомбардировка лагерей могла привести к недифференцированной бойне, где не уцелели бы ни тюремщики, ни узники. Во-вторых, указывалось, что необходимые для удара силы авиации, то есть бомбардировщики, сопровождаемые эскадрильей истребителей, были бы отозваны с театров военных действий именно тогда, когда союзники вкладывали максимум рвения и энергии в достижение решающего перелома и окончательной победы. Неизбежным выводом из такой мотивации был тот факт, что ускоренное приближение конца войны означало спасение многих человеческих жизней, вырванных из лап нацистских палачей.

Последнее обстоятельство, никогда не озвученное, но имевшее место быть, повлияло на это решение: американские политики сопротивлялись необходимости подвергать угрозе жизнь своих солдат ради блага

иностранных граждан. В данном случае снова возобладал старый принцип, согласно которому электоральные интересы везде и всегда ставятся превыше гуманистических идеалов.

В 2008 году те же вопросы были заданы Эли Визелю, выжившему в аду холокоста и награжденному Нобелевской премией мира. Его ответ был таким:

Я много раз просил разных американских президентов объяснить мне, почему Соединенные Штаты, даже располагая сведениями о том, что творилось в лагерях, не сделали ровным счетом ничего для прекращения геноцида. Страх убить ненароком и пленников — старая отговорка. Каждый раз, когда я и мои друзья слышали гул самолетов над нашими головами, мы желали, чтобы посыпались бомбы. Эта смерть была предпочтительнее газовых камер. Да и у союзников была альтернатива — разбомбить железную дорогу в Аушвиц. Это спасло бы жизнь тысячам и тысячам венгерских евреев, сосланных в лагеря уже на излете войны, когда весь мир уже знал о происходивших там ужасах. Я никогда не забуду встречу с тогдашним президентом Всемирного еврейского конгресса Наумом Голдманом, сказавшим мне после войны: «Мы знали, но промолчали». Угрызения совести преследовали его всю оставшуюся жизнь.

Заявить, что Пачелли был филонацистом или обозвать его «папой Гитлера», как провокационно прозвучало название одной книги о нем*, было бы исторически неправильным и тенденциозно полемическим. Истина в том, что Пий XII довольно быстро осознал «дьявольскую» природу нацизма и переживал практически до слез, видя печальную судьбу еврейского народа. Если отставить в сторону обстоятельства, воспитание и сильнейший антикоммунизм в его взглядах, то пассивность понтифика, помимо прочего, проистекала из его темперамента. Он все отчетливо видел, но так и не сумел перепрыгнуть через собственную тень, как гласит немецкая поговорка. Папа предпочел держать свою церковь над схваткой, не вступать ни с кем в альянс, преподнося себя как «духовного отца для всех».

Это был тихий человек, прятавший робость под жречески суровой маской внешнего облика, склонный выполнять свои обязанности с бюрократически-педантичной осторожностью, имевший в своем жизненном багаже образование и карьеру церковного дипломата. Столкнувшись с варварской

---

* Книга Джона Корнвелла «Папа Гитлера». *Прим. ред.*

жестокостью, он попытался успокоить страсти путем осмотрительного посредничества, в том числе потому, что видел в гитлеровской Германии бастион против большевизма. Посол Третьего рейха Эрнст фон Вайцзеккер описывает его так: «Слишком изысканный, чересчур мудрый, чрезмерно благоразумный и дипломатичный, идеальный генерал в отборном штабе, никогда не нюхавший пороха на фронте». Отдельные эпизоды его жизни, включая те, что всплыли совсем недавно, подтверждают прозорливое суждение немца.

Историк Эмма Фатторини откопала очень красноречивый документ, приведенный в ее книге «Пий XI, Гитлер, Муссолини. Одиночество папы». Из него следует, что за несколько дней до своей смерти предшественник Пачелли Пий XI подготовил речь, в которой клеймилась атмосфера лицемерия и повсеместного шпионажа, внедренная в стране фашизмом и затронувшая церковь; там же он со всей провидческой мощью обрушивался с критикой «смертельного и самоубийственного безумия гонки вооружений». Папа Ратти намеревался произнести ее 19 февраля 1939 года, в десятую годовщину примирения, что очень обеспокоило пронюхавших об этой затее фашистских главарей и самого Муссолини. Тяжелая болезнь понтифика свела его в могилу 10 февраля, за девять дней до предполагаемой даты выступления.

Как только жизнь папы угасла, Пачелли, будучи государственным секретарем, приказал немедленно избавиться от оригинала речи, копии которой, однако, сохранились в архивах. Этот жест был вовсе не трусливым. Напротив, волевое решение было продиктовано уверенностью в своей правоте, в том, что он действует во благо церкви в период острейших распрей, когда все отсрочки для неминуемой войны истекли: близился сентябрь 1939 года. Пачелли этим не ограничился. Он приказал не оглашать энциклику *Humani generis unitas*, в которой тот же Пий XI осуждал тоталитаризм всех типов, базирующийся на обожествлении государства, расы, класса (то есть не только большевизм, но и нацизм). Составление энциклики, так никогда и не опубликованной, было заказано папой Ратти американскому иезуиту Джону Лафаржу; она должна была прозвучать окончательным и бесповоротным церковным порицанием антисемитизма и расизма. Ею вводился бы в оборот тезис о единстве человечества. Но Пачелли велел и этот текст спрятать на дальние полки архивов.

Малоизвестная ситуация, которая произошла в 1938 году, хорошо иллюстрирует и подтверждает разницу в характерах Пия XI и его преемника Эудженио Пачелли. За два дня до издания Муссолини законов о защите расы,

то есть 15 ноября 1938 года, папа Ратти отправил в газету «Оссерваторе Романо» критическую заметку по поводу этих постановлений, особенно в части смешанных браков между евреями и христианами. Однако статья была напечатана в гораздо более мягкой версии, чем та, что была подготовлена папой. Через пару дней, после очередного рецидива смертельной болезни, папа спросил, кто посмел приглушить тональность его текста. Пачелли с готовностью ответил: «Это был я». Католический историк Джованни Сале, обнаруживший в ватиканских архивах документы, касающиеся данного события, прокомментировал это так: папа Ратти, обладая более энергичным и пылким темпераментом, «был огорчен расистскими мерами и пребывал в тягостном напряжении до конца своих дней». В противоположность более «дипломатичному» человеку и куда меньшему сангвинику Эудженио Пачелли.

Несхожесть двух понтификов была тотчас же зафиксирована нацистскими секретными службами. Пачелли был избран папой 2 марта 1939 года. На следующий день нацистское посольство в Риме отправило в Берлин доклад, в котором содержалось следующее: «Пачелли не связан с конфронтационной политической линией Пия XI… наоборот, он много раз старался искать компромиссы и выразил нашему посольству свое желание развивать дальнейшие отношения в дружеском ключе». Вот как нацисты воспринимали энциклику *Humani generis unitas*, на оглашении которой настаивал Пий XI: конфронтационная политическая линия. «Политика насилия».

Какими бы мотивами ни диктовалось «молчание» Пия XII, но оспаривать его невозможно. Эта характеристика бросила тень на его исторический облик, скрыв его собственные упущения и недостатки: боязливость, осторожность, предусмотрительность, нерешительность. В такой абсолютной монархии, как католическая церковь, где суверен признается «непогрешимым», любые достоинства и проступки почти по инерции идентифицируются с тем, кто ее официально воплощает. Если проанализировать факты, то очевидно, что поведение различных церковных структур в реальности было довольно-таки правильным, открытым навстречу нуждающимся. Огромному количеству антифашистов и евреев предоставляли кров в монастырях и церквях, а самым удачливым (преимущественно видным католическим функционерам, например Альчиде де Гаспери) — даже в стенах Ватикана. Впрочем, после войны аналогичную поддержку получат уже многочисленные нацистские бонзы и военные преступники, которым были гарантированы новехонькие паспорта и безопасная отправка морем в Южную Америку по так называемому the rat line (крысиному маршруту).

История Пия XII, безусловно, трагична как из-за самой ситуации момента, так и по причине потенциальных эффектов, которые (возможно) повлекла бы за собой более твердая линия. То были годы, когда церковь нуждалась в папе-пророке, способном бестрепетно продемонстрировать миру букву и дух евангельских ценностей, а не дипломатическую изворотливость. Но все было не так. В третьем раунде конклав избрал Пачелли — человека, совершенно далекого от обладания пророческим темпераментом стальной закалки. Голосование было быстрым, но не единодушным. Монсиньор Тардини, соратник Пия XII, так объяснил разногласия, возникшие среди членов конклава: «Кардинал Пачелли — это человек мира, а мир сейчас нуждается в папе войны». Думается, что даже он не мог тогда вообразить, насколько справедливой окажется такая оценка.

В последующие десятилетия, с тех пор как проблема была обозначена, личность Пия XII оценивалась полярно, в этом вопросе всегда существовал широкий спектр мнений. Крайне критической позиции немецкого драматурга Хоххута противостояла слепая защитная реакция церковной иерархии, при этом не учитывались или попросту скрывались объективные факты и доводы, что, конечно же, накаляло дискуссию и не способствовало диалогу.

12 марта 2000 года папа Иоанн Павел II в торжественной атмосфере собора Святого Петра попросил прощения за ошибки и прегрешения христиан в отношении евреев, начиная с рождения Иисуса. Ясно, что при этом он не мог сказать, имелась ли в виду и вина (или, во всяком случае, предосудительный подход) его предшественника Эудженио Пачелли. Так или иначе, но эти слова были восприняты всеми как позитивный шаг, в декабре 2009 года опровергнутый его преемником Бенедиктом XVI, публично заявившим о «героических качествах» Пия XII. Амос Луццатто, почетный президент сообщества итальянских евреев, прокомментировал эту фразу так: «Я не знаю, что подразумевается под “героическими качествами” в теологии. Но общеупотребительное значение слова “герой” — это тот, кто рискует собственной жизнью, чтобы спасти других людей». К папе Пачелли это явно не относилось. Его достоинства были в ином: способный дипломат, благоразумный пастырь, проницательный посредник. А вот героем он не был точно.

XIV. Бесследно исчезнувшая девушка

В конце Корсо Ринашименто располагается беспорядочно-очаровательный комплекс площадей, перекрестков и небольших площадок, свидетельствующих о запутанности урбанистической планировки: пьяцца делле Чинкве Луне, пьяцца Сант-Аполлинаре, пьяцца Сант-Агостино, пьяцца ди Тор Сангуинья. Все эти места известны, но наиболее загадочна здесь, помимо топографии, пьяцца с самым красивым названием — делле Чинкве Луне (Пяти Лун). Кажется, оно происходит от вывески одной местной траттории, где были изображены пять растущих лунных дисков.

Пьяцца ди Тор Сангуинья зовется так потому, что там находилась башня дей Сангуиньи, ныне жилое здание, построенное еще в XIII столетии. Маленькая пьяцца ди Сант-Агостино заимствовала имя у церкви, где хранится прославленная «Мадонна пилигримов» кисти Караваджо; справа от нее — входная дверь в Библиотеку Анджелика, относящуюся к XVII веку, — это один из самых поразительных секретов Рима.

Пьяцца Сант-Аполлинаре тоже получила свое название от имени близлежащей церкви, очень старинной, «архипресвитерианской» (in archipresbyteratu), то есть воздвигнутой протоиереем. Ее основателем был папа Адриан I, посвятивший церковь святому покровителю Равенны. Базилика была перестроена до самого фундамента по желанию Бенедикта XIV (1740–1758), в миру Просперо Ламбертини, родившегося в Болонье и ставшего главным действующим лицом пьесы Альфредо Тестони «Кардинал Ламбертини» (1905 год). Знаменитый своей щедростью, этот понтифик оставил немало примеров собственного эксцентричного остроумия; к примеру, он был не прочь вставлять в свои фразы выражение «Хер ли!»* в утвердительном

---

* В оригинале фигурирует слово cazzo — итальянское вульгарное выражение из запаса ненормативной лексики. Прямой перевод не для печати. *Прим. пер.*

смысле. Просперо Ламбертини активно пользовался этим выражением, будучи кардиналом, не изменил своей привычке и на папском троне. При этом он добавлял: «Я хочу канонизировать это слово, даруя полное отпущение грехов тем, кто произносит его по десять раз на дню».

В общем, папа Ламбертини был понтификом доступным, свойским парнем, грубо говоря, он путешествовал по городам и весям как обычный священник, веселился с простым народом — пополанами — так, будто был одним из них. Многие историки проводят параллели между ним и папой Ронкалли. Именно Бенедикт поручил переделку сооружения гениальному архитектору Фердинандо Фуга (1699–1781). В этой церкви похоронен барочный композитор Джакомо Кариссими, который служил здесь капельмейстером. Но в крипте, о чем я намекал в восьмой главе, покоится и Энрико Де Педис по прозвищу Ренатино, один из боссов пресловутой банды Мальяна. Странное посмертное прибежище для человека, отдавшего всего себя преступному миру: убийства, похищения, наркотрафик, вымогательства. Итогом всему стало то, что его самого пристрелил киллер, нанятый одной из соперничающих группировок: 2 февраля 1990 года он находился на виа дель Пеллегрино, намереваясь кардинально изменить свою жизнь, но времени у него уже не было.

То, что профессиональный преступник исхитрился получить гробницу, достойную понтифика, не должно никого удивлять. Кардинал Уго Полетти, викарий Рима, разрешил сделать это после прочтения письма дона Вергари, экс-капеллана римской тюрьмы Реджина Коэли, в котором, в частности, утверждалось, что «синьор Энрико Де Педис был великим благодетелем бедняков, посещающих базилику, ведь он оказывал конкретную помощь различным религиозным и социальным инициативам… с Вашего согласия семья продолжит активно заниматься благотворительностью». Апология и обещание должны были показаться убедительными или хотя бы достаточными доводами.

Впрочем, если обратиться к истории, исключения такого рода случались и в прошлом, причем всегда благодаря щедрым подношениям. Знаменитая Фьямметта, великосветская проститутка, куртизанка, которую по церковным правилам ожидала могила в «оскверненной земле», сумела добиться погребения в церкви Сант-Агостино, а одна из площадей, расположенных неподалеку (пьяцца Фьямметта), даже обрела ее имя и донесла его до наших дней. В начале XVI века Фьямметта Микаэлис, по происхождению флорентийка, являлась любовницей Чезаре Борджиа — тогда он был кардиналом.

Поговаривали, что в преклонном возрасте она сильно изменилась и во спасение души делала щедрые пожертвования церкви. В *«Диалоге Дзоппино»* (букв. Хромоножки), приписываемом перу Аретино, читаем: «Фьямметта обеспечила себе посмертную судьбу: я видел в Сант-Агостино капеллу в ее честь». Кажется, что, когда она умерла в феврале 1512 года, грехи ей были уже прощены.

Напротив, искупление грозило мало кому из членов банды делла Мальяна, которая на рубеже восьмидесятых годов XX века оказалась замешанной в самые кровавые разборки, оставившие след в хронике терроризма и политики. От убийств до разбоя, все с показательной жестокостью, вплоть до дела банкира Роберто Кальви, трагического похищения Альдо Моро и масштабной коррупции в среде партийных деятелей. Но Ренатино и его сподвижники могли сыграть зловещую роль и в исчезновении пятнадцатилетней Эмануэлы Орланди, героини этой главы. Драма разразилась в солнечный июньский полдень на той самой пьяцца делле Чинкве Луне, имеющей столь колдовское название. Поблизости располагалась музыкальная школа, которую посещала Эмануэла; рядом — папский университет и различные колледжи. Все это пространство экстерриториально, то есть находится вне итальянской юрисдикции. Здесь Эмануэлу Орланди и видели в последний раз, перед тем как она навсегда исчезла: один из самых загадочных фактов криминальной хроники, повлекший за собой последствия международного уровня как по причине таинственной цепочки событий, приведших к трагедии, так и из-за невыясненности ее реальных мотивов.

Итак, Эмануэлу видели в последний раз после полудня в среду 22 июня 1983 года. День начинался обычно, и никто и не мог предположить, что он так трагически завершится. В то время ей было пятнадцать лет с хвостиком в несколько месяцев; она была восхитительна, как почти все девочки, которые начинают превращаться в юных девушек. Она училась на втором курсе лицея научного профиля, оценки были средними, причем восемь баллов в графе «поведение» заставляют думать, что ее мысли занимало что-то иное, к тому же показатели успеваемости Эмануэлы за тот год явно контрастировали с прошлогодними. Часто случается, что подростков в таком возрасте волнуют разные вещи; они ревностно оберегают их от чужих ушей и глаз, неохотно доверяя кому-либо. Что могло беспокоить Эмануэлу?

В целом той особенностью, которая могла сыграть фатальную роль в судьбе девушки, было ее ватиканское гражданство. Семья Орланди состояла на службе у Святого престола почти целое столетие. Дед, Пьетро, служил

конюхом у Пия XI перед тем, как стать в 1932 году служащим — почтальоном папы. Отец, Эрколе, в определенном смысле унаследовал должность и ремесло, поскольку его назначили отвечать за сортировку и распределение папской почты, включая приглашения, конверты, бандероли, дипломатические депеши. В связи с этим семья Орланди (пятеро детей: четыре девочки и один мальчик) проживала в границах Святого престола, в четырехэтажном дворце, обращенном фасадом к маленькой площади Сант-Эджидио; там размещались и другие семьи, а также апостолическая Элемозинерия, ватиканская структура, ведавшая вопросами милостыни и пожертвований.

В ту среду родители Эмануэлы, Эрколе и Мария, отправились во Фьюмичино навестить родственников, намереваясь поужинать с ними и вернуться домой к вечеру. Будучи заботливой матерью, синьора Мария приготовила обед для детей, оставшихся дома.

После 16:00 Эмануэла пересекла Порта Сант-Анна и покинула пределы Ватикана, направляясь к музыкальной школе. Тут нас снова окружают площади и здания, о которых было упомянуто выше. Школа, названная в честь Томмазо Людовико да Викториа, представляет собой одно из подразделений Папского института священной музыки (где, если мне будет позволено вставить биографический фрагмент, я и сам изучал контрапункт и гармонию в начале шестидесятых годов). Школа, которой управляла тогда сестра-монахиня Долорес, примыкала сзади к гигантскому палаццо Сант-Аполлинаре. Эмануэла училась играть на поперечной флейте и пела в ватиканском хоре; одним словом, демонстрировала устойчивый интерес к музыке. Мы не знаем, как она поступила, выйдя через ворота Сант-Анна, охраняемые швейцарскими гвардейцами, — пошла пешком или поехала на автобусе. Она могла выбрать любой вариант, поскольку, если отлично знать маршрут, расстояние, которое требуется преодолеть, не превысит двух километров. Однако у нас есть сведения о том, что на Корсо Ринашименто ее заметили два человека — регулировщик дорожного движения Альфредо Самбуко и сотрудник полиции Бруно Боско, дежуривший перед палаццо Мадама, резиденцией сената Итальянской республики.

Уже первые свидетельства, как это часто бывает, противоречивы. Самбуко заявил, что видел девушку, шедшую со стороны площади делле Чинкве Луне. Это позволяет предположить, если память его не подвела, что Эмануэла пришла пешком и, дабы добраться до школы, выбрала путь по Корсо Ринашименто. И не только. Регулировщик обратил внимание на то, что она остановилась поболтать с тридцатилетним элегантным и стройным

молодым человеком, припарковавшим неподалеку свой зеленый BMW. Он добавил, что этот эпизод относится примерно к 17:00. В одном из выпусков телевизионной программы «Телефоно джалло», на прямой эфир которой я пригласил его через несколько лет, он говорил уже о 19:00. В следующем интервью он признал, что ошибся, и подтвердил свои показания: встреча состоялась в 17:00. Впрочем, в его воспоминаниях были и другие нестыковки. Хотя надо сказать, что в этой истории все смутно, все запутанно, таковым и останется: уже с первых реплик, в силу непредвиденных или (пусть и отчасти) инсценированных обстоятельств, сформировались предпосылки, которые только оттянут окончательную разгадку.

Агент Боско добавил одну деталь к описанию тридцатилетнего элегантного мужчины, приведенному регулировщиком: дословно он сказал, что неизвестный из BMW «общался с девушкой, одновременно демонстрируя ей рюкзак военной расцветки с надписью “Эвон”, содержавший, вероятно, косметику или что-то из парфюмерии». Как подметил Пино Никотри в своей книге *«Правда об Эмануле Орланди»*, образцы продукции такого типа и ранец защитного цвета плохо сочетаются между собой.

Совершенно точно мы знаем, что около 19:00 Эмануэла, ушедшая с урока музыки пораньше, позвонила домой. В отсутствие еще не вернувшейся матери она поболтала с сестрой Федерикой, сообщив ей, что получила от неизвестного предложение о работе. Речь шла о «раздаче косметики во время модного показа ателье класса люкс “Фонтана” в салоне Борромини на корсо Витторио Эмануэле» за вознаграждение в 375 000 лир. Но и этот фрагмент истории не выдерживает критики. Такая большая сумма за два-три часа работы кажется невероятной, если только цифра не была приманкой, за которой скрывалась ловушка. Обман заподозрила и Федерика, посоветовавшая сестре бросить эту затею и идти домой.

Примерно в 19:00 другая студентка, Раффаэлла Монци, присоединилась к Эмануэле и составила ей компанию в ожидании появления таинственного мужчины из BMW. Прошло полчаса, Раффаэлле нужно было возвращаться к себе домой, и она села в автобус. Из окошка она успела заметить, что какая-то женщина беседовала с Эмануэлой. Ее личность так никогда и не была идентифицирована.

Утром в четверг 23 июня Наталина, старшая сестра Эмануэлы, подала заявление о пропаже девочки в инспекторат общественной безопасности при Ватикане. В документе она уточнила передвижения и расписание сестры согласно схеме, приведенной нами вкратце. Вечером того же дня Иоанн

Павел II возвратился в Рим после своей второй поездки в Польшу. Некоторые члены его свиты рассказывали о некой нервозности, охватившей тех, кто его сопровождал. Ходили слухи о новом покушении, которого всерьез опасались, но правдоподобна и другая версия, состоявшая в том, что это было спровоцировано известием об исчезновении юной гражданки Ватикана.

Для полного понимания всей истории, помимо трагедии юной девушки и горя ее родных и близких, нужно вспомнить, в какой напряженной, лихорадочной политической атмосфере произошло «похищение» Эмануэлы.

Первый аспект касается того факта, что папа-поляк именно в те дни совершил свой второй визит на родину после 1979 года, когда в Москве с тревогой и гневом ощутили открыто брошенный вызов. В Польше руководство католического профсоюза «Солидарность» было временно заключено в тюрьмы по приказу генерала Войцеха Ярузельского. На это польский президент был вынужден согласиться после жесткого советского давления; ему было прямо рекомендовано помешать посещению понтификом страны. Москва опасалась того, что потом неминуемо могло произойти: массовые народные манифестации, где антикоммунистический и антисоветский политический компонент превалировал бы гораздо более ощутимо над религиозным.

Курия разделилась по вопросу, какую линию следует проводить в отношении СССР и советского блока. Госсекретарь Агостино Казароли и «министр иностранных дел» Акилле Сильвестрини, помнившие о завете папы Павла VI, предпочитали диалектику мягкого подхода, схожую с Ostpolitik (Восточной политикой), когда-то провозглашенной в ФРГ канцлером Вилли Брандтом. Напротив, папа Иоанн Павел II был убежден, что сумеет подтолкнуть к падению в пропасть режимы, опирающиеся на Москву, начиная с того, что сжимал в тисках его Польшу. Он осознавал, что у него предостаточно энергии, харизматичности, ясности мировоззренческих установок и финансовых средств, к тому же пора было сделать шаг навстречу духу эпохи, уже созревшей для решительного поворота. Это была долговременная стратегическая партия, исход которой сегодня очевиден всем: сперва падение Берлинской стены осенью 1989 года, затем, в 1991 году, развал Советского Союза. Неужели эти грандиозные перемены и правда были связаны с пропажей в Риме пятнадцатилетней девчушки?

Второй аспект относится к покушению на Иоанна Павла II на площади Святого Петра 13 мая 1981 года, когда турок Мехмет Али Агджа дважды выстрелил в него из револьвера, тяжело ранив. Изменись траектория пули всего на пару миллиметров — и один из выстрелов повлек бы за собой смерть.

Некоторые верующие поговаривали о чуде. Фотограф ватиканского ежедневника «Оссерваторе Романо» Артуро Мари за три дня до того сделал несколько снимков папы, посещавшего один из римских приходов. Позднее заметили, внимательно просмотрев изображения, что уже тогда с толпой смешался турецкий убийца или как минимум его двойник.

Третий аспект связан с другой молодой римлянкой, Миреллой Грегори, сверстницей Эмануэлы, дочерью владельцев бара на виа Вольтурно, также пропавшей из дома за пару недель до того, 7 мая 1983 года. Оба прискорбных случая были объединены прессой в двойное похищение с применением насилия с целью освобождения турецкого киллера или же с принуждением белых женщин к проституции в восточных гаремах. Судьбы Миреллы и Эмануэлы очень различаются. Они обе весьма драматичны, но лежавшие в основе их похищений причины несхожи. В этом, видимо, убедилась судья Аделе Рандо, долгие годы анализировавшая оба дела. В следственном заключении от 1997 года она объявила о том, что верит в гипотезу об «искусственном наложении исчезновения Миреллы на пропажу Эмануэлы, вероятно, с целью многократно усложнить расследование дела последней, превращая его по возможности в еще более запутанное и сложное».

Мы не знаем, в сущности, взаимосвязаны ли истории этих двух девочек. Разумеется, к Эмануэле было еще долго приковано внимание, в том числе из-за недавних открытий. Поэтому на ней и сосредоточится наше повествование. Если придерживаться логически обоснованной гипотезы, пусть и лишенной объективных доказательств, можно сказать, что вереница улик, сплетен и слухов о ее исчезновении, за которым, скорее всего, последовала смерть, была прихотливой игрой различных персонажей, заинтересованных в том, чтобы отсрочить раскрытие тайны или извлечь для себя пользу. На эту тему существуют великолепные книги, исследующие самые разнообразные допустимые мотивы и побуждения. Перед тем как углубиться в эти версии, я попытаюсь изолировать отдельные моменты и действующих лиц, а заодно разобраться в паутине слухов и догадок, будто нарочно сплетенной разными прихотливыми умами, экспертами по коммуникациям и контринформации (подчас вытекающей из самого дела), а не только профессиональными преступниками.

Одним из протагонистов этого дела, пусть и фиктивным, долго считался турок Мехмет Али Агджа, приговоренный к тюремному заключению за покушение на папу и освобожденный условно-досрочно 18 января 2010 года в Анкаре. Разные версии, выдвинутые им для объяснения мотивации его

поступка или судьбы Эмануэлы, сами по себе являются доказательством двусмысленности, двойственности, к которой привели темные побуждения или иррациональные расчеты.

Судье Агджа поведал, что в случае ареста у него и его сообщников был разработан превентивный план, чтобы пустить по ложному следу сыщиков, разбавив крупицы истины обильной порцией лжи. В ходе судебного заседания он заявил, что Эмануэла была похищена нелегальной масонской ложей «П-2», возглавлявшейся Личио Джелли: «Эти люди знали, что я реинкарнация Иисуса Христа. Они хотели внедрить меня в Ватикан и манипулировать мной, как послушным инструментом…» Пару дней спустя он отрекается от своих слов: «Я впутал сюда “П-2”, так как Эмануэлу захватили “Серые волки”* и болгары. Они требовали, чтобы я максимально запутал процесс и дискредитировал западную прессу, громко обвиняющую СССР и Болгарию в потворстве международному терроризму».

Через семь лет после пропажи Эмануэлы Агджа подтвердил, что опознал в некоем Атесе Бедри, турке, заключенном французской тюрьмы Пуасси, своего друга Орала Селика, который будто бы и организовал похищение девушки. В 1993 году в интервью Антонио Фортикьяри для еженедельника «Дженте» он утверждает, что похищение было частью международного заговора против Ватикана, а девочка была лишь наживкой, то есть подстраховкой в деле постыдного шантажа церкви. Возможность такого поворота событий, густо приправленная абсурдными измышлениями, тогда прошла почти незамеченной. Последние находки следствия придают ей интересную достоверность, пусть и базирующуюся на несколько иных соображениях.

В 1997 году в письме к судьям Импозимато и Мартелла Агджа вернулся к предыдущей версии. Он пишет, что его заказчиками и вдохновителями на самом деле были советские секретные службы (КГБ СССР) и болгары, а похищение требовалось для оказания давления на следствие и его освобождения после ареста. В тот же период он обращается и к Эрколе Орланди, заверяя, что с его дочерью «все в порядке, ее физическая и моральная неприкосновенность абсолютно гарантированы». Ранее он говорил, что девушка мертва; затем утверждал, что обе девочки, Мирелла и Эмануэла, живут в Лихтенштейне: «Обеих никогда не похищали, они находятся в Лихтенштейне. Это не более чем международная интрига».

---

* «Серые волки» — боевые группы молодежной организации турецкой Партии национального действия. Турецкая террористическая группировка.

Следователь Розарио Приоре установит полную ненадежность показаний этого человека, добавив, что «с такого рода персонажем ни один процесс не выстроить». Единственным достоверным фактом в этом нагромождении лжи и фантазий, частично просчитанных до мелочей, частично порожденных воспаленным воображением, было то, что турецкий киллер стремится держать следствие на коротком поводке, сшивая кусочки истины, обрывки фраз, подслушанные или подсмотренные исподтишка в газетах, расплывчатые обещания, позволяющие ему как можно дольше быть в центре внимания. Может быть, он боялся, что, как только о нем забудут, с ним произойдет какой-нибудь неприятный инцидент? Мы не знаем, какого плана была правда, поведанная им папе 27 декабря 1983 года во время их конфиденциального разговора, состоявшегося в тюрьме Ребиббиа. При условии, конечно, что он сам знал эту правду.

Другим действующим лицом был сам папа Иоанн Павел II, который, как мы видели, вернулся из Польши в тот самый день, когда было заявлено о пропаже Эмануэлы. Через несколько дней, в воскресенье 3 июля, появившись публично на своем балконе, обращенном к площади Святого Петра для произнесения молитвы «Ангел Господень», понтифик скажет такие слова: «Я хотел бы выразить живое участие и сочувствие близкой мне семье Орланди, скорбящей по дочери Эмануэле, которая с 22 июня так и не возвратилась домой. Мы не теряем надежды на человечность тех, кто несет ответственность за это деяние». Слова непредусмотрительные, из них можно заключить, что Эмануэла не ушла добровольно, а именно была похищена. До этого никто о таком повороте событий даже не намекал. Слова недостаточно хорошо продуманные и отшлифованные, что не ускользнуло от чутких ушей спецслужб и зарубежных разведок, в частности Штази*, внешнюю разведку которой возглавлял в то время блестящий Маркус Вольф по прозвищу Миша, очутившийся, в частности, на страницах романов Джона Ле Карре под именем Карла.

Почему папа и осторожнейшая, хладнокровная ватиканская дипломатия, всегда такая сдержанная и уклончивая, допустили подобную ошибку? Или же ее стоит трактовать как преднамеренное действие? Была выдвинута гипотеза, что данными словами — вне зависимости от того, осознавал это понтифик или нет — намеревались скрыть истинную причину исчезновения

* Штази (нем. Stasi) — Министерство государственной безопасности (нем. Ministerium für Staatssicherheit) Германской Демократической Республики (ГДР), контрразведывательный и разведывательный (с 1952 года) государственный орган ГДР.

Эмануэлы: увести внимание в сторону от возможного преступления или некоего позорного инцидента в ватиканских апартаментах.

Семью Орланди (равно как и семью Грегори) месяцами атаковали анонимными звонками. Голоса неизвестных, говорившие от собственного имени или от лица каких-то организаций, предлагали сделки, обмен, переговоры, выставляли условия за освобождение девочек. Анонимные собеседники порой выражались на хорошем итальянском языке, с безупречным произношением, иногда, напротив, с четким, псевдоиностранным акцентом, по мнению следователей, специально имитируемым. Но никто никогда так и не доказал, что мог в самом деле распоряжаться свободой Эмануэлы. Никто не смог просто убедить родителей в том, что она до сих пор жива. Максимум, чего удалось добиться от звонивших, это фотокопия пропуска в музыкальную школу, квитанция об оплате взноса за экзамен и рукописная фраза «С любовью, ваша Эмануэла». Эти документы могли быть у нее — живой или мертвой — украдены или же вытащены из архивов секретариата школы. Во время одного из таких диалогов анонимный голос со смехотворно-слащавым американским акцентом обменялся такого рода репликами с родственником девушки:

Собеседник: Ну что же, слушайте хорошенько вот эту запись.

Родственник: Да, пожалуйста, Вы мне только дайте ее послушать.

Собеседник: Вслушивайтесь тщательно, всего пару мгновений… там Ваша дочь.

Родственник: Да, включайте же.

Собеседник: Okay, one moment… All right, let’s go, let’s go*.

Голос девушки: национальная школа-интернат Витторио Эмануэле II. Я должна перейти на третий курс в следующем году; национальная школа-интернат Витторио Эмануэле II. Я должна перейти на третий курс в следующем году; национальная школа-интернат Витторио Эмануэле II. Я должна перейти на третий курс в следующем году [и так далее семь раз подряд].

Кроме того, был проведен детальный анализ целого ряда сообщений, распространенных кем-то в те же дни. Доклад итальянских спецслужб за ноябрь 1983 года описывает их предполагаемого автора следующим образом: «иностранец, вероятно, из англосаксонской среды», с «высочайшим интеллектуальным и культурным уровнем», выучивший итальянский язык только после курса латыни; неплохой знаток Рима, проинформированный

---

* О’кей, один момент… Отлично, поехали, запускаю запись (англ.)

об итальянских юридических нормах, осведомленный о логистической организационной структуре Ватикана и «принадлежащий (или примыкающий) к миру церкви». Фактически фоторобот.

Однажды в миланское новостное агентство ANSA было доставлено сообщение за подписью «Драгана», написанное на корявом и весьма приблизительном итальянском языке. В частности, оно гласило: «Эмануэла была хорошей девочкой, мы хотели ее спасти, но вы повели себя плохо. Как она того не заслуживала. Ее тело вы, наверное, никогда не найдете, но этот Ализ был безжалостен, он не может быть турком, ибо мы, турки, не убиваем, мы добрые. Эмануэла всегда плакала, хотела вернуться домой, грустила и переживала, несколько раз пыталась сбежать, а Ализ ее колотил, а ведь бить такое нежное создание нельзя. Меня зовут Драган и я из Славии, поэтому я не понимаю этого выродка Ализа, зачем он убил Эмануэлу, сейчас я сваливаю с Миреллой…» и тому подобное.

Перед нами столь грубо исковерканный стилистически итальянский язык, что это кажется нарочитым. Тот, кто высказывается столь элементарным, рудиментарным образом, явно не может писать comprendo* вместо общепринятого capisco или же вставлять слово bastardaggine**, крайне трудное и встречающееся редко.

Похоже на группу болтливых хвастунов, желающих выловить рыбку в мутной воде. В своей обличительной речи заместитель прокурора Джованни Малерба напишет: «В ход дела вклинились мифоманы, экстравагантные фантазеры, лозоискатели, медиумы, провидцы, пророки, мошенники, плуты, шакалы всех мастей, заключенные и скрывающиеся от правосудия, ищущие для себя процессуальных преимуществ и выгод». В реальности ситуация была еще более запутанной. В темную интригу оказались вовлечены и двое иностранных журналистов. Первый, Ричард Рот, римский корреспондент американского телеканала CBS, получил из Бостона конверт. Авторы послания требовали выпустить нескольких турок, в том числе Агджу, в обмен на освобождение Эмануэлы. Согласно экспертизе другого судьи, Доменико Сика (многочисленные представители судебной власти курировали этот вопрос в течение целого ряда лет), сообщение аутентично и, что принципиально важно, его автор демонстрирует осведомленность о содержании

* Comprendo и capisco означают одно и то же — «понимаю», но первое слово более свойственно формализованной, бюрократической, «культурной» речи.

** Bastardaggine — выблядок, выродок, сучье отродье (итал., вульг.).

письма родственников Миреллы президенту Италии Сандро Пертини. Значит, здесь действовали уже не жалкие мифотворцы, а профессионалы, имеющие доступ к конфиденциальным сведениям.

Вторым вовлеченным в дело представителем иностранных СМИ стала американка Клер Стерлинг, журналистка и писательница, эксперт по итальянской тематике. Ее статья, опубликованная в «Нью-Йорк таймс», анализирует гипотезу, которая подспудно циркулировала повсюду: вся операция была организована болгарскими спецслужбами по заказу Советского Союза. Логический фундамент этой версии базировался на заинтересованности Москвы и восточноевропейского блока в дестабилизации власти Иоанна Павла II до того, как он расшатает коммунистическую систему в Европе. Клер Стерлинг, безупречный профессионал, проявила здесь такой ярый антикоммунизм, что навлекла на себя подозрения в связях с ЦРУ, впрочем, так никогда и не доказанных.

Однако неопровержимо то, что в определенный момент в игру вступили спецслужбы ГДР, точнее X департамент Штази, занимавшийся дезинформацией. 4 августа в миланское агентство «Аста» доставили заказное письмо с уведомлением о вручении (sic!) за подписью так называемого «Фронта турецкого антихристианского освобождения Turkesh (Туркеш)». Читаем в нем: «Эмануэла Орланди, наша пленница, будет казнена в христианский день 30 октября. Как вы знаете, это дата капитуляции нашей священной и непобедимой страны в милостивый к вам год 1918-й…» и так далее. Опять же итальянский оригинал намеренно безграмотен и отсылает читателя ни много ни мало к концу Первой мировой войны.

Представители турецкого посольства в Италии поспешили заверить общественность, что никакого «Фронта Туркеш» нет в природе. Невзирая на это, нашлись некоторые, в том числе ряд родственников Эмануэлы и двуличный адвокат семьи Орланди (выбранный и оплаченный итальянскими спецслужбами), кто поверил «заказному письму». Действительно, позже появятся и другие послания от этого таинственного антихристианского фронта. Когда ГДР вместе с остальным коммунистическим миром канет в небытие, полковник Гюнтер Бонсак, адъютант Маркуса Вольфа, признается репортеру газеты «Ла Репубблика», что упомянутый X департамент Штази был вовлечен в операцию «Папа (римский)», то есть нужно было сфабриковать турецкий след, чтобы вывести из-под удара Болгарию, союзную и дружественную страну.

Другой загадочный участник все более усложняющегося дела — это некая «Группа Феникс». Ее члены, кем бы они ни были, подбрасывают послание,

где утверждается, что Эмануэла была убита; к сообщению присовокуплялись кое-какие лицемерно-моралистические соображения, похожие на это: «Безмерна вина причинивших вред юной жизни». Через пару месяцев вновь возникает «Фронт Туркеш», диктующий условия, на которых девочку могли бы отпустить, тем самым намекалось на то, что она еще жива. Спустя несколько недель объявилась третья организация — НОМЛАК, итальянский акроним, расшифровывающийся как Nuova Organizzazione Musulmana per la Lotta Anticristiana (Новая мусульманская организация по антихристианской борьбе), написавшая: «Девушка не в руках у “Фронта турецкого антихристианского освобождения Turkesh”, она находится в Европе…» Не будь это трагедией и не исчезни Эмануэла в самом деле, все происходящее напоминало бы дурной фарс, но, надо признать, он был состряпан столь искусно, что ситуация сделалась совсем необъяснимой.

Ни одна из этих фантомных группировок так никогда и не представит ни единого доказательства в пользу того, что Эмануэла жива и остается их заложницей, — ведь это было бы естественно, если бы речь шла именно о похищении, да к тому же с политической подоплекой. Судья Аделе Рандо в заочном приговоре напишет (с «обоснованной убежденностью»), что политический и террористический мотив был «только ловкой диссимуляцией, направленной на сокрытие настоящей побудительной причины этого преступления — похищения Эмануэлы Орланди… после семи лет расследования результат заключается в том, что политико-террористическая мотивация лишена какого бы то ни было основания». Другой прокурор, Северино Сантьяпики, главный эксперт и председатель трибунала, объявит: «Пропажа Эмануэлы Орланди не имеет ничего общего со всем тем, что в дальнейшем увязали с ней».

Еще одна, коллективная, скажем так, «героиня дела» — это ватиканская иерархия. Многие следователи и судьи подчеркивали, что со стороны Святого престола не было оказано никакой помощи. Более того, чаще всего следователи натыкались на недомолвки и помехи. В феврале 1994 года судья Аделе Рандо заслушал свидетельские показания префекта Винченцо Паризи, заместителя директора СИСДЕ (итальянской спецслужбы по информационной и политической безопасности), сообщившего, что ему довелось повстречаться с монсиньором Дино Мондуцци, управляющим Папского дома, учреждения курии, в котором работал Эрколе Орланди. Встреча состоялась в июле 1983 года (то есть вскоре после исчезновения Эмануэлы) и оставалась под грифом «секретно» свыше десяти лет.

О чем же рассказал Паризи? «Ощущалась постоянная сдержанность Святого престола, фактически мешавшего осуществлению каких-либо следственных действий… что исключало наличие у Святого престола воли к сотрудничеству во имя прогресса в расследовании». И добавил дословно: «Я полагаю, что дознание и следственные мероприятия по данному вопросу были затруднены из-за сохраняющейся преграды между Италией и Святым престолом; вся эта история характеризуется обильными вбросами дезинформации, очевидно, с целью ввести в заблуждение следователей, оставив их в неведении и сомнениях». Судья тоже проанализировал данный факт и в своем постановлении указал на то, что все заявления совпадали «с постепенно зреющей уверенностью в этом» со стороны прокуратуры.

Вместе с тем итальянские судебные органы направили ряд международных запросов «компетентным судебным властям» государства Ватикан, однако все они, с разными формулировками, так и не получили четких ответов. Что же до монсиньора Мондуцци, все-таки допрошенного после долгих проволочек, то он ограничился тем, что категорически опроверг какие-либо встречи с Паризи. К тому времени префекта уже не было в живых, а потому парировать это заявление он не мог. Заместитель прокурора Джованни Малерба в своей речи тоже упомянул о свидетельстве Паризи, воспроизведя его точную фразу: «Я полагаю, что дознание и следственные мероприятия по данному вопросу были затруднены из-за сохраняющейся преграды между Италией и Святым престолом; вся эта история характеризуется обильными вбросами дезинформации, очевидно, с целью ввести в заблуждение…»

На практике все итальянские структуры, так или иначе занимавшиеся этим делом, — государственные министерства, следователи, начальники спецслужб — столкнулись с недостаточным уровнем взаимодействия со стороны Ватикана. В оправдание своего отрицательного ответа на один из запросов, к примеру, ими была приведена такая формулировка: «Ни одно судебное расследование не было проведено ватиканскими органами в отношении событий, произошедших за пределами территории государства», то есть в Италии. Руководством Ватикана даже не была создана специальная прямая телефонная линия, чтобы «похитители» могли в короткие сроки выйти на контакт с теми, кто сумел бы их квалифицированно выслушать и передать на рассмотрение компетентных лиц их возможные требования.

К многочисленным актам прилагается свидетельство, подтверждающее полное нежелание сотрудничать в данном вопросе. Это запись телефонного разговора от 12 октября 1983 года, который состоялся в 19:53 между

человеком, называемом «Шеф», и Раулем Бонарелли, человеком номер два в ватиканской полиции, — на следующий день ему предстояло дать показания в итальянской прокуратуре. Вот отрывок из этой беседы:

Шеф: Алло!

Бонарелли: Да, слушаю…

Шеф: Что ты знаешь об Орланди? Ничего!.. Мы ничего не знаем!.. Мы в курсе только из газет или новостей, принесенных извне!.. Ничего о факте, который за рамками компетенции… итальянского правосудия.

Бонарелли: Ааа, что же я должен им сказать?

Шеф: Ну, ладно… итак… что мы об этом знаем? Если ты скажешь: «Меня никогда не допрашивали»… Офис проводил внутреннее расследование… не говори, что это дошло до Государственного секретариата.

Бонарелли: Нет, нет… Мы, я про внутренние дела ничего не должен говорить. Ничего и никому.

Шеф: Что же до внешних… это было ватиканское ведомство… если уж их интересует именно оно… между ними вся эта… Ничего не говори, понял, ничего из того, что тебе известно, ничего!

Бонарелли: Это они мне и говорят, однако, если я служащий Ватикана, и по тем обязанностям, что я выполняю, не знаю, меня идентифицируют, выяснят, кто я…

Шеф: Ну, они узнают, поскольку ты несешь службу, совершаешь обходы, отвечая за безопасность Ватикана, слоняешься то тут, то там.

Бонарелли: Эх, хорошо, тогда завтра утром я иду дать показания, а после возвращаюсь, все верно?

Шеф: Да-да, потом приходи.

В одном из своих публичных выступлений Иоанн Павел II среди прочего обронил фразу: «Я вновь выражаю родителям Эмануэлы сочувствие из-за их драмы. Со своей стороны я могу заверить, что мы пытаемся сделать все, что в человеческих силах, для счастливого разрешения этой скорбной истории. Пусть Господь сделает так, чтобы за тревогой этих дней наконец последовала радость объятий девушки с ее близкими». Нам неизвестно, насколько папа был осведомлен о шагах своих подчиненных. И, само собой, сказанные им слова «мы пытаемся сделать все, что в человеческих силах» совершенно расходятся с реальностью.

Впрочем, подобное поведение Ватикана, которое уводило итальянские судебные органы в другую сторону, было замечено и в ходе расследования покушения на самого папу. Завершая трудный этап предварительного

следствия, прокурор Розарио Приоре жаловался, что «запросы [судебным структурам Ватикана] не дали желаемых результатов… поскольку нередко на совокупность вопросов следовали краткие отрицательные ответы… тем самым часто демонстрировался формализм, в то время как отношение могло и должно было быть принципиально иным, особенно к таким темам первостепенной важности».

Любопытное свидетельство представил кардинал Сильвио Одди. В интервью римской ежедневной газете «Иль Темпо» в июле 1993 года он привел такой эпизод: «Эмануэла тем днем [в день исчезновения] после урока музыки вернулась домой в Ватикан. Ее видели садившейся в роскошный автомобиль… думаю, водитель не въезжал в пределы Ватикана, боясь быть узнанным швейцарской гвардией. А вот девушка прошла мимо швейцарцев и направилась к дому, где задержалась на какое-то время. Потом вышла, нырнула в салон машины и уехала прочь».

Итак, мужчина за рулем автомобиля был известен в Ватикане, поскольку боялся, что гвардейцы узнают его в лицо. Через несколько недель в интервью телевизионной программе «Миксер» кардинал добавил: «На мой взгляд… случай Эмануэлы встраивается в ту цепочку похищений девочек и девушек или помощи им в том, чтобы уехать в благоприятную среду, где им будет хорошо, где они станут богатыми и выйдут замуж за состоятельных людей, получив очень много денег… Я считаю, что фундамент всей истории таков». Кардинал был еще более откровенен в новом заявлении, опять же для «Иль Темпо»: «Эмануэла Орланди, согласно ряду свидетельств, собранных мною, могла оказаться в каком-нибудь эмирате или у какого-то шейха, если правда то, что эти зажиточные и ненасытные мусульмане заказывают похищения европейских девушек, дабы влить свежую кровь в свои гаремы».

Аналогичные признания и соображения Одди допускал и в частном порядке, причем таким тоном, будто речь шла о реально случившемся эпизоде, а не о выдумке. К сожалению, заговорить он решился только десять лет спустя. Если бы он пошел на это сразу, то его намеки стали бы ценной подсказкой. Тем более что в актах расследования по делу Орланди есть среди прочих документов и анонимное письмо, адресованное «Доктору Аделе Рандо, прокуратура Республики Рим», где фиксируется похожий эпизод или же просто подозрение. Отправленное из Ватикана в октябре 1993 года, послание имеет подзаголовок «Свидетельство, полученное на исповеди». Вот текст:

Автомобилем, который ночью 22 июня 1983 года увез Эмануэлу Орланди, управлял [имя и фамилия известного прелата], в настоящее время являющийся [должность прелата]. Он привез ее в Чивитавеккью, где они провели ночь вместе, утром он привез ее обратно в Рим, в район Пирамиды [Цестия], но домой она не возвратилась, боясь гнева родителей. Здесь исповедь завершилась. Я знаю, что [имя монсиньора] чрезмерно увлечен плотскими соблазнами, чтобы быть священником, к тому же он всегда проворачивал аферы с людьми, не слишком достойными… естественно, я не могу назвать свое имя, будучи священнослужителем.

Анонимным письмам доверяют только в тех случаях, если имеются объективные совпадения, здесь же их нет вовсе. Поэтому данный документ процитирован мною лишь по той причине, что он фигурирует в актах расследования и совпадает, в сущности, с воспоминаниями кардинала Одди, равно как и со слухами, «ходившими» в народе по поводу причин пропажи Эмануэлы.

Каковы были эти сплетни, можно догадаться из более или менее прямых аллюзий, проскальзывающих в обрывках документов и процитированных свидетельствах. Бедняжка Эмануэла, настойчиво повторяли тут и там, внезапно умерла на свидании с высокопоставленным прелатом. Тогда встала проблема, как избавиться от трупа, не спровоцировав скандал. Это повлекло за собой вмешательство профессиональных гангстеров, привыкших разрешать ситуации такого сорта.

Все остальное — международные заговоры, шантаж, спецслужбы — было не более чем прикрытием для того, чтобы взбаламутить воду и перекрыть следствию возможность беспристрастно реконструировать факты. Общим местом всех разговоров было утверждение, что ватиканская иерархия сладострастна и похотлива, причем преуспела в этом не меньше, чем в политических и придворных интригах. Но начиная с какого-то момента эту гипотезу вытеснила иная, долгое время маячившая на заднем плане. И тут возникла принципиально иная версия событий. Тоже гипотетическая, само собой, но обогащенная рядом интереснейших деталей.

В июне 2008 года Сабрина Минарди, женщина примерно шестидесяти лет, ставшая в восьмидесятых годах любовницей бандита Ренатино Де Педиса, изложила следователям свою собственную правду, развернув перед ними сценарий похищения Эмануэлы, до той поры серьезно не принимавшийся в расчет. Жизнь Минарди, родившейся в очень бедной семье, была

авантюрной, полной приключений. Первым браком, когда ей было слегка за двадцать, она сочеталась с Бруно Джордано, футболистом клуба «Лацио», в свое время прославленным бомбардиром. Любовь, вспыхнувшая в переулках Трастевере, порадовала, как принято говорить, эту пару дочерью Валентиной в 1981 году.

Итак, Сабрина не просто весьма симпатична, но обладает именно тем типом красоты, что нравится мужчинам и воспламеняет в них желание. Однако она ревнива и не дает спуску мужу. Бруно тоже хорош собой, да еще и регулярно появляется на обложках глянцевых журналов в компании звезд экрана. Напряжение растет, трения между супругами увеличиваются, брак распадается. Однако же Сабрина, дочь зеленщицы, уже вкусила сказочной жизни, которая, как она думала, существовала только в сказке: роскошные гостиницы, рестораны и автомобили класса люкс, драгоценности, шампанское в ведерке с кусочками льда… Бросив мужа, она пытается сохранить тот же стиль жизни с помощью наркотиков и проституции. Полиции она сознается: «Я знала, как приглянуться мужчинам, и заработала своим телом много денег».

Затем весной 1982 года в ее жизни происходит кардинальный поворот; сидя с подружками в пиано-баре «Ла Кабала», неподалеку от пьяцца Навона, она получает на свой столик букет алых роз и бутылку шампанского. Жест старинных кавалеров и современных гангстеров. Последнее было ближе к истине. Энрико Де Педис, прозванный Ренатино, заметил ее и сейчас широко улыбается ей, расписываясь в том, что этот подарок — от него. Он возглавляет банду делла Мальяна, хотя ей из осторожности представляется владельцем сети супермаркетов. Впоследствии в телевизионной программе «Кто это видел?» Сабрина скажет: «Он обращался со мной, как с ребенком, водил в сауну “Гранд Отеля”, мы жили точь-в-точь по фильму “Крестный отец”. Он мне дарил тысячи разных вещиц, включая сумочки “Луи Виттон”, набитые банкнотами по сто тысяч лир, и говорил при этом: “Потрать их все, если ты вернешься домой, не спустив их на покупки, я тебе не открою дверь”. Я шла в бутики “Булгари”, “Картье”, платила наличными за две пары золотых часов, продавцы полагали, что это была не иначе как добыча от налетов. Но я их успокаивала, твердя: “Мне дает их муж; вы знаете, он человек экстравагантный…”»

Пылкая страсть, кокаин, опасные связи, порой довольно-таки темные делишки. Этот авантюрный сериал длится до ноября 1984 года, когда Ренатино был арестован. Конец авантюре; неуклонный упадок Сабрины начинается в тот самый момент, когда Ренатино выпускают из тюрьмы, а горячая

смесь любви, наркотиков, рискованного сообщничества перестает производить эффект, хотя внешне кажется, что история продолжается. В 1989 году, после семи лет таких отношений, Сабрина узнает, что ее Ренатино женился на женщине вне своего круга, не сказав ничего об этом своей верной подруге. Она сбегает в Бразилию, затем возвращается в Италию. Де Педис звонит ей сам, его брак близок к краху; он предлагает Сабрине сменить обстановку, съездить, к примеру, в Полинезию, короче, быть вместе, начать с чистого листа. Она довольна, но времени на осуществление замысла уже не остается. Утром 2 февраля 1990 года, во время разговора с антикваром на виа дель Пеллегрино, Энрико Де Педис был застрелен двумя убийцами, промчавшимися мимо него на ревущем мотоцикле.

Потом Сабрина нашла в себе силы избавиться от наркотической зависимости в реабилитационном центре, хотя алкоголь и наркотики все-таки значительно повлияли на ее внешность и память. В том, что касается нашей истории, остается вопрос: можно ли доверять свидетельству этой женщины, поскольку жизнь она вела беспорядочную и решила раскрыть секрет больше чем через двадцать лет после описываемых событий. Журналистка Рита ди Джоваккино в своей книге *«Истории высокопоставленных прелатов и римских гангстеров»* выдвигает гипотезу, что версия Сабрины, подтверждаемая только частично, все же заслуживает доверия. В том числе потому, что ей нечего требовать и желать, ей не нужно сводить счеты или извлекать какую-либо выгоду своим рассказом.

В предельно сжатом виде ее версия такова: через пару дней после исчезновения Эмануэлы Сабрина приютила девушку в своей машине. Де Педис и некий Серджо посадили ее в салон («Ренатино и Серджо разместили ее у меня в авто»). Преодолев какое-то расстояние, они добрались до бензоколонки у въезда в туннель на склонах Яникула, где девушку перевели в «мерседес» с ватиканскими номерами — там ее уже поджидал мужчина в одежде священника. Эмануэла, продолжает Минарди, была в сознании, но мало что осознавала: «Говорила она плохо, растягивая слова, язык заплетался».

Женщина также сообщила о том, что знала о пребывании девушки под замком в одном из домов района Монтеверде, оттуда был сделан специальный ход в подвал и протяженные подземелья. Спустя несколько месяцев любовник привез Сабрину в окрестности стройплощадки в Торвайанике. Немного погодя там появился этот самый Серджо, который, достав из багажника мешки, оттащил их к работающей бетономешалке и кинул внутрь. Минарди заявила, что не видела содержимого мешков, но догадалась

интуитивно, а после Де Педис прямо подтвердил ей это: там был труп Эмануэлы.

Причиной похищения и убийства, по мнению Сабрины, был шантаж или, точнее, предупреждение Ватикану в мафиозном стиле. Юную и безвинную гражданку Ватикана выкрали для того, чтобы дать понять: пакты нужно соблюдать, а деньги возвращать, особенно когда речь идет о гигантских суммах.

Масштаб затронутой темы растет на глазах. Доходы банды делла Мальяна, этой гидры криминального мира, со временем стали просто огромными. Бандиты не отказывались ни от одной нелегальной сделки, только бы она приносила прибыль: от разбоя до вымогательств, от захвата людей до торговли наркотиками на международном уровне вместе с сицилийскими мафиозными ячейками — косками. Они располагали колоссальными деньгами, их уже не удовлетворяли повседневные траты — дома, магазины, драгоценности для любовниц. Объем имевшихся доходов требовал совсем иного измерения — прицельного инвестирования. Поэтому бóльшая часть их денег оказалась во внешнем круге дочерних структур «Банко Амброзиано» того самого Роберто Кальви, который, как мы узнали в главе «Банкиры Господа», состоял в тесных отношениях с ИОР. Как только «Банко Амброзиано» обанкротился, он утянул за собой в эту пучину все мафиозные сбережения и вклады банды делла Мальяна. Следственная комиссия, изучавшая материалы дела, пришла к выводу, что совокупная цифра приближалась к планке в триста миллиардов долларов.

Когда банкир понял, что его загнали в тупик, он попробовал выкрутиться, шантажируя Ватикан намеками на то, что может огласить истинных клиентов банка Ватикана и поведать об испарившихся миллиардах. Как мы помним, бедного Кальви в итоге повесили под лондонским мостом.

Полиции не составило труда отыскать квартиру, указанную Минарди. Она находилась в одном из кварталов близ Яникула, а внутри все полностью совпадало с описаниями женщины, включая подвальное помещение с проржавевшей раскладушкой и кое-какими грубыми предметами обстановки. Кто-то из экс-соратников Де Педиса в анонимном звонке в прямой эфир передачи «Кто это видел?» сообщил, что прекрасно знал о существовании подвала: «Дом в Монтеверде использовался как тайное логово для скрывающихся от правосудия, Ренатино сам пробыл там какой-то период после дорожного инцидента со своим мотоциклом». Однако звонивший мужчина исключил какую-либо причастность Де Педиса к похищению Эмануэлы.

Вместе с тем прочие улики подсказывают обратное. Фотографии Ренатино, включая ту, что помещена над его великолепной гробницей в Сант-Аполлинаре, уж слишком схожи с фотороботом, составленным сразу после преступления, по горячим следам — со слов двух непосредственных свидетелей происшедшего. Даже полковник карабинеров, бросивший тогда мимолетный взгляд на этот эскиз, инстинктивно заключил: «Так это же Де Педис».

Никола Кавальере, сегодня занимающий важный пост в разведке, а в ту эпоху расследовавший похищение девушки, тоже считает, что интрига вертелась вокруг Ватикана и попытки его шантажировать. Предполагают, что после смерти Кальви теневые кредиторы «Банко Амброзиано», то есть те, кому априори был заказан путь в суд за возмещением ущерба, принялись размышлять, смогут ли они (и если да, то как) вернуть свои капиталы обратно. Они их вложили, будучи уверенными, что это наилучшая инвестиция из всех возможных; а сейчас обнаружили, что остались ни с чем. Еще одна маленькая ремарка: в апреле 1998 года, то есть за месяц до гибели, из сейфа уже известного нам полковника швейцарской гвардии Алоиса Эстерманна были украдены несколько досье, в том числе и на тему исчезновения Эмануэлы Орланди.

Хватит ли всего этого, чтобы подкрепить версию Сабрины Минарди? Естественно, нет, и, в частности, вот почему: уже сама по себе идея о том, что можно выкручивать руки и держать на мушке шантажа столь громоздкие и влиятельные институты, как Ватикан, путем взятия в заложники обыкновенной девчонки, представляется весьма слабо обоснованной. Но эта реконструкция полезна хотя бы для того, чтобы придать некую логическую связность цепочке действий и противодействий, которые без нее остались бы совершенно необъяснимыми, разрозненными и непоследовательными.

Уклончивое (а иногда и откровенно отталкивающее) поведение ватиканской иерархии в очередной раз подчеркивает существующее разделение между церковью и Святым престолом; последний подчиняется, и не может иначе, «государственным соображениям», даже когда они явно контрастируют с доводами человеколюбия и милосердия. Но такая непоколебимая, намеренная сдержанность могла зависеть и от так называемой «папской тайны». В 2001 году папа Войтыла приказал обновить многолетнее предписание, согласно которому духовным и светским лицам, служащим Ватикана, давались недвусмысленные инструкции хранить молчание в общении с «иностранцами». Циркуляр был введен в оборот 18 мая 2001 года

за подписью Йозефа Ратцингера и Тарчизио Бертоне, занимавших тогда посты председателя и секретаря Конгрегации доктрины веры.

Среди прочего на основании этого самого приказа трибунал Хьюстона, штат Техас, инкриминировал Ратцингеру сокрытие данных в ущерб правосудию в процессе против священников-педофилов. В сентябре того же года госсекретарь Ватикана Анджело Содано попросил президента Соединенных Штатов заблокировать судебную процедуру, распространив на понтифика право иммунитета, признаваемого в отношении всех глав зарубежных государств. Президент Джордж Буш удовлетворил эту просьбу. К информации, засекречиваемой в рамках «папской тайны», относились и сведения о совершении священниками сексуальных актов в отношении соблазненных или изнасилованных несовершеннолетних детей. Под словом «иностранцы» подразумевались все те, кто не принадлежал к церковной иерархии, в том числе прокуроры и судьи, расследовавшие дело бесследно исчезнувшей девушки, как будто растворившейся в пустоте.

Однако тут начинается уже совсем другая история, о которой будет упомянуто в Приложении.

XV. Трибунал веры

Есть один памятник, который символизирует нетленное величие императорского Рима, может быть, даже в большей степени, чем Колизей или Пантеон. Это мавзолей Адриана — более известный как замок Святого Ангела с мостом напротив него (pons Aelius, Элиев мост), тоже посвященным Ангелу: замок и мост связаны друг с другом общей историей и преданиями.

С первых лет II века, когда он был возведен, замок, или Адрианеум (Hadrianeum), много раз менял облик и функциональное назначение, что всегда сопровождалось драматическими эпизодами жизни города. Мало кто помнит, что эта внушительная конструкция была построена в качестве большой гробницы: там на протяжении почти целого столетия хоронили императоров из рода Антонинов; внутри, помимо Адриана и его супруги, упокоились Антонин Пий и Фаустина, вероятно, Марк Аврелий и уж точно Каракалла, убитый в 217 году н. э. командиром преторианской гвардии. Естественно, ключевой персонаж в этих интерьерах — Адриан, великий правитель Рима, чье полное имя содержало предикат Aelius (Элий), намекающий на аполлоническую, солнечную семантику. Этот человек предпочел войне мир и даже умел его поддерживать; он хотел разузнать все о чудесах и диковинах земель, которыми ему довелось править, включая самые отдаленные; он сошел с ума от любви к прекрасному Антиною, из-за смерти которого во время приятного плавания по Нилу он «рыдал, словно какая-то бабенка».

Что же до названия замка Святого Ангела (Кастель Сант-Анджело), то ему мы обязаны легендой: в 590 году на его вершине будто бы появился ангел, как раз тогда, когда многолюдная процессия во главе с папой Григорием Великим шествовала по городским улицам, взывая к Господу об избавлении от ужасающей эпидемии чумы. Видение небесного создания было воспринято как знак того, что молитвы были услышаны.

В память об этом чуде, согласно принесенному обету, сначала построили капеллу, а потом установили статую ангела, неоднократно впоследствии заменявшуюся. Та, что была воздвигнута в 1544 году, ныне выставляется в одном из двориков замка. Она имеет в высоту более трех метров и высечена (согласно данным Раффаэлло да Монтелупо) из цельного куска римской колонны; ажурные крылья из меди с надлежащей резьбой не оказывают особого сопротивления ветру. Два века этот ангел взирал на город сверху, а затем, в 1752 году, был отлит новый, гигантский бронзовый ангел работы фламандца Питера Антона ван Вершаффельта, жестом как бы вкладывающий в ножны меч чумного поветрия; это прославленное произведение искусства выдержало самые разные природные (и не только) катаклизмы. Стоит забраться на верхний ярус замка хотя бы для того, чтобы полюбоваться им вблизи.

У нас нет точных данных о том, как выглядел едва законченный, новехонький мавзолей. Конечно же, в величии своем он соперничал с монументом Августа, построенным более чем за сто лет до того и расположенным неподалеку, если двигаться по прямой, на противоположном берегу Тибра. Тем не менее мы знаем (ибо сохранилась структура), что конструкция базировалась на простых геометрических фигурах: квадратное основание, на котором был установлен огромный цилиндр, возможно, покрытый слоем земли на манер сооружений этрусков*. Над цилиндром высилась башня, вероятно, некогда увенчанная квадригой. Круг и квадрат, боги и мир, душа и тело, один и множество — Адриан был интеллектуалом, он желал, чтобы здание не только хранило и берегло прах его самого и членов императорской семьи, но и отражало, передавая из поколения в поколение, его идеалы, его взгляды на жизнь.

Для строительства была выбрана территория «ватиканских полей» (ager vaticanus) на периферии города, то есть равнинный участок, считавшийся народом отдаленным, неосвоенным и диким. То же место, где при Константине возникнет посвященная Святому Петру церковь. Подобная близость навсегда свяжет судьбы этих сооружений — замка и базилики. Когда в 404 году император Гонорий прибыл в Рим, Августин, епископ Гиппонский, написал, что монарх, которому пришлось выбирать, где преклонить колени — в храме Адриана или в соборе, построенном в честь рыбака, — бил

---

* Древние племена, населявшие в первом тысячелетии до нашей эры северо-запад Апеннинского полуострова в районе современной Тосканы (область Этрурия). Причины исчезновения цивилизации этрусков доподлинно неизвестны. Этруски оказали большое влияние на формирование и развитие культуры Римской империи. *Прим. ред.*

себя в грудь и клал земные поклоны там, где было тело Петра, рыбака и апостола… Незадолго до смерти Адриан, обожавший изящную словесность и искусство, сочинил прощальное стихотворение, обретшее особую славу, ибо это был трогательный пример латыни эпохи упадка — нежной, вибрирующей, пропитанной меланхолией и грустью, столь далекой от эпической прозы, мрамора, железа и огня бушующих, неумолимых страстей:

Animula vagula, blandula,
Hospes comesque corporis,
Quae nunc abibis in loca
Pallidula, rigida, nudula,
Nec, ut soles, dabis iocos…

Или же в свободном, но, полагаю, близком к оригиналу переводе: «Маленькая душа моя, потерянная, сладостная, податливая, подруга и гостья тела моего, уходишь нынче ты в пределы мертвых, в места неприветливые и пустые, где уж нет привычных забав…» Далее опять: «Взглянем еще мгновенье на родные берега, на все то, что больше нам навек узреть не суждено…»

Гробница, крепость, тюрьма? За свою двухтысячелетнюю историю замок побывал во всех трех ипостасях, сменяя одну за другой, а то и объединяя их. В 403 году, в эпоху Гонория, он был включен в пояс городских крепостных стен в качестве бастиона, выдвинутого за реку, а вскоре трансформировался в настоящий форт, снабженный круговыми зубчатыми укреплениями, проходами и тайниками. Самые могущественные римские семьи оспаривали друг у друга право владения им, а также другой цилиндрической гробницей — Цецилии Метеллы — на противоположном конце города, у Аппиевой дороги. В кровавые периоды смут и столкновений казалось, что эти грандиозные склепы изначально были созданы давать кров и защиту людям живым, а не давно почившим. Действительно, когда в 1367 году завершились авиньонское пленение и схизма, одним из главных условий возвращения в Рим, поставленных папой Урбаном V, было вручение ему ключей от замка как необходимой гарантии контроля над городом.

Шли годы, и эта обрубленная развалина, в значительной степени лишившаяся орнаментов, мрамора и статуй, стала прибежищем римских понтификов в чрезвычайных обстоятельствах. Тот, кто в наши дни посещает замок, сразу и с точностью распознает уровень, акцентированный карнизом из травертина, где с римскими блоками срастаются, спаиваются более поздние

наслоения: снизу — грубые туфовые массы, на них и над ними — упорядоченная структура из кирпича. Именно на этих верхних этажах со временем возникли роскошные апартаменты, к обустройству которых приложили руку многие папы. Однако эта книга — вовсе не путеводитель в традиционном смысле этого слова, поэтому я упомяну только двух героев насыщенной событиями истории: папу Александра VI Борджиа и папу Павла III Фарнезе.

Внимательный посетитель, чуждый рассеянности, замечает присутствие папы Борджиа уже при входе в замок, где прикрепленная над дверью табличка гласит: ALEXANDER VI PONT MAX INSTAURAVIT AN. SAL. MCCCCLXXXXV. 1495 год* — это дата, когда были завершены реставрационные работы, инициированные именно папой Александром. Над табличкой установлен его герб, но изрядно поврежденный: французские солдаты в 1798 году сбили с него орнаменты. Вполне вероятно, что речь шла о папской тиаре с ключами и красноречивой эмблеме династии — быке. Уцелел один-единственный из всех гербовых щитов, и теперь его можно увидеть в расположенном чуть выше внутреннем дворике, сбоку от парапета колодца.

Папа Борджиа сосредоточился преимущественно на фортификациях: бастионы, внешнее кольцо укреплений (включая башню на ватиканском берегу, не позволявшую беспрепятственно попадать на мост), реконструкцию и приведение в должный вид Пассетто ди Борго, своеобразного аркадного коридора, предназначенного для быстрого перемещения из апостолических дворцов в замок. Этим проходом воспользовался Климент VII, когда войска императора Карла V предали город огню и мечу в 1527 году. Даже в те дни войны и крови замок продемонстрировал свое главное качество — неприступность.

Еще более значителен след, оставленный в истории замка Павлом III Фарнезе (Farnese), выдающимся понтификом, великим гуманистом, истинным наследником классической эпохи, несмотря на то что папским пурпуром он завладел весьма сомнительным способом. Папа Борджиа произвел его в кардиналы уже в двадцать пять лет, по ходатайству его сестры Джулии Фарнезе, ставшей в пятнадцать лет любовницей понтифика. Римский плебс, по традиции дерзкий и непристойный до похабства, издевательски присвоил ему кличку «кардинала Fregnese»**, то есть новоиспеченного между женских ног кардинала.

---

* MCCCCLXXXXV в римской нумерологии — это 1495 год, где M — 1000, C — 100, L — 50, X — 10, V — 5. *Прим. ред.*

** Fregnese — вульгарное созвучие с фамилией Farnese, происходит от слова fregna — вульва (женский половой орган). Корректному переводу не поддается.

Павел III взошел на трон в 1534 году, через несколько лет после начала лютеранской Реформации в Центральной и Северной Европе и «разорения» Рима ландскнехтами, на гребне уже другой серьезной схизмы — отпавшей от Рима согласно декрету Генриха VIII англиканской церкви. Новый понтифик всерьез намеревался восстановить утраченный религиозный и державный авторитет церкви. Он одобрил создание иезуитского ордена, «перезапустил» деятельность римской инквизиции и выступил ярым сторонником созыва Тридентского собора, с помощью которого церковь хотела стимулировать свое моральное возрождение в противовес надвигавшейся Реформации, тем самым укрепив легитимность универсального католического порядка.

Что же до замка, то папа Фарнезе заказал для него изумительные фрески, посредством которых желал представить себя новым императором, реинкарнацией самого Адриана, человеком, воспринявшим наследие цивилизации, умевшей властвовать над миром не только мощью оружия, но и мудрой логикой своих законов. Павел в определенной степени сделал собственным девизом проникновенные строки из «Энеиды» *(VI, 852–853)*: «Римлянин! Ты научись народами править державно — в этом искусство твое! — налагать условия мира, милость покорным являть и смирять войною надменных!»*

Фрески, украшающие зал библиотеки, — там изображены вехи основания Рима, — воспроизводят культурную и политическую программу папы Фарнезе, кульминация которой ощущается в зале Паолина: в великолепии алебастра, лепнины, мрамора, перспективных иллюзий папа во славе своей становится связующим элементом между языческой классикой и католической современностью, между Римской империей и учением церкви. Надпись, лентой струящаяся у потолка, со всей очевидностью подтверждает его намерение: «Павел III, верховный понтифик, превратил гробницу божественного Адриана в священное обиталище».

Античные стены крепости хранят и многие другие сокровища, среди которых восхитительная печурка Климента VII, таинственный зал казны с огромным ларцом, погребальная ниша, куда был помещен прах Адриана, изысканная лоджия Юлия II, обращенная к мосту, безупречных очертаний и задумки спиралевидный лестничный пролет, позволявший кавалькадам

* Вергилий. Энеида / пер. С. Ошерова. СПб. : Биографический институт «Студиа Биографика», 1994.

добираться почти до самых верхних уровней… Но нельзя обойти молчанием еще одну функцию замка, поскольку даже пышность покоев не заставит забыть, что часто он становился местом заключения, жестоких пыток и мучений, будучи одной из тюрем трибунала святой инквизиции.

В зале Юстиции был оглашен смертный приговор, по которому юная Беатриче Ченчи была отправлена на эшафот. Во дворике расстрелов еще в XIX столетии казнили молодых патриотов, мечтавших об объединенной Италии и конце светского господства пап. Не случайно Джакомо Пуччини именно в это место перенес финальные сцены своей оперы «Тоска». Колокол на самой высокой башне, слева от ангела, назывался «колоколом осужденных», так как его удары возвещали неминуемость расплаты за грехи. В определенные периоды замок Святого Ангела выполнял исключительно эту функцию: был мрачным казематом, гигантские и зловещие своды которого вдохновили Пиранези на «тюремные фантазии».

Если совершить визит в камеры-одиночки замка, то станет ясно, в каких ужасающих условиях заключенным приходилось ждать своей участи: почти пустое пространство, сырые стены, убогая подстилка на земле, отсутствие отхожего места или горшка. Малюсенькие, запертые, лишенные свежего воздуха и света комнатенки, смрад экскрементов, боль после допросов и бесчеловечных пыток, вечный полумрак, отверстия на самом верху (так называемые «волчьи пасти»), до которых не дотянуться, — несчастные томились, задыхались, чахли в ожидании невнятного приговора, а во дворе, расположенном над этим тюремным адом, порой слышались чарующие, нереальные звуки — игра музыкальных инструментов, порхание танцующих пар, серебристый смех светских дам, изысканные разговоры и любовное воркование.

Среди сотен тех, кому выпало испытать на собственной шкуре заключение в стенах замка, были и великие люди, например, Бенвенуто Челлини, герой необычайного, но плохо удавшегося побега в духе Рокамболя. В своих колоритных воспоминаниях скульптор рассказывает об этом так:

К несчастью, я был вынужден валяться на том насквозь гнилом от пота и сырости матрасе, через три дня мокрым стало все вокруг. Я же, сломав ногу, не мог двигаться и постоянно лежал в одной и той же позе, а когда требовалось слезть с кровати по малой или большой нужде, полз на четвереньках, задыхаясь от запахов грязи и нечистот, царивших там, где я спал.

Челлини, уважаемому заключенному, было хотя бы дозволено иметь примитивную, наспех сколоченную уборную (ее можно посмотреть и сегодня). Обычным узникам в таком удобстве отказывали.

Последней знаменитой жертвой инквизиции был Джузеппе Бальзамо, граф Калиостро. Гениальный мошенник и ловкий авантюрист из Палермо умудрился поводить за нос половину дворов Европы своими мнимыми способностями медиума, алхимика и некроманта. В реальности он был фанатичным экзальтированным человеком, способным на невероятные выдумки, ложь и поразительные трюки. В 1789 году, изнуренный сифилисом, он поселился в Риме, где основал масонскую ложу египетского обряда. У него было всего два адепта — какой-то маркиз и монах-капуцин, ставший любовником жены Калиостро Лоренцы.

В 1791 году по доносу собственной супруги Калиостро был арестован. Против него возбудили судебный процесс и приговорили к смерти за богохульство и еретические суждения против Господа Бога, Иисуса Христа, Пресвятой Девы, святых, таинств, чистилища, церковных правил и наставлений, а также за ошибочные теории в сексуальной сфере и иные гнусные деяния. Текст приговора, не лишенный трагикомического привкуса, определял его как «человека, который ни во что не верит, не имеет религии, словом, как дикого зверя, постыдного и очень злобного, прослывшего повсеместно как жулик и негодяй, неистово скотский шарлатан, отъявленный плут, деист и клеветник».

Монах-капуцин отделался десятью годами тюрьмы, жену Лоренцо упекли в монастырь. Калиостро умудрился избежать виселицы или костра благодаря папе, который смягчил наказание до пожизненного заключения в темнице. Поэтому его отправили в форт Сан-Лео, где он через некоторое время сошел с ума из-за болезни и частых побоев, которым подвергался.

Римская инквизиция располагала и другими местами, где содержались узники. Это были тюрьма Тор ди Нона (там побывал среди прочих Джордано Бруно), которую впоследствии снесли для возведения вместо нее берегоукрепительных сооружений по течению Тибра, и самая настоящая тюрьма дель Сант-Уффицио, торжественно открытая осенью 1566 года большими празднествами и артиллерийскими залпами, в наши же дни предназначенная для менее жестоких целей. Дворец дель Сант-Уффицио до сих пор возвышается на одноименной площади, в двух шагах от площади Святого Петра, и сегодня является резиденцией Конгрегации доктрины веры. Двадцать четыре года подряд кардинал Йозеф Ратцингер входил в эти массивные

ворота, поднимался на второй этаж и садился в кресло в своем кабинете. Обстановка скромная: письменный стол из темного орехового дерева, антикварная картина, изображающая кающуюся Марию Магдалину, распятие. Название палаццо вызывает воспоминания о телесных страданиях, наказаниях и пытках, но само по себе здание — единственный сохранившийся след старинного комплекса судебных учреждений, задуманного папой Павлом III в 1542 году. Святая римская и универсальная инквизиция возникла как заслон, оплот защиты веры и борьбы с ересями.

Чудовищные допросы инквизиции велись в Новых тюрьмах, на виа Джулия. Эти здания были возведены согласно приказу папы Иннокентия X Памфили в 1647 году по проекту Антонио дель Гранде и окончательно завершены в период понтификата Александра VII Киджи. Сегодня, по иронии судьбы, там находится Национальная дирекция по противодействию мафии. На втором этаже, неподалеку от офиса прокурора, в одной из комнат все еще заметны следы ее прежних функций: крюк, закрепленный в стене, служил для того, чтобы удерживать подсудимых во время истязаний в одном положении. Вплоть до 1968 года Новые тюрьмы были отданы Музею итальянской преступности, позднее куда-то съехавшему. Эти камеры были обязательным пунктом посещения и часто становились этапом, предварявшим эшафот, для всех тех, кто исповедовал взгляды, расходившиеся с официальными церковными.

На тему трибуналов инквизиции в Италии и за ее пределами написано так много книг, что нередко мифология, коварная и цепкая, вытесняет фактуальность, историческую действительность, реконструируемую на основе реальных событий. Отдельно от всякого рода преувеличений и искажений следует отметить, что этот феномен, без сомнения, сыграл важную роль в истории церкви, в частности итальянской.

С самых своих истоков, пока медленно формировались каноны и ортодоксия, церковь (как и всякий политический организм, возникший на базе идеологии) почувствовала острую необходимость противостоять доктринальным уклонам (ересям), карая тех, кто запятнал себя приверженностью им, равно как и тех, кто читал, распространял или хранил произведения, считавшиеся еретическими. Собор, созванный в Тулузе в 1229 году, запретил мирянам владеть собственными экземплярами Библии, а в 1234 году собор в Таррагоне повелел сжечь все имевшиеся книги Священного Писания, изданные на вольгаре (народных языках, отпочковавшихся от латыни). Типичной чертой всех процессов был принцип — неведомый, кстати,

римскому праву, — согласно которому обвинение в ереси может осуществляться в рамках специальной процедуры, то есть в отсутствие достоверных свидетельских показаний. И не только: каждый прознавший о возможной ереси обязан был немедленно донести об этом в ближайший орган инквизиции, в противном случае его будут считать соучастником. Отзвуки этого принципа обнаруживаются в тексте клятвенного отречения Галилея, в котором среди прочего великий ученый был вынужден пообещать: «Если я узнаю о каком-нибудь еретике или заподозрю кого-то в ереси, то заявлю о нем в эту Святую палату [инквизицию], инквизитору или ординарию того места, где я буду в тот момент находиться».

В ранние эпохи наказаниями по приговорам были преимущественно интердикт* или отлучение. В дальнейшем меры ужесточились, хотя недавние исследования и доказали, что их суровость варьировалась в зависимости от страны и периода. Перед инквизицией представали по обвинениям в магии, дьявольском колдовстве, порче, незаконном обладании кем-то или чем-то, симулируемой святости, содомии; в более общем ракурсе — за все то, что расходилось с доктриной и позволяло заподозрить возможную девиацию от официального канона.

Долгие годы инквизиция обладала первостепенным влиянием внутри церкви. К примеру, среди семи пап второй половины XVII века лишь двое не занимали до этого те или иные инквизиторские должности. Папа Ратцингер, Бенедикт XVI, вновь возродил эту традицию.

Итак, чем же была инквизиция и какое положение она занимала в стратегии Святого престола? Конгрегация святой римской и вселенской инквизиции — коллегия кардиналов и прочих прелатов, зависевших непосредственно от папы, — тоже была детищем Павла III Фарнезе. Точкой отсчета для нее стала булла *Licet ab initio* (1542 год). В задачи этой структуры входили поддержание и защита интегральной целостности веры, изучение и искоренение ошибок, заблуждений и ложных доктрин. Необходимым дополнением являлся Индекс запрещенных книг, составлявшийся с 1571 года, — о его целях мы поговорим чуть позже. Римские инквизиторы обладали юрисдикционной компетенцией в отношении всего католического мира, хотя

* От лат. interdictum, то есть запрет. Духовное наказание, налагавшееся понтификами на государей, общины и целые страны. Чаще всего состояло в запрете на проведение богослужений в стране, чей государь заслужил наложение интердикта. Расценивалось как суровое наказание и могло спровоцировать бунт народа против своего провинившегося государя. *Прим. ред.*

на практике их деятельность почти всегда ограничивалась Италией. Среди самых знаменитых процессов на ее счету те, что проводились над Джордано Бруно и Галилео Галилеем.

Инквизиторы-доминиканцы Яков Шпренгер и Генрих Крамер, посланные папой Иннокентием VIII в Германию, собрали в одной книге-руководстве всю максимально полезную информацию, позволяющую узнать, допросить и покарать ведьм и еретиков. Труд был опубликован в городе Шпейере в 1486 году под названием, обреченным на долгую славу, — *Malleus maleficarum* («Молот ведьм»); переизданный несметное число раз в XVII веке, он достиг невероятного тиража в тридцать пять тысяч копий.

Отклонения в поведении, демонстрируемые «ведьмами», духовники (передававшие в трибунал информацию о подозрительных случаях) приписывали исключительно дьяволу, засевшему, как правило, в женских гениталиях. На самом же деле бóльшая часть обвинений касалась порочных сексуальных отношений, внебрачных или извращенных совокуплений, непристойных поцелуев и в особенности l'osculum infame, что означает «поцелуй анального отверстия Сатаны». Во многих документах проскальзывает навязчивая идея неутолимой женской похоти, из-за которой обвиняемым часто выбривали волосы на лобке, дабы лишить дьявола его любимейшего укрытия. Лекарством служили некоторые необычные виды экзорцизма, сопровождаемые «продувкой» и иными манипуляциями «в причинном месте».

Предусмотренная процедура была схожа с обычными судебными: обвинительный акт, устные или письменные свидетельства, прочие улики, выступление стороны обвинения, ответная речь защиты (то есть состязательность), приговор. Это в теории. Однако на практике все улики сводились к паре-тройке запутанных, беспорядочных сплетен, да и сама процедура отталкивалась от допущения, что отрицание дьявола есть уже ересь, а значит, признание вины. Если во время первого допроса обвиняемый не сознавался в своих ошибках, инквизитор угрожал применить особую методику stricte, то есть пытки, эвфемистически называемые «строгим испытанием»; в случае повторного отказа привлекали профессиональных палачей-истязателей.

Если же обвиняемый не уступал даже после мучительной боли, трибунал объявлял о своей неспособности вернуть еретика на путь истинный и обратить к ортодоксии, после чего передавал его «светской власти», то есть уполномоченному гражданскому суду, для исполнения надлежащего

приговора. Двойственность компетенции неоднократно способствовала ситуациям двусмысленного компромисса, когда церковь опиралась на государственную власть для осуществления наказаний неугодных, а светские политические органы, в свою очередь, прикрывались доктриной веры для придания легитимности собственным репрессивным кампаниям. Тюремное заключение часто обосновывалось незатейливой ритуальной формулой, к примеру: «В этой Святой палате мы осуждаем тебя на пребывание в темнице на веки вечные без надежды на прощение, дабы в ней ты беспрерывно оплакивал душу свою, каялся и вымолил у Господа нашего прощение за грехи свои и прошлые заблуждения».

На этих процессах не различали понятия «грех» и «преступление»: истинной обвиняемой была душа, это ее судили, иначе говоря, клеймили идеи, убеждения, принципы, влиявшие на то, как человек поступал, вел себя, писал и мыслил. Поэтому именно монахи-доминиканцы, образованные, умные, подкованные и хорошо подготовленные, нередко оказывались самыми успешными инквизиторами. Эхо их непреклонных приговоров и суровых постановлений навсегда вторглось в пространство художественной литературы. Среди многочисленных примеров вспомним «Айвенго» Вальтера Скотта, «Имя розы» Умберто Эко и, разумеется, роман «Братья Карамазовы» Федора Достоевского, краеугольным камнем которого стала удивительная по своей мощи «Легенда о Великом Инквизиторе», рассказанная Иваном, одним из братьев, атеистом, жаждущим веры и отвергающим Бога.

Если папа Павел III дал импульс формированию инквизиционных порядков, то один из его преемников, Павел IV Карафа, поразмыслив, придумал, как мудро использовать трибунал в качестве политического рычага. Я попросил высказать свое мнение по данному вопросу профессора Массимо Фирпо, академика Линчеи, возглавляющего кафедру истории в Туринском университете и много лет изучающего культурную и религиозную историю XVI века, которой он посвятил бессчетные статьи и монографии. Вот его ответ:

Кардинал Карафа, который будет папой под именем Павла IV, адресовал Клименту VII в 1532 году необычную докладную записку, страстно обличая распространение ересей и дурных нравов, коррупцию и невежество клира, равно как пассивность епископов и самого Святого престола. Все эти проблемы, полагал он, сплетались в один клубок и требовали решительных

действий. Это была ясная и энергичная программа действий, нацеленная на реформирование церкви, прежде всего в спектре эффективной борьбы против протестантской Реформации. За несколько лет упорство и непреклонность в продвижении Карафой своей инициативы, базировавшейся на принципе «обращения с еретиками так, как они того заслуживают», привели к тому, что она во второй половине XVI столетия трансформировалась в политическую линию церкви, иначе говоря, в Контрреформацию. Учреждение Сант-Уффицио передало в руки церкви страшное оружие по сокрушению еретических групп, капиллярно проникших во все уголки Италии, в том числе тех, что угнездились в лоне самой церкви, и склонных к соглашательству с протестантами вплоть до признания ряда их теологических постулатов. Имеется подтверждение лишенного особой щепетильности метода применения Карафой махины инквизиции: он собирал улики (сегодня мы обозначили бы их как «досье») и пускал их в ход на конклавах, мешая избранию своих противников. К примеру, римский информатор сообщает, что на конклав 1555 года Карафа принес с собой доказательства «против всех претендентов на папский престол». Неудивительно, что понтификом оттуда вышел уже он сам, вслед за чем принялся «посредством инквизиции заполнять тюрьмы кардиналами и епископами», как напишет одна из его жертв. Понятно, что, однажды подчинив себе механизмы избрания папы, инквизиция в дальнейшем с удовольствием практиковала такой подход, ориентируя церковь в направлении угодных ей религиозных и политических установок. Только после этого, стабильно укоренившись в верхах курии, Сант-Уффицио примется развивать бурную активность на периферии, против еретических сообществ в больших и малых итальянских городах. Мне кажется, эту деятельность можно характеризовать не только как сугубо религиозную, но и как политическую, то есть основанную на продуманном, осознанном проекте, привлекающем нужные инструменты, учитывающем фактор соперничества с прочими, полярными воззрениями на теологическую и пастырскую роль церкви. Итак, понятно, каким образом ключевая римская Конгрегация дель Сант-Уффицио в итоге превратилась в то, что ныне зовется Конгрегацией доктрины веры, еще недавно возглавлявшейся кардиналом Йозефом Ратцингером, теперешним папой Бенедиктом XVI. Уже в XVI веке инквизиционная структура предоставила церкви привилегированный канал для рекрутирования кадров иерархии и лестницу для блестящих церковных карьер.

Возможно ли, что эта спаянная, могущественная структура повлияла на процесс создания на полуострове итальянского национального государства? А затем в какой-то степени определила его черты? Профессор Фирпо отвечает на этот вопрос утвердительно:

Тот факт, что Италия и Рим совпали в одном и том же центре христианства, имел многочисленные последствия. Однако данный вопрос лучше воспринимается, если абстрагироваться от наблюдения, что в Италии всегда была церковь, которая стала вдобавок ко всему наследницей гражданской власти после распада Римской империи. К своим выводам добавим иное соображение: здесь во все времена недоставало государства. Италия всегда была калейдоскопом древних городов, преобразившихся в коммуны, управляемые семейными олигархиями и неувядаемым патрициатом, часто разрываемым фракционными склоками, но неизменно проникнутым корпоративной логикой поведения. Членов этого элитного клуба сближало опасное смешение и взаимоналожение общественного и приватного. Трудный процесс строительства современного государства, который во Франции, Англии и Испании разворачивался с XV века, в Италии начался поздно и плохо. Что же до папской монархии, то ее выборный характер, непотизм, беспорядочное сближение государственного самоуправства и духовного деспотизма сделали ее образцовой моделью дурного администрирования и недееспособного правительства. Например, уже в XVI столетии Франческо Гвиччардини писал в своих «Воспоминаниях»: «Я не знаю, кому бы больше меня не нравились амбиции, скупость и изнеженность священников: любой из этих пороков ненавидим сам по себе, к тому же каждый из них и все вместе мало соответствуют облику тех, кто ведет праведную жизнь во имя и по воле Господа. И вообще, очень странно, как все вредные привычки уживаются в одном и том же человеке». Вместе с тем, продолжал он, работа на службе понтификов дома Медичи вынудила его «в особенности полюбить величие их; не будь такого уважения, я бы возлюбил Мартина Лютера как самого себя. Не для того, чтобы освободиться от законов, навязываемых христианской религией, в той мере, как она интерпретируется и понимается повсеместно, но дабы узреть, как в надлежащий срок усмирится эта толпа злодеев, — либо избавившись от изъянов, либо лишившись власти и авторитета». Церковь Контрреформации сохранила свои пороки, но сумела спрятать их за фасадом иезуитского постулата si non caste tamen caute («если не целомудренно,

то хотя бы осмотрительно»), пастырского патернализма (выраженного в церковных формальностях, далеких от душевного трепета), в религии, зачастую сведенной до сугубо показательного благочестия. Любое диссидентство подавлялось.

Говоря о всплесках несогласия, нужно особо упомянуть о притеснениях евреев. За многие столетия истории церкви накопилось большое количество папских постановлений, ограничивавших свободу передвижения и торговли этого народа, навязывавших ношение отличительных знаков, по которым их признавали с первого взгляда. К примеру, желтый берет римских евреев, который в 1930-е годы вдохновит нацистов снабдить всех детей колена Израилева вышитой на одежде звездой Давида, тоже желтой. Однако в целом нужно сказать, что римская инквизиция обращалась с евреями относительно «мягко», предпочитая физическому насилию грабительские денежные штрафы и конфискацию имущества. Тем не менее жесточайшими и постоянными были попытки подтолкнуть евреев к переходу в «истинную веру». Здесь не гнушались даже настоящими похищениями людей. Показательный пример приведен Андреа дель Колем в его книге «Инквизиция в Италии с XII по XXI век»:

На Кьяру, супругу Анджело дель Борго, ложно донесли, заявив, что она будто бы хотела обратиться в христианство в 1712 году. Женщину продержали в заключении сверх всякого разумного срока, тогда муж подал протест в Сант-Уффицио, заведя самое настоящее дело при помощи ловкого и подготовленного католического адвоката… И хотя Кьяра была беременна и настроена решительно против перехода в католицизм, Конгрегация два раза поддержала приора монастыря, откуда ее не выпускали до родов. Новорожденная девочка была тотчас же крещена, а Анджело попросил Сант-Уффицио возвратить ему по крайней мере жену. Внезапно последняя уступила давлению и 17 марта 1713 года приняла решение обратиться, о чем приор триумфально доложил асессору Сант-Уффицио: «Под влиянием Духа Святого она объявила себя христианкой, усмиренная кротостью евангельской, из рыкающей тигрицы стала она послушной овечкой, ибо Дух веет, где хочет (Spiritus quando vult, spirat), и эти бедные души должны сами себе помочь так, дабы суметь отринуть порицаемый еврейский народ и прийти к святости, дарованной верующим нашим дорогим Спасителем».

Финал всего этого дела, комментирует ученый, наглядно подтверждает эффективность применения нелегальных методов по продлению пребывания человека в обители и бессмысленность любых апелляций к инквизиции.

Распространение идеалов свободомыслия после Великой французской революции не облегчило положение евреев на папских землях. В начале XIX века некоторые антииудейские брошюры по-прежнему продолжали подпитывать самые стойкие предрассудки. Так, в 1825 году французский доминиканец Фердинанд Жабалот описывал качества евреев следующим образом:

Богоубийство, неумеренная жадность и стремление обогатиться за счет обирания до нитки бедных христиан, амбициозные желания властвовать над миром, наносимый морали и нравам вред, ненависть к христианской религии вплоть до самого что ни на есть варварства («вымыть руки в крови христиан, предать огню церкви, растоптать освященные гостии, распять в ненависти верных Иисусу Христу, похитить и вырезать младенцев, изнасиловать девственниц, невест Христовых, и покуситься на крещеных»).

Отречение от принципов Просвещения имело очевидную цель противостоять импульсу перемен, которые принесла с собой современность: ее составной частью была свобода евреев в различных европейских государствах. Историк Марина Каффьеро в своем эссе «Принудительное крещение. Истории евреев, христиан и обращенных в папском Риме» объясняет, что число насильственных обращений жен, детей и внуков евреев, перешедших в католицизм, равно как и подпольных крестин младенцев, резко увеличилось в течение XIX века. Если где-то назревал протест против отеческой власти церкви или же по причине отказа заинтересованному в обращении, то «практика» (то есть документация и право курировать ситуацию) передавалась в ведение Конгрегации Сант-Уффицио.

В числе самых нашумевших (и тягостных) случаев значится тайное крещение служанкой-католичкой маленького четырехлетнего Эдгардо Мортара, когда тот серьезно заболел и находился на грани жизни и смерти. Этот эпизод произошел в Болонье. Через два года, в 1858 году, служанка, возможно, из мести своим работодателям заявила об этом факте церковным властям, из-за чего Эдгардо отняли у семьи и, поскольку он был крещен,

по приказу инквизитора отправили учиться в римскую христианскую семинарию, в Дом оглашенных*. Невзирая на отчаянные просьбы родителей и международное давление в лице Наполеона III и графа Кавура, мальчика так никогда и не вернули. Будучи под защитой и протекцией папы, которому он стал чуть ли не крестником, Эдгардо вступил в ряды Конгрегации латеранских каноников** под именем падре Пио; укрывшись в Австрии после ликвидации Папского государства, в 1873 году он принял священнический сан.

Культура Просвещения и, в более общем плане, экспансия поведенческих моделей, диктуемых «разумом», крайне обеспокоила церковь Рима. Конфликт обострился, к тому же многие протестантские конфессии оказались благожелательно настроены к назревшим реформам. Красноречивым примером реакционно-оборонительной тактики церкви стал долгий понтификат Пия IX (1846–1878).

Его идеологический манифест заключен в энциклике *Quanta cura*, изданной 8 декабря 1864 года, к которой был приложен пресловутый Силлабус, о чем мы вкратце говорили в предыдущих главах. В комплексе этот документ, словно зеркало, отразил воззрения понтифика, почти одержимого опасностями либерального социума и осознающего, что современность может значительно усилить религиозную индифферентность.

Один из его преемников, Пий X (1903–1914), продолжал придерживаться такой непримиримой линии, вместе с тем чувствуя необходимость аннулировать слово «инквизиция», имевшее зловещий смысл и вызывавшее негативные ассоциации. Он провел реорганизацию курии и постановил называть структуру, что блюла чистоту веры, Священной Конгрегацией Сант-Уффицио, которой в 1917 году были переданы конкретные полномочия — отслеживать и обновлять список запрещенных книг.

В 1965 году папа Павел VI вновь поменял название этого органа — Священная Конгрегация по доктрине веры, — сохранив за ней прежнюю функцию — охранять и продвигать ортодоксию. В 1988 году Иоанн Павел II снял обязывающий эпитет «священная», оставив лаконичное звучание —

* Оглаше́нные (написание «оглашённые» здесь является неправильным), катехуме́ны (греч. κατηχουμενος) в христианстве — люди, не принявшие крещение, но уже наставляемые в основах веры (в церковнославянской филологии прилагательное «оглашенный» означает *желающий принять святое крещение и учащийся христианским догматам*).

** Латеранские каноники (лат. *Ordo Canonicorum Regularium Sancti Augustini Congregatio*, CRL) — католическая мужская монашеская конгрегация регулярных каноников, основанная на уставе святого Августина.

Конгрегация доктрины веры. В речи, произнесенной в марте 2000 года, он попросил прощения у мира за многие прегрешения церкви, включая деятельность инквизиции.

Индекс запрещенных книг тоже имеет любопытную историю. После изобретения Гутенбергом технологии книгопечатания (передвижные буквы) в середине XV века книги превратились в главного разносчика вольнодумства, будучи инструментами быстрого распространения опасных идей и мнений. Поэтому инквизиторам с самого момента основания Конгрегации вменили в обязанность, дав соответствующую власть, пресекать на корню издание еретических книг. Теологический факультет парижской Сорбонны, основной задачей которого было учительство и наставничество, опубликовал в 1544 году перечень, содержавший названия 230 книг (на латыни и французском языке), которые с того момента попадали под запрет.

Первая официальная редакция Индекса, то есть списка книг, представлявших опасность для веры и морали католиков, была подготовлена Конгрегацией священной римской и вселенской инквизиции в 1557 году. В ту эпоху папой был суровый и непреклонный Джан Пьетро Карафа, взошедший на трон под именем Павла IV. Посол Венеции в депеше своему правительству описал его так: «У него вспыльчивый темперамент и жестокий нрав… Он порывист, неудержим в исполнении обязанностей и не терпит, чтобы ему противоречили». Первый Индекс, очень избирательный и придирчивый, дошел до того, что подверг цензуре даже часть Библии и некоторые труды Отцов Церкви. В нем фигурировали «Декамерон» Боккаччо, «Государь» Макиавелли, а также «Новеллино» Мазуччо из Салерно и произведения Эразма Роттердамского, величайшего гуманиста тех лет, повинного в том, что он требовал реформирования церкви и ее обращения к истокам — чистоте и непорочности раннего христианства.

Индекс был опубликован в начале 1559 года, чему предшествовал декрет инквизиции, постановлявший следующее: «Пусть никто более не осмелится писать, издавать, печатать сам или заставлять печатать кого-либо, продавать, покупать, давать в кредит, дарить либо под каким-либо предлогом получать, держать у себя, хранить у себя или требовать от других хранить любые из книг и сочинений, поименованных в данном Индексе Сант-Уффицио». Указывались фамилии авторов, которых разделили на три категории; первая включала тех, кто совершил проступки ex professo (преднамеренно); вторая охватывала тех, кого осудили лишь за часть ими

написанного; наконец, в третьей фигурировали произведения еретического содержания, увидевшие свет анонимно.

Новая версия Индекса, исключительной важности, была инициирована папой Пием IV после закрытия Тридентского собора. В пандан* к ней шли десять правил, или норм, имевших силу вплоть до 1896 года. Среди них, например, запрет мирянам читать Библию, переведенную на народные языки (вольгару). Действительно, в постановлениях Тридентского собора единственным авторизованным вариантом Священного Писания была признана латинская Вульгата. Все иные тексты — от «оригиналов» на греческом и еврейском языках до современных переводов — попали под запрет.

Индекс, отредактированный Тридентским собором, появился в обращении весной 1564 года под таким километровым заголовком: *Index librorum prohibitorum cum regulis confectis per Patres a Tridentina Synodo delectos, auctoritate Sanctiss. D. N. Pii IV, Pont. Max. comprobatus*, то есть: «Индекс запрещенных книг, согласно нормам, подобранным епископатом, собравшимся на Собор в Тренто (Тридент), утвержденный властью нашего святейшего Папы Пия IV». Конгрегация представила гигантскую программу цензурирования всех произведений, которые расходятся с официальным вероучением хотя бы в одном мельчайшем аспекте. Под топором палача пали Отцы Церкви (от Амвросия Медиоланского и Тертуллиана до Фомы Аквинского); медицинские трактаты, раскрывавшие секреты человеческого «механизма» (Гиппократ, Гален, Парацельс); философы (к примеру, Платон и Аристотель); историки (вроде Геродота, Тацита, Фукидида); античные классики чуть ли не в полном составе (Овидий, Вергилий, Гораций, Саллюстий, Тит Ливий, Плутарх, Гомер, Катон, Плавт, Эзоп).

Пристальное внимание было уделено еврейскому Талмуду, состоящему из Мишны, то есть кодекса Устного Закона, и Гемары — комментария раввинов. Эти фундаментальные книги еврейской мудрости и сострадания были сожжены в Риме при папе Юлии III в 1553 году. На Тридентском соборе установили, что евреи могли читать их вновь, но в очищенной форме, избавленной от противоречий с Новым Заветом, от «оскорблений и поношений католической церкви» и прочих непристойностей. Здесь стоит уточнить, что нет и не может быть уверенности в сколь-либо эффективном исполнении этих предписаний.

---

* Предмет, парный с другим (от франц. pendant). Панданами называют любые парные предметы, схожие или равные по каким-то параметрам (величине, цвету, значению, расположению). *Прим. ред.*

Конгрегация Индекса всегда пребывала в некотором подчинении у наводящей страх Верховной конгрегации инквизиции (Suprema Congregatio), которая, будучи прекрасно дотируемой, собиралась на свои заседания с завидной регулярностью — два раза в неделю, один из них — в присутствии понтифика. Между тем комиссия Индекса обладала более скудными фондами и весьма скромной численностью персонала; даты ее заседаний были менее частыми и определенными. Даже если официально на их заседаниях председательствовал кардинал, фактически курирующим сотрудником оставался секретарь, выбиравшийся среди членов ордена доминиканцев. Магистр Священного дворца — теолог папы — входил в обе Конгрегации сразу и обладал правом запрещать хождение и распространение тех или иных книг в городе Риме. Гораздо более прибыльной была должность секретаря инквизиции, которого по окончании службы (длившейся от одного года до девяти лет) возводили в ранг кардинала.

«Философия», оправдывавшая цензуру, табу и запреты, бросалась в глаза уже на обложке Индекса, украшенной прихотливой виньеткой: сверху два ангела придерживают картуш с надписью *Index librorum prohibitorum*, дополненный гербом царствующего папы; посередине святые Петр и Павел, один с ключами, второй — с мечом. Оба апостола пристально глядят на костер, где сжигаются книги, в то время как присные их продолжают бросать в пламя все новые и новые сочинения; снизу две строки, приписываемые Павлу (Деяния, 19, 19), которые послужили подписью к рисунку и обоснованием горящим страницам: «А из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли перед всеми, и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм»*.

Напряженные, полные страстей периоды сменялись весьма спокойными и вялотекущими. Конгрегация Индекса, искусно балансируя между ними, просуществовала вплоть до XX столетия и вновь окрепла на волне конфликта Римской церкви с современным миром, обострившегося в эпоху Пия IX. Камнем преткновения, вызывавшим яростную конфронтацию, в частности, стала тенденция протестантских конфессий изучать и анализировать священные тексты в историко-критической перспективе. Современный этап в экзегетике Писания начался в век Просвещения, когда Лессинг опубликовал (1776 год) фрагмент анонимного труда, автора которого тем не менее

* Деяния апостолов. Глава 19, 19. Цит. по электронной версии: http://deyaniya.ru/index.php?id_menu=31

все прекрасно знали: это был Самуэль Реймарус, профессор кафедры восточных языков из лицея Гамбурга.

В этом тексте, озаглавленном «О цели Иисуса и его учеников», Реймарус впервые выдвигает гипотезу о том, что намерения пророка Иисуса и его апостолов были не схожи между собой. Иисус терпит историческую неудачу и страдает из-за нее, но благодаря инициативе учеников преодолевает ее через «изобретение» воскрешения, что превращает Христа в мифический персонаж. Здесь проходит первая линия раскола между историческим Иисусом, которого рассматривают как одного из многих пророков Израиля, и Христом веры.

Другой конфликт связан с отношением церкви к тоталитарным идеологиям XX века: коммунизму, фашизму и нацизму. Римская инквизиция была достаточно сурова в отношении тех произведений, в которых политические доктрины дерзали представлять себя светской религией. Были осуждены даже отдельные расистские подделки, но не самая опасная среди них — пресловутая *«Майн кампф»*, содержавшая программу, по большей части реализованную ее автором, Адольфом Гитлером. У истоков подобной глубокой «забывчивости» могли стоять самые разные причины. К примеру, историк Хуберт Вольф в работе «История Индекса: Ватикан и запретные книги» выдвигает предположение, что Эудженио Пачелли, вначале как госсекретарь, затем в качестве понтифика, мог считать неуместным открытый конфликт с могущественной Германией — Третьим рейхом. Впрочем, как заключает Вольф, “Майн кампф” не оказалось в Индексе запрещенных книг; однако не появились там и другие книги — Муссолини, Ленина или Сталина».

В целом Индекс постепенно терял актуальность из-за быстрой трансформации общества, возникновения новых средств коммуникации и диффузии идей, а также из-за того, что многие читатели, включая католиков по вероисповеданию, считали его неадекватным пережитком прошлого, устаревшим инструментом. Последняя редакция Индекса была выпущена в 1948 году; в 1954 году Пий XII велел напечатать дополнительный лист — приложение к нему, где были указаны еще пятнадцать произведений. Затем шаг за шагом формировались предпосылки, приведшие церковь ко Второму Ватиканскому собору, в ходе которого кардинал-архиепископ Кельна Йозеф Фрингс выступил с недвусмысленной критикой Индекса: «Мне кажется уместным и своевременным требовать, чтобы никто не мог быть обвинен, осужден или порицаем за свои религиозные убеждения, верны они или нет, поскольку прежде нужно обсудить все расхожие и, стало быть, неоднозначные

доводы против человека или написанной им книги». Интересно отметить (это подчеркивает Хуберт Вольф), что эта часть текста была вручную добавлена самим кардиналом к общему проекту речи, подготовленному его консультантом, которого звали Йозеф Ратцингер.

Точку в истории Индекса поставил папа Павел VI. В рамках проведенной им реформы курии в 1965 году Сант-Уффицио был понижен в иерархическом статусе и поставлен в зависимость от решений кардинала. Конгрегация должна была продолжать получать заявления, обличающие подрывные книги. Однако ее задачей отныне стало не осуждать их, а «перепроверять». Но если Конгрегация больше не могла запрещать, то отсюда проистекала естественная необходимость упразднения перечня. Не предавая это решение огласке, действуя методом подковерной дипломатии, папа Монтини спокойно положил Индекс под сукно. Поступки этого папы, чей понтификат был весьма драматичным, диктовались, помимо прочего, пониманием того, что книги стали только одним из каналов, причем отнюдь не самым широким, распространения идей на земном шаре. Книга, игравшая ключевую роль в эпоху Контрреформации, сейчас превратилась в одно из средств массовой информации, в составную часть блестящей пентархии* — вместе с радио, кино, телевидением и Интернетом, чья революционная эпоха уже наступала. С 1998 года архивы Индекса и бывшей инквизиции доступны для исследователей. Список авторов и произведений, век за веком объявляемых вне закона, включает в себя чуть ли не все шедевры современной мысли — научной, философской и художественной: Бальзак, Беркли, Декарт, д'Аламбер, Дарвин, Дефо, Дидро, Дюма (отец и сын), Флобер, Гейне, Гоббс, Гюго, Юм, Кант, Лессинг, Локк, Мальбранш, Стюарт Милль, Монтень, Монтескье, Паскаль, Прудон, Руссо, Санд, Спиноза, Стендаль, Стерн, Вольтер, Золя. Среди итальянцев: Аретино, Беккариа, Бруно, Кроче, Д'Аннунцио, Фогаццаро, Фосколо, Галилей, Джентиле, Джанноне, Джоберти, Гвиччардини, Леопарди, Макиавелли, Мингетти, Монти, Негри, Розмини, Саккетти, Сарпи, Савонарола, Сеттембрини, Томмазео, Верри. В хронологическом ряду наиболее близкими к нам оказались: Симона де Бовуар, Андре Жид, Альберто Моравиа, Жан-Поль Сартр.

Итак, столкнувшись с расколом и посттравматическим синдромом Реформации, Святой престол отреагировал не внутренним преобразованием своей мировоззренческой системы, не попыткой вдохнуть новую жизнь

---

* Пятивластие. *Прим. ред.*

в пастырскую и благотворительную деятельность, а организацией новых рычагов доминирования и контроля, позволяющих подавить недовольство, заставить умолкнуть, в том числе физически, любые критические голоса. Отказ от более богатой и плодотворной духовности был вызван не общим негативным отношением, а тем, что согласие на реформы означало необходимость отречения от осуществления политической власти с трудно предугадываемыми в сложном европейском контексте последствиями.

Отсюда и более простой путь — репрессивный, где костры, на которых сжигались еретики и ведьмы, сочетались с изоляцией и травлей свободной мысли, философских поисков, научных открытий, историко-критического анализа Священного Писания. Иными словами, церковь инквизиции вела себя подобно любому абсолютистскому режиму — от античных времен до диктатур XX столетия. Если сталинские процессы с насильственно выбиваемыми показаниями и заранее утвержденными приговорами и ориентировались на какую-то модель, то не будет ошибкой искать ее истоки в безжалостных инквизиционных процедурах.

Сделанный тогда выбор, разумеется, повлиял на всю историю церкви, лег тяжким грузом как на нее, так и на итальянскую историю: достаточно вспомнить запоздалое возникновение на полуострове единого национального государства, а также формирование специфических нравов и ментальности в отдельных его регионах. Одним словом, необходимо по достоинству оценить дальновидность и проницательность Макиавелли, написавшего, что присутствие церкви помешало объединению страны и превратило итальянцев в «скверных, грубых людей без какой бы то ни было религии».

XVI. Пресвятая секта Христа

В таком городе, как Рим, который просто-таки кишит секретами и являет собой образец сценографии тайн и загадок, резиденцию в высшей степени таинственной Конгрегации Opus Dei, можно вообразить притаившейся где-нибудь в сокровенных переулках кварталов XVII века, вечно сырых и прохладных, куда солнце пробирается с трудом даже летом, где все будто пропитано терпкими ароматами и мрачным прошлым.

Но дело обстоит не так. Офис этой ассоциации, таинственной и всесильной, располагается на проспекте Бруно Буоцци в доме под номером 73, где извилистая и элегантная улица разрезает пополам Париоли, район зажиточной капитолийской буржуазии, облюбованный ею еще со времен фашизма. Это белое здание постройки пятидесятых годов, похожее на все прочие, — ничего особенного. Пять этажей, никакой таблички над входом, имен на домофоне тоже нет. Единственная примета: три камеры наблюдения по периметру контролируют пространство перед входом. На ближайшем углу дома — мозаика, изображающая Мадонну с младенцем, благосклонно взирающую на прохожих. Узловой, жизненный центр, гдь бьется пульс этой богатой и вызывающей споры религиозной организации, предстает перед нами зашифрованным, анонимным.

Здесь, в Риме, резиденция, скажем так, «политическая»; экономическая же находится на противоположном берегу Атлантики и занимает добрых семнадцать этажей роскошного небоскреба Мюррей Хилл Плэйс в Нью-Йорке, на Лексингтон-авеню, 243, между 34-й и 35-й улицами: конференц- и лекционные залы, библиотека, спортзал, капелла, общежитие для студентов и апартаменты для гостей… Спокойствие и комфорт, все очень по-американски, никакой тени и полумрака.

На самом деле и в Риме дела не столь просты. За безликим фасадом на виале Буоцци прячется огромный комплекс: строгих очертаний здание

из красного кирпича, облагороженное башенками и большими фонарями. Это штаб-квартира женской ветви организации, замысловатый лабиринт комнат, коридоров и дверей. Но даже эта головоломка в миниатюре не полностью определяет дух, характеризующий прелатуру. Чтобы получить более точное представление, необходимо спуститься ниже уровня земли. Мраморная лестница ведет в узкую подземную капеллу. Внутри нее — три ряда скамеек и внушительных размеров драгоценный саркофаг из позолоченного металла. В нише алтаря, в безопасности, вдали от нескромных и любопытных взглядов чужаков покоится тело основателя Opus Dei Хосемария Эскрива де Балагера (1902–1975), беатифицированного папой Иоанном Павлом II в мае 1992 года и объявленного святым десятью годами позже.

Впрочем, именно к этой могильной плите Кароль Войтыла долго припадал накануне конклава, избравшего его папой. В нескольких шагах от нее мемориальная доска из черного мрамора указывает на другое захоронение: дон Альваро дель Портильо (1914–1994), преемник Эскрива. Подземелья безмолвны, торжественны, начищены до блеска; это место паломничества и молитвы для многих верующих, преданных этой могущественной и состоятельной организации.

Если проследовать по виале Буоцци в направлении Тибра и дойти до склонов Париоли, то обязательно встретишь на своем пути базилику Сант-Эудженио, чей внушительный фасад из травертина господствует на виале делле Белле Арти. Это сооружение возведено в сороковые годы по воле Пия XII на участке, подаренном церкви рыцарями Колумба*. Финансирование работ проводилось на пожертвования католиков всего мира, желавших увековечить двадцать пятую годовщину епископского рукоположения понтифика. Базилику построили по проекту Энрико Галеацци и Марио Редини в период между летом 1943-го и мартом 1951 года. 2 июня того же года папа Пачелли освятил ее главный алтарь в честь своего тезки, святого Евгения.

В сентябре 1980 года приход был вверен священникам Opus Dei, взявшим на себя обязательство «тянуть повозку туда, куда скажет местный епископ» и убежденным в том, «какая это великая радость суметь сказать: я люблю свою Мать, Пресвятую Церковь» (Эскрива де Балагер, «Путь», № 518). К собору примыкает колокольня высотой тридцать три метра, монастырь

* Рыцари Колумба — христианское братство, возникшее в рамках Римско-католической церкви, объединяющее практикующих мужчин-католиков и основанное для благотворительной, социальной деятельности. Целью этого движения является продолжение дела Христофора Колумба, принесшего христианство в Новый Свет.

с двором-патио и большая спортивная площадка. В плане церковь представляет собой латинский крест, имеет три нефа, шесть боковых капелл и одиннадцать алтарей; мозаики абсиды — это творение Ферруччо Ферраццы, а изображение сцен крестного пути — задумка, воплощенная в бронзе Джакомо Манцу. В пресвитерии доминирует внушительная статуя святого Евгения. По левую руку от него — маленькая капелла с двумя молитвенными скамеечками. Над алтарем висит портрет основателя «Божьего Дела»*.

«2 октября 1928 года, во время праздника святых ангелов-хранителей, Господь пожелал, чтобы возникла Opus Dei, мобилизующая всех христиан, готовых с радостью жертвовать собой ради других, дабы обожествить все пути человеческие на этой земле, придать святость любой достойной работе, честному труду и всякому из мирских занятий». Так сорок лет спустя Хосемария опишет свое юношеское видение о «всеобъемлющем и тотальном» благоволении Бога к его будущей организации. Стало быть, институт образовался по прямому божественному указанию с целью спасти, искупить мир, но не удаляясь от его суеты, а «христианизируя его» как бы изнутри. Согласно формуле самого основателя: «Освяти свою работу, освяти себя самого в процессе работы, освяти других через свою работу».

И действительно, члены Opus Dei — это врачи, журналисты, банкиры, адвокаты, менеджеры, медсестры, водители, продавцы. В общем, труженики из средних и относительно зажиточных слоев, вовлеченные во все узловые моменты ассоциированной жизни города. Статья 116 статута от 1982 года категорически заявляет, что новые адепты должны рекрутироваться прежде всего из числа «интеллектуалов», в частности тех лиц, которые ввиду «блестящей культуры и образования, занимаемых должностей и признанной авторитетности» могут оказать серьезную поддержку достижению стоящих перед организацией целей.

По мнению Эскрива, Opus Dei должна была стать «внутривенной инъекцией в кровеносный поток социума». Ее символ — крест, вписанный в круг, — призван зримо продемонстрировать миссию по канонизации окружающего мира изнутри. Известна одна показательная история, которая хорошо иллюстрирует тотализирующий, подавляющий дух этой структуры. Хосемария Эскрива, рукоположив своих первых трех священников — Альваро дель Портильо, Хосе Мария Эрнандеса де Гарника и Хосе Луис Мускиса, — заметил с досадой, что никто из них не курил. В Испании сороковых годов это

* Opus Dei в переводе с латинского — Дело Божие. *Прим. ред.*

рассматривалось как аномалия, между тем никому не следовало думать, будто члены «Дела Божьего» оторваны от мира сего и отличаются от всех прочих. Поэтому учредитель ультимативно заставил одного из троицы начать курить. Случай распорядился так, что первым сигарету опробовал Портильо — он и станет его самым преданным учеником и преемником.

Сперва Эскрива не задумывался о точном названии для своего «творения». Он ввел в оборот название Opus Dei после случайного вопроса своего духовника: «Как продвигается дело Божие?» Дело Божие, именно так.

Разумеется, это самое «Божие Дело» — вовсе не религиозный орден, как, например, францисканцы или доминиканцы, но и не светское движение. Оно объединяет под своим крылом мужчин и женщин, мирян и священников, и с течением лет Ватикан постепенно классифицировал его как благочестивый союз, церковное сообщество, гражданский институт.

Своими правилами, способами, форматом действий, одержимостью идеей подчинения «Божие Дело» напоминает могучий орден иезуитов, который мы уже обсуждали. Кстати, если помните, он тоже возник в Испании (но в XVI столетии по инициативе Игнатия Лойолы). Мрачная, угрюмая испанская религиозность чувствуется и в Opus Dei. Доминирование организации над своими последователями, в сущности, абсолютно, а послушание требуется если не до степени полного изнурения, как у иезуитов, то, во всяком случае, «слепое», ибо сам основатель определил его как предпосылку «пути святости».

Все члены Opus Dei, включая «внештатных», которые, ко всему прочему, женаты или замужем и живут в семьях, дают клятву всегда консультироваться с вышестоящими лицами организации по любому профессиональному или социальному вопросу, а также поверять им самые деликатные, интимные тайны. «Штатные» единицы, то есть полноценные члены внутри структуры, в момент вступления в ряды организации должны составить завещание в пользу Opus Dei, передав ему все имеющееся и будущее имущество. Еще несколько лет назад — вероятно, эта норма действует и до сих пор — «заявители» должны были подписывать при вступлении незаполненный бланк, позволявший Opus Dei «отчуждать ту или иную их собственность, которая, хотя и не записана на имя института, но предоставлена в его распоряжение и управление» (статья 372*). Над всем и вся превалируют принцип и обязательство поддержания секретности. Член организации

* Закрытые пункты статута прелатуры Opus Dei. *Прим. ред.*

никогда, ни при каких обстоятельствах не должен рассказывать кому-либо о своей принадлежности к ней. Он не имеет права раскрывать имена прочих лиц, к ней примкнувших. Сдержанность предписывается соблюдать даже в сфере домашнего быта и семейного обихода. Исключений крайне мало: верхушка иерархии сама определяет тех, кто может заявить открыто о своем членстве.

Для женщин внедрены особые нормы, базирующиеся на гендерной дискриминации, что в принципе вполне ожидаемо со стороны такого неприкрыто мачистского объединения. Среди женщин, которые проживают в резиденциях Opus Dei, имеется большой процент «вспомогательного персонала», выполняющего функции «тылового обеспечения»: они готовят, моют, убирают, обустраивают пространство. В виде компенсации за этот труд их освобождают от обязательного покаяния, накладываемого на сестер более высокого ранга, — необходимости спать на жестком топчане.

Первые сведения и отголоски информации о практически неизвестной широким массам структуре собрал в серии статей для еженедельника «Эспрессо» (весна 1986 года) Сандро Маджистер. С тех пор стало возможным узнавать и предавать огласке касающиеся ее новости, невзирая на то что завеса секретности оставалась очень плотной: поговаривали даже о белом, или католическом, масонстве. Или же, в уничижительном смысле, о «спруте Господа», то есть мафии (O(cto)pus* Dei).

Хосемария Эскрива родился 9 января 1902 года в семье, принадлежавшей к средней буржуазии, в Барбастро, сельском городке одной из арагонских провинций на севере Испании. Малышом сраженный страшнейшей болезнью — менингитом, он оказался на волосок от смерти. В отчаянии его мать Долорес принесла мальчика в старинный храм-святилище Мадонны ди Торресьюдад. Ребенок необъяснимым образом выжил и выздоровел. В 1915 году торговавший тканями и сукном отец обанкротился, и все семейство перебралось в Логронью. Здесь, по версии официальной биографии, Хосемария впервые ощутил тягу к своему истинному призванию, проявившуюся в тот момент, когда он увидел на снегу отпечатки босых ступней одного священника.

Между пятнадцатью и шестнадцатью годами он решил стать священником и приступил к занятиям в местной семинарии. В 1923 году его зачислили на факультет права университета Сарагосы, а в 1925 году рукоположили. 2 октября 1928 года, имея за плечами всего двадцать шесть лет жизни, он

* Octopus (англ.) — спрут, осьминог. *Прим. ред.*

учредил Opus Dei. Все произошло очень быстро — одного этого достаточно, чтобы почувствовать, с каким лихорадочным динамизмом действовал и как был воодушевлен молодой человек. В 1946 году, едва завершилась война, Хосемария отправился в Рим, где и прожил до самой своей кончины в 1975 году.

На церемонии его канонизации в 2002 году Иоанн Павел II среди прочего сказал следующее: «Святой Хосемария был избран Господом, дабы возвестить универсальный призыв к святости и указать дорогу к ней в повседневной жизни, которая в привычных, непримечательных поступках и содержит в себе залог духовного странствия, освящающего ее. Полагаю, справедливо было бы назвать его святым обыкновенности». В реальности «святой обыкновенности» был фигурой весьма противоречивой и часто подвергавшейся критике. Прежде всего за вероятную поддержку им франкистского режима. Действительно, развитие и экспансия Opus Dei напрямую соотносятся с годами диктатуры Франсиско Франко в Испании. Тому же Франко 23 мая 1958 года священник Эскрива, находясь в Риме, адресовал более чем примечательное, многозначительное послание, отрывок из которого мы процитируем здесь:

Будучи чужд любой политической активности, я все-таки не могу не возрадоваться как священнослужитель и как испанец тому обстоятельству, что авторитетный голос главы государства провозгласил следующее: «Испанская нация считает для себя делом чести соблюдение заветов Господа по единственно верной доктрине Святой Римско-католической и апостолической церкви, нераздельной с национальным самосознанием; ею же будет вдохновляться и законодательство».

Более чем обязывающее письмо, в котором церковный статус, политическая принадлежность и гражданская роль религии тесно переплетаются.

Газета «Чикаго трибюн» написала в 2003 году: «Когда генерал Франко одержал победу в гражданской войне, Эскрива выровнял линию своего поведения с авторитарным строем, а многочисленные члены Opus Dei заняли стратегические посты в правительстве». К примеру, в 1975 году три члена этой организации были назначены министрами: экономист Альберто Улластрес Кальво — торговли; банкир Марианно Наварро Рубио — казначейства; ученый Лауреано Лопес Родо — иностранных дел (сначала секретарем, а затем министром без портфеля). В целом восемь человек из Opus Dei побывали министрами при испанском каудильо между 1939 и 1975 годами.

Стоит отметить, что в годы гражданской войны (1936–1939) испанская церковь почти в полном составе сплотилась в филофранкистском блоке, тем более что на республиканцах было несмываемое пятно пролитой крови многих священников и монахинь. Хотя при Франко многих участников Opus Dei тоже преследовали по политическим мотивам и бросали в тюрьмы за критику режима. В основном это были фигуры мелкие и маргинальные для организации, но они должны быть упомянуты в числе жертв франкистского режима.

Еще более гнетущее впечатление производят вменяемые Эскриве прогитлеровские симпатии — серьезное обвинение, сформулированное натурализовавшимся в Англии чехословацким священником Владимиром Фельцманом, вступившим в Opus Dei в 1959 году и вышедшим из него в 1982 году. Через два года после своей отставки — точнее, 11 мая 1984 года — Фельцманн согласился на подробное интервью католическому немецкому теологу Петеру Хертелю в Лондоне. В нем он обрушился с суровой критикой на основателя организации: «Если в своей жизни он что-то ненавидел всей душой, так это коммунизм. Он видел в нем беспримесное зло, ибо и сам от него пострадал. Нацистскую Германию он рассматривал сквозь призму крестового похода против коммунизма, а Гитлер в его глазах был вождем антимарксистской кампании». И добавил к сказанному еще одну деталь: «Каждый рядовой член Opus Dei решил спонтанно завербоваться в ряды “Голубой дивизии” [испанских волонтеров, воевавших в СССР бок о бок с немцами]. Их туда не взяли, конечно, но порыв был внезапным и коллективным».

Фельцманн рассказал и о том, как Эскрива однажды доверился ему, произнеся такую тираду: «Я думаю, что люди, по мнению которых Гитлер убил шесть миллионов евреев, несомненно, преувеличивают. Он мог уничтожить максимум миллиона три-четыре». Эти жестокие, циничные слова, воспроизведенные журналом «Ньюсуик» 13 января 1992 года, были пару недель спустя опровергнуты прелатом организации Альваро дель Портильо.

Все обвинения своего основателя в антисемитизме Opus Dei опровергает, отсылая интересующихся к кинопленке от 14 февраля 1975 года. Во время встречи в Венесуэле один мужчина обратился к Эскрива так: «Падре, я еврей…» На что тот, перебив его, сказал: «Я очень люблю евреев, поскольку до безумия люблю Христа, а Он — еврей. Не говорю, что он был евреем, он им и остается. Iesu Christus eri et hodie ipse et in saecula. Иисус Христос продолжает жить, и Он еврей, как и ты. Вторая главная любовь моей жизни — тоже из евреев: блаженная Дева Мария, мать Иисуса Христа. Поэтому

я смотрю на тебя с чувством искреннего расположения…» На что мужчина произнес: «Полагаю, Вы ответили на мой вопрос, падре».

В адрес Opus Dei раздавались критические голоса и из недр самого католического мира, прежде всего со стороны иезуитов, соперничество «Божьего Дела» с которыми никогда не утихало, как и их неусыпная подозрительность. Верховный генерал иезуитов Влодзимеж Ледоховский (1866–1942) в докладе, подготовленном для ватиканской курии, написал, что Opus Dei «крайне опасна для церкви в Испании», при этом он детально проанализировал характеристики секретности организации, в которых узрел «признаки замаскированной склонности господствовать над миром в специальном формате христианского масонства».

Однажды дон Луиджи Джуссани (основатель и лидер движения «Сопричастность и Освобождение») высказал в беседе с Витторио Мессори одно соображение (которое тот воспроизвел в монографии *«Opus Dei. Расследование»*): «Видите ли, мы из CO всего лишь молодняк, балилла*, нерегулярно собираемый и действующий скрытно, исподтишка. Они же, из Opus Dei, идут вперед как танки: закованные в броню и хорошо оснащенные, на гусеничном ходу, хотя и с резиновым покрытием. Шум и треск не слышны, но они есть, вот так-то. И мы все более отдаем себе в этом отчет». В интервью, опубликованном «Мулино» в 1984 году, Джузеппе Доссетти, католик, трепетно относящийся к евангельским ценностям и рукоположенный в священники в 1959 году, выразил свое мнение по поводу Opus Dei: «Я намереваюсь изучить “Комментарий для клира, проповедников и миссионеров” и найти там… отрывок одного документа Конгрегации по вопросам духовенства, разрешившего Opus Dei вести деятельность в диоцезах и представлять епископату только часть положений своего статута. Здесь мы сталкиваемся с тотальной нехваткой демократии… Ясно, что реакция епископов была бурной. К тому же некоторые методы и уловки засекречены. Чем же тогда все это отличается от масонства?»

Согласитесь, порой сложно взвесить степень объективности и правдоподобия отдельных оценок и суждений, причем нередко весьма контрастных. А вот ключевая политическая линия Opus Dei вполне вычленяема и заметна, в том числе потому, что она, по сути, во многом совпадает с теми установками церкви и ее большинства, которых неуклонно придерживалась

* Balilla в переводе с итальянского «пуля». Пришедшие к власти в Италии фашисты так называли отряды малолетних юнцов — «Опера Национале Балилла» — итальянский вариант гитлерюгенда.

в Свинцовые годы XX века, когда две диктатуры — нацифашизм и коммунизм — пускали Европе кровь, оспаривая господство над ней. Добавим, что та же направленность мысли и действия была свойственна и Пию XII, что, в частности, привело к уже затронутому нами двусмысленному поведению, спровоцировавшему шквал обвинений в его адрес. Но все эти священники считали колоссальной угрозой победу только одного из зол — атеистического коммунизма. Нацизм был столь же безбожен, но казалось, что с гитлеровским режимом можно было достичь взаимоприемлемого согласия или хотя бы сожительства без кровопролития; с коммунизмом это было бы абсурдом априори, совершенно невозможным решением, так как он уже с элементарных азов воспитания и образования претендовал на ликвидацию самой идеи Бога.

28 ноября 1982 года, после полувекового исторического пути, Opus Dei получила в дар от Иоанна Павла II личную прелатуру, первую (и до 2009 года единственную) в католической церкви. Ее прелатом стал Альваро дель Портильо. Этот торжественный акт ознаменовал собой завершение длительных баталий внутри курии. При Павле VI высокопоставленная ватиканская иерархия поглядывал на Opus Dei с подозрением. Если изучить документацию по процессу беатификации Эскрива, то, к примеру, выяснится, что без малого шесть лет, с 1967 по 1973 год, этот понтифик отказывал ему в аудиенции.

Преемник Эскрива, Альваро дель Портильо, сумеет отыскать и протоптать прямую дорогу к папе, что станет предпосылкой всех последующих шагов этой организации. Затем, по восшествии на престол Кароля Войтылы с его четким благоволением к Opus Dei, ситуация упростилась, поэтому получение прелатуры было вполне логичным финалом. Польский папа, помимо прочего, хотел продемонстрировать и то, что он оценил помощь «Божьего Дела» в ходе двух тяжелейших кризисов: ИОР — «Банко Амброзиано» (см. главу «Банкиры Господа») и родной ему Польши, где подготовленные профсоюзом «Солидарность» и инспирируемые церковью забастовки начинали дестабилизировать ситуацию в правящей партии, которая контролировала правительство и подчинялась Москве с раболепной покорностью.

Слово «прелатура» означает нечто вроде диоцеза (епархии) без конкретной территории. Она возглавляется прелатом, который зависит напрямую от понтифика, и представляет собой автономную с организационной и финансовой точек зрения структуру, обладающую правом рукополагать собственных священников. Согласно данным «Папского ежегодника» 2004 года, в рядах Opus Dei по всему миру состоят 1850 священников

и 83 641 мирянин (из них около 55 процентов — женщины). Первым итальянцем, примкнувшим к организации в 1947 году, был молодой римский адвокат. Сегодня в Италии около четырех тысяч прихожан этой прелатуры: это преимущественно профессиональные рабочие и признанные специалисты в своих областях. Достаточно в ее рядах и политиков. Так, в апреле 2006 года в сенат была избрана Паола Бинетти, «внештатный» член Opus Dei. До этого тоже «внештатник», Альберто Микелини стал депутатом нижней палаты итальянского парламента от партии «Вперед, Италия»*. Апостолические центры и учреждения прелатуры присутствуют сегодня более чем в двадцати семи итальянских городах.

Путь к принятию в Opus Dei длителен, ритм ему задает цепочка последовательных этапов, каждый — со своими строгими правилами — имеет слишком много общих черт, которые роднят Opus Dei с прочими тайными организациями. В общем, первым пунктом должно стать письмо с просьбой о вступлении в Opus Dei. Направлять его можно в возрасте не моложе шестнадцати с половиной лет, но попасть в «кандидаты» реально уже с четырнадцати с половиной. По истечении шести месяцев происходит собственно «прием» — короткая церемония в присутствии двух штатных членов организации, в ходе которой новичок соглашается с условием «жить в духе Opus Dei». Через полтора года следует «проскомидия», в данном контексте — формальный контракт, санкционирующий юридическую инкорпорацию нового члена: «Я, будучи полностью свободен и независим, твердо заявляю о том, что хочу полностью отдать себя делу достижения святости и заниматься апостолическим служением со всей своей энергией, в соответствии с духом и практикой Opus Dei… Я принимаю обязательство пребывать под юрисдикцией прелата и компетентных органов власти прелатуры» и далее по тексту.

Соглашение должно подтверждаться и возобновляться 19 марта каждого года (праздник святого Иосифа, покровителя трудящихся и патрона-заступника Opus Dei). Спустя пять лет наступает фаза «верности», то есть человек обретает постоянное членство, и необходимость в ежегодной процедуре отпадает.

---

* «Вперед, Италия» (итал. Forza Italia) — крупнейшая правая партия Италии (около 400 000 членов в 2006 году). Основана в 1994 году. Лидер — Сильвио Берлускони. Ведущая партия коалиций «Полюс свобод» и «Дом свобод». На выборах 2006 года в нижнюю палату парламента получила 23,7 процента голосов и 140 мест из 630, на выборах сената — 23,6 процента голосов и 79 мест из 315, уйдя в оппозицию. В 2009 году объединилась с Национальным альянсом, создав партию «Народ свободы».

Существуют различные категории участников. В основном (примерно семьдесят процентов) это внештатные члены: женатые или замужние люди, живущие в собственных домах, работающие, исповедующиеся у священников организации и имеющие духовного наставника из числа внутренних членов.

Вторая категория — «штатники» (а это двадцать процентов от общего количества) — проживают в центрах Opus Dei, соблюдают целибат, готовятся к проповедническим миссиям и обучению прочих верующих, приписанных к прелатуре. Все их финансовые средства, за исключением небольших сумм, необходимых для личных расходов, идут на финансирование организации. По крайней мере два часа в день, кроме воскресенья и праздников, они носят власяницу — пояс из грубой ткани с приделанными к нему шипами, который затягивают на бедре. Раз в неделю, во время чтения молитвы «Падре Ностро» («Отче Наш»), они используют также «бечеву» — плетку, которой стегают себя и товарищей по спинам. Для Opus Dei низменные инстинкты плоти предосудительны, с ними нужно бороться. А вот боль и муки — это желанное средство искупления и, стало быть, спасения души. Сам Эскрива говорил об этом откровенно: «Да будет благословенно страдание. Возлюбите его, пусть оно станет священным. Воспойте ему осанну». И в другом месте: «Если ты знаешь, что тело твое — враг тебе самому, то оно враждебно и славе Господа, ибо только в нем сокрыта святость твоя; так почему же ты обращаешься с телом своим столь угодливо и ласково?» («Путь», № 208 и 227). Настойчиво рекомендовалось целомудрие. В одном из разделов своей книги *«Путь»* основатель Opus Dei вопрошал: «Дабы сберечь свою невинность, святой Франциск Ассизский катался в снегу, святой Бенедикт кидался в ежевичник, святой Бернард бросался в замерзший пруд… А что сделал ты?»

Opus Dei предусматривает в своей системе рангов так называемых «помощниц» (ausiliarie): более четырех тысяч женщин, работающих по полному графику и выполняющих разнообразные хозяйственные функции во всех центрах и учреждениях организации. Во время работы они должны быть облачены в униформу, кроме того, над ними установлен надзор и контроль в непрерывном режиме — перлюстрируется даже личная корреспонденция.

Некоторые критики усматривают в таком устойчивом неравенстве мужчин и женщин не столько привычную, хоть и латентную, мизогинию (женоненавистничество) церкви, сколько самую настоящую эксплуатацию на почве сексизма, причем в отрывке из «Пути», обращаясь к женщинам, Эскрива провозглашает: «Если вы хотите отдать себя Богу в миру, кроме

того, чтобы быть мудрыми — а женщинам мудрость не столь уж необходима, достаточно умеренности и скромности, — вы должны быть духовными, постичь единение с Господом через молитвенное сосредоточение. Вы должны набросить невидимый покров на все ваши чувства и способности: молиться, молиться, молиться; искупать, искупать, искупать свои грехи».

Такое мировоззрение неприемлемо в наши дни. Вероятно, его истоки следует искать в культурной атмосфере Испании первых десятилетий XX столетия, когда и сформировались жизненные взгляды самого Эскривы. Разумеется, силен и компонент сексофобии в предписываемой модели поведения. Элена Лонго, ранее бывшая полноправным членом организации, написала эссе под названием *«Повседневная жизнь штатного члена Opus Dei»*, опубликованное в 2005 году в журнале «Клареттианум». В нем читаем:

> *Аскетизм самого учреждения требует того, что внутри называется «суровым присмотром за сердцем». Это правило должно соблюдаться и при прочих обстоятельствах повседневной жизни, в кругу коллег, знакомых и друзей. Женщинам-членам, равно как и мужчинам из параллельной секции, надлежит любыми способами избегать обычной или же внеочередной работы в одном помещении бок о бок с коллегами противоположного пола и стараться всегда держать открытой дверь комнаты, где они находятся в данный момент по той или иной причине. Не разрешается соглашаться на поездку в автомобиле с лицами другого пола или предлагать таковую самому. Если же текущая обстановка делает для женщины — члена организации невозможным или крайне затруднительным точное исполнение этих мер предосторожности, тогда предпочтительнее отказаться от должности, чем подвергать опасности свой жизненный выбор апостолического безбрачия.*

Наконец, священники. Под непосредственным руководством прелата Рима их общее число — 1850 человек. Другие 2000 священников входят в религиозное Общество Святого Креста, тесно связанное с Opus Dei. В структуре организации имеется множество «апостолических учреждений», контролируемых и управляемых ею. Среди них: 15 университетов, где учатся более 80 тысяч студентов (крупнейшие — университет Памплоны (Наварра, Испания) и недавно образованный биомедицинский кампус Рима), 7 больниц (1000 врачей и 1500 медсестер), 11 школ бизнес-администрирования, 36 начальных и средних школ, 96 институтов профессионального образования,

166 университетских резиденций и общежитий, телевизионное новостное агентство *(Rome Reports)*. Внушительная организация, чей капитал был оценен журналом «Тайм» (24 апреля 2006 года) приблизительно в три миллиарда долларов.

Без сомнения, более всего наше коллективное воображение будоражит тот загадочный ореол секретности, который окружает Opus Dei. Организация скрывает не только статьи своего бюджета, но и имена тех, кто является или перестает быть ее членами. Статья 191 конституирующего документа от 1950 года гласила: «Члены должны знать, что им придется всегда хранить осторожное молчание на тему имен прочих присоединившихся, равно как никогда не раскрывать собственную принадлежность к Opus Dei». Позднее статья была модифицирована статутами 1982 года, ее действие теоретически сохраняется до сих пор. Каждый может по своему усмотрению рассказывать или молчать о своей связи с Opus Dei. Тем не менее на практике конфиденциальность является обязательной для всех, исключая тех, кому официально поручается озвучить этот факт. Поэтому даже сейчас имена и точное количество членов Opus Dei широкой публике неизвестны.

Отнюдь не все в состоянии сопротивляться психологическому давлению, которое влечет за собой вступление в Opus Dei. Для многих невыносимы дисциплина власяницы или тотальный контроль. Но, войдя в эту дверь однажды, выйти не так просто. В последние годы была издана серия книг, в которых рассказывается о перипетиях и притеснениях (нередких), сопровождавших подобные эксперименты, прежде всего в отношении женщин. К примеру, впечатляющи и показательны воспоминания Марии дель Кармен Тапиа, содержащиеся в книге «За порогом. Жизнь в Opus Dei». Там довольно резко описываются повседневная жизнь и постоянные унижения, частые стычки и острые взаимоотношения с охраной и надзирающими лицами. Если девушка начинает выражать намерение покинуть организацию и вернуться к семье и миру, привычная суровость перерастает в настоящее преследование. Автор пишет:

Вернувшись в свою комнату после допросов, я заметила, что они обыскали ее, перевернув вверх дном. Телефон прослушивался постоянно членом местного совета. Они меня не заставляли убирать, но и не позволяли спускаться в обеденный зал. Еду мне приносили в комнату… Я была настолько напугана, что все время дрожала. Я боялась, что они упекут меня в сумасшедший дом, как уже поступали с другими людьми.

Однажды, воспользовавшись минутным отдыхом вышестоящего руководства, она смогла дозвониться до мужа своей подруги. Коротенькое сообщение, в ужасе от мысли, что ее поймают с поличным. Но мужчина сумел ухватить его смысл и в итоге добился, чтобы ее отпустили. Однако ее унижения на этом не прекратились:

Мне велели пойти в зал собраний… Монсиньор Эскрива начал метаться туда-сюда в возбуждении, весь пунцово-красный от ярости, повторяя при этом: «Не говори ни с кем ни об Opus Dei, ни о Риме… потому что если я узнаю, что ты плохо о нас отзываешься, то я, Хосемария Эскрива де Балагер — а в моих руках вся мировая пресса, — опозорю тебя публично». И, глядя мне в глаза с испепеляющим гневом, размахивая руками, словно ему хотелось избить меня, проорал: «Грязная шлюха!»

Самая недавняя по времени публикации книга собрала многие другие свидетельства и комментарии. Речь идет о «Неизвестной Opus Dei» Ферруччо Пинотти. Например, там заметно выделяется рассказ Амины Маццали, тридцатишестилетней флорентийки: «Они начали предлагать мне примкнуть к Opus Dei, когда мне было всего пятнадцать лет, в 1985 году. И я вовсе не была самой юной». Амина становится штатным членом, скрыв это от родителей:

Все происходившее было кошмаром: в Opus Dei мне советовали прекратить общаться с родителями… Мне говорили: «Они вне нашего круга, в них нет нашего духа, вероятно, они и не поймут тебя вовсе… у них не может быть того состояния просветленности и благорасположения, чтобы дать тебе подходящий совет. Попроси его лучшего у одного из нас либо у священника Дела Божьего».

Ведя жизнь в штате, Амина следует всем типичным ритуалам организации:

В семнадцать лет я приступила к умерщвлению плоти: я должна была носить власяницу, шипованный ремень на ноге и хлестать себя бечевой. Это не вопрос выбора или чего-то добровольного: от тебя ясно и категорически требуют умерщвления плоти… С того момента мои взаимоотношения с Opus Dei базировались целиком на чувстве вины.

Амина пускается в детальные описания: пояс власяницы представляет собой «металлический ремень, составленный из колец различного размера, каждое из которых имеет зазубрины и острия; его цепляют к верхней части бедра. Можно регулировать или затягивать его по своей воле, естественно, это зависит от самоощущения человека: завязать его, как жгут, или, наоборот, ослабить. У меня остались шрамы, они есть до сих пор. Сейчас их особо не видно, а вот когда они только появились — зрелище было отвратительным, страшным». Амина должна была носить пояс ежедневно: «Я надевала его на два часа в день. Если это выпадало на период учебы, то нога мало-помалу теряла чувствительность. Когда сидишь, все еще терпимо, но стоит встать или пойти куда-то, тут да, в самом деле больно». К телесным экзекуциям добавлялась психологическая зависимость. Предоставим слово Амине:

Методика закабаления воли членов Opus Dei такова: тебя учат сомневаться в себе самом и в своей способности к самостоятельным суждениям, а также доверять лишь тому, что сообщается тебе начальством и самой структурой. Шаг за шагом тебе демонстрируют, что ты больше не можешь должным образом распоряжаться собой. От тебя требуется следовать указаниям вышестоящих лиц, лучше тебя знающих, что тебе пойдет во благо… Вот их девиз: «Кто подчиняется, тот никогда не ошибается».

Амина отмечает и чрезмерный прозелитизм Opus Dei: «Стратегия прозелитизма напоминала маркетинговые ходы какой-нибудь фирмы. Тебе устанавливали число людей, которых необходимо привлечь в организацию, формулировали самые настоящие тактические схемы и задачи. Помимо этого, существовали специальные мероприятия по рекрутингу новых членов: курсы журналистики, уроки латыни, конференции, семинары и симпозиумы. И ты должен был затащить туда потенциальных кандидатов». Когда молодая девушка начала страдать от депрессии, ей прописали психотропные средства. В итоге к концу девяностых годов она решила вырваться из этих удушающих объятий.

Opus Dei вновь оказалась на гребне общественного внимания после всемирного успеха бестселлера Дэна Брауна «Код да Винчи». Весьма скромное с художественной точки зрения творение, оно все же достаточно хорошо скроено в плане нарратива, все элементы подогнаны друг к другу; прежде всего он так блестяще схватывает и живописует чувство глубокой

подозрительности в отношении Opus Dei, что это заставляет пренебречь бесчисленными неточностями, которыми усеян текст. К примеру, убийца-альбинос Сайлас назван в романе монахом из Opus Dei — организации, которая между тем никогда не являлась монашеским орденом и не имела таковых в своей структуре. Очевидно, что Дэн Браун исхитрился ловко воспользоваться аурой мрачных легенд, циркулирующих вокруг этой организации. Она же, в свою очередь, ответила пресс-релизом прелатуры, выпущенным в Нью-Йорке в 2003 году. Там говорилось, что книга «изображает членов Opus Dei как практикующих жуткие истязания плоти и убивающих людей; утверждает, что прелатура не гнушается средств принуждения и промывания мозгов; там же проскальзывают инсинуации о якобы имевших место быть гарантиях ватиканскому банку в обмен на статус персональной прелатуры. Все эти заявления абсурдны и являются необоснованными».

Важнейший аспект функционирования любой организации — это деньги. Джон Рош (штатный член Opus Dei с 1959 по 1973 год; преподает историю науки в Оксфорде, исповедует католицизм) оставил свое свидетельство, тоже опубликованное в уже цитировавшейся книге Пинотти:

Opus Dei была организацией фашистского образца, в эпоху моего вхождения в нее секретность была абсолютной. Кроме того, она была очень враждебно настроена к иезуитам. Ее члены почитали и одновременно боялись Эскрива де Балагера. Вспышки его гнева были достойны Гитлера.

И насчет финансов:

Для меня сюрпризом оказался тот факт, что молодые члены, принесшие евангельские обеты бедности, целомудрия и послушания, просто-таки жаждали работать в банках, на фондовых и валютных биржах, в бизнесе, компаниях по экспорту-импорту, дабы накопить состояние, предназначенное для Opus Dei. Они с гордостью культивировали идею богатства и преуспеяния.

И еще о том, что Opus Dei

контролирует широкую сеть мультинациональных бизнес-структур и владеет огромным количеством собственности, разбросанной по всему свету. Она стала более чем состоятельна благодаря своим

вспомогательным и дочерним фирмам: компании курируются Opus Dei и управляются ее светскими членами… Ей же принадлежат газеты, журналы, издательства, факультеты журналистики, новостные агентства и прочие СМИ, она активно вовлечена в индустрию кино и телевидения.

По сути, аналогичные обвинения можно прочесть и в открытом письме, направленном группой бывших штатных членов папе Ратцингеру в октябре 2005 года: «Нас тревожит, что верхушка Opus Dei систематически нарушает церковное и гражданское право». Преступаются, добавляют они, «моральные и гражданские нормы, относящиеся к использованию денег, статей контрактов и налоговых обязательств… Руководящие органы не брезгуют заключать безнравственные или незаконные сделки, а также манипулировать в нужном ключе потоками информации». Наконец, Opus Dei свойственна «личная эксплуатация через аберрантное*, некорректное применение обязательств бедности, непорочности и послушания, что превращает ее в самую что ни на есть секту по причине отчуждения индивидуальной свободы во имя слепого подчинения… Детей и молодежь принуждают к разрыву со своими семьями, запрещают даже держать фотографии родителей у себя в комнатах».

Последовательное появление таких схожих обвинений, выплывающих на поверхность в разные моменты времени, в разных местах из уст совершенно разных людей, порождает неудобные вопросы. Тот же Дэн Браун, несмотря на лихо закрученную до наивности фабулу, не решился бы в *«Коде да Винчи»* представить Opus Dei в таком злодейском, чуть ли не пародийном образе, не будь он уверен, что встретит понимание, основанное на чрезвычайно распространенном убеждении. Впрочем, Opus Dei, кажется, тоже осознала в последние годы необходимость большей открытости. После выхода книги Пинотти она ответила публикацией многочисленных положительных отзывов о себе на своем же сайте (www.opusdei.it). Например, Марты Ризари, члена миланской ячейки, более десяти лет занимающей пост директора центра Opus Dei в Вероне:

Я организовала много образовательных мероприятий, причем мне всегда помогала моя семья и многие другие семьи, с радостью видевшие, что их дети заняты увлекательными делами… Вспоминаю курсы по экономическим

* Отклоняющееся от нормы, плохо адаптивное, патологическое. *Прим. ред.*

предметам и семинары на тему женской идентичности применительно к труду, волонтерские микропроекты для инвалидов, стариков и сирот в Вероне или же в Венгрии, только-только сбросившей ярмо коммунизма. Большой энтузиазм вызвало участие многих девушек в Днях молодежи в Лорето, Париже и Риме. Вместе с группой смелых веронских студенток, готовых оказывать содействие беженцам из регионов, охваченных войной, мы устраивали полные приключений празднования Рождества и Нового года в Хорватии… Наставления и пример святого Хосемарии воодушевляют меня на то, чтобы встречать с радостью всех без исключения людей на моем пути и творить благо бок о бок сними. Мы можем помочь самым юным раскрыть свои способности и таланты, уверовать в Господа, довериться Ему, себе самим и своим ближним, научиться говорить с Богом просто и естественно.

С одной стороны, очень серьезные обвинения, с другой — бесконечный восторг, порой доходящий до экстаза. «Благословенной будет покорность твоя», — так учил основатель Opus Dei. Вполне возможно, что одни и те же лишения, назойливые вмешательства, закрытость от социума воспринимаются кем-то как невыносимое угнетение, а для других символизируют «благословенную покорность». Однако, кроме подобных полярных откликов и свидетельств, имеются и некоторые моменты внутренней жизни организации, которые продолжают провоцировать критику и недоумение.

Например, «Библиографический указатель», выпускаемый к сведению членов Opus Dei, не слишком отличается от Индекса запрещенных книг, в котором в течение 407 лет, с 1559 по 1966 год, фиксировались сочинения, запрещенные для чтения верующими. 60 541 том отрецензирован и классифицирован с присвоением всем внесенным в него книгам баллов — от 1 до 6. Произведения распределены следующим образом: от книг для всех (1) до тех, что нельзя читать без разрешения прелата (5 и 6). Не рекомендуются: Исабель Альенде, Норберто Боббио, Бенедетто Кроче, Ориана Фаллачи, Антонио Грамши, Карл Маркс, Джон Стюарт Милль, Бенедикт Спиноза. А также «Имя розы» Умберто Эко, произведения Альберто Моравиа, Эльзы Моранте, Марио Сольдати, Пьера Паоло Пазолини, Филипа Рота (одного из величайших ныне живущих авторов), Жана-Поля Сартра, Макса Вебера, Гора Видала, Вольтера и Эмиля Золя. Напротив, к прочтению рекомендуется *«Властелин колец»* Толкиена.

На любую критику по этому поводу представители «Божьего дела» реагируют так:

В Opus Dei рекомендуется информировать о том чтении, к которому человек хотел бы приступить, при условии сохранения свободы решать самостоятельно, присущей каждому индивиду. Следовательно, это можно трактовать как духовное упражнение: понять, что заслуживает быть прочитанным, и действовать в соответствии с желанием выбрать книги, созвучные своей вере и собственным независимым жизненным принципам. Нет ничего более далекого от «Индекса запрещенных книг».

Итак, простые советы, которые чаще всего провоцируют замешательство и растерянность, поскольку среди «отлученных» (vitandi) названий фигурируют общезначимые произведения культуры, литературы и современной мысли, пренебрегать которыми преступно.

Подталкивает ли Opus Dei своих членов к какому-либо политическому измерению образа жизни, деятельности и мышления? Если интерпретировать понятие «политика» в самом широком его значении, то, безусловно, да. Процитируем профессора Роша: «СМИ всего мира обвиняли Opus Dei в том, что она является политической организацией. В реальности ее интересуют преимущественно господствующие классы власть предержащих. Через них она старается приобрести политическое влияние. Но такого рода влияние не несет в себе какой-то особой, специфической идеологии… Opus Dei невероятно автократична и пропитана идеями, порожденными идеологией испанского фашизма, но направлены они на достижение религиозных целей».

Объединяющим началом различного опыта (за редким исключением) выступает поддержка сочувствующими Opus Dei людьми наиболее консервативных политических сил, поскольку официально декларированной политической линии у этой организации не имеется. Действительно, согласно распоряжению Эскрива, «Opus Dei не действует. Действуют его члены». Однако нет сомнений в явной тенденции к сближению с реакционно-консервативными кругами, особенно когда на кону деликатные этические вопросы вроде признания гражданских браков, эвтаназии, абортов, контрацепции, врачебного вмешательства при рождении или гомосексуализма.

Как любой организм, четко осознающий свое большое значение и вес, Opus Dei рассматривает в качестве первоочередной задачи сохранение, укрепление и усиление своей роли. Такова глубинная направленность ее

«политики». В период понтификата Павла VI, противостоявшего Opus Dei и отказывавшего ей среди прочего в предоставлении вожделенной личной прелатуры, Эскрива предполагал довести дело до раскола, если эти отказы будут повторяться неоднократно. В журнале «Кроника» (выпуск II, 1972 год) он дошел до того, что высказал недвусмысленную угрозу: «Зло исходит изнутри церкви и от ее высшего руководства. В церкви наблюдается подлинное гниение, и порой кажется, что мистическое тело Христа — это не более чем дурно пахнущий разлагающийся труп». Затем, при папе Войтыле, поведение Opus Dei и отношение к ней Ватикана разительно изменились: в короткие сроки им была предоставлена персональная прелатура (1983 год), после чего к лику святых причислили отца-основателя организации (2002 год).

Период удач Opus Dei вроде бы продолжился и при папе Ратцингере. Чуть ли не через день после его избрания на престол епископ-прелат Хавьер Эчеварриа напомнил всем: «Новый понтифик хорошо знает миссию прелатуры. Он всегда может рассчитывать на усердие и старательность священников и мирян, входящих в нее и имеющих перед собой цель служить церкви, что всегда было единственным стремлением святого Хосемария Эскрива».

В марте 2002 года тогда еще кардинал Йозеф Ратцингер, участвуя в презентации книги Джузеппе Романо «Opus Dei. Послание, труды и лица», сказал:

Теоцентризм Эскрива де Балагера, совпадающий со словами Иисуса, — это вера в то, что Господь не покинул мир, что Он действует здесь и сейчас, а от нас требуется только отдать себя Ему полностью и бесповоротно, быть готовыми и способными ответить на Его призыв. Для меня именно это было и остается посланием колоссальной значимости, ибо оно приводит к преодолению того, что может считаться величайшим соблазном нашего времени: претензии на то, что после Большого взрыва Господь исчез из истории.

Будущий папа вник в самую сердцевину цели Opus Dei: отыскать Бога в истории, где бы Он ни находился и какие бы средства ни понадобились для этого.

Приложение
Когда церковь становится государством

Слово «Ватикан» восходит к эпохе античности. Поначалу оно обозначало местность, территорию. Ager vaticanus, ватиканское поле, которое считалось землей проклятой, вредной для здоровья, из-за чего пользовалось дурной славой. Об этом упоминает Авл Геллий в *«Аттических ночах»*, возводя истоки данного топонима к слову vaticinium: «Как ватиканское поле, так и его бог-покровитель заимствуют имя от “ватициний” — прорицаний-предсказаний, которые по обыкновению проявлялись сильно, будучи вдохновляемы богами, и произносились на этом холме». Ватиканская территория часто подвергалась наводнениям — разливам реки Тибр, поэтому долго оставалась заболоченной, населенной дикими животными и вредоносными насекомыми, зараженной малярией. Эти земли располагались позади природной возвышенности — так называемой Ватиканской горы (Mons vaticanus), которая была частью невысокого хребта, тянувшегося к западу от Рима, от Монте Марио до Яникула. На уровне собора Святого Петра холмистый рельеф уже давно практически исчез, сгладился вследствие активных земляных работ, которые потребовались для возведения базилики.

Тацит говорит о ватиканской зоне как об «отвратительном месте», возможно, еще и потому, что в этих безлюдных местах обустроили некрополь, который только подчеркивал зловещую ауру, присущую месту; во время бесчисленных выемок грунта, необходимых для закладки фундамента базилики и его укрепления, строители то и дело откапывали многочисленные человеческие кости. Позднее, примерно с I века н. э., благодаря постепенной мелиорации и дренированию этой территории возникли первые жилые дома. Сегодня на том самом месте находятся горделиво высящийся собор Святого Петра, часть зданий района Борги и больница Санто-Спирито.

Агриппина Старшая, жена Германика и будущая бабушка (если мне будет позволена легкая банализация) Нерона, приказала построить тут виллу

с окружающими ее садами, где император Калигула, преемник Тиберия на римском троне, соорудил цирк, позднее завершенный Нероном. В императорском цирке проводились забеги лошадей, колесниц и квадриг, пользовавшиеся огромной популярностью в Риме; здесь же, вероятно, из-за близости к примыкающему некрополю проводились казни христиан, обвиненных в предумышленном поджоге столицы в 64 году. Таким образом, эта область неуклонно урбанизировалась, хотя всегда оставалась на задворках, на периферии относительно центра города (Urbs).

Государство-город Ватикан (аббревиатура на автомобильных номерах SCV) является, согласно юридической терминологии, суверенным территориальным образованием — «субъектом международного права». Маленькое независимое государство занимает площадь в 44 гектара, в нем немногим более девятисот жителей, из которых примерно пятьсот — граждане страны с достаточно высоким годовым уровнем дохода на душу населения. Более того, все услуги (например, коммунальные) для граждан Ватикана бесплатны.

Его экономика базируется на выгодных инвестициях наличных средств, вкладах в недвижимость, ренте, денежных переводах из институтов и учреждений, разбросанных по всему миру, а также на ценных бумагах и различных формах дарения (с получаемыми в результате косвенными прибылями) со стороны Итальянской республики. Довольно сложно высчитать все суммы, поскольку отчетность не предается огласке, отдельные статьи бюджета замалчиваются. Журналист Курцио Мальтезе в проведенном им расследовании оценил стоимость государства-города Ватикан для Италии в общей сложности в 4 миллиарда евро. Математик Пьерджорджио Одифредди удвоил этот показатель — 9 миллиардов евро. Бюджетный баланс Ватикана составляется APSA (Администрацией владений и достояния апостолического престола) и контролируется префектурой по экономическим вопросам.

Как и любое другое государство, Ватикан обладает всем комплексом конституирующих элементов: территорией, армией, правом чеканить монету и вводить в действие законы, «национальностью» (гражданством), абстрактной концепцией государственности, символизируемой флагом, гимном, государственным языком и прочими компонентами. О территории уже было сказано выше. Вооруженные силы имеются, но их размер невелик, а функции сугубо церемониальны; однако полицейские подразделения весьма эффективны. Есть штандарт, разделенный на две одинаковые половины, желтого (ближе к древку) и белого цветов, где изображен герб — папская

тиара, венчающая скрещенные ключи. Гимном является «Папский марш», сочиненный Шарлем Гуно. Кроме того, функционируют судебные и следственные органы, хотя они, если уж по-честному, до сих пор не предоставили никаких доказательств своей работоспособности и беспристрастности; извинением для них служит тот факт, что в абсолютистском государстве их задача — скорее соответствовать политическим требованиям, чем изучать и выносить суждения, следуя объективной реальности.

Есть в Ватикане и структуры с юрисдикционным функционалом. Среди них особо известен трибунал Сакра Рота Романа, верховный церковный суд, признававший недействительными браки, что служило суррогатом развода в Италии вплоть до принятия соответствующего закона. Уже известный нам Сант-Уффицио сегодня улаживает доктринальные споры и разногласия, а когда-то рассматривал дела, за которыми следовали суровые приговоры, включая осуждение на смертную казнь, конечно, пока это было возможным. Именно печальные воспоминания о прошлых жестокостях подвигли понтификов сменить название, провести — говоря современным языком — ребрендинг, и сегодня в итоге мы имеем Конгрегацию доктрины веры.

Государство Ватикан имеет собственный банк — Институт религиозных дел (ИОР), о котором подробно рассказывалось в одной из глав; службу продовольственного снабжения — что-то вроде супермаркета. Там есть даже те товары, которые отсутствуют в продаже в Италии, причем по очень умеренным ценам, поскольку, как и в магазинах duty free при аэропортах, они освобождены от налогов, — будь то вина, ликеры или бензин. Допуск туда разрешен только резидентам Ватикана, но в реальности контроль не слишком придирчив, вероятно, преднамеренно. Одним словом, если у вас в Ватикане есть полезные знакомства, то проблемы исключены. До определенного времени в государстве существовал свой монетный двор, чеканивший и печатавший денежные знаки, но затем эти полномочия были переданы аналогичному органу Италии. Монеты и марки Ватикана имеют в основном нумизматическую ценность. Особенно востребованы те, что запускаются в обращение по случаю очередного понтификата.

Стоит упомянуть и о большом количестве СМИ. Если многие из ранее перечисленных прерогатив и функций эмбриональны, то есть их масштаб незначителен в сравнении с «настоящим» государством, то Радио Ватикана, напротив, мощнейший и развитый канал коммуникации. Вещание осуществляется на множестве языков в ближних и дальних странах, то есть возможностям радиосигнала и трансляции в режиме реального времени можно

позавидовать. Первые фразы в ватиканский радиомикрофон произнес папа Пий XI в 1931 году, когда была запущена спроектированная Гульельмо Маркони станция. Однако вскоре оборудование, расположенное внутри ватиканских стен, оказалось не совсем адекватным растущим нуждам.

В 1955 году Святой престол оборудовал большую радиостанцию в Санта-Мария ди Галериа, приблизительно в двадцати километрах от Рима. Ее гигантская антенна в форме креста видна издалека. Сверхсовременные, с широчайшим диапазоном аппараты гарантируют передачу программ на значительные расстояния, но они же доставляют неприятности многим людям, обитающим по соседству, провоцируя определенные риски; во многих домах можно слушать радио, просто открыв дверцу холодильника. По традиции наиболее ответственные должности в работе по подготовке и запуску в эфир программ на тридцати трех языках занимают иезуиты.

Официальный печатный орган Ватикана — это ежедневная газета «Оссерваторе Романо», чей возраст уже преодолел столетний рубеж. В ее первом номере сразу под заголовком была помещена надпись «Политико-моральная газета». В наши дни там можно увидеть двойной девиз: Unicuique suum — «Каждому свое» и Non prevalebunt — «Пусть не возобладают» (само собой, имеются в виду силы зла). Конечно, не все рубрики одинаково интересны и приятны взгляду, но это не отменяет того факта, что «Оссерваторе» озвучивает папу, стало быть, каждая строка газеты зорко отслеживается, чтобы не было никаких расхождений с линией Святого престола, политической или доктринальной. В трагические месяцы нацистской оккупации эту газету было днем с огнем не сыскать, ибо там публиковались новости, которые подцензурная итальянская печать сообщать не осмеливалась. Конечно, весьма осторожно, как в случае с церковными обычаями и нравами, но ватиканский печатный орган более-менее точно показывал градус политических баталий в мире и расклад военных действий на различных фронтах. Но если оставить в стороне такие из ряда вон выходящие прецеденты, то понятно, что направленность газеты в общем и целом заключается в поддержке самых консервативных воззрений и позиций церкви.

Принципиально иное понятие — Святой престол, где слиты воедино моральный авторитет личности и публичное право, связанное с тем, что понтифик выступает в качестве суверена государства Ватикан, которое можно определить как сферу папской юрисдикции. Святой престол направляет аккредитованных послов по всему миру, он признан постоянным

наблюдателем при ООН, имеет собственные представительства в ключевых международных организациях.

С институциональной точки зрения речь идет об избираемой, а не наследуемой монархии. Этот монарх избирается пожизненно ассамблеей влиятельных иерархов (кардиналов — князей церкви, собирающихся на конклав). В отправлении власти понтифику помогает «правительство» (курия), членов которого назначает он сам: им поручаются те или иные задачи, политико-административные направления работы или же доктринальные функции. Глава этого своеобразного кабинета министров — координатор курии — занимает должность государственного секретаря.

Как можно прочесть на сайте Ватикана, «в осуществлении своей верховной, полной, прямой и непосредственной власти над всей церковью римский понтифик пользуется услугами ведомств курии, которые тем самым действуют в рамках своих полномочий от его имени и его авторитетом во благо церкви и ее преосвященных пастырей». В обновленном Кодексе канонического права (от 1984 года) папа Войтыла распорядился четко прописать (канон 331), что понтифик «в силу своей функции и действительной власти является верховным, неограниченным, непосредственным и универсальным главой церкви, наделенным всей полнотой свободы в осуществлении своих обязанностей». Новаторским в данном контексте воспринимается слово «непосредственный», что означает власть «без какого-либо посредничества», фактически «абсолютную», — атрибуция подкрепляется каноном 333, который устанавливает, что «приговор или декрет римского понтифика не может быть оспорен, апелляции, ходатайства и обжалования запрещены».

Да и статья 1 Конституции Ватикана, вступившей в действие 22 февраля 2001 года, не оставляет сомнений в роли папы: «Понтифик, суверен государства-города Ватикан, обладает всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти». Это верно, поскольку Ватикан игнорирует не только так называемое «народное волеизъявление», предусмотренное представительскими (парламентскими) демократиями, но и принцип разделения властей, закрепленный в ходе либеральных реформ XVIII века. Кроме того, он оставляет без внимания всевозможные системы сдержек и противовесов, а также конституционные статуты, принятые с середины XIX столетия большинством европейских монархий.

Понятия «Ватикан», «Святой престол», «католическая церковь» часто смешивают, возникает путаница. Ошибки поощряются и некой

двойственностью, создаваемой самой церковью, которая скрещивает религиозную доктрину с земными заботами, духовностью и политикой.

Обращаясь к персоне понтифика, любопытно затронуть этимологию этого слова. На латыни pontifex означало «тот, кто прокладывает путь», то есть тот, кто открывает, помогает преодолеть дорогу к божеству, ведет человека к цели. Корень вокабулы транслирует идею «моста» (pons), а сами понтифики (pontifices) изначально должны были вести, указывать, обучать, корректировать устремления людей к священным ритуалам и предметам культа. Pontifex maximus возглавлял коллегию священников, наделенных различными полномочиями, среди которых выделялось право отбирать и назначать девственных весталок. Эта должность, вкупе со многими другими, была вручена Юлию Цезарю, а после него и всем римским императорам вплоть до IV века н. э., когда она утратила свое сакральное значение и — с содержательной точки зрения — постепенно перешла в ведение пап. Поэтому никого не удивляет, что церковь для своего ключевого поста адаптировала титул с такой богатой традицией и смысловыми оттенками.

Когда папский трон вакантен, Святым престолом руководит коллегия кардиналов и кардинал-камерленго. Таким образом, Святой престол необходимо отличать от собственно города Ватикан, то есть территории, над которой он осуществляет свой суверенитет. К примеру, иностранные послы аккредитованы при Святом престоле, но не при государстве-городе Ватикан, поскольку только первый обладает всей полнотой правомочий в сфере международных отношений. Постановление Кассационного суда Италии от декабря 1979 года резюмирует ситуацию следующими словами: «За Святым престолом, сосредотачивающим в себе функции представительства католической церкви и государства-города Ватикан, признан статус субъекта международного права, который не исчезает и не ослабляется даже в периоды временного отсутствия той или иной государственной власти».

Владения Святого престола не ограничиваются 44 гектарами города Ватикан — они включают в себя многочисленные объекты недвижимости большой исторической и художественной ценности, причем не только в Риме. Как предусмотрено Латеранскими пактами 1929 года, в отношении всех этих объектов действуют привилегии экстерриториальности. Несколько примеров: базилика Сан-Джованни ин Латерано, Латеранский дворец, базилики Санта-Мария-Маджоре, Сан-Паоло-фуори-ле-Мура с примыкающим к ней монастырем, постройки на холме Яникул и на пьяцца ди Спанья, принадлежащие Колледжу пропаганды веры, палаццо дей Санти Апостоли с одноименной

базиликой, палаццо делла Канчеллерия между Корсо Витторио Эмануэле и Кампо дей Фьори, палаццо дель Сант-Уффицио, расположенный у Порта Кавалледжери, палаццо ди Пропаганда Фиде на площади Испании, римские резиденции Папского Григорианского университета на виа дель Семинарио и на площади делла Пилотта. Но вне Рима у Святого престола тоже в собственности немало объектов: от папского дворца в Кастель Гандольфо до базилик в Лорето, Ассизи и Падуе. Если очень кратко обобщить, то можно сказать, что под словосочетанием «Святой престол» идентификации поддается орган, обладающий полным и всеобъемлющим суверенитетом, правом владеть, пользоваться и распоряжаться государством-городом Ватикан.

Наконец, под католической церковью понимается христианская конфессия, признающая авторитет и власть римского папы, его наставления и заключения по вопросам веры. Сам папа считается непогрешимым ex cathedra (когда вещает с амвона), ибо напрямую вдохновляется Святым Духом, то есть Богом. Такая прерогатива была введена в июле 1870 года догматическим положением *Pater Aeternus* по инициативе папы Пия IX, который остро чувствовал неизбежность падения светского владычества понтификов. Этот документ определяет следующее:

Ссылаясь на верность традиции, воспринятой нами с первых лет христианства, мы указываем, во имя Господа нашего и Спасителя, во славу католической религии и ради спасения христианских народов, при одобрении Священного собора, считать догмой, явленной Богом: каждый раз, когда римский понтифик обращается с амвона, иными словами, когда выполняет свое пастырское и наставническое служение, любая доктрина, касающаяся веры или нравственной жизни, объявляется его апостольским авторитетом обязательной для всей церкви, поэтому он, будучи наделен божественным соприсутствием, дарованным блаженным Петром, обладает той самой непогрешимостью, каковой Спаситель хотел наделить церковь свою относительно решений по вероучению и нравам.

К католической церкви, провозгласившей то, что ее основал сам Иисус Христос (Мессия, Помазанник), принадлежат все крещенные в ее лоне и признающие это христиане. Слово «католик» происходит от греческого прилагательного katholikos, что значит «универсальный, всеобъемлющий».

Конечно, тот факт, что Святой престол представляет собой анклав на территории Итальянской республики, создает для последней ряд

трудностей. Но преимуществ в этой ситуации не меньше. Вспомним хотя бы неиссякающий поток туристов к святыням. Сосуществование бок о бок двух суверенных образований — итальянского и ватиканского — в прошлом приводило к противоречиям и недоразумениям. Да и ныне это случается нередко, к тому же границы обоих государств проходят всего в паре метров друг от друга.

На эту тему имеется обширная библиография с массой исторических и публицистических трудов. Я же для наглядности приведу всего один красноречивый пример, не утративший с годами должного эффекта. Речь идет о фотографии, снятой в 1944 году во время нацистской оккупации Рима. На ней мы видим двух немецких солдат с автоматами наперевес, патрулирующих площадь Святого Петра. Они запечатлены на снимке в тот момент, когда стоят, слегка пересекая границу Святого престола, отмеченную на земле гранитными плитами, которые как бы визуально замыкают периметр колоннады. Тут Италия, там Ватикан. Немногие это знают, мало кто обращает на это внимание, но стоит перешагнуть за плиты, как с формальной точки зрения попадаешь из одной страны в другую.

В эпоху наиболее мощной экспансии территориальные владения Святого престола (Церковного, или Папского, государства) распространялись на бо́льшую часть Центральной Италии (за исключением Великого герцогства Тосканы) от Террачины, где начиналось Неаполитанское королевство, до устья реки По на рубежах Светлейшей республики Венеция. Эта площадь постепенно сокращалась, пока не была зафиксирована в нынешних размерах после 20 сентября 1870 года, когда берсальеры генерала Ламармора вступили в Рим через небольшую брешь, пробитую пушечными ядрами в паре метров от Порта Пиа, присоединив Вечный город к итальянскому королевству, провозглашенному за девять лет до того (1861 год).

Царствующим понтификом тогда был Пий IX, Джованни Мастаи Ферретти, упрямо цеплявшийся за свои прерогативы в области светского господства, невзирая на плачевное экономическое положение и невнятное администрирование государства. Безуспешно граф ди Кавур, самый блестящий политик Рисорджименто, доказывал ему духовные, и не только, выгоды, которые получит церковь в случае отказа от мирской власти, неприемлемой для новой эпохи.

В 1871 году парламент королевства предложил папе закон о гарантиях (delle Guarentigie), согласно которому понтифик имел бы суверенные прерогативы, а его личность становилась бы «священной и неприкосновенной»; кроме того,

ему обеспечивалась ежегодная рента в 750 тысяч лир, равно как и экстерриториальность Ватикана, Латеранского дворца и Кастель Гандольфо.

Пий IX ответил, что скорее предпочтет жить на «обол святого Петра» (на милостыню), чем согласится на это, — и объявил себя «пленником» Италии, заперевшись внутри ватиканских стен. Главам католических государств он запретил наносить визиты в Квиринал — римскую резиденцию короля Италии. Впрочем, всем итальянским верующим (впервые еще в 1868 году) было запрещено участвовать в политических выборах, — знаменитая формулировка много раз повторилась в булле *Non expedit*, затем со временем ее смягчили и в итоге официально упразднили в 1919 году.

Холодная война между королевством Италия и Святым престолом завершилась лишь в феврале 1929 года, когда Пий XI благодаря содействию своего способного госсекретаря кардинала Пьетро Гаспарри подписал конкордат с премьер-министром Бенито Муссолини. Ватикану были твердо обещаны полное возмещение убытков и компенсация за все экспроприации XIX столетия; прочие экономические преимущества прописывались в финансовой конвенции, учитывавшей даже те доходы, которые принесет существование Ватикана в Италии, например от потока паломников. Кроме того, данным документом удостоверялось, что католицизм — это единственная религия государства. Политические соображения и поиск национального консенсуса существенно повлияли на убеждения Бенито Муссолини, в молодости яростного атеиста и антиклерикала, — теперь же он стал податливым инструментом в руках ловкой дипломатии курии.

Тот первый конкордат был даже частично превзойден новым соглашением между Святым престолом и Итальянской республикой, подписанным в 1984 году кардиналом-госсекретарем Агостино Казароли и председателем итальянского правительства Беттино Кракси. Одним из ключевых результатов, достигнутых благодаря деликатной и щекотливой работе по поиску компромиссных решений, было изъятие из документа определения «религия государства», присвоенного католичеству. Новый текст гласит: «Считается отмененным принцип, изначально зафиксированный Латеранскими пактами, о католицизме как единственной религии итальянского государства».

Важным пунктом нового документа стали изменения в системе содержания клира, согласно которым в пользу церкви теперь отчислялись восемь из каждой тысячи единиц, заявленных в декларациях абсолютно всех налогоплательщиков, за исключением тех граждан, которые ясно

и недвусмысленно заявляли о своем желании направить эту сумму на иные цели. Прочие договоренности касаются церковных органов и ценностей, назначения руководства церковных организаций, религиозных праздников, встраиваемых в гражданский календарь, факультативного изучения основ католической религии в школах, уравнивания академических должностей и дипломов ватиканских учебных заведений с итальянскими, защиты культурного достояния религиозного профиля, церковных архивов и библиотек.

Отношения Святого престола с Италией никогда не были простыми и безмятежными, в том числе из-за их очевидной асимметрии. Архиепископ Рино Физикелла, ректор Папского Латеранского университета, резюмировал исследования по этой теме в своей книге *«Распавшаяся идентичность»* следующим образом:

> *В силу своей демократической сущности государство должно не только согласиться сравнивать себя с церковью, но ему следует научиться безропотно воспринимать — лишь затем умерять и обуздывать — ее возможное вмешательство в светские дела… Церковь же, взывающая к принципам, происхождение коих божественно и непостигаемо человеком, никогда не сможет одобрить даже малейшего вмешательства государства в основы ее жизни и механизмы функционирования.*

Если к такому тезису добавить догмат о папской непогрешимости, то в этих словах настойчиво проглядывает чуть-чуть закамуфлированная временем, древняя, так никогда и не разрешенная идея о политическом верховенстве Святого престола, корни которой восходят к средневековым схваткам папства и империи.

Из ее двойной природы — земной и, скажем так, «небесной» — проистекает и линия поведения церкви, точнее Святого престола, которой она придерживалась во всех тех случаях, когда на нее возводили критику, высказывали подозрения или требовали уточнить позицию. Некоторые истории, рассказанные в данной книге, неплохо это демонстрируют: никакого сотрудничества со следствием, никаких ответов, полное молчание, таинственная уклончивость, как бы ни пытались суд и прокуратура сломить эту броню.

Аналогичный подход долгое время наблюдался и в отношении к скандалу со священниками-педофилами, принявшему с конца 2009 года общепланетарный масштаб. «Тайм», «Шпигель», «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост»,

«Ле Монд», «Эль Паис», «Франкфуртер альгемайне», «Ла Репубблика» — заголовки всех крупнейших мировых газет были посвящены этой теме; все негодовали, что папа Ратцингер не допустил даже косвенной аллюзии по поводу этого кризиса в своем пасхальном послании 2010 года. Кто-то потребовал его «отставки», другие («Шпигель») заговорили без обиняков о «проваленной миссии».

Несмотря на это (или же по причине этого), реакция церковной иерархии была в первый момент невнятной. Она словно пребывала в недоумении относительно того, как такая низменная, грязная история сумела обойти все препоны привычной прозорливости и предусмотрительности ватиканской дипломатии. Впрочем, так называемые sollicitatio ad turpia (сексуальные домогательства во время исповеди) еще с XVI века были кошмаром для церкви, настолько большим было число священников, запятнавших себя этим преступлением (и грехом). Поначалу ватиканские власти с возмущением говорили об атаке на понтифика, самом настоящем «заговоре». При этом на второй план отодвигался более серьезный аспект: священникам вменялись в вину тысячи случаев изнасилования несовершеннолетних (многие из которых были инвалидами), а также сокрытие этих чудовищных эксцессов, непроницаемое молчание иерархии и самой Конгрегации доктрины веры (бывшего Сант-Уффицио), в свое время четверть века возглавлявшейся кардиналом Йозефом Ратцингером. Любые попытки тщательного расследования пресекались.

Иерархия до последнего защищала папу Бенедикта XVI, но ряд ударов был весьма ощутим. Так, 9 апреля 2010 года агентство «Ассошиэйтед Пресс» опубликовало письмо кардинала Йозефа Ратцингера, собственноручно написанное им в ноябре 1985 года на гербовой бумаге с эмблемой его конгрегации Sacra Congregatio pro Doctrina Fidei. В нем кардинал высказывает свою точку зрения на ситуацию, которая возникла за три года до этого в епархии Окленда, штат Калифорния (США). От церкви требовали лишить духовного сана некоего падре Стивена Кисла, надругавшегося над детьми. На элегантной куриальной латыни кардинал ответил:

Конгрегация, насколько бы важной ни была аргументация в пользу такого решения… тем не менее полагает, что необходимо принять во внимание не только благо просителя, но и самой вселенской церкви, поэтому следует избежать урона, которое вызовет в сообществе верующих согласие на подобную меру.

В попытке уберечь папу и церковь их стали активно представлять в средствах массовой информации в качестве жертв «безжалостных нападок». Папский проповедник-глашатай падре Раньеро Канталамесса сравнил обличение церкви с преследованиями евреев при нацизме. Во время пасхальной мессы кардинал Анджело Содано отметил, что «народ Господа нашего останется слеп и глух к наветам, сплетням и болтовне». Иными словами, он свел к «пустой трескотне» материалы, собранные и опубликованные мировыми СМИ. Пару недель спустя архиепископ Вены кардинал Кристоф Шенборн обвинит Содано в легковесности сделанного им определения, и прежде всего в том, что тот скрыл деяния Ганса Германа Гроера, ранее стоявшего у руля Венской епархии, а теперь обвинявшегося в сексуальных преступлениях и злоупотреблениях.

Содано присовокупил к своим словам и мысль о том, что атаки на папу Ратцингера напоминают о нападках на Пия XII, папу Пачелли, за молчание в связи с холокостом. Президент Ассоциации еврейских общин Италии Ренцо Гаттенья парировал, что данная параллель «неуместная, неподходящая и просто опасная». Почетный епископ Гроссето монсиньор Джакомо Бабини в интервью от 11 апреля 2010 года (сайт *Pontifex*, блог свободной католической информации) назвал скандал вокруг педофилии «сионистским выпадом: они [евреи-сионисты] не любят церковь, они ее естественные враги. В сущности, рассуждая исторически, иудеи — это богоубийцы». Фраза на редкость неприятная и дикая, ее поспешили опровергнуть через несколько часов. Так или иначе, серия опрометчивых заявлений и ложных шагов наглядно выявила симптоматичную картину замешательства в отношении всего того, с чем так долго церковь не осмеливалась столкнуться лицом к лицу. Наоборот, в Германии епископ Трира Штефан Аккерманн, на которого Епископальная конференция возложила задачу разбираться с сексуальным насилием в церковной среде, нашел в себе силы громко заявить о «сокрытиях» и «волоките», как пишет газета «Райн цайтунг» от 16 марта 2010 года.

Аналогичные наблюдения сделал Кларк Хойт, общественный редактор (омбудсмен) «Нью-Йорк таймс». Столкнувшись с обвинениями его газеты в антипапизме, 25 апреля 2010 года он написал:

Нравится это кому-то или нет, но существуют обстоятельства, которые десятилетиями оправдывали моду на такие взгляды, включая хорошо задокументированную систему отрицания и затягивания со стороны

этого института, последователями которого являются миллиарды человек. Как бы болезненно это ни было, но журнал обязан отслеживать данную историю, куда бы она нас ни завела, пусть даже к порогу папской опочивальни.

15 апреля 2010 года французское ежедневное онлайн-издание www.golias.fr предало гласности одно письмо, датированное 2001 годом. Оно было написано тогдашним префектом Конгрегации по делам клира колумбийским кардиналом Дарио Кастрильоном Ойосом и адресовано Пьеру Пикану, епископу Байе и Лизье (Кальвадос, Франция), осужденному на три месяца тюремного заключения условно за то, что не донес о священнике-педофиле, выявленном в рядах его епархии: «Я поздравляю Вас с тем, что Вы не сдали священника гражданской администрации. Вы действовали правильно, и я радуюсь, что у меня есть собрат по церкви, который перед лицом истории и всех других епископов мира предпочел скорее тюрьму, чем постыдный поступок по отношению к своему духовному сыну — священнику». Послание Кастрильона, как тотчас же уточнил ватиканский пресс-секретарь Федерико Домбарди, «не отражает политику Святого престола». Однако кардинал Кастрильон Ойос в интервью испанскому интернет-изданию «Ла Вердад» настаивал: «Папа Войтыла уполномочил меня в 2001 году написать письмо поддержки французскому епископу, не разоблачившему священника-педофила перед государственными органами власти».

Разброд и шатание, признаки внутреннего беспорядка и склок — даже если все сводится к позиции меньшинства. Задетый гигантским размахом скандала, 19 марта 2010 года Бенедикт XVI направил свое пастырское послание католикам Ирландии, причем использованные в нем выражения звучали достаточно смело по сравнению с обычными льстивыми и приторными пассажами священников:

Задача, стоящая сейчас перед вами, заключается в том, чтобы не уклониться от проблемы насилия внутри ирландского католического сообщества, а встретить ее с убежденностью и храбростью. Пусть никто не воображает, что эта мучительная ситуация разрешится в короткие сроки. Положительные шаги уже были сделаны, но предстоит еще немало работы.

С еще большей энергией Бенедикт XVI повелел сместить с занимаемых постов всех «легионеров Христа» — членов организации, основанной

Марсиалем Масьелем Деголладо (1920–2008), священником мексиканского происхождения, которого в свое время защищал Иоанн Павел II. В 2006 году папа Ратцингер устранил его от активного служения, обязав «раскаиваться и молиться». В официальной ноте от 1 мая 2010 года понтифик осудил его как виновного в «истинных преступлениях» человека, который вел «бессовестную, аморальную жизнь».

В итоге 30 апреля 2010 года генеральный секретарь Епископальной конференции Италии (ЕКИ) Мариано Крочата согласился с правомерностью скандала вокруг всплывших фактов сексуальных издевательств над несовершеннолетними детьми со стороны священников. Он также признал ошибочность отношения к этому вопросу как к клеветнической кампании: «Здесь нет никакого заговора средств массовой информации; подобное поведение вдвойне предосудительно, ибо исходит от человека церкви, священника, рукоположенного в священство лица». Секретарь ЕКИ также высказался очень сурово по поводу протекции церковной иерархии тем, кто был ответствен за акты насилия: «Тот, кто проявлял мягкотелость и снисходительность, благоприятствуя отстранению и смещению обвиняемых, никогда на практике не выполнял директивы церкви, скорее предавал их, извращая должную сдержанность до соучастия путем сокрытия прискорбных фактов».

Эти слова не отражают истинного масштаба ситуации по совокупности всех фактов, но их нужно ценить хотя бы за вполне ощутимые намерения. Мы видим, что после стольких лет тишины, а порой и сообщничества начался процесс изменения в установках и ментальности католической иерархии. Добавим, что Бенедикт XVI в целом подтверждает верность новой линии в своих последующих выступлениях по поводу других скандальных ситуаций, например в ходе тягостных разбирательств относительно не вполне легальных операций с римской недвижимостью.

Здесь заканчивается наш рассказ о событиях, фактах и явлениях. Галерея изученных эпизодов и распутанных сюжетов — сегодняшних или многовековой давности — различных по обстановке и последствиям, но с одной общей чертой: все они имели одну причину — идею о государственной необходимости, что по большому счету ставит Святой престол в один ряд с любым из остальных 192 государств, формирующих Генеральную ассамблею ООН. Вопреки этому обстоятельству, наблюдатель от Ватикана при этой организации — единственный, кто представляет государство, самопровозгласившее себя прямой эманацией Бога.

Такова вечная дилемма, неизбывная дуэль взаимно непримиримых целей: обладания политической властью и воплощения духовной миссии. На ум вновь приходят слова кардинала Карло Мария Мартини, иезуита, который смог бы стать папой, если бы борьба течений внутри курии позволила ему это. Я уже приводил их в самом начале книги, но, на мой взгляд, стоит процитировать их во второй раз в виде прощания, несущего высокий нравственный заряд. Эти слова можно отыскать в книге кардинала под названием *«Ночные беседы в Иерусалиме»*, и они гласят:

> *Было время, когда я грезил о Церкви, той, что свершает свой путь в бедности и смирении, о Церкви, не зависящей от мирской власти… о Церкви, созидающей пространство для людей, способных мыслить шире, более открыто; о Церкви, что вселяет мужество, прежде всего в тех, кто ощущает свою незначительность, в тех, кто считает себя грешниками. Я мечтал о юной Церкви. Ныне сны рассеялись. По прошествии семидесяти пяти лет я решил молиться за Церковь.*

Благодарности

Я бесконечно признателен многим людям за редактирование этой книги — занятие, потребовавшее нескольких лет упорного труда. Владимиро Польки, умелый и ловкий, с замечательным усердием и проницательностью помог мне провести ряд изысканий. Клаудио Рендина я обязан дружеским содействием, равно как и бесценной информацией. Благодаря драгоценному вниманию Лауры Баини и Нунцио Джустоцци мне удалось лучше понять историю замка Святого Ангела.

Андреа Кане и Николетта Лаццари из «Мондадори» просмотрели текст и высказали неоценимые критические замечания. Кроме того, хочу воспользоваться случаем и ответить на заданный мне вопрос: почему я продолжаю публиковаться в этом издательстве, несмотря на весьма спорную фигуру его владельца*. Ответ здесь может быть только таким: давным-давно налаженные профессиональные и дружеские связи с некоторыми его руководителями и редакторами.

Пьер Анджела Маццарино с исключительной скрупулезностью и компетентностью просмотрел мой текст и внес в него необходимые поправки. Сабина Хайманн, готовя к скорой публикации немецкий перевод книги, обратила мое внимание на некоторую непоследовательность. Антонелла Коломбо и Мара Самаритани из римского офиса «Мондадори» великодушно облегчили мою работу.

В этой книге встречаются тысячи имен, дат, событий. Несмотря на самую основательную сверку, вполне возможно, что в тексте могут обнаружиться неточности; естественно, только я несу за них ответственность.

---

* Издательство «Мондадори» является составной частью медиахолдинга, принадлежащего премьер-министру Италии Сильвио Берлускони.

Книги издательства «Альпина Бизнес Букс»

Где купить наши книги

Узнайте, где можно купить наши книги в вашем городе, на сайте **www.alpina.ru**

Специальное предложение для компаний
Если вы хотите купить сразу более 20 книг, например, для своих сотрудников или в подарок партнерам, мы готовы обсудить с вами специальные условия работы. Для этого обращайтесь к нашему менеджеру по корпоративным продажам: (495) 745-89-14.

Книготорговым организациям
Если вы оптовый покупатель, обратитесь, пожалуйста, к нашему партнеру — Торговому дому «Эксмо», который осуществляет поставки во все книготорговые организации.

142701, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, (495) 411-50-74, reception@eksmo-sale.ru

Санкт-Петербург
ООО «СЗКО», 193029, г. Санкт-Петербург, пр-т Обуховской обороны, д. 84, лит. «Е»; +7 (812) 365-46-03 / 04, server@szko.ru

Нижний Новгород
Филиал ТД «Эксмо» в Нижнем Новгороде
603074, г. Нижний Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3;
+7 (831) 272-36-70, 243-00-20, 275-30-02, reception@eksmonn.ru

Ростов-на-Дону
ООО «РДЦ Ростов-на-Дону», 344091, г. Ростов-на-Дону, пр-т Стачки, д. 243 А; +7 (863) 220-1934, 218-4821, 218-4822, info@rnd.eksmo.ru

Самара
ООО «РДЦ Самара», 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»;
+7 (846) 269-66-70 (71…79), RDC@samara.eksmo.ru

Екатеринбург
ООО «РДЦ Екатеринбург», 620007, г. Екатеринбург,
ул. Прибалтийская, д. 24 А; +7 (343) 378-49-45 (46…49)

Новосибирск
ООО «РДЦ Новосибирск», 630105, г. Новосибирск, ул. Линейная, 114; +7 (383) 289-91-42; eksmo-nsk@yandex.ru

Хабаровск
Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске, 680000, г. Хабаровск, пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, оф. 1; +7 (4212) 21-83-81, eksmo-khv@mail.ru

Казахстан
«РДЦ Алматы», 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3а, +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91, 92, 99), RDC-Almaty@mail.ru

Коррадо **Ауджиас**

Секреты Ватикана

Ответственные редакторы *Анастасия Казакова, Дарья Денисова*
Редактор *Светлана Дрозд*
Дизайн *Наталья Савиных*
Макет *Надежда Кудрякова*
Верстка *Екатерина Матусовская*
Корректоры *Юлия Борисенко, Лев Зелексон*

Подписано в печать 02.04.2012.
Формат 70x100 $^1/_{16}$. Гарнитура Чартер.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,2.
Тираж 3000 экз. Заказ

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
www.alpina.ru

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»,
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14